МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МГППУ

ФЕДЕРАЦИЯ ПСИХОЛОГОВ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ

Психология и право в современной России

Коченовские чтения

Юбилейная X Всероссийская конференция по юридической психологии с международным участием

12-14 ноября 2026

Сохраняем традиции. Развиваем науку
Создаем технологии. Совершенствуем практику

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

«Психология и право в современной России. Коченовские чтения-2026»

Сборник
тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием

Москва
2026

УДК 159.9
ББК 88.47
П86

П86 **«Психология и право в современной России. Коченовские чтения-2026»**. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием / под ред. А.А. Марголиса, Н.В. Дворянчикова, Н.В. Богданович, Е.Э. Бойкиной, В.В. Делибалт, М.Г. Дебольского, Е.Г. Дозорцевой, Л.М. Карнозовой, И.Н. Коноплевой, Ф.С. Сафуанова, Р.В. Чиркиной; сост. О.Д. Гурина. – Москва: МГППУ, 2026. – 323 с. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-94051-404-6

УДК 159.9
ББК 88.47

ISBN 978-5-94051-404-6
© ФГБОУ ВО МГППУ, 2026

Уважаемые участники и гости конференции!

Мы рады приветствовать Вас на Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием по юридической психологии «Психология и право в современной России (Коченовские чтения)-2026».

В этом году наше масштабное научное событие проходит с 12 по 14 ноября 2026 года на площадке Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ).

Отдавая дань уважения памяти выдающегося отечественного ученого Михаила Михайловича Коченова (1935–1999), чьи труды заложили базис современной юридической психологии, мы продолжаем развивать его идеи на новой методологической и практической основе. Отрадно, что юбилейная конференция объединяет как признанных мэтров, так и молодых исследователей — студентов, магистрантов и аспирантов, — создавая пространство для интеграции опыта ведущих экспертов в области криминальной, судебной, пенитенциарной и правовой психологии.

Знаковым событием этого года станет рождение новой академической традиции — «Гостиной юридической психологии». Это формат живого, преемственного диалога с лидерами мнений, учеными и практиками, которые стояли у истоков формирования нашей науки и продолжают создавать ее историю прямо сейчас.

В настоящем сборнике аккумулированы материалы, отражающие весь спектр и многогранность актуальных проблем юридической психологии. Для удобства навигации и повышения эффективности вашей работы тезисы докладов были систематизированы по ключевым тематическим кластерам: Юридическая психология и психические расстройства, Психология криминального поведения, Юридическая психология детства в цифровом и офлайн-мире, Практики профилактики социальных рисков детства: доказательный подход и оценка эффективности, Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний, Восстановительный подход в работе с юридически значимыми ситуациями: разнообразие практик и исследования, Психологическое обеспечение правоохранительной деятельности, Круглый стол «Современные тенденции в подготовке специалистов по юридической психологии».

Искренне желаем всем участникам конференции неиссякаемого научного вдохновения, продуктивных дискуссий, обретения новых единомышленников и успешной реализации самых смелых исследовательских проектов!

Оргкомитет конференции

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ ОРГКОМИТЕТА 3

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИЧЕСКИЕ РАССТРОЙСТВА 14

Алигаева Н.Н. **Влияние психосоциальных факторов на виктимное поведение у лиц с психическими расстройствами** 14

Бородина Л.Г. **Особенности девиантного поведения в общественных местах подростков и взрослых с аутизмом разных уровней функциональности** 15

Воробьёва К.А., Кулагина О.А. **Связь эмоциональных коммуникаций в родительских семьях и личностных особенностей лиц с преступным и аддиктивным поведением** 17

Денисов Е.В., Ноздрачев Д.И., Макаров Д.А. **Роль диссоциации в формировании обсессивно-компульсивной психопатологической симптоматики** 18

Евдакова Е.С., Русаковская О.А. **Методика «Проблемные ситуации»: на пути к стандартизации** 20

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Бойко О.М., Олейчик М.И. **Употребление алкоголя как непродуктивная стратегия совладания с депрессивными состояниями в подростково-юношеском возрасте** 22

Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Кузнецова С.О., Воронцова О.Ю. **Употребление алкоголя отцом и развитие личности** 23

Желонкина Н.А., Переправина Ю.О. **Нервная орторексия как РПП-подобное состояние: аутоагрессивные проявления и обоснование диагностических критериев** 24

Зайцева К.О., Дорджиева У.Е., Полянский А.И. **Послеродовые психические расстройства и убийство матерью новорождённого ребёнка: психологический и уголовно-правовой аспекты** 26

Зейгер М.В. **Фрустрационная толерантность в структуре социального познания у лиц, совершивших агрессивные правонарушения в отношении членов семьи** 28

Калашникова А.С. **О некоторых особенностях формирования индуцированных реакций у детей с особенностями психического развития** 30

Колобова П.Н., Молотова В.В. **Критерии надежности ретроспективной диагностики психологического состояния подэкспертного при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по материалам уголовных дел** 32

Кондюрина М.Р., Власова Н.В. **Особенности сепарации у больных шизофренией** 33

Крицкая Э.И., Коноплева И.Н. **Взаимосвязь виктимности, структуры депрессивных проявлений и суицидального риска у лиц молодого возраста** 35

Кулькова Ж.Г., Печенина Е.Л., Лазарев А.И. **Личностные особенности родителей как участников судебных споров** 37

Мокшев Д.П. **Морально-психологические аспекты уголовно-правового института крайней необходимости** 39

Молотова В.В. **Психологическое профилирование женщин, осуждённых за убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)** 41
Николаева Н.В. **Психологические исследования в судебной психиатрии и сексологии** 42
Пашаева Т.Ф., Власова Н.В. **Клинико-психологические особенности созависимых отношений у женщин с рекуррентным депрессивным расстройством и дистимией** 44
Паянова А.С. **Особенности социальной адаптации у лиц, страдающих психическими расстройствами, при прохождении комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) по оценке дееспособности** 46
Першин Я.А., Щапова Т.А. **«Эффект ИИ-валидации» как фактор риска для объекта судебно-психологической экспертизы в коммуникации с генеративными моделями** 48
Пешкова Н.В., Усова О.В. **Судебно-психологические экспертизы в уголовных делах о телефонном мошенничестве: психологический аспект и анализ экспертной практики** 49
Савченко Д.В. **Комплексная модель психологической помощи подросткам с зависимым поведением** 51
Сафуанов Ф.С., Морозова М.В. **Актуальные проблемы взаимодействия экспертов-психиатров и психологов при проведении судебной экспертизы** 53
Сафуанов Ф.С. **Уроки «дела Долиной»: глазами эксперта-психолога** 54
Свешникова А.А., Бадмаева В.Д. **Модели виктимного поведения несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления** 56
Свободный Ф.К., Свободный Б.Ф. **Сущность и теоретико-методологические основы исследования с применением полиграфа** 58
Сечко А.В., Сорокина К.И. **Психологическая помощь в адаптации участникам СВО с функциональными потерями вследствие ранения** 59
Скоморовская Е.Е., Ушков Ф.И. **Валидация опросника ECQ и возможность применения его в оценке суицидального риска** 61
Солдатова К.М. **Личностные и ситуационные факторы аффективной агрессии при совершении насильственных правонарушений** 63
Ушакова П.Э., Купцова Д.М. **Анализ влияния депрессивных состояний на валидность и достоверность результатов психофизиологического исследования** 64
Чуманова Д.С. **Трансформация правосознания у участников СВО в период пребывания в мирной жизни как фактор риска криминализации личности в процессе реадаптации** 66
Шипшин С.С. **Психологическая экспертиза видеозаписей допроса: оценка психологического состояния – вопросы критериев и алгоритмов** 68
ПСИХОЛОГИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ 70
Алексеева А.Е., Дуденкова Е.А. **Романтизация криминального поведения: двухконтурная динамическая модель** 70

Алексеева Н.В., Данилова Д.В. **Индивидуально-психологические факторы виктимизации при телефонном мошенничестве** 72
Андрианов М.С. **Проблема профилактики виктимности граждан к манипулятивным воздействиям мошенников** 74
Афонин Д.Н. **К вопросу о психологическом портрете наркокурьера, осуществляющего внутриполостную транспортировку наркотических средств** 75
Дасевич С.Г. **Связь агрессивности и когнитивных ошибок у лиц с параноидной формой шизофрении** 77
Деулин Д.В., Шустиков И.А. **Психологические причины деструктивного поведения подростков в цифровых средах** 78
Деулин Д.В. **Этническая нетерпимость как форма девиации** 80
Дуденкова Е.А., Дворянчиков Н.В. **«Идеальная жертва» и романтизация образа преступника в криминальном медианарративе** 81
Жукова-Валиковская С.В. **Трискелион криминальной агрессии: мачизм, нарцизм, садизм** 83
Злоказов К.В. **О значении деструктивности для криминогенной личности** 85
Исаева А.И. **Патология формирования привязанности в структуре личностных черт при криминогенезе у серийных убийц** 86
Ковалева С.В., Федун И.Д. **Дети – свидетели насилия в семье: феномен «двойной жертвы» и проблема квалификации психологического вреда** 88
Козлова О.М. **Моральное развитие как возможное условие антисоциальной направленности креативности в корыстных преступлениях** 90
Козырева И.Е., Прозоров А.П. **Некоторые аспекты профилактики киберпреступлений в социальных сетях** 92
Корнилова И.Г. **Шантаж и манипуляция в механизме груминга** 93
Кочеткова Т.Н. **Отсроченные последствия семейного насилия для личности и социума** 95
Кузнецова Е.О., Шипитько О.Ю. **Ценностно-мотивационная сфера представителей различных поколений в контексте системы профилактики экстремизма и терроризма** 96
Мешкова Н.В. **К вопросу о взаимосвязи интолерантности к неопределенности, стилей мышления и антисоциальной креативности** 99
Небытов К.В. **Вербовка и религиозно-фанатическая вовлеченность как возможный психологический механизм невиновного причинения вреда в контексте части 1 статьи 28 УК РФ** 100
Пахмутова У.А., Дворянчиков Н.В. **Социальные представления об общественной опасности насильственных преступлений: теоретическое исследование** 102
Савина К.Д., Гурина О.Д. **Правовые механизмы ограничения деятельности деструктивных организаций в России** 103
Талашкевич В.Д., Семенова-Полях Г.Г. **Регуляторные ресурсы личности в противостоянии кибермошенничеству: опыт анализа нарративов** 105

Токарева М.И. **Феномен ultima ratio в процессе формирования умысла у террористов-одиночек на основе теории подражания Г. Тарда** 107
Ударцева В.К., Каменев И.И. **Выявление маркеров в криминальном поведении преступника для составления его поискового психологического портрета** 108
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА В ЦИФРОВОМ И ОФЛАЙН-МИРЕ 110
Алексеева А.А. **Личностные и ситуационные факторы готовности свидетелей кибербуллинга к правозащитному поведению** 110
Артамонова Е.Э. **Личностные предикторы психологической устойчивости военнообязанной молодежи к деструктивным воздействиям в социальных сетях** 111
Вахитов И.Г., Шало В. **Психологические механизмы вовлечения несовершеннолетних в деструктивные онлайн-сообщества: анализ тактик манипуляции и OSINT-маркеров уязвимости** 113
Галеева Д.Р., Гарифуллина А.М. **Формирование правовой культуры педагога дошкольной образовательной организации** 114
Грачева В.В. **Семантические индикаторы суицидального поведения в онлайн-среде** 116
Гребень Н.Ф. **Цифровые риски в жизни подростков: по результатам исследования** 118
Делибалт В.В., Богданович Н.В., Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В. **От классификации девиантного и виктимного поведения к анализу ситуации ребенка: развитие методического комплекса «Навигатор профилактики — 2026»** 119
Дозорцева Е.Г. **Судебная экспертиза молодых жертв телефонных мошенников: роль эксперта-психолога** 122
Ефимова И.В. **Психологическая устойчивость несовершеннолетних к негативным воздействиям цифровой среды** 124
Замышевская Е.А. **Развитие осознанности субъективных предпосылок агрессивного поведения у подростков, вовлеченных в деструктивные течения** 125
Занина Л.Н. **Современные риски онлайн-хейта. Виртуальная травля – это проблема?** 127
Иванова О.И., Шульга Т.И. **Риски возникновения цифровой зависимости у детей и подростков** 129
Камалов М.С., Погодина А.Ю. **Большие языковые модели в профилактике вовлечения подростков в деструктивные онлайн-сообщества** 130
Кастальская-Бороздина А.А. **Компенсаторная интернет-активность подростков с суицидальным поведением как фактор вовлеченности в цифровую среду** 132
Климова О.А., Пимонов В.А. **Дисморфогенный контент, нарушения привязанности и пищевая аддикция как мишени восстановительных программ в юридически значимых ситуациях** 133
Козырева П.А. **Правовая социализация несовершеннолетних в цифровой среде: особенности формирования правосознания и правовые риски** 135

Ларичева Е.А. **Меры противодействия киберпреступности** 137
Липова В.А. **Особенности составления психологического портрета несовершеннолетнего обвиняемого по материалам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы** 138
Липова В.А., Ушков Ф.И. **Выбор психодиагностического инструментария в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе для составления психологического профиля несовершеннолетнего обвиняемого** 140
Максимова А.А., Ремеева А.Ф. **Особенности самоотношения школьников и склонность к девиантному поведению** 142
Миловзоров С.Ю. **Музыкальные предпочтения подростков как контекст взаимосвязи аутоагрессивного поведения и эмоционального интеллекта** 143
Морозов А.В. **Воздействие цифровой среды на социализацию детей и подростков: угроза и риски интелфилии** 145
Налетова Д.А. **Психологическая интерпретация цифровых маркеров риска: возможности и ограничения** 147
Насонова Д.В. **Взаимосвязь социометрической структуры учебного коллектива и особенности лидерства** 149
Никишина Ю.М. **Восприятие правовых и социальных норм в условиях цифровой анонимности** 150
Петрова С.О. **Искусственный интеллект как катализатор развития юридической психологии детей в цифровом и офлайн пространстве общеобразовательного учреждения** 152
Политова Е.С., Зинатуллина А.М. **Гендерные различия психологических характеристик и вовлеченности подростков в ситуации кибербуллинга** 154
Попова Е.А., Бусарова О.Р. **Связь стиля семейного воспитания с коммуникативными умениями подростков** 155
Премудрова И.В. **О злоупотреблении концептами «родительское отчуждение» и «индуцирование ребёнка» в судебных спорах о воспитании: аргумент в пользу ответственной диагностики** 157
Рахимова И.И. **Родительский контроль и психологическая автономия подростков в условиях цифровой социализации** 159
Рудалева М.А. **Профилактика деструктивного поведения подростков в социальных сетях: на примере госпаблика ГБУ ВО «ЦПППиРД»** 161
Трубицына И.Н. **Практические детерминанты профессионального выгорания эксперта-психолога в судебных спорах о детях с признаками индуцирования** 162
Усова О.В., Пешкова Н.В. **Актуальные проблемы судебно-психологической экспертизы в гражданских спорах о детях: анализ практики и методические риски** 164
Усолкина Е.С., Кыштымова И.М. **Доверие как фактор толерантности к коррупции в правосознании молодежи** 166
Шпагина Е.М. **Трансформация цифровой социализации молодежи: переход от школы к университету** 167

ПРАКТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА: ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ 170
Ветров В.В. **Психоактивные вещества и несовершеннолетние: вейпинг как новая зона риска** 170
Демина А.В. **Метод «Оценка рисков и возможностей (ОРВ)» как инструмент проектирования индивидуальной программы сопровождения несовершеннолетнего** 171
Измайлова Е.В. **Цифровой справочник выпускника как инновационный инструмент постинтернатного сопровождения воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа** 173
Кириченко А.П. **Межведомственное взаимодействие в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних: результаты мониторинга в Воронежской области (2025–2026 гг.)** 175
Ковалевская Е.В. **Профилактика социальных рисков детства через работу с социальным окружением несовершеннолетнего, склонного к суицидальному поведению** 176
Кудренко Н.Н. **«Академия сотрудничества»: региональное организационно-методическое сопровождение педагогов как инструмент создания психологической безопасности всех участников образовательных отношений** 178
Кулакова К.И., Жильцова Ю.В. **Профилактика социальных рисков детства: доказательный подход и оценка эффективности** 179
Кулькова Ж.Г. **Исследование индуцирования детей в судебных семейных спорах с применением проективной методики «Мамин/папин человечек»** 181
Новикова Е.Р. **Психолог в исполнительном производстве по делам о детях: от повторного выяснения мнения ребенка к сопровождаемой передаче** 183
Петров В.Е. **Влияние экстремального волонтерства на просоциальную трансформацию ценностно-смысловых характеристик личности студентов** 185
Пшеницына М.Б. **Игра «Границы» как инструмент подготовки педагогического коллектива к профилактике социальных рисков в подростковой среде** 186
Романов А.И., Шульга Т.И. **Профилактика употребления обсценной лексики в подростковой среде** 188
Туркин А.И. **Психологическая готовность юношей к роли защитников Отечества** 189
Фомина Т.В., Бойкина Е.Э. **Генерация изображений с помощью искусственного интеллекта как технология коррекционной работы** 191
Чевер С.С. **Особенности субъективного благополучия молодых взрослых с опытом сиротства в период постинтернатного сопровождения** 193
Чернушевич В.А., Куприянова Е.А. **Подготовка дошкольников и воспитателей средствами традиционной культуры к действиям в ситуациях террористической опасности** 194

Швырёва Н.В. **Мнение ребенка в семейном споре: психологические условия формирования и проблемы судебной оценки** 196

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ 199

Баринова О.А., Ушков Ф.И. **Индивидуально-психологические особенности у женщин, осуждённых за корыстные и насильственные преступления** 199

Богатина А.А. **От вины к ответственности: восстановительный подход в ресоциализации воспитанников СУВУ** 200

Вартанян Г.А., Великодворская Е.В. **Травма-информированный подход в уголовно-исполнительной системе** 202

Жукова А.А. **Психологическая адаптация заключённых как прогностический фактор успешной ресоциализации** 204

Изюмов А.С. **Мотивационная структура повторных преступлений: психологические механизмы устойчивости криминального поведения у рецидивистов** 206

Кадочникова И.В., Новоселова Е.С. **К вопросу о профилактике рецидивной преступности и изучению особенностей экономического сознания осужденных за корыстные преступления** 207

Кадочникова И.В., Мазур Е.А. **Потенциал когнитивно-поведенческого консультирования сотрудников уголовно-исполнительной системы** 209

Казанбаев Б.А., Морозов А.В. **Применение полиграфа в качестве средства выявления профессионального выгорания у сотрудников пенитенциарной системы Республики Кыргызстан** 211

Калашникова Т.В. **Об эмоциональных нарушениях осужденных с позиций патопсихологии** 212

Кольцов М.Е., Черемисова И.В. **Психологические особенности превенции аддиктивного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России в контексте сохранения и укрепления их психологического здоровья** 214

Корышева С.Е., Ильин И.Е. **Психологические особенности осужденных за экстремистскую деятельность** 216

Кузнецова Е.С. **Психокоррекционная работа с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными за преступления против государственной власти в условиях изоляции** 218

Мейер Ю.А., Александров Б.В. **Феномен «сострадания» в практике пенитенциарного психолога** 219

Мельникова Д.В., Дебольский М.Г., Питерова М.С. **Особенности эмпатии и жизнестойкости у осуждённых, отбывающих наказание пожизненно** 221

Романова Л.В. **Жизнестойкость как ресурс профилактики деструктивного поведения лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах** 224

Степанова П.Е., Ральникова И.А. **Жизненные перспективы мужчин и женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы** 225

Улендеева Н.И., Кузнецов М.И. **Особенности психолого-педагогического сопровождения осужденных, состоящих на профилактическом учете** 227
Шалик И.А. **Изменение представления об уголовном наказании у неоднократно судимых лиц как показатель искажения правосознания** 228

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫМИ СИТУАЦИЯМИ: РАЗНООБРАЗИЕ ПРАКТИК И ИССЛЕДОВАНИЯ 231

Андреева А.В. **Конфликтогенное поведение подростков в лагере как проявление стрессовых субсиндромов: возможности восстановительных программ и медиативных техник** 231
Артюхова А.С. **Восстановительные практики как инструмент формирования конструктивных стратегий поведения и коммуникации в подростковой среде** 232
Белоногова Е.В. **Восстановительная работа по сложным семейным ситуациям: от практики к исследованию** 234
Галкина Н.В. **Психологическое сопровождение несовершеннолетних правонарушителей в процессе реализации восстановительных программ** 236
Глазкова Д.А., Гурина О.Д. **Социально-психологическая адаптация обучающихся СУВУ ЗТ с использованием восстановительных практик** 238
Ильина М.В. **Формирование метапредметных и личностных компетенций подростков средствами восстановительных технологий: актуальность подготовки юных медиаторов-волонтёров** 239
Куликова Н.С., Рябова Е.В. **Проектирование медиативной среды школы: коммуникативные практики советника директора по воспитанию** 242
Малютин И.П. **Медиация и переговорные стили в управлении конфликтами** 243
Путинцева Н.В., Винокурова Г.А., Миттеран Ю.В. **Модель работы с педагогическим коллективом по освоению восстановительного подхода к профилактике и разрешению конфликтных ситуаций в образовательной организации** 245
Соболева Н.А., Елсукова О.М. **«Восстановительный кинокруг» в Клубе выпускников ВП МГППУ** 246
Сырейщикова Я.С. **Договороспособность молодых пар на этапе создания семьи: возможности медиативного и восстановительного подходов** 248
Трубина К.В. **Интегративная структура психологического благополучия родителей детей с ОВЗ и возможности восстановительных практик** 249
Шевень А.А. **Восстановительный семейный диалог как инструмент преодоления коммуникативных дефицитов в супружеских и партнёрских диадах** 251
Ярмонова Е.Н. **Альтернативные методы урегулирования конфликтов в трудовых коллективах: роль конфликтологической культуры руководителя** 253

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 255

Васильева И.В., Тихонова С.С. **Психометрическая адаптация опросника «Шкала базовых психологических потребностей в использовании технологий»**

L. Moradbakhti, B. Leichtmann, M. Mara: анализ пунктов теста для выборки сотрудников силовых структур 255
Вахнина В.В. **Особенности психологического обеспечения органов прокуратуры на современном этапе** 256
Веричева Я.И. **Психологические ресурсы и дефициты устойчивости жён участников специальной военной операции как мишени адресной психологической помощи в условиях пролонгированного стресса** 258
Волошин И.С. **Психологическая компетентность юриста как элемент профессиональной квалификации** 260
Горемыкина А.А. **Формирование профессионально-психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к информационному противоборству** 262
Дворянчикова К.Н. **Саморегуляция и предъявление недостоверной информации в условиях психофизиологического исследования с применением полиграфа** 263
Душкин А.С. **Постпенитенциарный комбатант: понятие и проблема реинтеграции в общество** 266
Жердева А.А., Шипитько О.Ю. **Особенности информационно-психологической устойчивости курсантов военных учебных центров разных направлений подготовки** 267
Зайцева Е.А. **Правильное определение уголовно-процессуального статуса лиц, обладающих психологическими знаниями** 269
Калашникова М.М. **Стратегии поведения курсантов ведомственных вузов в конфликтных ситуациях** 270
Косарева В.Д., Ушков Ф.И. **Личностная тревожность как предиктор утомления от сочувствия у кризисных психологов в условиях военного конфликта** 272
Куликов А.В., Федорова Е.М. **Использование VR-технологий в психологическом обеспечении профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов** 274
Лисютина М.С., Коноплева И.Н. **Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления насильственной и коррупционной направленности** 275
Пимонов В.А. **Статус психолога, привлеченного к следственным действиям с участием несовершеннолетних** 277
Протасова А.И. **Психологическая безопасность операторов беспилотных воздушных судов как условие эффективности выполнения служебных задач в ОВД** 279
Реутова В.И. **Психология профессионального отбора в правоохранительных органах** 281
Рожкова Т.А. **Этические аспекты и границы компетенции пенитенциарного психолога при оказании первой психологической помощи осужденным в острых кризисных состояниях** 283
Ростовцев Д.А. **Личностные предпосылки успешности профессиональной деятельности специалистов опасных профессий** 284

Сазонова А.С., Черемисова И.В. **Профессиональная идентичность в контексте формирования правосознания курсантов образовательных организаций ФСИН России** 286
Сударик А.Н., Томашевская Н.П. **Безопасность сотрудников органов внутренних дел в информационно-телекоммуникационном пространстве: психологические аспекты выявления преступных намерений** 288
Теняев М.С., Дегтярёв А.В. **Связь особенностей локуса контроля со стилем принятия решений у активных пользователей генеративного искусственного интеллекта** 289
Федорова Е.М. **Проблемы профилактики ПТСР у судей военных судов** 291
Фещук Ю.И., Черемисова И.В. **Развитие социальной креативности как компонента социального интеллекта курсантов ФСИН России** 293
Цуканова В.С., Помозова А.В. **Специфика организационной психологии в рамках государственной службы** 294
Щукина А.В. **На границе профессиональной нормы: следователь и преступник в сериале «Метод»** 296
КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ» 298
Богданович Н.В. **Профессиональные стандарты в сфере психологической деятельности: перспективы применения для юридических психологов** 298
Борисова С.Е. **Концептуальная модель практикума как средство формирования компетенций в области юридической психологии и психологии безопасности** 299
Матвеев М.О., Матвеева Е.А. **Психолингвистические особенности инструкций в электронном тестировании как фактор когнитивной нагрузки обучающихся** 301
Молгачева В.С., Щёткина Е.И. **Толерантность к неопределенности у студентов: краткий обзор исследований** 302
УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ 306

Влияние психосоциальных факторов на виктимное поведение у лиц с психическими расстройствами

Алигаева Н.Н.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В современном мире все более остро встает вопрос обеспечения безопасности лиц с психическими расстройствами, которые в силу специфики своего состояния оказываются в группе повышенного риска стать жертвами преступных посягательств. Несмотря на прогресс в лечении и реабилитации психиатрических пациентов, вопрос их виктимизации в контексте психосоциальных факторов остается малоизученным. Научная проблема работы заключается в противоречии между необходимостью интеграции лиц с психическими расстройствами в общество и отсутствием целостной теории о факторах их виктимизации. Существующие подходы носят односторонний характер, рассматривая либо клиническую картину заболевания, либо влияние внешней среды, что не позволяет учесть их системное взаимодействие. В частности, недостаточно исследовано, как специфические для данной группы когнитивные нарушения, эмоциональная нестабильность и дефицит коммуникативных навыков способствуют формированию виктимного поведения.

Психосоциальные факторы играют значимую роль в формировании виктимного поведения у лиц с психическими расстройствами, создавая сложную систему детерминант, повышающих уязвимость данной категории лиц перед лицом деструктивных воздействий. В структуре данных факторов ключевое значение имеют социальная изоляция, стигматизация и дефицит адаптивных навыков межличностного взаимодействия, которые зачастую являются следствием хронического течения психической патологии (Albers W.M.M. et al., 2018). Нарушения когнитивных функций и эмоционально-волевой сферы, характерное для ряда нозологий, ограничивают способность индивида к критической оценке ситуации, распознаванию манипулятивных стратегий и прогнозированию негативных последствий собственных действий. Кроме того, неблагоприятный микросоциальный контекст, включающий отсутствие поддерживающей среды и низкий уровень социально-бытовой адаптации, способствует формированию пассивной виктимности (Rossa-Roccor V., Schmid P., Steinert T., 2020). Взаимодействие биологической предрасположенности, обусловленной основным заболеванием, и средовых факторов приводит к снижению порога психологической защиты, что делает лиц с психическими расстройствами более подверженными виктимизации (Harris M.N., Daigle L.E., 2023).

Таким образом, виктимное поведение в данном контексте следует рассматривать не как изолированный феномен, а как результат кумулятивного воздействия психопатологических особенностей личности и неадекватных условий социальной

интеграции, что требует разработки комплексных реабилитационных программ, направленных на развитие навыков безопасного поведения и коррекцию дезадаптивных паттернов взаимодействия с окружающими. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением эффективности программ, направленных на развитие навыков ассертивного поведения и формирование безопасных стратегий межличностного взаимодействия у лиц с психическими нарушениями, что позволит перейти от теоретического осмысления проблемы к созданию прикладных инструментов профилактики виктимизации.

Литература

1. Albers W.M.M., Roeg D.P.K., Nijssen Y., van Weeghel J., Bongers I.M.B. Profiling of victimization, perpetration, and participation: A latent class analysis among people with severe mental illness // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. No. 11. Art. e0208457. DOI: 10.1371/journal.pone.0208457.
2. Harris M.N., Daigle L.E. Resiliency from Violent Victimization for People with Mental Disorders: an Examination Using a Community Sample // American Journal of Criminal Justice. 2023. Vol. 48. P. 463–488. DOI: 10.1007/s12103-021-09663-4.
3. Rossa-Roccor V., Schmid P., Steinert T. Victimization of People With Severe Mental Illness Outside and Within the Mental Health Care System: Results on Prevalence and Risk Factors From a Multicenter Study // Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11. Art. 563860. DOI: 10.3389/fpsyt.2020.563860.

Особенности девиантного поведения в общественных местах подростков и взрослых с аутизмом разных уровней функциональности

Бородина Л.Г.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема поведенческих нарушений у лиц с различными формами аутизма в публичном пространстве представляет собой сложный клинико-социальный феномен, лежащий на пересечении психиатрии и клинической и социальной психологии. Внешне “девиантные” паттерны (от вокализаций до тяжелых аффективных вспышек) могут ошибочно интерпретироваться окружающими как результат невоспитанности, злого умысла или опьянения психоактивными веществами и вызывать испуг, осуждение или оборонительную агрессию (Matson J.L., Sipes M., Fodstad J.C., Fitzgerald M.E., 2011).

Целью настоящего исследования было выявление особенностей девиантного поведения в общественных местах (ДПОМ) подростков и взрослых с аутизмом в зависимости от их уровней функциональности (Feather K.A.,2016). Методами исследования были: клиническая оценка психического статуса пациентов, опрос родителей и опекунов и статистический метод - критерий хи-квадрат Пирсона.

Всего было обследовано 64 пациента старше 14 лет, обратившихся за амбулаторной помощью в центр неврологии и психиатрии “Гранат”. Наличие ДПОМ было выявлено у более, чем половины обследованных - 42 человека, 65,6%, из них большинство составляли лица мужского пола (76,2%). Средний возраст обследованных составил 19,5 лет. Большинство обследованных имели диагноз “детский аутизм” (32 чел, 76,2%), на диагнозы “атипичный аутизм” и “синдром Аспергера” приходилось по 5 человек (по 11,9%).

По уровню функционирования обследованные распределились следующим образом: половина (21 чел., 50%) были низкофункциональными (НФ), среднефункциональных (СФ) было больше трети (16 чел., 38,1%) и высокофункциональных пациентов было явное меньшинство (5 чел., 11,9%).

По степени возможного вреда/опасности для окружающих и самих пациентов все формы ДПОМ были разделены на три степени: легкие, умеренные и тяжелые. При проведении анализа зависимости степени ДПОМ и уровня функциональности оказалось, что легкие ДПОМ присутствовали у всех обследованных, умеренные составляли большинство у СФ пациентов, что было достоверно выше, чем в подгруппе НФ (81,3% vs 14,3%, p < 0?001), а тяжелые наблюдались только у СФ и НФ подгрупп без достоверной разницы между ними.

ДПОМ могло представлять опасность как для окружающих, так и для самих пациентов: окружающие часто реагировали тревогой и острым испугом и могли подвергнуться физической агрессии со стороны пациентов, а сами пациенты в некоторых случаях становились жертвами мошенников или подвергались угрозам и физической агрессии оборонительного характера со стороны окружающих.

Литература

1. Feather K.A. Low functioning to high functioning autism: a prescriptive model for counselors working with children across the spectrum // Vistas. 2016. URL: https://www.counseling.org/knowledge-center/vistas/by-subjec… (дата обращения: 17.09.2026).
2. Matson J.L., Sipes M., Fodstad J.C., Fitzgerald M.E. Issues in the management of challenging behaviours of adults with autism spectrum disorder // CNS Drugs. 2011. Vol. 25. No. 7. P. 597–606.

Связь эмоциональных коммуникаций в родительских семьях и личностных особенностей лиц с преступным и аддиктивным поведением

Воробьёва К.А., Кулагина О.А.
Институт психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (г. Москва, Россия)

Для современного общества характерно быстрое обновление норм и правил, что ведет к размыванию границ антисоциального и асоциального поведения его членов (Менделевич В.Д., 2025).

В связи с этим целью нашего эмпирического исследования являлось изучение связи между стилями эмоциональных коммуникаций в родительских семьях и личностными особенностями у лиц с преступным и аддиктивным поведением (Воробьёва К.А., 2025). Общая выборка (N=105) состоит из 35 респондентов, ранее находившихся в местах лишения свободы за преступления небольшой или средней тяжести, 35 правопослушных респондентов, прошедших лечение от алкогольной зависимости, и 35 респондентов с нормативным поведением. Каждая из трех групп включает 20 мужчин и 15 женщин. Методики: «Семейные эмоциональные коммуникации", А.Б. Холмогорова и С.В. Воликова (2016 г.), «Пятифакторный опросник личности», Х. Тсуйи (1996 г.) в адаптации А.Б. Хромова (2000 г.), опросник "Склонность к отклоняющемуся поведению», А.Н. Орел (2016 г.). Статистические методы: тест Шапиро-Уилка, непараметрический метод сравнения выборок U-Манна-Уитни, корреляционный анализ r-Спирмена.

Мы предположили, что существуют связи между показателями стилей семейных эмоциональных коммуникаций и показателями агрессии и аутоагрессии у респондентов с преступным и аддиктивным поведением (Кравцов О.Г., 2022). Корреляционный анализ данных респондентов с преступным поведением выявил связи между показателями *аутоагрессии* и *общей дисфункции* (r=0.435**), *сверхвключенности* (r=0.577***), а также связи между показателем *критики* и показателями *социальной желательности* (r=-0.463**), *преодоления норм и правил* (r=0.398*), *сверхвключенностью* и *социальной желательностью* (r=-0.562***), *делинквентным поведением* (r=0.347*).

В группе респондентов с аддиктивным поведением выявлены связи между показателями *агрессии* и *общей дисфункции* (r=0.373*), *индуцированием тревоги* (r = 0.350*), *фиксацией на негативе* (r=0.389*), *сверхвключенностью* (r=0.500**).

Далее в группе респондентов с преступным поведением были выявлены связи между показателями *сверхвключенности* и *интроверсии-экстраверсии* (r=0.384*), *реалистичности-любознательности* (r=0.478**), *беззаботности-тревожности* (r=0.511**), *эмоциональной стабильности-лабильности* (r=0.571***), *эмоциональной устойчивости-неустойчивости* (r=0.428*); также связи между показателями *критики* и *беззаботности-тревожности* (r=0.642***), *эмоциональной стабильности-лабильности* (r=0.527**), *эмоциональной устойчивости-неустойчивости* (r=0.537***).

В группе группы респондентов с аддиктивным поведением выявлены связи между показателями *индуцирования тревоги* и *интроверсии-экстраверсии* (r=-0.370*), *непонимания-понимания других* (r=-0.461**), *импульсивности-самоконтроля* (r=-0.368*).

Таким образом, можно сделать вывод, *сверхвключённость* и *критика* со стороны родителей является доминирующими стилями эмоциональных коммуникаций в родительских семьях у лиц с преступным поведением, а *индуцирование тревоги* – у лиц с аддиктивным поведением. Родительские с*верхвключенность и критика* связаны с *экстраверсией, любознательностью, тревожностью, эмоциональной неустойчивостью* лиц с преступным поведением, в свою очередь, *индуцирование тревоги* родителями связано с *интроверсией, непониманием других* и *импульсивностью* лиц с аддиктивным поведением.

Литература

1. Воробьева К.А. Психология асоциальной направленности личности. Москва: ИП Воронцов М.Ю., 2025. 854 с.
2. Кравцов О.Г. Культурно-исторический взгляд на проблему агрессии в современных социальных условиях // Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 22 февраля 2022 г.). Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 154–159.
3. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Городец, 2025. 384 с.

Роль диссоциации в формировании обсессивно-компульсивной психопатологической симптоматики

Денисов Е.В.[1], Ноздрачев Д.И.[1,2], Макаров Д.А.[1]

[1]ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

[2]ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Обсессивные и компульсивные явления являются трансдиагностическим феноменом, встречающимся при расстройствах обсессивно-компульсивного (ОК) спектра и компульсивных поведенческих расстройствах, являясь фактором формирования фиксированных форм поведения, включая насильственные преступления и нехимические аддикции, в т.ч. сексуальные (Каменсков М.Ю., 2008).

При этом ОК-симптомы ассоциируются с исполнительной дисфункцией (ИД) (Jalal et al., 2023). ИД, в свою очередь, связуется с рядом иных факторов, включая первичные нейрокогнитивные нарушения (Ogilvie et al., 2011).

ИД ассоциирована с множеством психопатологических явлений (Braithwaite et al., 2026), в т.ч. эмоциональной дисрегуляцией (ЭД). При этом ЭД ассоциируется с явлениями диссоциации, как защитной психической реакции (Cavicchioli, 2021). Таким образом, диссоциация, ИД и ЭД представляют собой динамически взаимодействующий комплекс явлений (Денисов Е.В., 2026).

Диссоциация при этом тесно связана с вышеописанными обсессивными явлениями и фиксированными формами поведения, в т.ч. циклического характера (Денисов Е.В., 2026; Hosie et al., 2022). Такой механизм связан со снижением сознательного контроля (через сужение сознания), который опосредует ОК явления (Денисов Е.В., 2026; Менделевич В.Д., 2014).

Цель – исследовать влияние (вклад) диссоциации в формирование ОК симптоматики в неклинической популяции.

Исследовалась неклиническая выборка, собранная с помощью открытого интернет-опроса; участники декларировали отсутствие диагностированных психических расстройств. Психометрические инструменты включали шкалы BRIEF2 для оценки ИД, DES для оценки диссоциативной симптоматики, SCL-90-R (использовалась субшкала О-С, позволяющая оценить ОК-симптомы).

В качестве теор. модели использовалось выдвинутое на основе вышеизложенных исследований предположении о связи ИД, диссоциативной симптоматики (ДС) и ОК-симптоматики (ОК): ИД↔ДС↔ОК. Подробнее теоретические основания циклической модели связи диссоциативных явлений, ИД и ЭД были описаны ранее (Денисов Е.В., 2026).

Стат. обработка проводилась в JASP 0.19.2.

Набрано 228 участников, медианный возраст 23 [20-28] года, 129 жен. (56,6%). Психометрические характеристики выборки (приводятся Me [Q1-Q3]): BRIEF2=86 б. [74-98], DES=10,2 б. [5,4-18,2], О-С субшкала SCL-90-R=0,8 б. [0,4-1,3].

В ходе медиационного анализа установлена статистически значимая ассоциация между выраженностью ИД (BRIEF-2) и ОК симптоматикой (SCL-90-R) через диссоциацию (DES): косвенный эффект составил 0,007 (95% ДИ: 0,004–0,009; $p<0,001$). Прямой эффект ИД на ОК симптоматику сохранял значимость ($\beta = 0,023$; 95% ДИ: 0,018–0,027; $p<0,001$), что соответствует модели частичной медиации. Общий эффект составил 0,029 (95% ДИ: 0,025–0,033; $p<0,001$). Доля косвенного эффекта через диссоциацию составила ~24% от общего эффекта, что свидетельствует о значимой роли диссоциативной симптоматики в структуре ассоциации ИД с ОК проявлениями.

Полученные данные свидетельствуют о частичном опосредовании развития ОК явлений через диссоциативные процессы. Можно предполагать существенную роль диссоциации в формировании фиксированных форм поведения ОК природы; можно судить о степени выраженности возникновения ОК-явлений через степень выраженности диссоциативной симптоматики. ИД ограничивает ракурс сознания/когнитивную гибкость, снижая сознательный контроль, который подменяется ОК-явлениями, т.е. явлениями автоматизации поведения и одновременно копингов пережитых травматических событий.

Литература

1. Денисов Е.В., Ноздрачев Д.И. Роль диссоциации и психотравмы в генезе криминального насильственного поведения: механизмы цикличности // Криминалистический профайлинг в современных реалиях: материалы Всероссийского круглого стола студентов и молодых учёных (Екатеринбург, 20 февраля 2026 года). Екатеринбург: АНО «КримЛиб», 2026. 209 с.
2. Каменсков М.Ю. Фиксированные формы аномального сексуального поведения (клинико-патогенетические и судебно-психиатрические аспекты): дис. … канд. мед. наук. Москва, 2008. 211 с.
3. Менделевич В.Д. Психиатрическая пропедевтика: практическое руководство. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 568 с.
4. Braithwaite E.K., Fielder J.C., Steinbeis N. Executive functions as a transdiagnostic endophenotype in developmental psychopathology // Molecular Psychiatry. 2026.
5. Cavicchioli M., Scalabrini A., Northoff G., Mucci C., Ogliari A., Maffei C. Dissociation and emotion regulation strategies: A meta-analytic review // Journal of Psychiatric Research. 2021. Vol. 143. P. 370–387.
6. Hosie J., Simpson K., Dunne A., Daffern M. A study of the relationships between rumination, anger rumination, aggressive script rehearsal, and aggressive behavior in a sample of incarcerated adult males // Journal of Clinical Psychology. 2022. Vol. 78. No. 9. P. 1925–1939.
7. Jalal B., Chamberlain S.R., Sahakian B.J. Obsessive-compulsive disorder: Etiology, neuropathology, and cognitive dysfunction // Brain and Behavior. 2023. Vol. 13. Art. e3000.
8. Ogilvie J.M., Stewart A.L., Chan R.C.K., Shum D.H.K. Neuropsychological measures of executive function and antisocial behavior: a meta-analysis // Criminology. 2011. Vol. 49. P. 1063–1107.

Методика «Проблемные ситуации»: на пути к стандартизации

Евдакова Е.С.[1], Русаковская О.А.[1,2]

[1]ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

[2] ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Методика «Проблемные ситуации» - была разработана как дополнительный инструмент исследования способности «рассуждать о вопросах, выходящих за границы повседневного практически-бытового функционирования, в том числе о вопросах, касающихся совершения крупных имущественных сделок и гражданско-правовой ответственности, межличностных и социальных отношений, здоровья, чрезвычайных ситуаций, при проведении судебно-психиатрических

экспертиз по делам об изменении гражданско-правового статуса (2, 3). В настоящее время ведется работа по стандартизации методики.

Цель исследования: сравнительное исследование решения ситуационных задач методики «Проблемные ситуации» психически здоровыми испытуемыми и лицами с психическими расстройствами, в отношении которых решался вопрос об изменении гражданско-правового статуса.

Выборку составили 51 человек, страдающие психическими расстройствами (шизофрения – 30, умственная отсталость – 21) и 50 психически здоровых граждан. Применялись методы: контент-анализ, частотный анализ, Хи-квадрат Пирсона.

Психически здоровые испытуемые при решении ситуационных задач демонстрировали бОльшую последовательность мышления. Так, у 23% испытуемых клинической группы при решении ситуационных задач отмечались рассуждательство, соскальзывания на темы, не относящиеся к предложенной задаче, чего в ответах контрольной группы не наблюдалось (Хи-квадрат = 12,05; $p < 0,001$). Причины всех проблемных ситуаций успешно выделяли 86% психически здоровых испытуемых и 56,7% лиц с психическими расстройствами (Хи-квадрат = 5,33; $p = 0,021$), что, с одной стороны, также свидетельствует о большей целенаправленности и продуктивности мышления психически здоровых лиц, с другой – о достаточной сложности метода исследования.

При решении проблемных ситуаций и психически здоровые испытуемые и лица с интеллектуальными нарушениями опирались на личный опыт. Лица с умственной отсталостью и органическими психическими расстройствами чаще упоминали социальные службы и интернат ($p < 0,05$). Испытуемые с шизофренией, в сравнении с психически здоровыми лицами, были более осведомлены в медицинских (Хи-квадрат = 15,41; $p < 0,001$) и гражданско-правовых ($p < 0,01$) вопросах. Так, во второй проблемной ситуации 76% лиц с психическими расстройствами назвали беременность в качестве возможной причины «задержки месячных» у молодой женщины, тогда как в группе психически здоровых такой ответ дали только 42,6% испытуемых (Хи-квадрат = 8,14; $p = 0,004$).

Ответы психически здоровых испытуемых были менее вариативны.

Среди предлагаемых путей решения у психически здоровых испытуемых не встречалось сомнительных и небезопасных решений, тогда как в группе лиц с психическими расстройствами такие решения встречались у 29% респондентов ($p = 0,011$).

Сделан вывод о принципиальной возможности стандартизации методики разработкой ключей ответов, учитывающих патопсихологические симптомокомплексы.

Литература

1. Русаковская О.А. «Проблемные ситуации»: апробация в качестве судебно-психиатрического метода исследования при изменении

гражданско-правового статуса // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 152–167.

2. Русаковская О.А. «Проблемные ситуации» как методика судебно-психиатрического исследования: параметры оценки и проверка внутренней согласованности // Психология и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 94–109.

Употребление алкоголя как непродуктивная стратегия совладания с депрессивными состояниями в подростково-юношеском возрасте

Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Бойко О.М., Олейчик М.И.
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Проблема алкоголизации в подростково-юношеском возрасте актуальна своими далеко идущими последствиями: быстрым формированием алкогольной зависимости, утратой социального статуса, формированием и закреплением девиантного поведения. Среди значимых факторов становления и закрепления зависимого поведения выделяют аффективные расстройства (Sinha, M., Ranjan, J. K., & Asthana, H. S., 2026), характерным временем дебюта которых является подростково-юношеский возраст (Тиганов А.С., 1999). Все это определяет значимость поиска мишеней для превентивной и коррекционной работы.

Материалом стали данные обследования 56 пациентов клиники ФГБНУ РНЦПЗ (17% мужчин, средний возраст 17,8±1,1) с депрессивными состояниями различной нозологической принадлежности (F31.3-4; F34.0; F21.3-4+F31.3-4; F60.X+F31.3-4). Методы: Анкета диагностики проявлений психологического неблагополучия, SCL-90-R, «Я-структурный тест Г. Аммона» ISTA, «Кембриджская шкала деперсонализации» CDS, опросник диагностики агрессии Басса-Перри (BPAQ-24). В соответствии с сообщением об употреблении алкоголя были выделены 2 подгруппы, результаты которых сравнивались с использованием дисперсионного анализа в программе SPSS.

Результаты и обсуждение. В группе употребляющих алкоголь употребляющих алкоголь респондентов тяжелее как непосредственное психопатологическое состояние (выше уровень психопатологической симптоматики (враждебность (по BPAQ-24 (23,086±7,035 против 18,810±5,689 при p=,022) и SCL-90-R (1,500±0,884 vs 0,744±0,732 p=,02)), соматизация (1,359±0,825 vs 0,776±0,690 p=,052), обсессивно-компульсивные (2,327±0,815 vs 1,615±0,874 p=,035) и фобические проявления (1,473±0,847 vs 0,791±0,669 p=,026) (по SCL-90-R)), так и существенно чаще встречаются показатели нарушения идентичности (Агрессия деструктивная (65,033±9,189 vs 55,956±7,511 p=,009), Страх дефицитарный (71,500±8,381 vs 54,787±6,551 p=,000), Внешнее Я-отграничение деструктивное (65,596±9,009 vs 56,490±14,246 p=,051), Внутреннее Я-отграничение деструктивное (63,010±7,891 vs 54,028±10,062 p=,014), деструктивная сексуальность (50,013±9,569 vs 40,671±8,140 p=,010) (ISTA), выше общий балл по алекситимии (80,286±7,810 vs 12,545±3,804 p=,043), выраженнее трудности описания своих чувств (4,071±0,997vs 2,909±1,514 p=,03) (CDS)), а также выше показатель

употребления ПАВ как стратегии совладания с непереносимыми переживаниями (0,933±0,258 vs 0,077±0,277 p=,000), что может указывать на вклад нарушений идентичности в формирование и закрепление непродуктивной копинг-стратегии «употребление алкоголя» при депрессивных состояниях на фоне психического заболевания в подростково-юношеском возрасте.

Таким образом, нарушения идентичности могут быть важной мишенью работы, направленной на предотвращение формирования алкогольной зависимости при аффективных расстройствах в юношеском возрасте.

Литература

1. Тиганов А.С. Эндогенные психические заболевания. Москва: Медицина, 1999.
2. Sinha M., Ranjan J.K., Asthana H.S. Relapse vulnerability across lesch alcoholism typology: a systematic review and network meta-analysis // Journal of Addictive Diseases. 2026. P. 1–19. DOI: 10.1080/10550887.2026.2713432.

Употребление алкоголя отцом и развитие личности

Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И., Кузнецова С.О., Воронцова О.Ю.
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Употребление алкоголя сказывается на характере общения с партнером и детьми, и общей обстановке в семье, снижая ощущение безопасности, и создавая условия для хронической психической травматизации других членов семьи. Целью исследования стало изучение влияния алкоголизма отцов на формирование личности в клинической и неклинической выборках.

Материалом стали данные обследования 176 человек, из которых 36 человек составили клиническую группу – пациенты клиники ФГБНУ РНЦПЗ (средний возраст 23,0±7,2), а 140 человек (средн.возр.25,9±7,6) – группу сравнения. В клинической группе был больший процент мужчин, чем в группе сравнения (43%/8%). Обе группы были разделены на подгруппы: «отец пил», «отец не пил». Общий набор методик для клинической и нормативной групп включил в себя: 1) Незаконченные предложения (Sacks Sentence Completion Test, SSCT) 2) Симптоматический опросник SCL-90-R (Symptom Check List-90-Revised). Для дополнительного анализа использовалось предложенное E. Carlozzi с соавтором выделение симптомов ПТСР и рассмотрение их 3-х факторной структуры (Carlozzi N.E., Long P.J., 2008) 3) Ответы на отдельные вопросы о наличии суицидальных идей, мыслей о смерти (ответы по шкале Лайкерта)

В дополнение в нормативной группе использовались 1) «*Я-структурный тест Г. Аммона*» (ISTA); 2) Опросник конструктивного мышления *Constructive Thinking Index — CTI*, Эпштейн*;* 3) Портретный ценностный вопросник Ш. Шварца; 4) «Шкала базисных убеждений личности» (World Assumptions Scale — WAS), 5) Ответы на вопросы о склонности к риску (ответы по шкале Лайкерта). Статистическая обработка

данных производилась в статпакете SPSS с использованием методов дисперсионного анализа ANOVA и непараметрических методов анализа для негомогенных выборок.

Результаты SSCT показали, что частота упоминания об употреблении отцом алкоголя значимо выше в клинической подгруппе: 40,5% (14 из 37) против 7% (7 из 144). Также в клинической группе существенно выше оказался уровень ощущения безнадежности будущего (1,25±1,48 против 0,68±1,09 при p=,011), а также фактора «мысли» в оценке ПТСР (6,78±6,40 против 4,09±4,79 при p=,006). Уровень психопатологической симптоматики в клинической выборке не имел значимых различий между подгруппами, что может объясняться проведением диагностики на этапе становления ремиссии вследствие приема психофармакотерапии. Это также сделало важным более пристальной оценки подгрупп в нормативной выборке, которая показала существенную разницу между подгруппами по следующим параметрам: снижение уровня конструктивной агрессии (ISTA) (33,230±11,755 у подгруппы с пьющим отцом против 41,188±10,170 с непьющим при p=,05), поведенческого совладания (CTI) (35,143±6,619 против 35,143±6,619 при p=,023), стремления к риску (0,000±0,000 против 0,356±0,481 при p=,054), ощущения самоценности (13,143±3,891 против 15,977±2,275 при p=,002), ценности универсализма (6,000±1,732 против 8,308±1,987 при p=,05), повышение ценности власть-контроль (9,333±2,887 против 7,099±2,186 при p=,087) и уровня суицидальной идеации (1,000±1,155 против 0,323±0,803 при p=,035).

Таким образом, полученные данные показывают, что употребление отцом алкоголя отрицательно сказывается на формировании важных личностных характеристик: ощущении самоценности, способности активно проявлять свои желания и потребности (конструктивная агрессия), способность к конструктивному действию по решению своих проблем (поведенческие способы совладания), что при психическом заболевании может быть одним из факторов утяжеления состояния.

Литература

1. Carlozzi N.E., Long P.J. Reliability and validity of the SCL-90-R PTSD subscale // Journal of Interpersonal Violence. 2008. Vol. 23. No. 9. P. 1162–1176. DOI: 10.1177/0886260508314295.

Нервная орторексия как РПП-подобное состояние: аутоагрессивные проявления и обоснование диагностических критериев

Желонкина Н.А., Переправина Ю.О.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Нервная орторексия – навязчивая озабоченность «здоровым» питанием с ригидными правилами, тревогой и виной при их нарушении и клинически значимыми последствиями – не включена ни в МКБ-10, ни в МКБ-11, ни в DSM-5-TR. Первый

международный консенсус о её определении и критериях опубликован лишь в 2022 г. и относит её к расстройствам питания и приёма пищи (Donini L.M. et al., 2022). Признаки орторексии выявляются в среднем у 27,5% обследованных, хотя эта оценка завышена из-за ограничений опросника ORTO-15 (López-Gil J.F. et al., 2023). Для юридической психологии непризнанный статус состояния создаёт «слепое пятно»: его трудно квалифицировать при решении вопроса о психиатрической помощи без согласия лица, при посмертных экспертизах по делам о суициде, в делах о гибели детей вследствие пищевых ограничений, навязанных родителями.

Для классических расстройств пищевого поведения (РПП) показана высокая частота несуицидального самоповреждения и суицидального риска (Польская Н.А. и др., 2023). Для орторексии такие данные практически отсутствуют, хотя её феноменология включает цикл «правило–нарушение–вина–наказание». Выраженность орторексии связана с виной и стыдом (Thorne J. et al., 2023), с компульсивными физическими нагрузками (Zohar A.H. et al., 2023). Мы рассматриваем аутоагрессию как интегративный конструкт, включающий: самокритику и самообвинение; непрямое самоповреждение; прямое несуицидальное самоповреждение; антивитальные тенденции и суицидальный риск. Специфичной для орторексии формой мы считаем пищевое самонаказание – голодание, ужесточение ограничений и изнуряющие тренировки как «искупление» за нарушение правил. Оно социально замаскировано под дисциплину и заботу о здоровье и потому не распознаётся окружением.

Цель исследования – выявить аутоагрессивные проявления в структуре нервной орторексии и обосновать диагностические критерии, позволяющие квалифицировать её тяжёлые формы как опасное болезненное состояние. Мы предполагаем, что выраженность орторексии связана с антивитальными тенденциями и суицидальным риском независимо от депрессивной симптоматики и симптомов классических РПП, а эта связь опосредована самокритикой и пищевым самонаказанием.

Планируется поперечное исследование лиц 18–35 лет (не менее 200 человек: студенты и участники ЗОЖ- и фитнес-сообществ). Выделяются три группы: нервная орторексия, здоровое питание без орторексии и контрольная. Сравнение с группой здорового питания позволит отделить эффекты болезненного отношения к еде от самого факта соблюдения диеты. Предполагается использовать ORTO-15, EAT-26, PHQ-9, шкалу сочувствия к себе К. Нефф, опросник ISAS, опросник «Антивитальность и жизнестойкость», опросник суицидального риска; методы обработки – корреляционный анализ, регрессионный анализ, анализ медиации, моделирование структурными уравнениями.

На основе теоретического анализа предложен проект критериев, дополняющий консенсус 2022г. спецификатором «с аутоагрессивным компонентом», градацией тяжести и маркером социальной опасности. Его эмпирическая проверка позволит уточнить границу между здоровым питанием и опасным болезненным состоянием и даст ориентиры для клинической и судебно-экспертной практики.

Литература

1. Польская Н.А., Басова А.Я., Развaляева А.Ю. и др. Несуицидальные самоповреждения и суицидальный риск у девочек-подростков с расстройствами пищевого поведения: связи с контролем веса, индексом массы тела и межличностной чувствительностью // Consortium PSYCHIATRICUM. 2023. Т. 4. № 2. С. 65–77. DOI: 10.17816/CP6803.
2. Donini L.M., Barrada J.R., Barthels F., Dunn T.M. et al. A consensus document on definition and diagnostic criteria for orthorexia nervosa // Eating and Weight Disorders. 2022. Vol. 27. No. 8. P. 3695–3711.
3. López-Gil J.F., Tárraga-López P.J., Soledad Hershey M. et al. Overall proportion of orthorexia nervosa symptoms: a systematic review and meta-analysis including 30 476 individuals from 18 countries // Journal of Global Health. 2023. Vol. 13. Art. 04087. DOI: 10.7189/jogh.13.04087.
4. Thorne J., Hussain M., Mantzios M. Exploring the relationship between orthorexia nervosa, mindful eating and guilt and shame // Health Psychology Report. 2023. Vol. 11. No. 1. P. 38–47.
5. Zohar A.H., Zamir M., Lev-Ari L., Bachner-Melman R. Too healthy for their own good: orthorexia nervosa and compulsive exercise in the community // Eating and Weight Disorders. 2023. Vol. 28. No. 1. Art. 55. DOI: 10.1007/s40519-023-01575-y.

Послеродовые психические расстройства и убийство матерью новорождённого ребёнка: психологический и уголовно-правовой аспекты

Зайцева К.О., Дорджиева У.Е., Полянский А.И.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Убийство матерью новорождённого ребёнка является одной из наиболее трагичных и сложных для правовой оценки проблем. Оно находится на стыке уголовного права, судебной психиатрии, перинатальной и социальной психологии. Поэтому для правовой оценки необходимо понимать особенности психологического состояния женщины после родов (Шиян В.И., 2022). Значительная часть подобных деяний потенциально предотвратима при своевременном выявлении и лечении психических расстройств.

Сразу после родов организм женщины проходит через значительные изменения. Чрезмерная усталость, хроническая депривация сна, общественное давление и отсутствие помощи могут отрицательно влиять на её психическое состояние. При этом послеродовые расстройства проявляются по-разному.

Наиболее лёгкое состояние — «бэби-блюз»: преходящая грусть, слезливость и перепады настроения. По данным Cleveland Clinic, оно встречается у 70–80% женщин и обычно проходит в течение первых двух недель (Cleveland Clinic, 2022). Намного серьёзнее послеродовой психоз. Обычно он возникает в течение четырёх недель после

родов и проявляется бредом, галлюцинациями, нарушениями мышления и выраженными аффективными симптомами: маниакальными, депрессивными или смешанными. Женщины могут утрачивать критическое отношение к собственным мыслям и поведению. Ключевым механизмом таких нарушений является нейроэндокринная перестройка: уровень эстрогена и прогестерона, возраставший во время беременности, резко падает после родов. Эти колебания влияют на работу нейротрансмиттеров центральной нервной системы. Выраженность аффективной симптоматики имеет значение при оценке риска детоубийства.

В психологической структуре мыслей о детоубийстве особое место занимает альтруистический бред. При депрессивном психозе мать может быть убеждена, что «ребёнка ждёт судьба страшнее смерти», и воспринимать убийство как его «спасение». Среди мотивов детоубийства у матерей с тяжёлыми психическими расстройствами выделяются «альтруистические» и «острые психотические», возникающие без рационального мотива (Resnick P.J., 1970).

Статья 106 УК РФ предусматривает ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка во время или сразу же после родов, а также в условиях психотравмирующей ситуации либо в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. В первом случае наличие психического расстройства не обязательно, во втором особое значение имеет психическое состояние женщины. Даже если мать действует по заранее обдуманному плану и у неё отсутствует психическое расстройство, убийство сразу после родов может квалифицироваться по статье 106 УК РФ. Возможность применения привилегированного состава в подобной ситуации вызывает споры.

Мы считаем, что система скрининга послеродовых психозов могла бы снизить смертность среди матерей и новорождённых. Необходимо оценивать риск причинения вреда ребёнку наряду с риском суицида. В некоторых странах действуют отделения Mother and Baby Units, где женщина получает психиатрическое лечение и при обеспечении безопасности может оставаться с ребёнком. Внедрение подобных проектов в России позволило бы специалистам своевременно вмешиваться при критическом состоянии матери. Кроме того, мы предлагаем устранить возрастной пробел в отношении субъекта преступления: включить статью 106 УК РФ в перечень составов, за которые уголовная ответственность наступает с 14 лет (Красковский Я.Э., Красунов И.В., 2022).

Литература

1. Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Lex Russica. 2020. № 8. С. 128–143.
2. Гончаров Д.С. Вопрос о совершенствовании законодательной конструкции состава убийства матерью новорожденного ребенка // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 7 (76). С. 68–76.

3. Кортнева Ю.В. Диагностика актуальных проблем личности. Москва: Институт обще-гуманитарных исследований, 2004. 240 с.
4. Красковский Я.Э., Красунов И.В. Особенности признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Вестник СГЮА. 2022. № 1 (144).
5. Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) // Психология и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 193–207. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2021/n2/Safuanov_Sarycheva.shtml (дата обращения: 01.05.2026).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019 № 500-ФЗ).
7. Шелег О.А., Шелег М.Д. Криминализация и развитие понятия «неонатицид» в России // Сборник трудов конференции. 2025. 9 января.
8. Шиян В.И. Личность женщин, осуждённых за убийство новорождённого ребёнка // Московский юридический журнал. 2022. № 5. С. 74–82.
9. Cleveland Clinic. Postpartum Depression or Baby Blues? 2022. URL: https://health.clevelandclinic.org/baby-blues (дата обращения: 29.09.2026).
10. Resnick P.J. Murder of the newborn: a psychiatric review of neonaticide // American Journal of Psychiatry. 1970. Vol. 126. No. 10. P. 1414–1420.
11. Wilkey I., Pearn J., Petrie G., Nixon J. Neonaticide, infanticide and child homicide // Medicine, Science and the Law. 1982. Vol. 22. No. 1. P. 31–34.

Фрустрационная толерантность в структуре социального познания у лиц, совершивших агрессивные правонарушения в отношении членов семьи

Зейгер М.В.
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Исследование особенностей восприятия ситуаций социального взаимодействия в контексте устойчивости к стрессовым воздействиям необходимо для более глубокого понимания причин проявления агрессии внутри семейной системы (Антонян Ю.М. и соавт., 1999; Хабирова Е.Р., 2010; Сафуанов Ф.С., 2022). Большое количество современных научных работ посвящено анализу особенностей восприятия и переживания фрустрации у лиц психически здоровых и страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (Калашникова А.С., Сафуанов Ф.С., 2010). Показано, что личностное реагирование на фрустрирующие факторы опосредуется особенностями социального познания как в норме, так и при психической патологии (Зейгер М.В., Усюкина М.В., Лаврущик М.В., 2026). С целью исследования субъективного восприятия и реагирования на фрустрацию у лиц, проявивших внутрисемейную агрессию, проведено обследование 66 мужчин в возрасте от 18 до 60

лет, психически здоровых – 26 человек и страдающих органическим психическим расстройством (ОПР) – 40 человек, обвиняемых в агрессивных противоправных действиях в отношении членов своей семьи (ст.105,111,112 УК РФ), с использованием фрустрационного теста С.Розенцвейга и теста социального интеллекта Дж.Гилфорда.

Полученные данные позволяют сравнить специфику субъективного восприятия, понимания поведения других и особенности реагирования в ситуациях социальной фрустрации у психически здоровых и лиц с ОПР.

У лиц, страдающих ОПР и совершивших агрессивные противоправные действия в отношении членов семьи, по сравнению с психически здоровыми, выявлены более высокая чувствительность к средовым воздействиям и склонность фиксировать внимание на препятствиях. Подэкспертные с ОПР реагировали на фрустрацию менее опосредованно, у них значительно чаще по сравнению с психически здоровыми определялась неустойчивость мотивационной направленности и поверхностность оценки условий среды, а также выраженная тенденция к обесцениванию значимости фрустрирующей ситуации. Обследованные лица с ОПР проявляли меньшую чувствительность к контекстуальным нюансам речевого взаимодействия и были менее «компетентны» в когнитивной оценке социальной ситуации. В отличие от психически здоровых, у страдающих ОПР отмечалась сниженная константность эмпатийного восприятия и обработки «социальной» информации, не выявлялось устойчивых закономерностей выбора решения и стратегии поведения в ситуациях межличностного конфликта.

Полученные результаты показали, что лица, совершившие внутрисемейные агрессивные правонарушения, страдающие ОПР, по сравнению с психически здоровыми обвиняемыми в агрессивных действиях в отношении членов семьи, наряду с обостренной чувствительностью к средовым воздействиям и повышенной экстрапунитивностью отличаются склонностью фиксировать внимание на фрустрирующих факторах, мотивационной нестабильностью, преобладанием неадаптивных психических защит, что определяет низкую опосредованность реагирования в ситуациях конфликтного взаимодействия. В структуре социального познания выявленные особенности коррелируют с поверхностностью оценок внешних обстоятельств вследствие недостаточной константности эмпатийного восприятия социальной информации и сниженной чувствительности к нюансам вербального общения.

Литература

1. Антонян Ю.М., Горшков И.В., Зулкарнеев Р.М. Проблемы внутрисемейной агрессии. Москва: НИИ МВД России, 1999. 168 с.
2. Зейгер М.В., Усюкина М.В., Лаврущик М.В. Особенности социального познания при органических психических расстройствах // Российский психиатрический журнал. 2026. № 1. С. 55–63.

3. Калашникова А.С., Сафуанов Ф.С. Роль психических расстройств, не исключающих вменяемости, в формировании разнонаправленной агрессии // Российский психиатрический журнал. 2010. № 4. С. 16–22.
4. Сафуанов Ф.С. Внутрисемейная криминальная агрессия: глазами судебного эксперта-психолога // Психология и право. 2022. № 3. С. 3–13.
5. Хабирова Е.Р. Особенности восприятия и оценки проблемных ситуаций // Вестник Костромского государственного университета. 2010. № 4. С. 164–167.

О некоторых особенностях формирования индуцированных реакций у детей с особенностями психического развития

Калашникова А.С.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ) по семейным спорам – динамично развивающееся направление экспертных исследований в гражданском процессе. В последние годы не только растет объем таких экспертиз, но и повышается их сложность. Так, в 2025 г. в сравнении с 2021 г. их число увеличилось на 52,9% и составило 3863 экспертиз (Шпорт С.В. и соавт., 2026). Расширение перечня вопросов к судебным экспертам-психологам, в том числе о выявлении у ребенка индуцированного психологического состояния и признаков предварительной подготовки к экспертизе (включая обучение заполнению тестов и проективных методик) требует дальнейшего развития судебно-психологической экспертологии.

На сегодняшний день разработаны методические рекомендации по выявлению признаков индуцированного состояния у психически здоровых детей (Сафуанов Ф.С. и соавт., 2020). Вместе с тем недостаточно изученным остается вопрос выявления специфических признаков реагирования несовершеннолетних с нарушениями психического развития как на индуцирующие воздействия со стороны одного из родителей, так и на саму ситуацию высококонфликтного развода.

С этой целью были проанализированы результаты КСППЭ по спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей и порядка общения с отдельно проживающим родителем, проведенных в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России в течение 1 календарного года. По итогам решения комиссии судебных экспертов 56 детям (9,1% от всех несовершеннолетних подэкспертных) был установлен или подтвержден психиатрический диагноз. У 46,4% были диагностированы эндогенные и органические заболевания (F70 «Умственная отсталость», F84.0 «Детский аутизм» и F84.1 «Атипичный аутизм»), иногда в совокупности с неврологическими заболеваниями, которые имели свое «начало» зачастую задолго до развода родителей. В 35,7% случаев обнаруживались нарушения

поведения и эмоций (F92 «Смешанные расстройства поведения и эмоций», F61.0 «Смешанные и другие расстройства личности»). В 17,9% – невротические нарушения (F43.22 «Смешанная тревожная и депрессивная реакция, обусловленная расстройством адаптации», F94.1 «Реактивное расстройство привязанностей в детском возрасте», F94.8 «Другие расстройства социального функционирования в детском возрасте», F95.0 «Транзиторные тики», F98.5 «Заикание»), впервые проявившиеся в ситуации высококонфликтного развода.

Экспертологический анализ семейной ситуации позволил выявить особенности реагирования несовершеннолетних с нарушениями психического развития на поведение родителей, а также саму ситуацию высококонфликтного развода. Дети с эндогенными и органическими заболеваниями обнаруживали низкую вероятность формирования индуцированных психических реакций – среди них не было выявлено ни одного случая сформированного психологического индуцированного состояния, а также не было отмечено значимого утяжеления имеющейся симптоматики. Дети с нарушениями поведения и эмоций напротив – обнаруживали высокую вероятность формирования индуцированных психических реакций ввиду недостаточности ресурсов для совладания с ситуацией высококонфликтного развода. Только среди детей данной группы были выявлены реальные признаки психологического индуцированного состояния (n=2), а также обнаруживалось ухудшение психического состояния в конфликтной семейной ситуации. В то же время невротические реакции несовершеннолетних в подавляющем количестве случаев являлись реакциями на саму психотравмирующую ситуацию развода, реже – «побочным эффектом» психологического индуцирования со стороны совместно проживающего родителя.

Таким образом, при проведении КСППЭ по семейным спорам необходимо учитывать характер и глубину психической патологии, а также вероятность развития различных форм психической дезадаптации (как донозологического, так и нозологического уровня) ребенка, вовлеченного в супружеский конфликт.

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Переправина Ю.О., Черненьков А.Д. Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей: методические рекомендации. Москва: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 40 с.
2. Шпорт С.В., Макушкина О.А., Муганцева Л.А. Судебно-психиатрическая экспертиза в профилактике общественной опасности в психиатрической службе Российской Федерации: опыт десятилетия (2016–2025 гг.): информационно-аналитический справочник. Москва: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2026. 248 с.

Критерии надежности ретроспективной диагностики психологического состояния подэкспертного при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по материалам уголовных дел

Колобова П.Н., Молотова В.В.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет» Минздрава России (г. Барнаул, Россия)

Ретроспективная диагностика психологического состояния в рамках комплексной судебной психолого – психиатрической экспертизы (далее — КСППЭ) — научно обоснованная реконструкция динамики психической деятельности и эмоциональных состояний подэкспертного в момент инкриминируемого деяния (Коченов, 1977; Сафуанов, 2014). Отсутствие единых критериев надежности такой диагностики приводит к экспертным ошибкам: атрибуции феноменов без учета контекста, подмене психологической оценки юридической квалификацией, игнорированию «зоны неопределенности» и др. (Сафуанов, 2014).

Цель исследования — разработка и апробация модели критериев надежности ретроспективной диагностики психологического состояния подэкспертного по материалам уголовных дел.

Пилотажное исследование проведено на базе архива Центрального районного суда г. Барнаула по материалам уголовных дел против жизни и здоровья (N-50), содержащих заключения очных КСППЭ. Методы: теоретические (анализ, синтез, моделирование) и эмпирические качественные — критериальный контент-анализ, контекст-анализ, кейс-стади, триангуляция данных, метод экспертных оценок. Эмпирическая проверка критериев включала формирование корпуса категорий на основе теоретической модели, квалификацию и квантификацию фрагментов заключений и материалов дел по выделенным критериям, а также контекст-анализ для их интерпретации с учетом правового, экспертного и ситуативного контекстов. Верификация обеспечивалась триангуляцией источников (заключения КСППЭ, материалы дела, судебные решения) сопоставлением с эталонным кейсом.

Разработана и апробирована трехуровневая модель критериев надежности ретроспективной диагностики, предлагающая системный алгоритм оценки материалов дела.

Процедурно-формальный уровень — проверка полноты источников, компетентности экспертов и процессуальной легитимности; выявление базовых процедурных нарушений и принципиальной достаточности материалов.

Процессуально-методологический уровень — выявление процессуальных деформаций устной речи, оценка влияния наводящих вопросов следователя и защитника, анализ интеррогативной внушаемости и ситуационного суггестивного давления как условие проверки исходной валидности показаний подэкспертного.

Содержательно-психологический уровень — смысловое ядро модели: фильтр аутентичности вербальной продукции в сочетании с системным анализом

взаимодействия личностных особенностей и ситуационного контекста, динамики реакции и смысловой регуляции; структурно-динамический анализ состояния подэкспертного (нарастание эмоционального напряжения, восприятие психотравмирующих факторов, астенический спад и др.).

На текущем этапе исследование сосредоточено на оптимизации внутренней структуры модели и первичной оценке ее параметров. Планируется системная валидизация критериев надежности на расширенной репрезентативной выборке, масштабирование подхода, адаптация к смежным прикладным задачам и подготовка методических рекомендаций. Модель позволит структурировать судебно-психологический анализ, снизить риск экспертных ошибок и выступить методологической основой для создания инструментов верификации выводов КСППЭ (например, стандартизированного чек-листа оценки качества экспертного заключения).

Литература

1. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. Москва: Изд-во МГУ, 1977. 111 с.
2. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2014. 421 с.

Особенности сепарации у больных шизофренией

Кондюрина М.Р., Власова Н.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Сепарация – процесс, который является неотъемлемой частью становления личностной зрелости, автономии и психологического благополучия человека. Незавершённая сепарация связана с формированием симбиотических отношений, эмоциональной зависимостью, трудностями социальной адаптации и общим снижением качества жизни (Харламенкова Н. Е., 2015). Результатом пройденной сепарации является суверенность, обладающая соответствующими качественными показателями (Луговский В. А., 2016). Актуальна эта проблема и в случае больных шизофренией. Понимание специфики сепарации у данной категории пациентов может позволить уточнить мишени психокоррекционного и психотерапевтического воздействия, повысить эффективность реабилитации.

Изучать такое заболевание, как шизофрения, а также исследовать его предикторы важно в контексте права и юридической психологии: затрагиваются вопросы относительно дееспособности, вменяемости, влияния проявлений заболевания на правосознание, отношения к совершённому общественно опасному деянию, способности давать показания, а также принудительного лечения (Пенявская А. В., 2024).

Целью исследования стало изучение показателей компонентов сепарации и суверенности у пациентов, страдающих шизофренией, и группы условной нормы. Основная гипотеза: показатели компонентов сепарации и суверенности у больных шизофренией значимо отличаются от таковых у лиц группы условной нормы.

Выборку исследования составили 32 человека в возрасте от 18 до 60 лет, разделённые на две равные группы по 16 человек. В группу условной нормы вошли 10 женщин (средний возраст 31,6 года) и 6 мужчин (средний возраст 24,1 года). В группу пациентов, больных параноидной шизофренией, вошли 11 женщин (средний возраст 36,9 года) и 5 мужчин (средний возраст 36 лет). Все пациенты проходили лечение в стационарных условиях, и на момент исследования у них отсутствовала позитивная симптоматика. Все респонденты выросли в полных семьях.

Для сбора данных использовались методики: «Опросник психологической сепарации» (PSI) Дж. Хоффмана в адаптации В. П. Дзукаевой и Т. Ю. Садовниковой, «Суверенность психологического пространства» (СПП-2010) С. К. Нартовой-Бочавер. Статистическая обработка проводилась с использованием U-критерия Манна-Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты сравнительного анализа показали, что по ряду компонентов сепарации группа условной нормы значимо превосходит группу пациентов, больных шизофренией. Были выявлены значимые различия по шкалам «Эмоциональная сепарация от матери» ($p=0,013$), «Эмоциональная сепарация от отца» ($p=0,033$), «Аттитюдная сепарация от отца» ($p=0,018$) и «Функциональная сепарация от отца» ($p=0,018$). Это означает, что больные шизофренией в большей степени зависят от родительского одобрения и неодобрения, их мировоззрение и ценности сильнее совпадают с отцовскими, а способность к самостоятельному решению бытовых вопросов и обеспечению снижена и находится под влиянием отцовской фигуры. При этом значимых различий по конфликтологической сепарации от обоих родителей, а также по аттитюдной и функциональной сепарации от матери выявлено не было.

Анализ показателей суверенности психологического пространства не выявил значимых различий между группами ни по общей суверенности, ни по отдельным её компонентам. Показатели больных шизофренией оказались сопоставимы с показателями условной нормы. Корреляционный анализ внутри группы пациентов показал отсутствие значимых связей между компонентами сепарации и суверенности, в то время как в группе условной нормы такие связи, согласно некоторым источникам, присутствуют (Сахаров Е. А., 2010).

Таким образом, у больных шизофренией наблюдается парциальное снижение сепарации: эмоциональной от матери и эмоциональной, аттитюдной, функциональной в отношениях с отцом. При этом показатели суверенности психологического пространства не отличаются от показателей группы условной нормы, а также отсутствуют связи между сепарацией и суверенностью, что свидетельствует о дезинтеграции процесса отделения и его результата, что может учитываться в психокоррекционной работе и судебно-психологической экспертизе.

Литература

1. Луговский В.А. Теоретические подходы к анализу проблемы сепарации в отечественной и зарубежной психологии // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 119. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-analizu-problemy-separatsii-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii (дата обращения: 24.09.2026).
2. Пенявская А.В. Клинико-психологические факторы в контексте правосознания больных шизофренией, совершивших общественно опасные деяния // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 103–113. DOI: 10.17759/psylaw.2024140208.
3. Сахаров Е.А. Связь психологической суверенности с особенностями психологического преодоления конфликтов у больных шизофренией // Психотерапия. 2010. № 7. URL: https://pmarchive.ru/svyaz-psixologicheskoj-suverennosti-s-osobennostyami-psixologicheskogo-preodoleniya-konfliktov-u-bolnyx-shizofreniej/ (дата обращения: 24.09.2026).
4. Харламенкова Н.Е. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. Москва: Институт психологии РАН, 2015. 367 с.

Взаимосвязь виктимности, структуры депрессивных проявлений и суицидального риска у лиц молодого возраста

Крицкая Э.И., Коноплева И.Н.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Виктимность в нашем исследовании рассматривается как комплекс психологических и поведенческих особенностей личности, связанных с повышенной уязвимостью к неблагоприятным воздействиям. Особую значимость изучение виктимности приобретает в контексте депрессивных проявлений и суицидального риска, поскольку психологические последствия травмирующего опыта могут отражаться на когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах личности (Андронникова О.О., 2005; Малкина-Пых И.Г., 2010). При этом депрессивные проявления представляют собой неоднородное образование, включающее когнитивно-аффективный и соматический компоненты, различающиеся по содержанию и психологическому значению (Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г., 2003; Менделевич В.Д., 2002). Анализ их структуры позволяет уточнить особенности взаимосвязи депрессивной симптоматики и суицидального риска у лиц с различным уровнем виктимности (Холмогорова А.Б., 2010; Шнейдман Э., 2001).

Целью нашего исследования явилось выявление особенностей взаимосвязи виктимности, структуры депрессивных проявлений и суицидального риска у лиц молодого возраста, а также изучение возможного влияния кратковременного тематического информационного воздействия на данные показатели.

Для диагностики применялись: Шкала депрессии Бека, Опросник виктимного поведения О.О. Андронниковой и Методика диагностики суицидального риска Т.Н. Разуваевой.

Выборку составили 60 человек в возрасте от 18 до 35 лет: 26 мужчин и 34 женщины. В рамках исследования были сформированы экспериментальная и контрольная группы. После первичного диагностического замера участникам экспериментальной группы предъявлялся видеоматериал, затрагивающий темы депрессии и виктимизации, тогда как участники контрольной группы просматривали нейтральный видеоматериал экологической тематики. После воздействия проводился повторный диагностический замер.

Результаты корреляционного анализа показали наличие статистически значимой положительной взаимосвязи между уровнем виктимности и общей выраженностью депрессивных проявлений ($\rho = 0{,}508$; $p = 0{,}0005$). Уровень виктимности также был связан с когнитивно-аффективным компонентом депрессии ($\rho = 0{,}485$; $p = 0{,}0010$). Наиболее выраженная взаимосвязь была выявлена между виктимностью и суицидальным риском ($\rho = 0{,}616$; $p < 0{,}001$). Полученные данные показывают, что более высокий уровень виктимности в исследуемой выборке сочетается с большей выраженностью депрессивных проявлений и суицидального риска.

При анализе структуры депрессивных проявлений было установлено, что когнитивно-аффективный компонент демонстрирует тесную связь с суицидальным риском. На втором диагностическом замере коэффициент корреляции между когнитивно-аффективным компонентом депрессии и суицидальным риском составил $\rho = 0{,}682$ при $p < 0{,}001$. Связь соматического компонента с суицидальным риском также достигла статистической значимости ($\rho = 0{,}427$; $p = 0{,}0043$), однако была менее выраженной. Полученные результаты позволяют предположить, что при анализе суицидального риска особое значение имеет содержание когнитивных и эмоциональных переживаний, составляющих соответствующий компонент депрессивных проявлений.

Сравнение динамики показателей в экспериментальной и контрольной группах не выявило статистически значимых различий. Следовательно, кратковременное тематическое информационное воздействие, использованное в исследовании, не привело к статистически значимой динамике показателей по сравнению с нейтральным воздействием.

Вывод: выявлена статистически значимая взаимосвязь виктимности с выраженностью депрессивных проявлений и суицидального риска. Наиболее тесная связь с суицидальным риском обнаружена для когнитивно-аффективного компонента депрессии. Полученные результаты подчеркивают целесообразность комплексной оценки депрессивных проявлений и уровня виктимности при изучении суицидального риска у лиц молодого возраста. При этом предположение о выраженном влиянии кратковременного тематического информационного воздействия по сравнению с нейтральным воздействием статистического подтверждения не получила.

Литература

1. Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: дис. … канд. психол. наук. Новосибирск, 2005. 213 с.
2. Бек А., Раш А., Шо Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 304 с.
3. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы: справочник практического психолога. Москва: Эксмо, 2010. 864 с.
4. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: практическое руководство. 4-е изд. Москва: МЕДпресс-информ, 2002. 592 с.
5. Разуваева Т.Н. Опросник суицидального риска (модификация Т.Н. Разуваевой): методический материал. 6 с.
6. Клиническая психология: в 4 т. Т. 1. Общая патопсихология / под ред. А.Б. Холмогоровой. Москва: Академия, 2010. 464 с.

Личностные особенности родителей как участников судебных споров

Кулькова Ж.Г.[1], Печенина Е.Л.[2], Лазарев А.И.[3]

[1]МАУ ДПО «Челябинский институт просвещения» (г. Челябинск, Россия)

[2]ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

[3]Уральский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Челябинск, Россия)

Современная практика решения судебных споров по делам несовершеннолетних детей и подростков, касающаяся развода родителей, определения места жительства ребенка, порядка общения, ограничения или лишения родительских прав, требует от психолога-практика, помимо базовых профессиональных знаний и компетенций в своей области, также понимания теоретических основ формирования личности и особенностей ее развития.

Развитие психологической науки определило основные направления в понимании структуры личности, которая представлена в различных интерпретациях в психодинамическом (А. Адлер, З. Фрейд, К.Г. Юнг), бихевиоральном (А. Бандура, Б.Ф. Скиннер, Д.Б. Уотсон), гуманистическом (А. Маслоу, К. Роджерс), когнитивном (Д. Келли), диспозициональном (Г. Олпорт) направлениях. В отечественной психологии содержание личности рассматривается с позиции деятельностного подхода (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн).

В.А. Петровский пишет о том, что быть личностью означает, во-первых, быть субъектом деятельности, общения, самосознания, собственной жизни, строить свои витальные контакты с миром. Во-вторых, быть личностью – значит быть субъектом предметной деятельности. И, в-третьих, быть субъектом общения (Петровский В.А., 1993). Дополняет данную мысль исследование Б.С. Братуся, который определяет плоскость движения личности в процессе её жизнедеятельности и развития в нравственно-ценностном понимании. Ядро личности, отмечает автор, являет позицию

человека в сложном окружающем мире, задаваемую системой смысловых образований (Братусь Б.С., 1988).

Кризисные или нештатные ситуации в жизни человека, включая развод или распад семьи, становятся не только стрессом со всеми вытекающими последствиями, но и трансформирует смысловые устремления, общие мотивы и способы их достижения. Семейные споры с предшествующими конфликтами и последующим противостоянием в суде существенным образом меняет, усугубляет и неким образом деформирует нравственно-ценностную основу личности как динамическую систему смысловых образований. Смысловые ориентации родителей, спорящих в суде, определяют «выдвижение на первый план» определенных личностных особенностей, которые можно представить неким портретом личности лиц данной категории. В связи с этим, в качестве психодиагностического инструментария в процессе судебных споров по делам несовершеннолетних представляется важным применение надежных методик, апробированных в отечественной и мировой практике.

Использование 16-факторного личностного опросника (16PF) Раймонда Кеттелла (1949, США) обеспечивает комплексный подход к изучению личности, позволяет количественно измерить черты личности, а также имеет широкое практическое применение в психодиагностике (Рукавишников А.А., Соколова М.В., 2013).

За период с 2023 г. по настоящее время в ходе проведения судебно-психологических экспертиз в гражданском судопроизводстве по делам, затрагивающим интересы несовершеннолетних, на базе Центра психологического консультирования и диагностики (ИП Кулькова Ж.Г.) проведено экспериментальное исследование 214 родителей (105 пар и 4 участника, проходивших опрос индивидуально) с использованием 16-факторного опросника Р. Кеттелла.

Проведенный анализ показал, что в распределении факторов наблюдается устойчивая повторяемость: более 65% испытуемых демонстрируют высокие значения по факторам C («Сила «Я»»), и H («Пармия»), а также низкие значения по факторам L («Алаксия»), O («Гипертимия»), Q2 («Социабельность»), Q4 («Нефрустрированность») (p-уровень значимости для данных факторов <0,001).

Таким образом, установлено, что родители как участники судебных споров обладают парадоксальными личностными особенностями, центром которых является психологическая защита по типу отрицания. Факторы «Сила «Я»» (фактор C=8 стенов) и «Пармия» (фактор H=8 стенов) позволяют участникам судебного спора сохранять внешнюю стабильность и смело идти в конфронтацию, тогда как факторы «Алаксия» и «Нефрустрированность» лишают их критического восприятия собственной вины и чувства напряженности ситуации, что является диадным (p>0,05 для C, H, L, O, Q2, Q4 внутри пары; различие внутри пары – MD (p<0,001)), стабильным (не изменяется с учетом возрастных особенностей: 1 группа: 25–35 лет; 2 групп: 36–45 лет: 3 групп – 46–60 лет – p>0,05 для всех сравнений), но усиливается эффектом «социальной одобряемости», особенно у мужчин (первичный профиль MD>9, M у мужчин = 0,695, у женщин = 0,457), а соответственно, требует учета при проведении

судебно-психологических экспертиз и разработке программ психологической помощи данной категории лиц.

Литература

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. Москва: Мысль, 1988. 304 с.
2. Петровский В.А. Личность: феномен субъектности. Ростов-на-Дону, 1993. 67 с.
3. Рукавишников А.А., Соколова М.В. Факторный личностный опросник Кеттелла: методическое руководство. Санкт-Петербург: ИМАТОН, 2013. 96 с.

Морально-психологические аспекты уголовно-правового института крайней необходимости

Мокшев Д.П.
ГБОУ «Курганская областная школа дистанционного обучения» (г. Курган, Россия)

В современной России, которая стоит перед лицом вызовов экзистенциального масштаба, во всех сферах всё большую значимость обретают морально-психологические аспекты взаимоотношений личности с государством и обществом. В уголовном праве особенно глубокая моральная основа заложена в институте крайней необходимости.

Напомним, что в российском уголовном праве крайняя необходимость входит в разряд обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8, статья 39 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Напомним формулировку данной статьи. Под крайней необходимостью понимается причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам «для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости».

Крайняя необходимость применяется тогда, когда перед лицом возникает выбор «из двух зол», и отказаться от этого выбора невозможно. Например, если человек во время наводнения украдёт лодку для спасения своей жизни и жизней своих близких, то его действия не подпадут под статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации («Кража»), хотя формально и будут иметь все элементы состава преступления.

В истории имеется классический пример мысленного эксперимента, который можно разрешить с применением института крайней необходимости. Это так называемая «проблема вагонетки», предложенная английским философом Филиппой Фут в статье 1967-го года (Foot Ph, 1967).

Суть классической «проблемы вагонетки» заключается в том, что неуправляемая вагонетка несётся по рельсам, ставя под угрозу жизни пятерых человек, находящихся на пути и не имеющих возможности с них сойти в силу того, что они привязаны сумасшедшим философом. Человек, находящийся в этот момент в безопасном месте

рядом с эпицентром событий, может переключить стрелку и направить вагонетку по тому пути, на котором находится только один человек, смерть которого при таком раскладе будет неминуема. Этический вопрос заключается в том, стоит ли переключать стрелку, зная изложенные выше обстоятельства.

Если наблюдатель повернёт стрелку, то к его действиям теоретически можно будет применить положения статьи 39 Уголовного кодекса Российской Федерации о крайней необходимости. Такой вывод сделан на основе того, что:

1) Опасность для жизней пятерых человек не могла быть устранена иными средствами, кроме как переводом стрелки и перенаправлением вагонетки на другой путь;

2) В описанной ситуации не приходится говорить о превышении пределов крайней необходимости. Безусловно, каждая человеческая жизнь обладает абсолютной ценностью. Но в данном случае речь идёт о спасении пяти жизней ценой одной. Это означает, что причиняемый вред общественным отношениям не превышает предотвращаемого.

Примеры, к которым можно применить положения УК РФ о крайней необходимости, есть и в российской музыкальной культуре.

В частности, в песне рок-группы «Ария» под названием «Штиль». По сюжету песни, корабельная команда, находясь в открытом море, попадает в ситуацию отсутствия пресной воды и пищи. В условиях неопределённого расстояния до берега, они вынуждены прибегнуть к акту каннибализма:

«...Смерть одного лишь нужна — И мы... Мы вернёмся домой.

Его плоть и кровь вновь насытят нас...».

Несмотря на ужас происходящего, к этому художественному кейсу тоже можно применить положения о крайней необходимости, поскольку вся команда спасала жизни ценой съедения одного из членов экипажа. Однако, здесь уже больше нюансов, которые будут зависеть от интерпретации суда.

Подводя итог, можно сказать, что крайняя необходимость с психологической точки зрения почти всегда характеризуется для человека сложным моральным выбором и душевными терзаниями. Но бывают обстоятельства, когда этот выбор необходимо совершить во имя жизни.

Литература

1. Foot Ph. The problem of abortion and the doctrine of the double effect in virtues and vices // Oxford Review. 1967. No. 5. P. 23–27.

Психологическое профилирование женщин, осуждённых за убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)

Молотова В.В.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет» Минздрава России (г. Барнаул, Россия)

Убийство матерью новорожденного ребенка остается одним из наиболее сложных деяний для психолого-правовой квалификации. Привилегированный характер состава, квалифицируемого по ст. 106 УК РФ (Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996), предполагает учет особого психического состояния женщины, обусловленного родами и психотравмирующей ситуацией (Сафуанов Ф.С., 2024). Психологическое профилирование по данной категории дел необходимо для профилактики преступлений и распространения превентивных мер психологического воздействия на женщин группы риска.

В рамках исследования проведен качественный анализ материалов уголовных дел (N=30), квалифицированных по ст. 106 УК РФ. Методы: качественный контент-анализ материалов уголовных дел; контекст-анализ — реконструкция социально-психологического фона; сравнительный анализ и типологизация.

Критерии профилирования. Возраст и социальная зрелость — биологический возраст и степень автономии, определяющие ресурсы совладания с кризисом. Репродуктивная история, формирующая «сценарий материнства». Мотив — субъективное содержание побуждения (страх разоблачения, отчаяние, стыд, истощение, утилитарный расчёт). Психологическое состояние в момент деяния — степень сужения сознания, диссоциация, аффективная дезорганизация или сохранность волевого контроля. Способ и характер действий — использование орудий, пассивное оставление или активное умерщвление, наличие подготовки. Посткриминальное поведение и социально-психологический контекст.

Профиль 1. Молодые женщины (17–25 лет) в состоянии изоляции, скрывающие беременность. Мотив — страх разоблачения, беспомощность. Состояние — острая реакция на стресс, сужение сознания, диссоциация, автоматизм. Способ — пассивный (оставление новорожденного в людном месте в надежде на спасение). Посткриминальное поведение — полное признание, искреннее раскаяние.

Профиль 2. Женщины 25–43 лет, имеющие 2–4 детей, в состоянии хронического истощения. Мотив — страх не справиться с ещё одним ребёнком, безысходность, экономические трудности. Состояние — хроническое истощение, депрессивный фон, когнитивные искажения. Способ — преимущественно пассивный, реже – активный, последовательный (ведро с водой, мороз, мусоропровод). Отношение — раскаяние с элементами апатии.

Профиль 3. Женщины с принудительным абортом или отказом от ребёнка в анамнезе. Мотив — страх повторения травматического сценария. Состояние — кумулятивный стресс, моторное расторможение. Способ — активный, хаотичный

(множественные удары канцелярским ножом в область грудной клетки). Отношение — частичное признание, раскаяние приходит позже.

Профиль 4. Женщины образованные, социально адаптированные. Мотив — утилитарный (избавление от препятствия, результата «внебрачной связи»). Состояние — эмоциональная холодность, сохранность волевого контроля. Способ — активный, инструментальный (ножницы, химия). Отношение — признание вины без раскаяния.

Таким образом, психологическое состояние женщины при совершении убийства матерью новорождённого ребенка не является однородным феноменом. Между тем, выявлены общие тенденции по выборке: сокрытие беременности, отсутствие медицинского наблюдения, изоляция в момент родов, длительный психотравмирующий контекст. В настоящее время исследование продолжается на расширенной выборке в целях дополнения и уточнения типологии.

Литература

1. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 384 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Психологические исследования в судебной психиатрии и сексологии

Николаева Н.В.
Научно-информационный центр А.Р.Т. (г. Санкт-Петербург, Россия)
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)

Психология в судебной психиатрии и сексологии занимает особое положение: она находится на стыке медицины, права и когнитивных наук. Её задача — не просто описать психические особенности человека, а ответить на юридически значимые вопросы: мог ли обвиняемый осознавать характер своих действий и руководить ими? Каковы механизмы формирования сексуальных предпочтений? Насколько достоверны показания? Именно это определяет специфику психологических исследований в данной области.

В комплексной судебной сексолого-психолого-психиатрической экспертизе психолог выполняет три ключевые функции. Диагностическую — оценка когнитивных функций, эмоционально-волевой сферы, личностных особенностей. Психолог не ставит психиатрический диагноз, но предоставляет данные, уточняющие клиническую картину. Сексологическую — изучение психосексуального развития, половой идентичности, направленности влечения, механизмов регуляции сексуального поведения. Здесь психология вносит вклад, который невозможно получить чисто клиническими методами. Экспертную — самостоятельная оценка того, как индивидуально-психологические особенности отразились на поведении в юридически значимой ситуации (Николаева Н.В., 2024).

Психодиагностика в судебной сексологии строится на нескольких методологических принципах. Во-первых, принцип релевантности: применяемые методики должны быть валидны именно для тех психических образований, которые имеют правовое значение. Нельзя ограничиваться общими личностными опросниками. Во-вторых, принцип множественности: выводы строятся на сопоставлении данных клинической беседы, проективных методов, психометрических шкал и, при необходимости, психофизиологических методов. В-третьих, принцип контекстуальности: интерпретация результатов невозможна без учёта материалов уголовного дела, показаний, особенностей ситуации правонарушения.

Среди конкретных методов наибольшее значение имеют: проективные техники для выявления неосознаваемых аспектов сексуальной сферы; опросники для оценки полоролевого поведения и сексуальных установок; нейропсихологические батареи для оценки регуляторных функций; психофизиологические методы для объективизации направленности влечения (Николаева Н.В., 2024).

Нейропсихологические исследования показывают, что нарушения исполнительных функций, эмоциональной регуляции и когнитивного контроля связаны с риском импульсивного и агрессивного поведения. Поэтому нейропсихологическая оценка позволяет верифицировать степень сохранности регуляторных механизмов, что напрямую соотносится с юридическим критерием «способности руководить своими действиями».

В исследованиях психосексуального дизонтогенеза формирование парафилий рассматривается как результат нарушений на разных этапах психосексуального развития. Психологические исследования направлены на выявление этих этапов, что имеет значение как для диагностики, так и для профилактики.

Для оценки достоверности показаний продолжают разрабатываться современные методы выявления симуляции, аггравации и диссимуляции. Психологические исследования показывают, что достоверность свидетельских показаний зависит от множества факторов: уровня стресса, особенностей памяти, внушаемости, возраста (Демидова Л.Ю., 2024).

Оценка риска повторных правонарушений — также одно из наиболее востребованных направлений. Психологические модели (например, основанные на оценке импульсивности, эмпатии, когнитивных искажений) используются для построения прогнозов и разработки программ психокоррекции.

Таким образом, психологические исследования в судебной психиатрии и сексологии — это не вспомогательная область, а самостоятельное направление, формирующее доказательную базу для юридически значимых решений. Их развитие требует одновременного движения в трёх направлениях: методологическом (совершенствование инструментов), теоретическом (понимание механизмов) и этическом (осознание пределов компетенции). Только баланс этих составляющих обеспечивает надёжность экспертных выводов и их адекватность задачам правосудия.

Литература

1. Психосоматические и психические расстройства в психологической практике / под ред. Н.В. Николаевой, О.И. Каяшевой. Санкт-Петербург: Ниц Арт, 2024. 262 с. EDN: IQHQMK.
2. Демидова Л.Ю., Корчагин В.В., Васильев Н.Г. Психометрическая проверка методик для оценки когнитивных искажений, касающихся сексуальных отношений с детьми // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 18–32. DOI: 10.17759/psylaw.2024140102.
3. Николаева Н.В. Фундаментальные исследования современных технологий оказания превентивной психологической помощи // Современное образование: традиции и инновации. 2024. № 3. С. 112–115. EDN: PLOZVM.

Клинико-психологические особенности созависимых отношений у женщин с рекуррентным депрессивным расстройством и дистимией

Пашаева Т.Ф., Власова Н.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Расстройства депрессивного спектра могут сопровождаться изменениями межличностного функционирования. Созависимость связана с чрезмерной ориентацией на значимого другого, снижением автономии, самопожертвованием и нарушением психологических границ. Исследования показывают ее связь с депрессией и неблагополучными отношениями (Hughes-Hammer C. и др., 1998). В юридической психологии эти особенности представляют интерес при изучении психологической уязвимости женщин в ситуации партнерского насилия. Среди факторов, ассоциированных с созависимостью, описывается опыт насилия со стороны партнера (Noriega G. и др., 2008), однако это не позволяет считать созависимость причиной виктимизации.

Цель исследования – выявить особенности склонности к созависимым отношениям у женщин с рекуррентным депрессивным расстройством и дистимией.

В исследовании приняли участие 50 женщин 22-39 лет. Проблемную группу составили 25 женщин с ранее установленным диагнозом дистимии или рекуррентного депрессивного расстройства; контрольную – 25 женщин без установленного депрессивного расстройства и клинически выраженной депрессивной симптоматики.

Исследование проводилось с использованием методик: Шкала созависимости Спанн-Фишер (Fischer J.L., Spann L., Crawford D.); Шкала созавивисимости Уайнхолд (B. Weinhold, J. B. Weinhold); Шкала депрессии Бека (BDI); Шкала самооценки депрессии Цунга (SDS). Статистическая обработка включала U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Полученные результаты исследования показали, что у женщин проблемной группы выявлены статистически значимо более высокие показатели созависимости.

Так, по методике Спанн-Фишер показатель созависимости выше в проблемной группе (U=426,0; p=0,028). Поскольку данная методика направлена на выявление не только уровня созависимости, но и отдельных ее специфических особенностей, полученный результат можно интерпретировать как более выраженное проявление у женщин проблемной группы тех особенностей, которые лежат в основе созависимого поведения. К ним можно отнести: стремления контролировать поведение, эмоции и реакции значимого другого ради сохранения чувства психологической безопасности; выраженную готовность отодвигать собственные потребности на второй план, игнорировать свои желания и эмоциональные границы ради поддержания отношений или эмоционального благополучия другого человека; зависимость самооценки от внешнего одобрения и реакции значимых других.

Подобные результаты о более выраженных показателях созависимости были установлены по методике Уайнхолд (U=438,5; p=0,015). Это означает, что женщины с установленным диагнозом дистимии или рекуррентного депрессивного расстройства в большей степени склонны строить отношения по типу эмоциональной зависимости, сильнее вовлекаются в состояние и поведение другого человека, труднее удерживают личностные границы и чаще соотносят своё самочувствие с качеством межличностного взаимодействия.

Корреляционный анализ между показателями созависимости Шкала Спанн-Фишер) и депрессии по Шкале Бека (ρ=0,435; p=0,030) и Шкале Цунга (ρ=0,436; p=0,029) позволил установить положительную связь. В то же время связь показателей по Шкале созависимости Уайнхолд и параметрами методик на депрессивную симптоматику статистической значимости не достигли. Данный факт весьма вероятно связан с тем, что показатель созависимости по методике Уайнхолд отражает лишь общий уровень созависимости и включает более широкую градацию степени ее выраженности, вследствие чего оказывается менее чувствительной к выявлению тонких внутригрупповых взаимосвязей.

Вместе с тем проведенное исследование имеет ряд ограничений: выборка имела сравнительно небольшой объем, что ограничивает возможность широкого обобщения результатов; исследование строилось на самоотчетных методиках, а значит, нельзя полностью исключить влияние субъективности ответов, социальной желательности и особенностей текущего эмоционального состояния респонденток.

Перспективно дальнейшее изучение сочетания депрессивных расстройств, созависимых паттернов и опыта партнерского насилия для задач профилактики и психологического сопровождения женщин.

Литература

1. Hughes-Hammer C., Martsolf D.S., Zeller R.A. Depression and codependency in women // Archives of Psychiatric Nursing. 1998. Vol. 12. No. 6. P. 326–334.

2. Noriega G., Ramos L., Medina-Mora M.E., Villa A.R. Prevalence of codependence in young women seeking primary health care and associated risk factors // American Journal of Orthopsychiatry. 2008. Vol. 78. No. 2. P. 199–210.

Особенности социальной адаптации у лиц, страдающих психическими расстройствами, при прохождении комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) по оценке дееспособности

Паянова А.С.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Переправина Ю.О.

Социальная адаптация является интегративным показателем, отражающим способность человека к самостоятельной жизнедеятельности и участию в социально-правовых отношениях. Особую актуальность ее изучение приобретает применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами, в частности шизофренией и умственной отсталостью, поскольку они относятся к числу заболеваний, которые наиболее часто сопровождаются инвалидизацией (Прощенко И.В., 2020; Целищев Д.В., 2023). В рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) по оценке дееспособности важное значение имеет оценка уровня социальной адаптации подэкспертного, позволяющая судить о степени его самостоятельности и способности участвовать в социально-правовых отношениях. Однако вопросам систематизации критериев ее оценки применительно к задачам КСППЭ по оценке дееспособности уделяется недостаточное внимание, несмотря на наличие исследований социальной адаптации при отдельных психических расстройствах (Миракян К.Ф., 2025; Швец К.Н., 2019).

Цель исследования – выявление особенностей социальной адаптации лиц, страдающих психическими расстройствами, при прохождении КСППЭ по оценке дееспособности.

Методы исследования: на основе анализа литературы были выделены критерии оценки социальной адаптации, отражающие мотивационно-целевой компонент, самостоятельность жизнедеятельности, критичность, отношение к заболеванию, коммуникативные навыки, социальные связи, трудовую и досуговую активность. Анализ экспертных заключений проводился методом качественного контент-анализа с последующей количественной обработкой данных. Для статистического анализа использовались коэффициент ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Выборку составили 60 заключений по результатам экспериментально-психологического исследования лиц, проходивших КСППЭ по оценке дееспособности в ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (33 мужчины и 27 женщин в возрасте от 22 до 87 лет). В

исследование вошли 30 лиц с расстройствами шизофренического спектра (F20–F29) и 30 лиц с умственной отсталостью (F70–F79); в каждой группе выделены подгруппы ограниченно дееспособных и недееспособных лиц (по 15 человек).

Результаты корреляционного анализа показали, что центральное место в структуре социальной адаптации занимает критическая оценка собственного состояния и действий, связанная с осознанием психического расстройства, способностью к планированию и прогнозированию поведения, а также меньшей нуждаемостью во внешнем контроле. Важными компонентами социальной адаптации также выступают самостоятельность жизнедеятельности, включающая бытовые навыки, трудовые и досуговые активность, сохранность социальных связей.

Сравнительный анализ выявил различия между лицами с шизофренией и умственной отсталостью. Подэкспертные с шизофренией характеризуются более низким уровнем самостоятельного функционирования, трудовой и досуговой активности, а также инициативности в социальном взаимодействии, что может быть связано с выраженностью мотивационно-волевых нарушений. Лица с умственной отсталостью демонстрируют более высокий уровень бытовой самостоятельности, социальной активности и коммуникативной инициативности, однако чаще имеют ограниченные семейные связи вследствие раннего помещения в интернатные учреждения.

Независимо от нозологии ограниченно дееспособные лица характеризуются более высоким уровнем критичности, самостоятельности и социальной активности, тогда как для недееспособных лиц характерна выраженная зависимость от внешнего контроля поведения.

Вывод: ключевыми компонентами социальной адаптации являются критичность, самостоятельность жизнедеятельности и социальная активность. Выделенные критерии могут использоваться при структурированном анализе социальной адаптации подэкспертных в рамках КСППЭ по оценке дееспособности.

Литература

1. Миракян К.Ф. Теоретический анализ феномена социально-психологической адаптации подростков с умственной отсталостью // Коллекция гуманитарных исследований. 2025. № 1 (42). С. 44–53.
2. Прощенко И.В., Максимова Н.Е., Мурашова Л.А., Ульянова Е.В. Исследование качества жизни больных с хроническими психическими расстройствами // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-kachestva-zhizni-bolnyh-s-hronicheskimi-psihicheskimi-rasstroystvami (дата обращения: 17.01.2026).
3. Целищев Д.В. Медико-социальные характеристики пациентов с инвалидностью вследствие психических расстройств на этапе первичной специализированной медико-санитарной помощи // Социальная и клиническая психиатрия. 2023. Т. 33. № 2. С. 33–41.

4. Швец К.Н., Лукьянцева И.С. Факторы социальной дезадаптации больных шизофренией и подходы к психосоциальной терапии и реабилитации // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Т. 5. № 2. С. 72–85.

«Эффект ИИ-валидации» как фактор риска для объекта судебно-психологической экспертизы в коммуникации с генеративными моделями

Першин Я.А.[1], Щапова Т.А.[2]

[1]ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)

[2]ФБУ «Уральский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» (г. Екатеринбург, Россия)

Современные большие языковые модели (LLM), обученные с использованием обратной связи от человека (RLHF), способны поддерживать связное, эмоционально адаптированное взаимодействие и всё чаще используются не только как источник информации, но и как помощник в принятии решений и эмоциональной поддержке. В контексте судебно-психологической экспертизы особое значение приобретают вопросы о том, как взаимодействие с генеративными моделями может влиять на объект экспертизы.

Среди ключевых феноменов этого контекста соглашательство ИИ (AI sycophancy) – устойчивая тенденция ИИ-систем адаптировать содержание ответа к позиции пользователя посредством её подтверждения, в том числе тогда, когда объективная оценка ситуации предполагает несогласие, указание на неопределённость или рассмотрение альтернативных интерпретаций.

«Эффект ИИ-валидации» – субъективное переживание подтвержденности собственной позиции, сопровождающееся повышением уверенности в правильности собственных суждений и снижением готовности рассматривать альтернативные точки зрения. Устойчивые проявления: рост субъективной уверенности в собственной позиции (которая может быть ошибочной или неполной); снижение когнитивной гибкости; закрепление и усиление исходных предубеждений; усиление доверия и предпочтение системы; снижение готовности к самокоррекции; снижение удовлетворённости реальным межличностным общением при сохранении его объёма.

При взаимодействии пользователя с системой имеет место особый вид коммуникации, представляющий собой совокупность различных уровней: внутриличностного, межличностного, статистического (алгоритмического). Поскольку ответ модели может быть обусловлен как заданным промптом, как и статистическими данными, на которых она обучалась, в настоящее время остро встает вопрос распределения ответственности за результат между пользователем и системой / разработчиком.

Литература

1. Филатова А.А. Восприятие студентами антропоморфизма LLM-чат-ботов в контексте теории вежливости // Научный альманах стран Причерноморья. 2025. Т. 11. № 4. С. 19–28. DOI: 10.23947/2414-1143-2025-11-4-19-28.
2. Cheng M. Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence // Science. 2026. Vol. 391. No. 6792. Art. eaec8352. DOI: 10.1126/science.aec8352.
3. Glickman M. How human-AI feedback loops alter human perceptual, emotional and social judgements // Nature Human Behaviour. 2025. Vol. 9. P. 345–359. DOI: 10.1038/s41562-024-02077-2.
4. Ibrahim L. Sycophantic AI makes human interaction feel more effortful and less satisfying over time. arXiv:2605.07912. URL: https://arxiv.org/abs/2605.07912 (дата обращения: 28.08.2026).
5. Ladak A. Robots, Chatbots, Self-Driving Cars: Perceptions of Mind and Morality Across Artificial Intelligences // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2025. DOI: 10.1145/3706598.3713130.
6. Oldemburgo de Mello V., Plaks J., Inzlicht M. The Effects of AI Anthropomorphism on Trust and Responsibility // Collabra: Psychology. 2026. Vol. 12. No. 1. Art. 161757. DOI: 10.1525/collabra.161757.
7. Ryu J. Feeling Right vs. Being Right: How AI Sycophancy Affects Value-Laden Deliberation // Proceedings of the 64th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers). 2026. P. 44227–44245. DOI: 10.18653/v1/2026.acl-long.2046.
8. Zhang Y. The Rise of AI Companions: Interaction with AI Companions and Psychological Well-being. arXiv:2506.12605. URL: https://arxiv.org/abs/2506.12605 (дата обращения: 28.08.2026).

Судебно-психологические экспертизы в уголовных делах о телефонном мошенничестве: психологический аспект и анализ экспертной практики

Пешкова Н.В.[1], Усова О.В.[2]

[1]Центр психологического развития «ПРОактивность» (г. Реутов, Россия)

[2]ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)

В современную цифровую эпоху телефонное мошенничество эволюционировало из разрозненных актов обмана в высокотехнологичную, транснациональную индустрию криминального бизнеса. Специфика данных преступлений заключается в том, что главным орудием преступника выступает не физическое насилие, а целенаправленное деструктивное психологическое воздействие. Мошенники искусно эксплуатируют когнитивные уязвимости человека, вводя его в состояние острого ситуационного стресса, искусственного дефицита времени и страха перед потерей имущества или уголовного преследования. В данном контексте для

юридических решений ключевое значение приобретает вопрос относительно того, мог ли подозреваемый/ обвиняемый понимать общественную опасность своих действий. Устоявшиеся традиции комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы не всегда могут адекватно помочь в разрешении этих вопросов. Медицинским психологам, входящим в состав комиссии, не хватает профессиональной подготовки в области социальной психологии и психолингвистики, что приводит к игнорированию оценки показаний и переписки с мошенниками в качестве объектов исследования. В части экспериментально-психологического исследования эксперты-психологи ограничиваются формальной констатацией отсутствия состояния аффекта, на основании чего делают поверхностный вывод о полной способности лица осознавать общественную опасность своих действий. При этом фактически игнорируются профильные методические рекомендации НМИЦ ПН им. В.П. Сербского Минздрава России, в которых детально раскрыты критерии патопсихологического синдрома повышенной эмоциональной напряженности с личностно-ситуационным компонентом [1]. Складывается парадоксальная ситуация: даже когда суд напрямую цитирует вопросы из указанных методических рекомендаций, эксперты в заключениях заявляют, что ответы на них «не входят в их компетенцию». Сам анализ эмоционального состояния зачастую подменяется ретроспективной клинической беседой, полностью лишенной стандартизированного инструментария и объективных психодиагностических методик.

С опорой на накопленный опыт для преодоления данного методологического тупика в нашей практике досудебного исследования подозреваемых и обвиняемых (в частности, находящихся под мерой пресечения в виде домашнего ареста) разработан и успешно применяется подход, основанный на таймлайне и постадийной верификации динамики эмоционального состояния.

Поскольку вовлечение лица в мошенническую схему и совершение им транзакций/передачи денег и иных материальных средств - это пролонгированный во времени процесс, весь юридически значимый период разбивается на 6–7 последовательных стадий (от момента первичного контакта/вербовки до момента задержания).

На каждой из выделенных стадий ретроспективно применяется комплекс специализированных методик: ШПАНА (PANAS, адаптация Е. Н. Осина), МЦВ (тест Люшера, адаптация Л.Н. Собчик), дополнительные стандартизированные опросники на выявление уровня фрустрации и ситуативной тревожности.

Такой подход позволяет выявить четкую динамику поэтапной многократной смены психической напряженности и нарастания фрустрации. Лицо может начинать действия в состоянии легкой дезориентации, переходить в стадию выраженного когнитивного дефицита под влиянием страха или давления, и завершать деяние в состоянии полной эмоциональной дезорганизации, что имеет существенное значение для правовой оценки степени его волевого контроля.

Литература

1. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам о телефонном мошенничестве: методические рекомендации / Ф.С. Сафуанов, О.Ф. Савина, В.В. Широкова [и др.]; ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского». Москва: НМИЦ ПН им. В.П. Сербского, 2026. 43 с.

Комплексная модель психологической помощи подросткам с зависимым поведением

Савченко Д.В.

ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (г. Москва, Россия)

Компульсивное и разрушительное для здоровья употребление психоактивных веществ в подростковом возрасте остается острой медико-социальной проблемой, пагубно влияющей на физическое, эмоциональное и социальное благополучие молодых людей.

Чем раньше удается заметить признаки зависимости, тем выше шансы на своевременное вмешательство и результативную профилактику. В числе типичных сигналов – сдвиги в поведении, падение успеваемости, угасание интереса к семье и общественной жизни, растущая скрытность, ухудшение самочувствия (Савченко Д.В., 2015).

Решить проблему результативно можно лишь с опорой на научные данные, с учетом возрастных особенностей и индивидуальных запросов. Максимальная отдача достигается при комплексной модели помощи: персонализированное вмешательство, всесторонняя клиническая оценка, вовлеченность семьи и методы с доказанной эффективностью.

Семейная терапия – один из наиболее результативных и научно подкрепленных методов психокоррекции зависимого поведения у подростков. Среди семейно-ориентированных подходов зарекомендовали себя мультисистемная (MST), многомерная семейная (MDFT) и функциональная семейная (FFT) терапия. Эти модели корректируют внутрисемейную коммуникацию и деструктивные поведенческие стереотипы, а также повышают осведомленность подростков и их семей о доступной психологической помощи.

Среди индивидуализированных методов с доказанной результативностью особое место занимает когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) – подход, широко применяемый при подростковой зависимости. Его задача – перестройка дисфункциональных когнитивных установок и поведенческих паттернов.

Среди зарубежных подходов надежно закрепилась мотивационно-поддерживающая терапия (МПТ) – научно обоснованный метод, усиливающий внутреннюю мотивацию подростков через работу с их двойственным

отношением к употреблению. Особенно результативна МПТ там, где подросток сопротивляется лечению или сомневается в его целесообразности.

Непрерывность терапевтического процесса – залог успешного лечения: состояние подростка должно отслеживаться на постоянной основе, рецидивы – своевременно предупреждаться, а на этапе восстановления ему необходима неизменная поддержка.

Так, *непрерывный мониторинг* дает специалистам возможность держать руку на пульсе: изменения фиксируются регулярно, проблемы или слабая отдача терапии выявляются без промедления, а лечебный план при необходимости корректируется.

Предупреждение рецидивов – подросток получает инструменты и модели поведения, которые позволят ему справляться с трудностями уже после того, как основное лечение завершено.

Наконец, этап выздоровления невозможен без *поддержки* – и это одно из центральных звеньев всей терапии, поскольку данный компонент объединяет несколько составляющих: терапевтические вмешательства, поддержку сверстников и непрерывное обучение и формирование навыков [Кулаков С.А., 2020]:

Таким образом, подростковая зависимость – серьезный медико-социальный вызов, ощутимо сказывающийся на физическом, психическом и социальном развитии. Успех терапии во многом зависит от подхода, который соединяет комплексность, научную обоснованность и ориентацию на возраст: вмешательства подбираются индивидуально, семья вовлекается в процесс, а сопровождение сохраняет преемственность. Доказательные методы – КПТ, мотивационно-ориентированные подходы, семейная терапия – помогают формировать адаптивные копинг-стратегии, сводят к минимуму риск рецидивов и дают долгосрочный результат.

Литература

1. Кулаков С.А. Руководство по реабилитации аддиктов. 4-е изд. [Б. м.]: Издательские решения, 2020. 468 с.
2. Савченко Д.В. Профилактика аддиктивного поведения у подростков и молодежи: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва: Перспектива, 2015. 82 с. ISBN 978-5-88045-282-8. EDN: WBVIUR.

Актуальные проблемы взаимодействия экспертов-психиатров и психологов при проведении судебной экспертизы

Сафуанов Ф.С.[1,2], Морозова М.В.[2]

[1]ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

[2] ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Согласно современному законодательству, при производстве комплексной судебной экспертизы эксперты разных специальностей в заключении указывают, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода.

При проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы интеграция специальных знаний психолога и психиатра возможна при определении ограничения или нарушения способности подэкспертного к осознанной регуляции юридически значимых действий. Дифференциация специальных знаний касается разграничения проявлений в психическом состоянии подэкспертного психопатологических или психологических факторов.

Правильно оформляя экспертное заключение при формулировке интегративных (общих) и отдельных психиатрических и психологических выводов, часто эксперты разных специальностей не уделяют внимания согласованности своих ответов. Это обстоятельство является одной из самых распространенных причин вызова экспертов на допрос.

Рассмотрим типичные ошибки согласованности под ракурсом моделей интеграции судебно-психологических и судебно-психиатрических знаний (Сафуанов Ф.С., 2007, 2014).

1. Отсутствие интегративных ответов. Каждый из вопросов, поставленных перед экспертами, входит в компетенцию эксперта только одной специальности. Интеграция специальных знаний практически отсутствует. Проблема. Психиатр: Обвиняемый страдает расстройством личности. Мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Психолог: Обвиняемый находился в состоянии аффекта. Судья: Почему эксперты не определили ограниченную вменяемость?

2. Последовательное комплексирование. Ответы на вопросы, поставленные перед экспертами-психологами, невозможны без ссылки на диагностически-экспертное решение психиатра. Проблема. Психиатр: Обвиняемый не страдает психическим расстройством. Мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Психолог: Обвиняемый вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим

расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Судья: Так мог или не мог в полной мере?

3. Последовательно-параллельное комплексирование. Нарушение юридически значимой способности (юридический критерий) может быть следствием психического расстройства (компетенция психиатра) или эмоционального состояния, личностных особенностей, уровня психического развития (компетенция психолога). Проблема. Психиатр: Потерпевшая (по ст. 131 УК РФ) не страдает психическим расстройством. Способна правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания. Психолог: Потерпевшая вследствие уровня психического развития (7 лет) способна правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания только о фактической стороне событий. Судья: Почему эксперты не согласовали юридический критерий?

Согласованность выводов психиатра и психолога требует от психиатров не категоричного вывода о юридически значимой способности подэкспертного, а формулировки: «Подэкспертный не страдает таким психическим расстройством, которое лишало бы его юридически значимой способности». Такая формулировка оставляет возможность психологу формулировать вывод о том, что нарушение юридически значимой способности наступило вследствие не психопатологических, а психологических факторов.

Литература

1. Сафуанов Ф.С. Модели интегративного судебно-экспертного психолого-психиатрического заключения // Российский психиатрический журнал. 2007. № 1. С. 18–22.
2. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Москва: Юрайт, 2014. 421 с.

Уроки «дела Долиной»: глазами эксперта-психолога

Сафуанов Ф.С.
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Методология разработки нового предметного вида судебно-психологической экспертизы (СПЭ) подразумевает, во-первых, анализ его юридического значения (возможных правовых последствий), во-вторых, роли СПЭ при определении правовых последствий (Сафуанов Ф.С., 2017). Актуальной проблемой является определение предмета экспертизы жертв телефонного мошенничества, которые в качестве истцов оспаривают сделки (взятие кредитов, продажа квартир и т.д.), которые они совершили

под влиянием преступников. Дело Долиной инициировало решение Верховного Суда, отменившего вердикты судов первой, апелляционной и кассационной инстанций о прекращении права собственности покупательницы квартиры без возвращения денег.

Какие уроки могут извлечь судебные эксперты-психологи из решения Верховного Суда? Признание сделки недействительной возможно при трех вариантах «порока воли», указанных в ГК РФ:

– Ст. 177. Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими;

– Ст. 178. Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения;

– Ст. 179. Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств.

Почему нельзя применять в таких ситуациях ст. 179, ведь истцы продавали свое имущество под влиянием обмана со стороны мошенников? Дело в том, что в п.2 ст. 179 указано: «Сделка, совершенная под влиянием обмана потерпевшего третьим лицом, может быть признана недействительной по иску потерпевшего при условии, что другая сторона либо лицо, к которому обращена односторонняя сделка, знали или должны были знать об обмане». Иначе говоря, покупатель квартиры должен был знать, что продавец действует под влиянием мошенников.

Многие эксперты-психологи считали, что предметом экспертизы может являться установление заблуждения у истца. Мы в своих работах указывали, что хотя у потерпевших под влиянием мошенников и возникает состояние заблуждения, правовое понимание существенного заблуждения отличается от обыденного (Сафуанов Ф.С., 2025). Ссылки истцов на то, что они совершали сделки, «чтобы спасти свои финансовые средства», противоречат п. 3 ст. 178 ГК РФ: «Заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной».

Суд оценивает не только добросовестность покупателя, но и осмотрительность продавца при совершении оспариваемой им сделки. Учитывается не только способность осознавать правовые последствия сделки. Верховный суд указывает, что лицо, обладающее сходным с истцом уровнем познаний и опыта, должно было осознавать наличие правовых последствий у каждой совершаемой им сделки.

Поскольку жертвы телефонного мошенничества нередко выступают в нескольких процессуальных ролях (потерпевшие, истцы, обвиняемые), в их отношении могут проводиться различные предметные виды экспертизы. Выводы экспертизы о нарушении способности понимать значение своих действий или руководить ими потерпевшего не могут переноситься на нарушение той же способности в гражданском процессе.

Таким образом, предметом данного вида СПЭ выступает нарушение способности субъекта к осознанному принятию решения и его целенаправленному исполнению как психологическое содержание способности истца понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ).

Литература

1. Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы // Психология и право. 2017. № 1. С. 220–239. DOI: 10.17759/psylaw.2017070118.
2. Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки // Психология и право. 2025. № 1. С. 3–18. DOI: 10.17759/psylaw.2025150201.

Модели виктимного поведения несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления

Свешникова А.А.[1], Бадмаева В.Д.[2]

[1]ОГБУЗ «Костромская областная психиатрическая больница» (г. Кострома, Россия)

[2]ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Виктимное поведение детей и подростков, ставших жертвами сексуального насилия и злоупотребления представляет собой предмет изучения в разных областях научных знаний. Актуальность исследования связана с ростом и латентностью преступлений сексуального характера в отношении детей, а также различными паттернами поведения, демонстрируемые потенциальными жертвами при взаимодействии с насильниками.

Цель работы: выявление типов виктимного поведения у потерпевших -жертв сексуального насилия и злоупотребления.

Материалы и методы: обследованы 134 подростка, достигшие 14-летнего возраста, ставшие жертвами преступлений сексуальной направленности, которые разделены на 2 группы: основная группа - 59 человек с неадаптивными стратегиями поведения, способствующие виктимизации; в группу сравнения включены 46 несовершеннолетних, демонстрировавшие активное противодействие насильнику. Контрольная группа представлена 29 учащимися средних образовательных организаций г. Костромы. Для исследования применялась психодиагностическая методика «Склонность к виктимному поведению» (Андронникова О.О., 2003).

Результаты: исследуемые лица демонстрировали следующие модели виктимного поведения.

Модель *пассивного виктимного поведения*, характеризуется неспособностью потерпевших оказывать сопротивление и противодействие преступнику, установкой на беспомощность.

Модель *инициативного виктимного поведения* предполагает жертвенное, социально одобряемое, ожидаемое поведение в ситуации конфликта «жертва-преступник».

Модель *активного виктимного поведения* – это импульсивные действия несовершеннолетних, которые провоцируют конфликт, агрессию или преступление в отношении них.

По данным исследования половина потерпевших основной группы демонстрировали пассивное виктимное поведение (49,2% случаев), в то время как лица группы сравнения в 17,1%. Самые низкие показатели отмечались у участников контрольной группы (6,5%).

Корреляционный анализ показал, что у потерпевших основной группы диагноз психического расстройства соотносился с моделями пассивного, инициативного и активного поведения (71,2%). Наибольшие корреляции установлены между органическим психическим расстройством и моделью пассивного виктимого поведения (31,5%). В группе сравнения психическая патология коррелировала с моделями виктимного поведения в 10,6% случаев. Самые низкие показатели отмечались у лиц контрольной группы (лишь 6,5% подростков выявили склонность к пассивному виктимному поведению).

Избирательный анализ моделей виктимного поведения у исследуемых с клиническими и психологическими характеристиками показал, что в основной группе наибольшие корреляции отмечены при личностной незрелости (74,8%). С пассивными моделями поведения также соотносились эмоционально-волевые нарушения (71,9%) и тревожно-зависимые черты (50,8%).

Противоположные результаты наблюдались в группе сравнения. Так, когнитивные и эмоционально-волевые функции у потерпевших чаще коррелировали с невиктимными формами поведения. Пассивные и активные виктимные модели значительно реже соотносились с признаками возрастной и личностной незрелости (10,6% и 12,8% соответственно).

В контрольной группе в 70,9% психологические характеристики соотносилось с невиктимными моделями поведения.

Заключение: у несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления наиболее часто отмечаются неадаптивные стратегии при взаимодействии с посягателем, которые представлены моделями пассивного, инициативного и активного виктимного поведения.

Литература

1. Андронникова О.О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков: автореф. дис. … канд. психол. наук. Новосибирск, 2005. 24 с.
2. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. Москва: Академия, 2003. 228 с.

Сущность и теоретико-методологические основы исследования с применением полиграфа

Свободный Ф.К.[1], Свободный Б.Ф.[2]
[1]ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева» (г. Москва, Россия)
[2]Западное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

В настоящее время насчитывается более 20 «теорий полиграфа», ни одна из которых не может удовлетворительно объяснить все феномены, наблюдаемые в ходе исследования с применением полиграфа.

Очевидно, что запись динамики вегетативных процессов человека, осуществляемая при помощи полиграфа, – это лишь один из способов регистрации вегетативной активности, а сама «вегетативная активность» - один из видов активности живого организма. Поэтому, объяснение феноменологии «полиграфных проверок» должно основываться на общей теории функционирования живой материи.

По мнению авторов, наиболее бесспорные и универсальные положения об активности живой материи разрабатываются в русле теории функциональных систем (Анохин П.К., 1975), системно-эволюционного подхода (Швырков В.Б., 1988) и системной психофизиологии (Александров Ю.И., 2003).

Активность живой материи (от клетки - до организма) детерминирована «историей» взаимодействия живой материи с окружающей средой. В процессе фило- и онтогенеза в организме формируются модели взаимодействия со средой, позволяющие получать полезный для организма результат (например: удовлетворение потребности). Совокупность указанных моделей уникальна и обозначается как индивидуальный опыт организма. Индивидуальный опыт является главной детерминантной активности организма, актуализируясь во «внутренней» и реализуясь во «внешней» активности живого организма. Наиболее ярко зависимость активности организма от его индивидуального опыта проявляется в таких ситуациях взаимодействия организма со средой, которые имеют сходство с ситуациями, приведшими к формированию индивидуального опыта. Частично такие ситуации можно создавать в экспериментальных условиях и по различным показателям активности организма судить о содержании индивидуального опыта.

Исследование с применением полиграфа проходит в соответствие с методологией психологического эксперимента, пытаясь по показателям «внутренней» (вегетативной) активности человека сделать вывод о содержании какой-либо части его индивидуального опыта, например: об информированности личности о расследуемом событии (Свободный Ф.К., 2022).

Таким образом, сущностью исследования с применением полиграфа является диагностика индивидуального опыта человека; методологией исследования с применением полиграфа является общепсихологическая методология (методология психологического эксперимента); теоретической основой исследования с

применением полиграфа являются современные положения психологической науки, развиваемые системной психофизиологией.

Литература

1. Александров Ю.И. Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века. Москва: Пер Се, 2003. С. 39–85.
2. Свободный Ф.К. Информированность личности о расследуемом событии: подходы к определению понятия // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 1. С. 66–70.
3. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. Москва: Медицина, 1975. 447 с.
4. Швырков В.Б. Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 1. С. 132–148.

Психологическая помощь в адаптации участникам СВО с функциональными потерями вследствие ранения

Сечко А.В., Сорокина К.И.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Растущее число военнослужащих, возвращающихся из зоны конфликта с серьезными травмами и функциональными потерями вследствие ранений, ставит перед современным обществом сложную и в то же время неотложную задачу. Достижения в области медицины на поле боя значительно повысили показатели выживаемости, с то же время привели к тому, что большое количество людей в настоящее время вынуждены жить с серьезными функциональными нарушениями, переживать трудности и психологический стресс вследствие утраты конечностей или иных функциональных потерь.

Обращение к проблематике психологической помощи в адаптации участников СВО к функциональным потерям вследствие ранений в теоретическом плане значимо в силу того, что оно показывает необходимость обновления и уточнения существующих концепций оказания помощи данной категории лиц.

Основная проблема представленного исследования заключается в том, существующий в настоящее время четкий социальный и моральный императив содействовать реинтеграции ветеранов в мирную гражданскую жизнь затруднен ввиду несовершенства существующих механизмов оказания психологической поддержки. Наблюдается значительный разрыв между острой потребностью в специализированной психологической помощи и отсутствием научно обоснованных программ, учитывающих уникальный характер функциональных потерь вследствие ранений и специфический опыт тех, кто их получил.

Методами исследования представлены историографическим, сравнительно-сопоставительным анализом, метод обобщения, классификации нормативных и инструктивно-методических материалов, наблюдением, опросом, изучения и обобщения опыта отечественной и зарубежной практики, а также методы эмпирического исследования, групповое коррекционное воздействие на основе когнитивно-поведенческой терапии. Программа включала в себя 14 сессий в течение 6 недель.

Использовались психодиагностические методики:

1. Тест социально-психологической адаптации (СПА) (К. Роджерс, Р. Даймонд).

2. Шкала воспринимаемой способности справиться с травмой, PACT (Г. Бонанно, 2011; адапт. Т.А. Шмарина).

3. Шкала оценки влияния травматического события (IES-R).

4. Опросник травматического стресса (ОТС) И.О. Котенева.

5. Опросник травматических ситуаций (Life Experience Questionnaire, LEQ) (Н.В. Тарабрина).

База исследования и выборка представлена 40 участниками СВО, находящихся на послеоперационном лечений в одном из госпиталей г. Москвы: 20 имеющих функциональные потери вследствие ранения (утраты конечности / части конечности) и 20 имеющих ранения разной степени сложности, но без функциональных потерь.

У участников СВО с функциональными потерями вследствие ранения диагностируется выраженный эскапизм, сниженные значения самопринятия, эмоциональной комфортности и адаптации. Имеет место явно выраженный фокус на травме, а также низкий уровень ориентации на будущее. Имеют место также выраженные симптомы вторжения, депрессивной симптоматики и проявление ПТСР. Полученные результаты отражают в целом неблагоприятный психологический статус у участников исследования, наличие выраженной дезадаптации, что обуславливает значимость целенаправленной деятельности по стабилизации состоянии и обеспечению адаптации к новому статусу.

В рамках деятельности психологического сопровождения адаптации участников СВО к функциональным потерям вследствие ранения была предложена и осуществлена 14-сессионная программ когнитивно-поведенческой терапии. Групповой формат помимо эффективности в плане использования ресурсов, обеспечил возможности совместной нормализации переживаний, обеспечения взаимной поддержки, а также отработку навыков в социальной среде.

Литература

1. Абгаров А.Л. Психолого-педагогические аспекты профессиональной реабилитации участников СВО с ПТСР // Актуальные проблемы педагогики и психологии: вызовы XXI века: сборник научных трудов Международного педагогического форума (Москва, 6 декабря 2024 г.). Москва: Перспектива, 2025. С. 320–325.

2. Бортникова Е.Г. Психокоррекция фантомно-болевого синдрома после травматической ампутации у пациентов-военнослужащих (участников СВО) // Вестник психотерапии. 2025. № 94. С. 6–14.
3. Булгаков Н.П. Особенности совладающего поведения людей с ампутацией нижних конечностей // Коллекция гуманитарных исследований. 2016. № 3 (3). С. 63–73.
4. Воробьев Д.О. Аспекты реабилитации воинов СВО // Архонт. 2025. № 18. – С. 138–144.
5. Калашникова В.В. Психологическая реабилитация пациентов после высокой ампутации нижних конечностей // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 10 (224). С. 518–522.
6. Караяни Ю.М. Особенности психологического сопровождения демобилизованных военнослужащих вследствие военной травмы в высших учебных заведениях // Человеческий капитал. 2024. № 7 (187). С. 267–270.
7. Сечко А.В. Детерминанты профессиональных деформаций военнослужащих // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, Рязань, 09–10 апреля 2020 года. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 938–943.
8. Sablone C.A., Pebole M.M. et al. STEP-Home improves neurobehavioral symptoms and reintegration in veterans with TBI and differentially impacts anger control // The Journal of Head Trauma Rehabilitation. 2023. URL: https://militaryreach.auburn.edu/detail?id=b52d494a-3336-46cc-9117-63e1e3a1579e (дата обращения: 26.09.2026).
9. Shorer S. Psychotherapeutic Interventions for Combat Soldiers in Complex Clinical Settings // Romanian Journal of Military Medicine. 2025. Vol. 128. No. 6. P. 501–507. URL: https://www.researchgate.net/publication/396779451_Psychotherapeutic_Interventions_for_Combat_Soldiers_in_Complex_Clinical_Settings (дата обращения: 26.09.2026).

Валидация опросника ECQ и возможность применения его в оценке суицидального риска

Скоморовская Е.Е., Ушков Ф.И.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

По данным ВОЗ самоубийства ежегодно уносят жизни более 700 тысяч человек, и гораздо больше людей совершают попытки лишить себя жизни. Самоубийства – серьезная проблема, влияющая на состояние здоровья населения и требующая эффективных методов диагностики (данные ВОЗ на март 2025).

Кризис является значимым фактором, повышающим вероятность суицидального поведения, поэтому его своевременное выявление и оценка имеют первостепенное значение для профилактики психической дезадаптации работников юстиции и силовых структур (Николаев, 2015).

Оптимальным подходом является использование комплекса методов, позволяющих получить разностороннюю информацию о состоянии работников силовых структур и факторах, способствующих суицидальному поведению.

Экзистенциальная тревога - это конструкт, который относится к страхам, вызванным основными угрозами человеческого существования, такими как бессмысленность, фундаментальное одиночество, осознание неизбежности смерти как таковой, экзистенциальная тревога связана с возникновением суицидальных тенденций (van Bruggen, Klooster, Westerhof, 2017).

Гипотеза исследования состояла в том, что опросник ECQ продемонстрирует хорошую надежность, валидность и репрезентативность результатов, благодаря чему, его можно будет в дальнейшем использовать в практической деятельности при оценке выраженности экзистенциальной тревоги у работников силовых структур. В качестве валидизирующего опросника была использована методика “страх смерти” (Чистопольская, Митина, Ениколопов, 2017). Валидную выборку составили 319 респондентов (101 человек - мужчины, 218 человек - женщины). Средний возраст респондентов - 28,5 лет.

Общий опросник ECQ продемонстрировал хорошую внутреннюю согласованность (альфа Кронбаха=0,914). В результате факторного анализа (факторный анализ образов, методом вращения Прямой Облимин) нами подтвердилось предположение авторов опросника о том, что опросник ECQ может быть скорее использован как одношкальный.

Была обнаружена статистически значимая умеренная положительная связь между большинством пунктов опросника ECQ и шкалами “страха смерти” и была обнаружена отрицательная умеренная корреляция между пунктами опросника ECQ и шкалами “нейтральное принятие смерти”, “принятие-приближение”.

Опросник хорошо охватывает такие аспекты экзистенциальной тревоги, как тревога о самореализации, тревога уязвимости и тревога смысла. Однако, некоторые пункты, связанные со страхом смерти и избеганием, имеют более низкие корреляции с общим баллом по шкале и могут отражать несколько иной аспект экзистенциальной тревоги или даже смежные конструкты.

Литература

1. Николаев Е.Л. Кризис и суицид: клинико-психологический анализ аутоагрессивного поведения // Суицидология. 2015. № 3 (20).
2. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Озоль С.Н., Чубина С.А. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. 2017. № 4 (29).

3. van Bruggen V., Klooster P., Westerhof G., Vos J., Kleine E., Bohlmeijer E., Glas G. The Existential Concerns Questionnaire (ECQ) – Development and Initial Validation of a New Existential Anxiety Scale in a Nonclinical and Clinical Sample // Journal of Clinical Psychology. 2017. Vol. 73. No. 12.

Личностные и ситуационные факторы аффективной агрессии при совершении насильственных правонарушений

Солдатова К.М.
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Согласно теории психологического поля К. Левина, поведение возникает во взаимодействии личности и ситуации: внешние воздействия приобретают значение, «преломляясь» через индивидуальные особенности человека (Левин К., 2000). Такой подход позволяет рассматривать личностные и средовые факторы агрессивно-насильственного поведения как единую систему, что важно как для профилактики правонарушений, так и для судебно-экспертной оценки механизмов уже совершенного преступления (Сафуанов Ф.С., 2014).

Целью исследования выступает выявление личностных и ситуационных особенностей аффективной агрессии в ответ на фрустрирующее воздействие потерпевшего. Выборку составили 160 обследуемых, направленных в НМИЦ им. В. П. Сербского для прохождения КСППЭ, в том числе для решения вопроса о наличии или отсутствии состояния аффекта в момент совершения инкриминируемого деяния. Сравнение проводилось с учётом пола и экспертной квалификации состояния (4 группы: физиологический аффект, кумулятивный аффект, существенное влияние индивидуально-психологических особенностей (ИПО), отсутствие юридически значимого эмоционального состояния). Анализировались: характер конфликта, потерпевший, пусковой триггер агрессии, способ реализации агрессии, патопсихологические симптомокомплексы и установленные психиатрические диагнозы.

Анализ симптомокомплексов показал следующее: психогенно-невротический симптомокомплекс чаще встречался при кумулятивном аффекте ($p < 0,001$), а отсутствие психологического симптомокомплекса при физиологическом аффекте ($p = 0,002$). Для личностно-аномального симптомокомплекса выявлена тенденция к преобладанию в группе существенного влияния ИПО ($p = 0,087$).

Анализ нозологических единиц выявил следующее: психическое здоровье чаще отмечалось при физиологическом аффекте ($p = 0,002$); акцентуации при кумулятивном аффекте и существенном влиянии ИПО ($p = 0,025$); расстройства, связанные с химической зависимостью, при отсутствии юридически значимого состояния ($p < 0,001$); невротические расстройства - при кумулятивном аффекте ($p = 0,002$).

При анализе характера конфликта у женщин значимо чаще наблюдались семейный конфликт (p = 0,001), физическое (p = 0,004) и сексуальное насилие (p = 0,050), а потерпевшим чаще являлся супруг или партнёр (p = 0,001). Для мужчин более характерны неприязненные отношения вне семьи (p = 0,001), а потерпевшими чаще становились знакомые (p = 0,001) и неблизкие родственники (p = 0,040). В группе «физиологического аффекта чаще фигурировали нападение, угроза жизни, сексуальное насилие, а потерпевшим являлся незнакомец; для кумулятивного аффекта - семейные конфликты, оскорбления и унижения; для существенного влияния ИПО - ревность, измена и указания на сексуальную неполноценность; эти же причины превалировали в качестве триггера у мужской части выборки. Наиболее распространённым орудием было холодное оружие, а мужчины существенно чаще женщин использовали огнестрельное оружие (p = 0,001) и наносили удары руками и ногами (p = 0,015).

Таким образом, аффективная агрессия связана не с единичным «пусковым» фактором, а обуславливается сложным взаимовлиянием личности, психического состояния и ситуации. Физиологический аффект преимущественно соотносится с острым угрожающим воздействием, кумулятивный – с длительным напряжением в близких отношениях, а существенное влияние ИПО – с переживаниями ревности, отвержения и уязвления самооценки. У женщин чаще прослеживается семейно-партнёрский и защитный контекст агрессии, у мужчин – внесемейный конфликт и переживания, затрагивающие статус и сексуальную состоятельность.

Литература

1. Левин К. Теория поля в социальных науках. Санкт-Петербург: Речь, 2000.
2. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза. Москва: Юрайт, 2014.

Анализ влияния депрессивных состояний на валидность и достоверность результатов психофизиологического исследования

Ушакова П.Э., Купцова Д.М.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Обеспечение валидности психофизиологических исследований (ПФИ) на полиграфе является ключевой проблемой экспертной психологии. Достоверность выводов зависит от наличия и стабильности такого феномена, как превышение вегетативного отклика на значимые стимулы. В практике обобщенные противопоказания затрудняют диагностику латентных аффективных расстройств. Согласно концепции К. Н. Дедовой (Дедова К.Н., 2016), депрессия снижает информативность ПФИ, вызывая эмоциональное уплощение подэкспертных и изменение их вегетативных ответов (Каменсков М.Ю., 2012). Данный фактор искажает полиграммы, снижает адекватность реагирования (Белянкина В.А., Бантюков И.Б., 2024) и повышает риск ложноотрицательных результатов (Иванов Р.С., 2011). Цель

работы — экспериментальная проверка влияния депрессивной симптоматики на реактивность обследуемых для оценки пригодности их текущего состояния (Иванов Р.С., 2012).

Процедура включала подготовительный, диагностический и инструментальный этапы. На диагностической стадии из 254 приглашенных отобрано 97 человек (студенты и сотрудники МГППУ, 18–32 лет; 94 женщины, 3 мужчины). Из выборки случайным образом исключили 47 участников с легкой депрессией и 14 человек из контрольной группы. Итоговая выборка составила 36 человек от 18 до 32 лет (средний возраст — 22,53 года; 1 мужчина, 35 женщин). На основе шкал Бека, Цунга и HADS-D выборка была разделена на экспериментальную группу с выраженной депрессией (n=15; средняя степень — 11, тяжелая — 4) и контрольную (n=21).

Инструментальный этап предполагал фиксацию параметров кожно-гальванической реакции (КГР) в ходе теста на цифру. Статистический анализ, выполненный с помощью программы JASP (коэффициент Спирмена, U-критерий Манна — Уитни), подтвердил, что высокий уровень депрессии выступает фактором, ограничивающим валидность данного метода. Выявлена достоверная обратная связь между уровнем депрессии по шкале Бека и амплитудой КГР на значимые стимулы (rho = -0,435 при $p < 0,01$).

По данным U-критерия, при депрессии критически снижается именно сила отклика при сохранении его качественного наличия. Это доказывает невалидность упрощенных систем оценки полиграмм по принципу наличия или отсутствия реакции, поскольку значимый сигнал нивелируется на фоне приборных шумов. Наилучшей прогностической ценностью для выявления рисков уплощения КГР обладают шкала Бека и субшкала HADS-D ($p < 0,001$). Шкала Цунга оказалась неинформативной ($p = 0,234$ при $p > 0,05$) из-за уязвимости к диссимуляции подэкспертных и фиксации на соматических жалобах. Результаты свидетельствуют о необходимости предтестового скрининга с использованием шкалы Бека и разработки алгоритмов анализа слабовыраженных реакций на полиграммах лиц с аффективной патологией.

Литература

1. Белянкина В.А., Бантюков И.Б. Факторы, негативно влияющие на адекватность физиологических реакций обследуемого при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 17–22.
2. Дедова К.Н. Медицинские противопоказания для проведения психофизиологического исследования // Виктимология. 2016. № 2 (8). С. 5–11.
3. Иванов Р.С. Влияние индивидуально-психологических особенностей и психопатологических состояний человека на возможность выявления у него скрываемой информации с помощью полиграфа // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. Т. 9. № 1. С. 39–42.

4. Иванов Р.С. Пригодность психофизиологического состояния человека к применению полиграфа // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. Т. 10. № 1. С. 9–12.
5. Каменсков М.Ю. Ограничения к применению психофизиологического метода диагностики парафилий у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2012. № 5. С. 14–22.

Трансформация правосознания у участников СВО в период пребывания в мирной жизни как фактор риска криминализации личности в процессе реадаптации

Чуманова Д.С.
ООО «Научно-исследовательский центр психологии развития «КРЫЛЬЯ»;
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень, Россия)

Профилактика противоправного поведения лиц с боевым опытом актуальна для юридической психологии. Это подтверждает статистика Судебного департамента при ВС РФ: за первую половину 2025 года 350 подследственных лиц избежали наказания за новые правонарушения (включая 41 тяжкое дело), заключив повторный контракт. Тенденции возникают из-за отсутствия сопровождения реадаптации участников специальной военной операции (СВО). В рамках общей психологии реадаптация участников СВО (в отпуске, на ротации, лечении или после контракта) концептуализируется как перестройка ценностно-смысловой сферы под влиянием экстремального стресса (Дикая Л.Г., 2003). Сбои процесса ведут к деструкции правосознания, играющей роль внутренних детерминант делинквентного поведения и постбоевой криминализации личности (Ениколопов С.Н., 2004).

В трудах исследователей (Антонян Ю.М., 2024; Деулин Д.В., 2023; Кадыров Р.В., 2024) проблема активно обсуждается, но в прикладных моделях не представлен инструмент экспресс-детекции деформаций правосознания на доклиническом этапе. Ее решение требует исследования жизненного пути участника СВО. Возвращение в тыл зависит от образования, довоенной профессии, социализации и семейных сценариев. На входе молодыми людьми часто движет инфантильная мотивация приобщения к военной субкультуре ради статуса силы. На фронте личность совершает ценностный сдвиг, формируя новую идентичность. В тылу этот масштаб натыкается на ролевой цинизм среды, требующей возврата в довоенные рамки. Сталкиваясь с беззаботностью тыла, участник СВО переживает фрустрацию, переходящую в обиду и восприятие мира как несправедливости. Разрыв маскируется в телесном панцире: каменном лице, застывшем взгляде, поверхностном дыхании и сжатии кулаков. В тривиальном споре зажим лопается, провоцируя аффективный выплеск по законам фронта. Иллюзия правовой неуязвимости разрушает сдерживающую роль закона. Без психологической работы формируется поломанная личность, уходящая в тюрьму или обратно в экстремальную среду. У когнитивно развитых ветеранов кризис копится долго,

выливаясь в кумулятивный срыв, а при низком интеллектуальном ресурсе — переходит в реактивную агрессию (Поздняков В.М., 2013).

Решением проблемы нам видится внедрение межведомственной Службы комплексного социально-психологического патронажа, объединяющей Минобороны, МВД, Минздрав РФ и фонд «Защитники Отечества» (в лице координаторов, соцработников и профконсультантов). Форма обеспечивает соблюдение ФЗ № 152-ФЗ за счет патронажа по заявительному принципу. Психолог сопоставляет анамнез баз ЕМИАС с результатами невербального и скоростного ассоциативного скрининга правовых установок ветерана. Клинические состояния и суицидальные риски передаются врачам-психиатрам. Мишенью патронажа выступает группа пограничного риска — комбатанты с частичной смысловой дезинтеграцией, сохранившие критику. Для недопущения повторной фрустрации может быть внедрение авторского Комплекса просоциальных реадаптационных траекторий, реализующегой метод замещения боевых автоматизмов (кадровый резерв, наставничество над девиантными подростками, высокотехнологичные среды). Признание масштаба личности обществом актуализирует временную перспективу и перестраивает саморегуляцию, возвращая комбатанта в правовое поле. Перспективы исследования связаны с валидизацией шкал ассоциативного теста с учетом специфики опыта комбаттантов, лонгитюдным мониторингом траекторий и масштабированием патронажа на членов семей ветеранов.

Литература

1. Антонян Ю.М. Личность преступника и криминальное поведение участников вооруженных конфликтов // Юридическая психология. 2024. № 2. С. 18–25.
2. Деулин Д.В. Психологические особенности деформации правосознания комбатантов // Вестник университета. 2023. № 8. С. 142–149.
3. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. Москва: ИП РАН, 2003. 318 с.
4. Ениколопов С.Н. Современный терроризм и агрессивное поведение // Психология и психопатология терроризма. Санкт-Петербург: ВЕИП, 2004. С. 181–193.
5. Кадыров Р.В. Военно-психологические факторы реадаптации участников боевых действий // Экстремальная психология. 2024. № 1. С. 34–41.
6. Поздняков В.М. Пенитенциарная психология в России // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 14–22.

Психологическая экспертиза видеозаписей допроса: оценка психологического состояния – вопросы критериев и алгоритмов

Шипшин С.С.
ФБУ «Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

В процессе дачи показаний в ходе допроса/иного следственного действия человек приобретает процессуальный статус, налагающий на него определенные обязанности и права, что не может не отражаться на его психологическом состоянии. Насколько значимо исследование влияния психологического состояния на оценку способности человека давать показания? Вряд ли возможна полнота решения этой задачи при проведении очной психологической экспертизы без экспертной оценки процесса формирования показаний в конкретных условиях допроса. Такую возможность дает проведение психологической экспертизы информационных материалов, в ходе которой оценивается наличие/отсутствие внешнего влияния на содержание показаний допрашиваемого лица (Секераж Т.Н., 2021). Однако имеющийся психологический инструментарий (Гагина О.В., Кузнецов В.В., 2020) не позволяют в полной мере оценить комплекс факторов, влияющих на способность человека давать показания.

Ранее нами предлагался алгоритм решения задачи по установлению способности потерпевшего/свидетеля давать показания, с учетом особенностей ситуации коммуникации, который включал выявление признаков эмоционального состояния допрашиваемого, влияющего на психическую деятельность и способность давать показания. Проблема заключается в том, что психологическое состояние, будучи характеристикой психической деятельности в исследуемый период, проявляется в поведении допрашиваемого лица, отображенном на видеозаписи. Это существенно ограничивает возможности психологического исследования, поскольку сужает круг методов исследования, основным из которых становится опосредованное наблюдение.

В связи с этим возникает вопрос определения критериев оценки поведения допрашиваемого лица, зафиксированного на видеозаписи. Поскольку анализу доступны только наблюдаемые вербальные, паравербальные и невербальные реакции исследуемого лица, то критериями являются конкретные, объективно фиксируемые показатели поведения человека на различных уровнях: когнитивно-регуляторные, коммуникативно-речевые, эмоционально-волевые, а также мотивационно-личностные. Когнитивно-регуляторные критерии включают: способность к произвольному торможению; устойчивость и последовательность «предмета речи» (обсуждаемой темы, фабулы); метакогнитивную осведомленность как способность осознавать свое состояние и управлять им в процессе допроса. К коммуникативно-речевым критериям в данном контексте следует отнести темпо-ритмические характеристики речи, конгруэнтность речи и невербальных реакций. Эмоционально-волевые критерии отражают устойчивость к внешнему влиянию – способность к сохранению работоспособности и ясности/продуктивности мышления при внешнем воздействии со

стороны допрашивающего лица; способность к восстановлению продуктивной коммуникации после выраженной эмоциональной реакции; отсутствие аффективной ригидности как показатель волевого контроля над ситуацией. К мотивационно-личностным критериям следует отнести: способность противостояния внешнему влиянию, прежде всего, в части содержания показаний; наличие собственной позиции, проявленной преимущественно в способности к аргументации свой позиции.

Использование данных критериев позволяет провести системный анализ наблюдаемого поведения, будет отражать, в том числе, уровень функционирования когнитивной сферы как одного из показателей способности давать показания в исследуемый период.

Как уже отмечалось, психологическое состояние допрашиваемого может существенно, в том числе негативно, повлиять на продуктивность его психической деятельности как на уровне приема и переработки информации, так и на уровне регуляции и контроля психической деятельности (Лурия А.Р., 2006). В качестве дополнительных критериев характера и интенсивности психологического состояния допрашиваемого служат: вегетативные маркеры, моторные маркеры (жесты-адаптеры) и речевые маркеры.

Таким образом, исследование психологического состояния и его влияние на психическую деятельность, проявленное в наблюдаемом поведении допрашиваемого, зафиксированного на видеозаписи допроса, позволяет решать первичную экспертную задачу – оценку способности допрашиваемого лица давать показания.

Литература

1. Гагина О.В., Кузнецов В.В. Методика психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий: влияние на содержание показаний. Москва: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020.
2. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 320 с.
3. Секераж Т.Н. Судебная психологическая экспертиза информационных материалов: теория и практика: монография. Москва: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 406 с.

Романтизация криминального поведения: двухконтурная динамическая модель

Алексеева А.Е., Дуденкова Е.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Современное медиапространство содержит криминальные нарративы, в которых преступники нередко предстают привлекательными, героизированными или романтизированными. Романтизация криминального поведения становится заметным феноменом молодежной среды. Исследования рассматривают медиавоздействие, личностные предпосылки и культурный контекст, однако интегративная модель, объясняющая динамику феномена, представлена недостаточно. В данной работе предлагается авторское понимание романтизации как сложного, динамического, самоподдерживающегося процесса.

Романтизация криминального поведения определяется как социально-психологический феномен, состоящий в наделении преступной деятельности, образа жизни правонарушителя и его образа привлекательными атрибутами: героизмом, благородством, протестом против несправедливой системы.

Теоретическими основаниями концепции выступают теория психологического реактанса (J. Brehm; 1966), объясняющая привлекательность запретного образа; идея привлекательности трансгрессии (J. Katz, 1988), согласно которой соблазн нарушения нормы частично передается наблюдателю через идентификацию и нарративную транспортацию (аспекты социальной идентичности подростков в контексте рисков радикализации рассматриваются в работе К.Н. Дворянчиковой, 2026); а также такие психологические механизмы как нарративное вовлечение (Busselle R. и др., 2009), парасоциальное взаимодействие (Horton D., Wohl R. R., 1956), атрибутивные искажения (Heider F., 1958), моральное разобщение (Bandura A., 1999) и десенсибилизация (Cline V. B. и др., 1973).

Центральным положением является представление о романтизации как о двухконтурном динамическом процессе. Первый контур связан с восприятием медиаконтента: нарративное вовлечение, идентификация и эмпатия могут формировать симпатию к персонажу-преступнику независимо от моральной оценки его поступков (Green M. C., Brock T. C., 2000; Busselle R., Bilandzic H., 2009; Cohen J, 2001). Противоречие между привлекательностью персонажа и антисоциальным характером его действий может сниматься посредством атрибутивных искажений и морального разобщения (Heider F., 1958; Bandura A., 1999). При повторной экспозиции к сходному контенту к перечисленным процессам добавляется десенсибилизация – снижение эмоциональной и критической чувствительности к девиантному поведению (Cline V. B., Croft R. G., Courrier S., 1973). Результатом функционирования первого

контура выступает ситуативная романтизация – кратковременное состояние, характеризующееся частичной позитивизацией образа персонажа и снижением критической дистанции по отношению к нему.

Второй контур – личностно-установочная склонность. Полагается, что при повторении ситуативных “вспышек” и отсутствии критической переработки они могут закрепляться в устойчивые когнитивно-аффективные схемы. Формируется диспозиция к романтизации, усиливающая реакцию первого контура при встрече с похожим контентом. Критическая переработка понимается как совокупность метакогнитивных процессов, позволяющих различать вымысел и реальность и рефлексировать собственные эмоциональные реакции; она выступает условием разрыва цикла. Об аффективной, а не когнитивно-нормативной природе диспозиции также свидетельствуют результаты исследования Алексеевой (2026).

Предполагается, что существует циклическая взаимосвязь контуров: ситуативная романтизация при повторении может закрепляться как устойчивая диспозиция, которая в свою очередь усиливает последующие реакции. Цикличность и переход ситуативной романтизации в устойчивую диспозицию являются гипотезами и требуют эмпирической проверки. Планируются экспериментальная операционализация ситуативной романтизации (контур 1), анализ роли критической переработки как фактора, разрывающего цикл, и лонгитюдная проверка перехода ситуативных “вспышек” в устойчивую диспозицию (контур 2).

Таким образом, предлагаемая двухконтурная модель позволит интегрировать разрозненные данные о романтизации криминального поведения в целостную концепцию, объясняющую как ситуативные, так и устойчивые формы феномена, и создает основу для ее эмпирического исследования и профилактики.

Литература

1. Алексеева А.Е. Правосознание и индивидуально-психологические особенности девушек, склонных к романтизации криминального поведения: выпускная квалификационная работа. Москва, 2026.
2. Дворянчикова, К. Н. Социальная идентичность и риск радикализации в подростково-молодежной среде / К. Н. Дворянчикова // Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии : сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. Москва, 2026. С. 69–70.
3. Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. 1999. Vol. 3. No. 3. P. 193–209. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0303_3.
4. Brehm J.W. A Theory of Psychological Reactance. New York: Academic Press, 1966. 135 p.
5. Busselle R., Bilandzic H. Measuring narrative engagement // Media Psychology. 2009. Vol. 12. No. 4. P. 321–347. DOI: 10.1080/15213260903287259.

6. Cline V.B., Croft R.G., Courrier S. Desensitization of children to television violence // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 27. No. 3. P. 360–365. DOI: 10.1037/h0034945.
7. Cohen J. Defining identification: A theoretical look at the identification of audiences with media characters // Mass Communication & Society. 2001. Vol. 4. No. 3. P. 245–264. DOI: 10.1207/S15327825MCS0403_01.
8. Green M.C., Brock T.C. The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. No. 5. P. 701–721. DOI: 10.1037/0022-3514.79.5.701.
9. Heider F. The Psychology of Interpersonal Relations. New York: Wiley, 1958. 322 p.
10. Horton D., Wohl R.R. Mass communication and para-social interaction: Observations on intimacy at a distance // Psychiatry. 1956. Vol. 19. No. 3. P. 215–229. DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049.
11. Katz J. Seductions of Crime: Moral and Sensual Attractions in Doing Evil. New York: Basic Books, 1988. 367 p.

Индивидуально-психологические факторы виктимизации при телефонном мошенничестве

Алексеева Н.В., Данилова Д.В.
ГБКУЗ ЯО «Ярославская областная психиатрическая больница» (г. Ярославль, Россия)
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (г. Ярославль, Россия)

Телефонное мошенничество остается одной из наиболее актуальных и значимых угроз национальной безопасности, поскольку подрывает не только финансовую стабильность граждан, но и дестабилизирует общество, всё чаще используется для осуществления и финансирования противоправной деятельности. Меняются схемы, оттачиваются технические возможности, в том числе с использованием ИИ, совершенствуются методы психологического воздействия. Несмотря на внедряемые меры профилактики, количество жертв телефонных мошенников значимо не снижается; среди них мы можем увидеть и молодых, и пожилых, и людей с высшим юридическим и экономическим образованием, и представителей силовых структур, что ставит вопрос о наличии определённых психологических предпосылок и уязвимостей. Важно отметить, что жертвы несут не только значительные финансовые потери, но также испытывают психологический стресс, чувство вины, снижение доверия к окружающим, нередко подвергаются стигматизации со стороны социума.

В настоящее время продолжает нарабатываться и проясняться данная предметная область в гражданском и уголовном процессе. На начальном этапе исследования был проведен качественный анализ 13 судебно-психологических исследований. Среди всего прочего у большинства потерпевших отмечались такие

ИПО как средний и выше среднего уровень внушаемости, тревожность, сензитивность, ригидность и лабильность, неумение отказывать, наивность и признаки субъективизма суждений, элементы пралогического мышления (Алексеева Н.В., 2025).

Материалы и методы: респонденты в возрасте от 18 до 75 лет, имевшие опыт взаимодействия с телефонными мошенниками. Объём выборки – 83 человека. Основная группа – лица, прошедшие обследование в рамках КСППЭ (n=27; 22 женщины, 5 мужчин). Контрольная группа – лица, прервавшие общение с мошенником (n=56; 40 женщин, 16 мужчин). Контрольная группа разделена на подгруппы по самоотчёту об эмоциональном состоянии в момент звонка: «с интересом» (n=36) и «с тревогой» (n=20). Использовались авторская анкета для отбора выборки и анализа опыта взаимодействия с мошенниками, методика диагностики внушаемости С.В. Клаучека, В.В. Деларю, Индивидуально-типологический опросник, «Опросник верований и суеверий» И.Я. Стояновой.

Результаты и обсуждение. Лица, прервавшие общение, имеют более низкий уровень внушаемости ($p<0,01$) и сензитивности ($p<0,001$); подгруппа, общавшаяся «с интересом» менее тревожна, чем жертвы ($p<0,05$). Лица, прервавшие общение, демонстрируют менее выраженную склонность к иррациональному (магическому) мышлению по всем шкалам ($p<0,001$). Корреляционный анализ показал, что в контрольной группе имеет место отрицательная связь внушаемости со спонтанностью и положительная спонтанности с агрессивностью, которые могут выступать протективным механизмом; в группе жертв эти связи отсутствуют и заменены положительными корреляциями внушаемости с иррациональными конструктами, иррациональных конструктов с тревожностью и ригидностью.

Таким образом, факторами уязвимости к телефонному мошенничеству могут выступать: склонность к магическому мышлению, более высокий уровень внушаемости и сензитивности, а также низкие показатели агрессивности и спонтанности. Тревожность сама по себе не является виктимизирующим фактором, решающее значение может иметь сочетание с внушаемостью и иррациональными конструктами.

Литература

1. Алексеева Н.В. Исследование индивидуально-психологических особенностей жертв телефонного мошенничества (качественный анализ) // Медицинская (клиническая) психология: исторические традиции и современная практика: сборник научных статей и тезисов VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Ярославль, 6–7 декабря 2024 г.). Ярославль: Аверс Плюс, 2025. С. 16–18.

Проблема профилактики виктимности граждан к манипулятивным воздействиям мошенников

Андрианов М.С.
НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Борьба с мошенниками остается весьма актуальной в настоящее время, несмотря на противодействие правоохранителей и деятельность законодателей. При этом важным фактором такой ситуации является не только увеличение мошеннических атак на российских граждан, но и психологические особенности поведения жертв обмана преступников – потерпевших (Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н, 2025; Сафуанов Ф.С., Широкова В.В., 2025). Даже в коротком общении с потенциальной жертвой мошенники быстро определяют уязвимые места в психике собеседника, его психологические особенности и сразу же стараются этим воспользоваться, побуждая совершать необдуманные, спонтанные поступки, приводящие к трагическим последствиям. Таким образом, специфическое психологическое состояние потерпевших во многих случаях становится главным аспектом мошеннических преступлений и по сути ключевой частью механизма их совершения. Именно это создает основную трудность предупреждения мошеннической деятельности.

Каковы бы ни были основания виктимизации россиян к такого рода преступлениям, опыт показывает, что это непосредственно связано с классической социально-психологической триадой: эмоции – сознание (когнитивные способности и внутренний контроль) – социализация. Иными словами, снижение виктимности индивида (до определенной степени) достигается: а) стабилизацией социально-психологической атмосферы в обществе и снижением уровня тревожности его членов; б) высоким уровнем самоконтроля человека, должной регуляцией своего собственного поведения на основе достаточного информирования о проблеме; в) активным включением субъекта в социальные отношения, жизнь общества и усвоением принятых конструктивных способов совладания со стрессом и тревогой. Именно это задает вектора – основные направления профилактической работы по снижению числа мошеннических преступлений.

Социальные исследования фиксируют возрастание уровня тревожности в российском обществе. Этим и пользуются мошенники, когда вынуждают субъекта совершать определенные действия. Очевидно, что снижение озабоченности граждан, как не стать жертвой преступлений, должно достигаться за счет повышения их компетентности в этом вопросе, т.е. людей необходимо снабжать достоверной информацией о существующей проблеме. Однако приходится констатировать, что активное обращение СМИ к этой тематике зачастую не только не снижает тревожность у читателей, а только еще больше стимулирует ее. Часто рост тревоги – это неизбежная производная от большего распространения эмоционально заряженного контента. Следовательно, информирование граждан о мошеннических преступлениях должно

осуществляться планомерно, но с минимумом эмоциональной окраски, без нагнетания и гиперболизации таких преступлений.

Владение информацией об угрозе стать жертвой мошенников, позволяет субъекту выработать методы самозащиты, способы совладения с тревожностью по этому поводу: включить критическое мышление и контроль за своим поведением. При этом, чем выше социальная активность человека, его участие в жизни общества, проявляемый интерес к имеющимся проблемам и способах их решения, тем труднее мошенникам им манипулировать. Высокая степень социализации гражданина очень важна для профилактики таких преступлений.

Таким образом, борьба с мошенническими преступлениями представляет собой сложную, системную профилактическую деятельность государственных органов и общественных объединений, направленную на постоянную разъяснительную работу среди населения.

Литература

1. Колодкина Д.А., Дворянчиков Н.В., Дворянчикова К.Н. Индивидуально-психологические факторы виктимного поведения жертв телефонного мошенничества // Психология и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 140–153.
2. Сафуанов Ф.С., Широкова В.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки // Психология и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 3–18.

К вопросу о психологическом портрете наркокурьера, осуществляющего внутриполостную транспортировку наркотических средств

Афонин Д.Н.
Санкт-Петербургский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Среди многочисленных способов незаконного перемещения наркотических средств через государственную границу внутриполостное сокрытие занимает особое место не только в силу высокой латентности и технической сложности выявления, но и вследствие уникального психологического статуса лица, выступающего в роли носителя. В современной криминологической и медицинской литературе за такими субъектами закрепился термин «body packer» – глотатель или курьер, который помещает упакованные контейнеры с наркотиком в желудочно-кишечный тракт, влагалище или прямую кишку (Афонин Д.Н., 2025).

Специфика внутриполостного сокрытия предъявляет особые требования к психофизиологическому состоянию курьера в момент совершения преступления. Помимо самой процедуры заглатывания большого количества крупных капсул, глотатель вынужден в течение длительного времени (иногда нескольких суток) подавлять естественные позывы к дефекации, что достигается приемом препаратов,

замедляющих перистальтику (Baggio S. et al., 2020). Состояние физического дискомфорта, постоянного страха разрыва контейнера и летальной интоксикации накладывается на высокий уровень тревожности, связанный с риском разоблачения. Внешние проявления являются прямым следствием психоэмоционального напряжения, в котором находится курьер (O'Hagan A. et al., 2016). Он вынужден постоянно контролировать свое тело, чтобы не спровоцировать преждевременное изгнание пакетов, и одновременно моделировать роль обычного пассажира, что создает когнитивный диссонанс и истощает психические ресурсы.

Важнейшим психологическим аспектом является специфика волевой сферы глотателя. Мотивация входа в эту преступную деятельность редко бывает сугубо корыстной в ее классическом понимании. Зачастую имеют место элементы принуждения, шантажа или долговой кабалы перед наркокартелями. В ряде случаев социальные связи и семейные узы напрямую втягивают человека в трафик или когда угроза жизни близких становится решающим аргументом (Афонин Д.Н., 2021). Это позволяет криминологам говорить о высокой степени виктимности «мулов» – они становятся расходным материалом для организованных групп, и их психологический профиль характеризуется выраженным внешним локусом контроля, когда субъект воспринимает себя не инициатором, а исполнителем чужой воли.

Таким образом, психологический портрет наркокурьера, перевозящего наркотики внутри собственного тела, представляет собой сложную мозаику, в которой переплетаются социальная депривация, материальная нужда, сниженная способность к критической оценке рисков, а в значительной доле случаев – актуальная или преморбидная психическая патология в виде аффективных и аддиктивных расстройств.

Литература

1. Афонин Д.Н. Возможности выявления наркокурьеров с использованием рентгеновских сканеров для персонального досмотра // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9. № 1 (33). С. 8–10.
2. Афонин Д.Н. Применение рентгеновских сканеров для персонального досмотра при таможенном контроле. Москва: Русайнс, 2021. 174 с.
3. Baggio S., Guillaume-Gentil S., Heller P. et al. Body pack in sick bodies: a retrospective study of somatic and psychiatric comorbidities among body-packers // International Journal of Prisoner Health. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 45–55. DOI: 10.1108/IJPH-03-2019-0016.
4. O'Hagan A., Harvey I.C. The Internal Machinations of Cocaine: The Evolution, Risks, and Sentencing of Body Packers // Forensic Research & Criminology International Journal. 2016. Vol. 2. No. 5. Art. 00071. DOI: 10.15406/frcij.2016.02.00071.

Связь агрессивности и когнитивных ошибок у лиц с параноидной формой шизофрении

Дасевич С.Г.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Мельникова Д.В.

Проблема агрессии и агрессивности у лиц с параноидной формой шизофрении на текущий момент остаётся достаточно актуальной как в психиатрии, так и в психологии. Исследования показывают, что наиболее склонны к агрессивным действиям именно лица с данным расстройством, особенно при наличии бреда воздействия и бреда преследования (Паршакова А.Н. и др., 2019). Несмотря на большое количество работ, касающихся данной проблематики, стоит учитывать многофакторность агрессивного поведения, которое нельзя объяснить только наличием психического расстройства. Одну из важнейших ролей в формировании агрессивности играют когнитивные искажения, которые обусловливают особенность интерпретации социальных ситуаций. Д. Фримен и П. Гарети рассматривают когнитивные искажения в своей модели паранойи как ключевые психологические механизмы формирования и поддержания параноидных убеждений и бредовых идей (Freeman D. et al., 2002).

Изучение связи агрессивности и когнитивных ошибок помогает понять роль когнитивных процессов в формировании данного феномена. Актуальность исследования определяется тем, что своевременная диагностика и знание наиболее распространённых когнитивных искажений позволяют психологу точнее определять мишени терапии и подбирать соответствующие техники в рамках когнитивно-поведенческого подхода, что существенно повышает качество психологической помощи пациентам с параноидной шизофренией.

С целью эмпирического изучения связи когнитивных искажений и агрессивности было проведено исследование, в котором приняли участие 25 пациентов с диагнозом F20.0 по МКБ-10, находящихся на стационарном лечении. Группу сравнения составили 25 лиц с диагнозом F70.8 по МКБ-10, проживающих в условиях психоневрологического интерната.

В рамках исследования были использованы следующие методики: опросник когнитивных ошибок (А. Фримен, адаптация А.Е. Боброва, Е.В. Файзрахмановой), опросник агрессивности Басса-Перри (BPAQ, адаптация С.Н. Ениколопова, Н.П. Цибульского), опросник видов агрессивности Л.Г. Почебут.

Анализ полученных данных показал, что связь когнитивных искажений и агрессивности различна в двух нозологиях. В группе шизофрении искажения являются важным звеном во враждебной интерпретации реальности, в то время как у группы с лёгкой умственной отсталостью они существуют изолированно и ситуативно и не встроены в сложную когнитивную схему. При этом враждебность в двух группах имеет разную природу: в группе шизофрении она является результатом сложной, структурированной когнитивной схемы и специфических когнитивных искажений

(среди которых доминируют «чтение мыслей», «упрямство», «выученная беспомощность», «максимализм» и «преувеличение опасности»), а при лёгкой умственной отсталости — результатом фрустрации, дефицита навыков регуляции и когнитивного развития.

Таким образом, агрессивность у лиц с лёгкой умственной отсталостью носит импульсивный характер, тогда как у больных параноидной формой шизофрении прямому агрессивному поведению препятствуют тормозные механизмы. Выявленные специфические когнитивные искажения, связанные с враждебностью при шизофрении, открывают новые возможности для снижения агрессивности и риска агрессивного поведения в рамках когнитивно-поведенческого подхода.

Литература

1. Паршакова А.Н., Цепова Ю.С., Трутнева Н.В., Ятманов В.Г. Проявления агрессивного поведения у больных шизофренией и их лечение // Международный студенческий научный вестник. 2019. № 1. С. 26–32.
2. Freeman D., Garety P.A., Kuipers E., Fowler D., Bebbington P. Paranoia: The psychology of persecutory delusions. Chichester: Wiley, 2002. 240 p.

Психологические причины деструктивного поведения подростков в цифровых средах

Деулин Д.В., Шустиков И.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Проблема деструктивного поведения подростков является одной из наиболее актуальных в современной психологии развития и педагогической практике. Деструктивное поведение является специфическим видом девиантного поведения (Клейберг Ю.А., 2008).

В условиях информационной войны применяются различные латентные механизмы, направленные на манипулирование несовершеннолетними, культивирование различных форм девиаций (Деулин Д.В., 2025).

На основании некоторых исследований можно выделить следующие виды девиантного и преступного онлайн-поведения: киберагрессивное, киберпреступное, киберсамоповреждающее, киберзависимое, киберрискованное и кибервиктимное (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2024).

Теоретический анализ позволяет предположить наличие взаимосвязи агрессивности, тревожности и эмпатии как психологических причин деструктивного поведения подростков в цифровой среде.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что выраженность деструктивного поведения подростков в цифровой среде имеет прямо

пропорциональную взаимосвязь с уровнем агрессивности и тревожности личности и обратно пропорциональную - с уровнем эмпатии.

Исследование было проведено на базе ГБПОУ г. Москвы (Колледж связи №54 имени П.М. Вострухина) с участием обучающихся старшего подросткового возраста. В исследовании приняли участие 25 обучающихся в возрасте от 16 до 18 лет.

Целью исследования являлось выявление психологических детерминант (взаимосвязей психологических конструктов) деструктивного поведения подростков в цифровой среде общения.

Для реализации цели исследования использовались психодиагностические методики, направленные на выявление уровня агрессивности, тревожности и эмпатии у подростков: Фрейбургская анкета агрессивности; шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина); методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко; авторская анкета особенностей использования интернет-среды (шкала интернет-активности; шкала деструктивного поведения). Был использован непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ).

Анализ подтвердил выраженную взаимосвязь реактивной и личностной тревожности ($\rho = 0.710$, при $p < 0.001$). Полученный результат свидетельствует о том, что подростки с высоким уровнем личностной тревожности склонны чаще переживать ситуативную тревогу в различных жизненных обстоятельствах.

Также выявлена статистически значимая положительная связь между агрессивностью и личностной тревожностью ($\rho = 0.430$, при $p = 0.032$), что позволяет предположить наличие взаимосвязи между внутренним эмоциональным напряжением и склонностью к агрессивным реакциям.

Вместе с тем, обнаружена статистически значимая положительная связь между уровнем агрессивности и выраженностью деструктивного поведения в интернет-среде (на основе авторской анкеты, $\rho = 0.594$, при $p = 0.002$).

Также выявлены статистически значимые положительные связи между показателем деструктивности («шкала деструктивного поведения» в авторской анкете) в интернет-среде и реактивной тревожностью

($\rho = 0.624$, $p < 0.001$), а также личностной тревожностью ($\rho = 0.557$, $p = 0.004$). Полученные результаты позволяют предположить, что высокий уровень тревожности связан с большей вероятностью проявления деструктивного поведения в процессе цифровой коммуникации.

При этом статистически значимой связи между уровнем эмпатии и выраженностью деструктивного поведения в интернет-среде обнаружено не было ($\rho = -0.051$, $p = 0.809$).

Результаты проведенного пилотажного эмпирического исследования могут быть учтены в рамках разработки программ психолого-педагогической профилактики и коррекции моделей поведения обучающихся в цифровых средах.

Литература

1. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 45–66. DOI: 10.17759/psylaw.2024140204.
2. Деулин Д.В. Информационно-психологические технологии формирования деструктивного поведения несовершеннолетних // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции «Портрет инспектора по делам несовершеннолетних» (г. Москва, 27 марта 2025 г). Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. С. 67–71.
3. Клейберг Ю.А. Типология Деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 130–134.

Этническая нетерпимость как форма девиации

Деулин Д.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В современных условиях трансформации мирового порядка и приближения к технологической сингулярности, особенно остро проявляются социально-психологические, экономические, политические и иные противоречия.

В процессе конкуренции можно наблюдать обесценивание культурных норм. Экономическое выживание и борьба за существование превращает людей разных культур в антагонистов. Английский писатель Т. Карлейль сообщает нам о проявлениях «этнической интолерантности» в той же Англии начала XIX века (Карлейл Т., 2015).

И сегодня проблема агрессивного «экспорта мультикультурности» является причиной обострения конфликтов на «этнической почве» во всем мире (Деулин Д.В., 2011). Важно учитывать, что в современных исследованиях показано, что агрессия становится одним из значимых предикторов этнической интолерантности. В своем исследовании Ю.А. Клейберг отмечает, что интолерантные испытуемые проявляли высокий уровень агрессии (вербальной, физической и эмоциональной) (Клейберг Ю.А., 2005).

Расширяя психологическое понимание проблемного поля межэтнических конфликтов, выделяются отдельные социально-биологизаторские теории как причины «этнической интолерантности» (Хухлаев О.Е., 2026).

1. Теория враждебности предполагает, что межгрупповое напряжение обусловлено врождёнными биологическими механизмами — в соответствии с концепцией К. Лоренца, внутривидовая агрессия заложена в природе живых организмов.

2. Теория фрустрации артикулирует внимание на возникновение препятствий на пути к удовлетворению потребностей, порождающее чувство враждебности.

3. Психологическая травматизация рассматривается как один из ключевых механизмов возникновения межгрупповых конфликтов.

Существуют и другие научные «экспликации» этнической интолерантности:

1. Теория аномии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон). Давление социальных кризисов приводит к демонтажу прежних систем, создавая психологическую фрустрацию, которая заставляет искать поиски путей удовлетворения потребностей в жесткой конкурентной среде, тем самым провоцируя столкновения разных этнических групп.

2. Экономическая теория конфликта (К. Маркс, Ф. Энгельс). Нетерпимость рассматривается как инструмент борьбы за ограниченные ресурсы (власть, рабочие места) в условиях эксплуатации и повышения производительности труда.

3. Стигматизация (Г. Беккер). Навешивание негативных «ярлыков» на этнические меньшинства переводит их в категорию «девиантов» в глазах большинства, что оправдывает агрессивные модели поведения.

Следовательно, этническая нетерпимость (или интолерантность) относится к разряду девиантных форм поведения, проявляющихся преимущественно вследствие выхода за рамки социальных норм — негативное отношение к определённым этническим группам и склонность к агрессивному поведению.

Литература

1. Деулин Д.В. Экспорт мультикультурности как итог глобальной миграционной политики // Миграционное право. 2011. № 4. С. 20–25.
2. Карлейль Т. Чартизм. [Б. м.]: Издательские решения, 2015. 118 с.
3. Клейберг Ю.А. Взаимосвязь национального самосознания, социально-психологических характеристики межэтнической толерантности студентов // Общество и право. 2005. № 3 (9). С. 8–11.
4. Хухлаев О.Е. Причины этнического конфликта: построение социально-психологической типологии // Этнопсихология: вопросы теории и практики / под ред. О.Е. Хухлаева. Москва: МГППУ, 2006. Ч. 1. С. 52–67.

«Идеальная жертва» и романтизация образа преступника в криминальном медианарративе

Дуденкова Е.А., Дворянчиков Н.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Романтизация криминального поведения в медиатексте традиционно анализируется через фигуру преступника – его мотивацию, эстетизированный или интеллектуализированный образ, репрезентацию его биографии и др. Существенно менее изученным остается то, как в подобных нарративах сконструирован образ жертвы: как правило, исследователи ограничиваются указанием на «снижение ее значимости» в структуре повествования, не раскрывая, как именно это происходит и с

чем связано. В данной работе предлагается рассматривать степень соответствия жертвы образу «идеальной жертвы» как самостоятельный, операционализируемый признак романтизированной репрезентации, наряду с уже описанными.

Целью настоящей работы является теоретическое обоснование и предварительная эмпирическая проверка роли образа жертвы как фактора, регулирующего степень романтизации преступника в криминальном медианарративе.

Теоретическим основанием выступает концепция «идеальной жертвы» Н. Кристи (Christie, 1986). Согласно данной концепции, общественное сочувствие к жертве преступления не является безусловным, а определяется степенью ее соответствия социально одобряемому образу – невиновности, слабости, отсутствия связи с преступником и моральной безупречности. Жертвы, не соответствующие этому образу, вызывают менее выраженное сочувствие и чаще подвергаются вторичной виктимизации в общественном восприятии.

Одним из вероятных механизмов данной связи выступают эффект идентифицируемой жертвы и «психическое оцепенение» (Slovic, 2007): по мере снижения индивидуализации жертвы и роста числа жертв сочувствие к ним закономерно падает. Дополнительным механизмом в этом процессе выступает моральное разобщение (Bandura, 1999; Ячменева, Балева, Корниенко, 2025) – обезличивание жертвы ослабляет самоосуждение причинившего вред. Исходя из этого можно предположить, что тот же принцип снижает и внешний барьер для сочувственного отношения к преступнику со стороны аудитории.

Выдвигается следующее теоретическое положение: степень романтизации преступника находится в обратной зависимости от степени соответствия жертвы образу «идеальной». На данном этапе положение конкретизируется как проверяемая *гипотеза*: медианарративы с более выраженной «идеальностью» жертвы демонстрируют в среднем более низкий индекс романтизации преступника, чем медианарративы с менее выраженной «идеальностью».

Для предварительной проверки гипотезы сопоставлены пять медианарративов (3 сериала, 2 фильма) с разной степенью соответствия жертвы образу «идеальной» (Christie, 1986). Используемый метод – контент-анализ. Оба признака (романтизация образа преступника; «идеальность» образа жертвы) операционализированы как индексы, каждый из которых представляет собой среднее по 4 критериям, оцененным по шкале 1-3 в каждом кейсе. Критерии для романтизации – смещение фокуса повествования на личность преступника, эстетизация его образа, интеллектуализация/харизматизация, эмоциональная окрашенность подачи; для идеальности жертвы – индивидуализация, невиновность/безупречность, отсутствие связи с криминальной средой, уязвимость в подаче.

Результаты предварительного эмпирического этапа согласуются с гипотезой на всех пяти кейсах – индекс романтизации преступника снижается по мере роста «идеальности» жертвы. Ввиду целенаправленного характера и малого объема выборки результат не рассматривается статистически значимым, тем не менее устойчивость выявленной закономерности является достаточным основанием для дальнейшей

проверки гипотезы. Полученные результаты позволяют планировать дальнейшие шаги – расширение выборки медианарративов, проверку предложенной схемы кодирования на большем числе кейсов с привлечением независимого кодировщика, а также экспериментальное исследование влияния выявленных признаков на восприятие аудитории.

Литература

1. Ячменева Н.П., Балева М.В., Корниенко С.Д. Механизмы отчуждения моральной ответственности: априорная вероятность и личностные предикторы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2025. Т. 48. № 2. С. 84–108.
2. Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities // Personality and Social Psychology Review. 1999. Vol. 3. No. 3. P. 193–209.
3. Christie N. The ideal victim // From Crime Policy to Victim Policy / Ed. E.A. Fattah. London: Macmillan, 1986. P. 17–30.
4. Slovic P. "If I look at the mass I will never act": psychic numbing and genocide // Judgment and Decision Making. 2007. Vol. 2. No. 2. P. 79–95.

Трискелион криминальной агрессии: мачизм, нарцизм, садизм

Жукова-Валиковская С.В.
ГБУ ЦРИ «Царицыно» (г. Москва, Россия)

В сочетании характерологических особенностей преступников, совершивших серийные сексуальные преступления садистической направленности, а также у лиц, практикующих садомазохизм, были выявлены некоторые схожие совокупности факторов, имеющие отношение к гиперкомпенсации мужской половой роли и к недостаточному пониманию того, что представляет собой образ женщины (Жукова-Валиковская С.В., 2024). Гиперкомпенсация мужского поведения связана с демонстрацией маскулинности, «мачизмом» или «мужским шовинизмом», который имеет гиперболизированную направленность идентичности с наиболее агрессивными и брутальными образцами мужского поведения (Жукова-Валиковская С.В., 2024, с. 50-51). Такая идентификация является основой для формирования криминальной агрессии против женщин (Жукова-Валиковская С.В., 2024). Как садизм, так и мачизм (мужской шовинизм) имеют не только общие характерологические особенности, но и общий фундамент. Поскольку в большинстве заключений экспериментально-психологических исследований (далее - ЭПИ) серийных сексуальных преступников, фигурируют выводы специалистов, подтверждающие искажения у испытуемых полоролевой идентичности и наличие аутоэротических тенденций, а также амбивалентность отношения к образу женщины и конфликтность в восприятии мужской половой роли, - можно сделать вывод о том, что общим фундаментом для формирования перечисленных особенностей, выступает нарцизм (Зигмунд Фрейд, 1923, с. 1-10). С точки зрения ортодокса психоанализа, Зигмунда

Фрейда, в основе формирования нарциссических тенденций лежит ревность. Она состоит из трёх видов: соперничающая (нормативная); проецируемая и бредовая ревность.

Первый вид - это ревность к значимым взрослым при проживании Эдипова или «семейного» комплекса. При проживании горя, боли, вызванных мыслью о потере любимого объекта, и зависти, враждебности к преуспевающему сопернику, формируются нарциссические раны. Большинство людей переживают это бисексуально, но в некоторых случаях, при неудачном прохождении Эдипова комплекса, в бессознательном формируется аффективное восприятие образов мужчины и женщины. Проецируемая ревность, уже включая предыдущий механизм формирования, использует бессознательный механизм «прощения совести», проецируя бессознательные фантазии о своей собственной неверности на своего партнёра, что облегчает страдания. Третий вид, ревность истинно бредового типа, берёт своё начало в вытесненных импульсах к неверности — однако объект в этих случаях того же пола, что и субъект. Бредовая ревность представляет собой наиболее выраженную степень гомосексуальности и справедливо занимает своё место среди классических форм паранойи.

Ещё один немаловажный фактор – двойственность чувств и эмоций в определении восприятия образов мужчины и женщины. Для параноика самый любимый им человек одного и того же пола, является его преследователем (инверсия аффекта). Таким образом, и паранойя, и ревность, которые так часто всплывают в мотивационной составляющей совершения преступлений, - выступают в виде бессознательного механизма защиты от гомосексуализма.

Литература

1. Жукова-Валиковская (Нечесова) С.В. Восприятие образа женщины у лиц, практикующих БДСМ // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2024» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. Москва: МОО СИПНН Н.Д. Кондратьева, 2024.
2. Жукова-Валиковская С.В. Криминогенность личностных особенностей при аномалиях влечения в форме садизма // Психология и право в современной России. Коченовские чтения, Москва, 06–08 ноября 2024 года. Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2024. С. 50–51. EDN: LVDZDL.
3. Жукова-Валиковская С.В. Криминогенность личностных особенностей при аномалиях влечения в форме садизма (на примере серийных сексуальных убийц): выпускная квалификационная работа. Москва: МГППУ, 2024. 116 с. URL: https://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=487565.
4. Freud S. Certain Neurotic Mechanisms in Jealousy, Paranoia and Homosexuality // The International Journal of Psycho-Analysis. 1923. Vol. 4. P. 1–10.

О значении деструктивности для криминогенной личности

Злоказов К.В.
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ежегодно повторяющаяся особенность - совершение каждого второго преступления в нашей стране лицами, ранее уже подвергавшимися уголовному преследованию, актуализирует изучение психологии криминогенной личности (Состояние преступности, 2026).

Понятие «криминогенная личность» характеризует личность, обладающую устойчивой противоправной направленностью поведения, сохраняемо й, несмотря на применение мер административного и уголовного воздействия. Статистика показывает, что значительная часть криминальных посягательств криминогенной личности приходится на близких родственников, членов социального окружения и знакомых. Как следствие, не только сами посягательства, но и риск их совершения приводят к деструктивным последствиям – от прекращения межличностных отношений до распада социальных структур семьи, родства, дружбы. В результате криминогенная личность лишается ресурсов, важных для ее постпенитенциарной адаптации и реинтеграции в общество.

Возникает вопрос, какое место деструктивность занимает в развитии и функционировании криминогенной личности? Онтологически деструктивность предстает как форма активности субъекта, направленная на разрушение внешних социальных структур (ролей, норм, статусов) ради выстраивания и утверждения собственного, отличного от других, структурного образа «Я» (Злоказов К.В., Самойлик Н.А., Чопик О.А., 2026). С учетом этого можно полагать, что, во-первых, деструктивность выступает способом контроля над депривирующей или фрустрирующей социальной средой (через насилие, манипуляцию, обесценивание окружения), обеспечивая доступ к ресурсам, необходимым для социального функционирования. Во-вторых, деструктивность позволяет личности конституировать криминальную идентичность, определяя себя как нечто отличное от роли (статуса, ожиданий), предписанной ей социальными структурами.

Разработанная на основе данных представлений шкала деструктивных проявлений в социальном взаимодействий позволяет эмпирически определить их предпосылки и уровень выраженности (Злоказов К.В., Самойлик Н.А., Чопик О.А., 2026). Основаниями деструктивности криминогенных лиц могут быть дефект привязанности (восходящий к раннему детству) и установка на проявление насилия для компенсации собственной слабости. Дефект привязанности основывается на представлениях теории привязанности о том, что ранний опыт депривации формирует избегающий или тревожный тип привязанности, который во взрослом возрасте проявляется в упреждающем разрыве отношений и враждебности к партнеру при малейшей фрустрации притязаний на взаимность. Второй компонент - применение к партнеру насилия - объясняется отождествлением криминогенной личностью

собственных неудач со своей слабостью и уязвимостью. Их проявление не должно быть заметно окружающим, поскольку влечет за собой потерю неформального статуса (авторитета). Соответственно, неудачливость компенсируется применением насилия, в том числе к партнеру, которое может приобретать различные криминальные формы, нередко встречающиеся в структуре преступлений ранее судимых лиц.

Таким образом, деструктивность криминогенной личности представляет собой психологический механизм контроля над социальным окружением и конституирования криминальной идентичности. Ее предпосылками выступают дефект привязанности и установка на насилие, что позволяет рассматривать деструктивность в качестве предмета психологической диагностики и профилактики рецидива преступлений и нарушения постпенитенциарной реинтеграции ранее судимых лиц.

Литература

1. Злоказов К.В. Деструктивное социальное поведение криминогенной личности: монография. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2026. 172 с.
2. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2026 года: статистический сборник / МВД России, ФКУ «ГИАЦ». Москва: МВД России, 2026. 64 с. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 01.10.2026).

Патология формирования привязанности в структуре личностных черт при криминогенезе у серийных убийц

Исаева А.И.
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Денисов Е.В.

Согласно теории привязанности Дж. Боулби, качество эмоциональной связи со значимым взрослым определяет дальнейшее развитие личности (Bowlby J., 2012). Ключевая проблема – регуляция амбивалентности (одновременного существования противоположных аффектов к одному объекту). Нарушения баланса между такими импульсами ведут к использованию примитивных защит, закрепляющихся в структуре личности. Модель Лихтенберга выделяет ряд независимых мотивационных систем (Lichtenberg J.D. et al., 2011). Так, при нарушениях привязанности возможна избыточная активация аверсивной системы, что делает агрессию доминирующим способом реагирования. Можно предположить смещение мотивационной доминанты, когда неудовлетворенная потребность в близости смещается в чувственно-сексуальную сферу, что может объяснять сексуализированный паттерн некоторых убийств. Исследование (Rutter M., 1995) указывает на сложность трансформации диадического качества отношений в устойчивую характеристику личности, а таксометрические исследования свидетельствуют в пользу дименсиональной модели привязанности (Fraley R.C. & Spieker S.J., 2003).

Нарушения привязанности оказывают влияние также на нейробиологические структуры. Исследования (Perry B.D. et al., 1995) показывают, что ранняя депривация вызывает стойкие изменения в структурах мозга, которые отвечают за эмпатию и эмоциональную регуляцию. Согласно нейропоследовательной модели, мозг развивается иерархически, и каждая область зависит от адекватной стимуляции предыдущих (Perry B.D. & Hambrick E.P., 2008). Хронический стресс в сенситивный период приводит к гиперактивации стволовых и лимбических структур при недостаточном развитии корковых регуляторных зон. Импульсы агрессии, изначально направленные на фигуру привязанности, не могут быть модулированы по принципу сверху вниз. Нарушение взаимодействия миндалины и вентромедиальной префронтальной коры ведет к дефициту эмпатии и сниженному восприятию аффективной стороны негативного опыта (Blair R.J.R., 2008).

В психосоциальной сфере важным является феномен сохранной когнитивной эмпатии при дефиците аффективной, описанный при психопатии (Lockwood P.L. et al., 2013). Такое сочетание создает почву для имитации и мимикрии, воспринимающейся как проявление подлинной привязанности. При этом настоящее сопереживание и эмоциональная взаимность человеку не доступны. Это создает основу для формирования манипулятивности. Однако нарушения привязанности могут также проявляться в паттернах конфликтности и социальной дезадаптации.

При выборе жертвы имеет место механизм расщепления образа значимого взрослого с переносом негативной (опасной) части на иной объект – мишень агрессии (Meloy J.R., 1988). Исследования Самовичева Е.Г. подтверждают, что оценка жертвы убийства коррелирует с оценкой матери, тогда как самооценка отражает независимость от семьи, что свидетельствует о детерминации на сознательном и бессознательном уровнях (Самовичев Е.Г., 1990).

Таким образом, патология привязанности является важным звеном криминогенеза серийных убийц, связывая раннюю психоэмоциональную депривацию с нейробиологическими изменениями и последующим формированием личностных черт. Акт насилия выступает сложным процессом аффективной саморегуляции.

Литература

1. Самовичев Е.Г. Причины умышленных убийств и проблемы исполнения наказания за их совершение: дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1990. 442 с.
2. Blair R.J.R. The amygdala and ventromedial prefrontal cortex: functional contributions and dysfunction in psychopathy // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2008. Vol. 363. No. 1503. P. 2557–2565.
3. Bowlby J. The making and breaking of affectional bonds. London: Routledge, 2012. 224 p.
4. Fraley R.C., Spieker S.J. Are infant attachment patterns continuously or categorically distributed? A taxometric analysis of strange situation behavior // Developmental Psychology. 2003. Vol. 39. No. 3. P. 387–404.

5. Lichtenberg J.D., Lachmann F.M., Fosshage J.L. Psychoanalysis and motivational systems: A new look. New York: Routledge, 2011. 136 p.
6. Lockwood P.L., Bird G., Bridge M., Viding E. Dissecting empathy: high levels of psychopathic and autistic traits are characterized by difficulties in different social information processing domains // Frontiers in Human Neuroscience. 2013. Vol. 7. Article 760.
7. Meloy J.R. The psychopathic mind: Origins, dynamics, and treatment. Northvale, N.J.: J. Aronson, 1988. 474 p.
8. Perry B.D., Hambrick E.P. The Neurosequential Model of Therapeutics // Reclaiming Children and Youth. 2008. Vol. 17. No. 3. P. 38–43.
9. Perry B.D., Pollard R.A., Blakley T.L., Baker W.L., Vigilante D. Childhood trauma, the neurobiology of adaptation, and “use-dependent” development of the brain: How “states” become “traits” // Infant Mental Health Journal. 1995. Vol. 16. No. 4. P. 271–291.
10. Rutter M. Clinical implications of attachment concepts: Retrospect and prospect // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1995. Vol. 36. No. 4. P. 549–571.

Дети – свидетели насилия в семье: феномен «двойной жертвы» и проблема квалификации психологического вреда

Ковалева С.В., Федун И.Д.
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Семейное насилие затрагивает не только непосредственную жертву: по данным ЮНИСЕФ (2025), около 610 млн детей – каждый четвертый в мире – живут с матерями, подвергающимися насилию партнера. Дети-свидетели остаются на периферии внимания, хотя наблюдение насилия связано с повышенным риском эмоциональных и поведенческих нарушений и посттравматических симптомов, сопоставимым по силе с эффектами прямого насилия (Evans et al., 2008; Kitzmann et al., 2003). Конвенция о правах ребенка требует защиты от всех форм насилия (ст. 19), однако возникает «невидимая» жертва вне поля правовой защиты.

Цель данной работы – обосновать психолого-правовой статус ребенка-свидетеля и критерии квалификации вреда; метод – анализ психологических исследований и правовых норм. Положения: наблюдение насилия причиняет значимый вред психическому здоровью ребенка; критерии его доказывания – подлежащие установлению признаки и стандарт причинной связи – не выработаны; законодателю следует закрепить автоматическое признание ребенка-наблюдателя жертвой насилия.

«Двойная жертва» – двойное причинение вреда: первичная травматизация в семье дополняется риском вторичной виктимизации при обращении за защитой, где ребенок проходит процедуры, не признающие его пострадавшим. Виктимизация идет на трех уровнях – наблюдения, среды и права. Травматична не только сцена насилия, но

и хроническая атмосфера страха (кумулятивный вред). При длительном воздействии и наличии диагностических критериев возможно развитие комплексного ПТСР (МКБ-11, 6B41): нарушения аффективной регуляции, негативный образ Я и нарушения отношений (Herman, 1992); спектр последствий, однако, шире и не сводится к нему.

Выявление этого вреда затруднено: приспособительное поведение ребенка маскирует нарушения (Walker, 2013; Summit, 1983), что переводит вопрос в правовую плоскость. Ст. 65, 69 СК РФ и ст. 156 УК РФ запрещают причинять вред психическому здоровью ребенка и криминализуют жестокое обращение; угроза такого вреда охватывается понятием угрозы жизни/здоровью (п. 28 Постановления Пленума ВС РФ № 44).

Но статус потерпевшего (ст. 42 УПК РФ) требует вреда именно этому лицу; компенсация допускается ст. 151, 1101 ГК РФ. Автоматического признания ребенка-свидетеля потерпевшим нет, критерии не выработаны (Сафуанов, 2014). Отсюда предложение признавать его жертвой домашнего насилия по факту наблюдения (Domestic Abuse Act 2021, ст. 3). Уже сейчас возможен иск в защиту несовершеннолетнего от законного представителя или прокурора (п. 3 Постановления № 23).

Связующим звеном выступает судебно-психологическая экспертиза: вред несовершеннолетнему компенсируется на тех же условиях, что и взрослому, с учетом возраста, здоровья и причинной связи (п. 26, 28 Постановления № 33); при этом некорректно организованный допрос (ст. 191 УПК РФ) может усиливать стресс ребенка. Новизну составляет предложенная модель из четырех блоков: доктринальный, процессуальный, экспертный («диагностический минимум»), защитный (протокол «щадящего опроса»).

Ограничение – трудность отделения последствий наблюдения от иных семейных факторов. Признание «двойной жертвы» включит детей-свидетелей в круг охраняемых субъектов и предупредит трансгенерационную передачу насилия.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (1989); ГК РФ; СК РФ; УК РФ; УПК РФ; МКБ-11 (ВОЗ, 2019); Постановления Пленума ВС РФ от 14.11.2017 № 44, от 13.10.2020 № 23, от 15.11.2022 № 33; Domestic Abuse Act 2021 (Великобритания).
2. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник. Москва: Юрайт, 2014. 421 с.
3. Evans S.E., Davies C., DiLillo D. Exposure to domestic violence: A meta-analysis of child and adolescent outcomes // Aggression and Violent Behavior. 2008. Vol. 13. P. 131–140.
4. Herman J.L. Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma // Journal of Traumatic Stress. 1992. Vol. 5. P. 377–391.
5. Kitzmann K.M., Gaylord N.K., Holt A.R., Kenny E.D. Child witnesses to domestic violence: A meta-analytic review // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2003. Vol. 71. P. 339–352.

6. Summit R.C. The Child Sexual Abuse Accommodation Syndrome // Child Abuse & Neglect. 1983. Vol. 7. P. 177–193.
7. UNICEF. Violence against children in the home: data brief. New York, 2025.
8. Walker P. Complex PTSD: From Surviving to Thriving. Lafayette: Azure Coyote, 2013. 376 p.

Моральное развитие как возможное условие антисоциальной направленности креативности в корыстных преступлениях

Козлова О.М.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Корыстные преступления (мошенничество, обман, присвоение и растрата, коррупционные схемы) занимают значительное место в структуре преступности. Их причины нельзя сводить к дефициту правовых знаний или криминальной мотивацией. Все больше внимания ученых привлекает феномен девиантной креативности, проявляющейся в обмане, мошенничестве, сокрытии доказательств и махинациях (Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В., 2020). В связи с этим актуальным становится поиск личностных механизмов, определяющих направленность творческого потенциала. Одним из таких механизмов может выступать моральное развитие. В исследовании Н.В. Мешковой показано, что моральная идентичность выступает ключевым сдерживающим фактором антисоциальной креативности, однако в угрожающих условиях ее связь с толерантностью ослабевает, повышая риск деструктивного поведения (Мешкова Н.В., 2023). Возникает вопрос о качественном характере связи между креативностью и моральным развитием.

Теоретический анализ связи стадий морального развития по Л. Колбергу (Kohlberg L., 1976) и креативности позволяет выдвинуть ряд предположений, значимых для понимания корыстных преступлений. На доконвенциональном уровне (стадии 1-2) личность руководствуется принципом выгоды или избегания наказания, внутренние моральные ограничения отсутствуют, что создает условия для свободного проявления креативности, но одновременно повышает риск ее антисоциальной направленности. На конвенциональном уровне (стадии 3-4) личность подчиняется внешним нормам и ожиданиям, что ограничивает дивергентное мышление. На постконвенциональном уровне (стадии 5-6) личность руководствуется интернализованными моральными принципами, что вновь открывает пространство для креативности, но уже в социально одобряемом русле. Таким образом, можно предположить нелинейный характер связи.

Целью эмпирического исследования стало выявление связи между стадиями морального развития и показателями креативности у студентов. Выборку составили 50 студентов в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст – 20,58; SD = 1,84; 38 девушек). Использовались методика морального интервью Л. Колберга и тест творческих

способностей Дж. Гилфорда в модификации Е.Е. Туник. Статистическая обработка включала критерий Шапиро-Уилка и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Проверка распределения показала, что не все переменные соответствуют нормальному распределению, что обусловило выбор непараметрических методов. Визуальный анализ диаграмм рассеивания выявил нелинейный характер связи, в связи с чем корреляционный анализ был проведен раздельно для двух диапазонов стадий. На промежутке со второй по четвертую стадию выявлены отрицательные корреляции между стадией морального развития и показателями креативности: общий показатель ($rs = -0{,}710$, $p < 0{,}01$), беглость ($rs = -0{,}673$, $p < 0{,}01$), гибкость ($rs = -0{,}721$, $p < 0{,}01$), оригинальность ($rs = -0{,}712$, $p < 0{,}01$). На промежутке с четвертой по пятую стадию зафиксированы положительные корреляции: креативность ($rs = 0{,}794$, $p < 0{,}01$), беглость ($rs = 0{,}738$, $p < 0{,}01$), гибкость ($rs = 0{,}763$, $p < 0{,}01$), оригинальность ($rs = 0{,}811$, $p < 0{,}01$).

Полученные результаты говорят в пользу предположения о нелинейном характере связи. На доконвенциональном и постконвенциональном уровнях наблюдаются высокие показатели креативности, тогда как на конвенциональном уровне они понижаются. Применительно к корыстным преступлениям это означает, что наибольший риск представляет сочетание высокой креативности с доконвенциональным уровнем морального развития: именно на этом уровне творческий потенциал не ограничен внутренними моральными запретами и может направляться на разработку схем мошенничества и махинаций. На конвенциональном уровне креативность подавляется внешними нормами, что снижает вероятность оригинальных преступных решений, но не исключает формального обхода закона. На постконвенциональном уровне креативность направляется осознанными моральными принципами, что позволяет говорить о социально одобряемом поведении.

Таким образом, сочетание низкого морального развития и высокой креативности повышает риск антисоциальной направленности креативности, в том числе в корыстных преступлениях (мошенничествах, обмане, коррупционных схемах).

Литература

1. Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 86–107.
2. Мешкова Н.В. Социальная креативность и социальный контекст: перспективы исследования // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 1. С. 100–108.
3. Kohlberg L. Moral stages and moralization: The cognitive-developmental approach // Moral Development and Behavior: Theory, Research and Social Issues / Ed. by T. Lickona. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976. P. 31–53.

Некоторые аспекты профилактики киберпреступлений в социальных сетях

Козырева И.Е., Прозоров А.П.
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (г. Уфа, Россия)

Социальные сети перестали быть только пространством публичного общения и обмена личными сообщениями. Их современная роль связана с повседневной идентификацией пользователя, финансовым поведением, рекламой, поиском работы, покупками и участием в сообществах, где доверие часто возникает быстрее, чем правовая осмотрительность. Для киберпреступника такая среда привлекательна не только количеством потенциальных потерпевших, в социальных сетях уже содержится массив сведений о человеке, его интересах, круге общения, привычках коммуникации и эмоциональных реакциях, что представляет собой готовую инфраструктуру для поиска жертвы, установления контакта, имитации доверительных отношений и последующего перемещения общения в мессенджер, платежный сервис или на поддельный сайт.

Основными методами криминального манипулирования являются убеждение, внушение, а также информационное заражение. На первом этапе элементарные навыки и приемы эффективной коммуникации и самопрезентации в исполнении мошенника, как правило, являются основой для последующего воздействия на жертву. Гибкость, мастерство воздействия, учет и использование актуального эмоционального состояния жертвы помогают манипулятору перейти к реализации мошеннического замысла. На этом этапе мошенник определяет потенциальную уязвимость жертвы − ее социальный статус, уровень материального благополучия, текущее эмоциональное состояние и так далее (Дворянчиков Н.В., 2011).

Персональные данные в социальных сетях приобретают криминогенное значение из-за постоянного добровольного раскрытия пользователями сведений о себе. Фотографии, отметки о месте пребывания, сведения о работе и учебе, списки друзей, публикации о семейных обстоятельствах дают преступнику возможность построить убедительный сценарий общения. Социальная сеть создает эффект привычной открытости, при котором человек воспринимает собственный цифровой след как безопасный фон общения.

Правоохранительная деятельность в цифровой среде вынуждена учитывать публичную и закрытую стороны социальных сетей. Открытые публикации могут иметь доказательственное значение, однако ключевая информация часто находится в личной переписке, удаленных сообщениях, закрытых сообществах и временных историях.

В делах о кибермошенничестве промедление особенно опасно, поскольку цифровые следы нестабильны, а потому требуется незамедлительно принять меры, направленные на сохранение критически значимой информации — переписки, данных профиля, сведений о платежах и адресов страниц. При этом необходимо обеспечить взаимодействие также с операторами связи и иными участниками цифровой

инфраструктуры, так как социальная сеть редко существует изолированно от мессенджера, номера телефона, электронной почты или платежного инструмента.

Следует учитывать также то, что жертвой может стать даже человек, обладающий высокой цифровой грамотностью, но оказавшийся в ситуации эмоционального давления, усталости, доверительного общения или ожидания выгоды.

Профилактика киберпреступлений в социальных сетях не может ограничиваться общими призывами не переходить по подозрительным ссылкам. Нужна модель, при которой:

- пользователь понимает признаки манипуляции, умеет проверять источник сообщения, различает официальный канал организации и имитацию, а также не воспринимает цифровой профиль как достаточное доказательство личности собеседника;
- платформы должны технически затруднять массовую рассылку вредоносных сообщений, быструю смену идентичности и использование поддельных рекламных страниц;
- правоохранительные органы, образовательные организации и сами сервисы обязаны формировать единый профилактический язык, понятный обычному пользователю.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Токарчук Ю.А. Психологические механизмы манипуляции поведением потребителя // Психология и право. 2011. Т. 1. № 1. Ст. 10. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n1/39332 (дата обращения: 30.09.2026).

Шантаж и манипуляция в механизме груминга

Корнилова И.Г.

ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Груминг представляет собой динамический процесс, в котором коммуникация развивается нелинейно в структуре ассиметричных межличностных отношений ребенка и взрослого (грумера). Цифровые каналы коммуникации предоставляют широкий набор инструментов, позволяющих злоумышленникам маскироваться, использовать приемы психологического воздействия на несовершеннолетнего.

В ряде целенаправленных зарубежных исследований интернет-груминг рассматривается как процесс постепенного введения сексуального контента в виртуальное общение с несовершеннолетним. Так, модели Chiang, Grant (2017), Fortin, Chopin, Paquette (2025) отражают этапы последовательного развертывания груминга; однако, экспертная практика показывает, что последовательность, содержательная наполненность, как, собственно, и наличие этапов напрямую зависят от стратегии и тактики криминального психологического воздействия.

В рамках комплексных психолого-лингвистических экспертиз информационных материалов (серийных переписок, видеозаписей коммуникации в мессенджерах и социальных сетях с участием одного и того же грумера и девочек в возрасте 7-10 лет) выявляются стратегии, демонстрирующие ригидность поведенческих паттернов злоумышленника. Так, в рамках агрессивной стратегии этап налаживания контакта с несовершеннолетним фактически сводится к приветствию и нескольким простым манипуляциям лестью: грумер хвалит размещенные на странице фотоизображения девочки, аватар, сравнивает со сверстницами, указывает на привлекательные черты внешности. Далее многократно повторяет требование показать половые органы, действия с ними, аргументирует стремлением получить от просмотра приятные ощущения, физиологическую разрядку. Тем самым несовершеннолетний собеседник помещается в нестандартный контекст, требующий быстрого реагирования, немедленного выполнения простого действия без критического анализа ситуации. Зафиксированы три типа реакции несовершеннолетних собеседников:

1. Выполнение требований. В силу незрелости психики и отсутствия опыта у несовершеннолетних низкий порог доверия к виртуальным собеседникам, при этом оказываемое грумером давление приводит к дискомфорту, причины которого не осознаются из-за недостаточного понимания причинно-следственных связей. Приводится в действие защитный механизм отрицания: девочка выполняет требование, но уклоняется от потенциально тревожных сведений.

2. Выполнение требований под давлением обесценивания, опровержения сомнений. Манипуляция сомнением позволяет использовать неуверенность ребенка как рычаг давления, что создает ингибирующий эффект: даже при наличии внутреннего сопротивления девочка выполняет требования обнажить и продемонстрировать половые органы. При этом грумер не использует полученные изображения с целью шантажа (для повторения онлайн-атаки, расширения диапазона воздействия, выманивания новых материалов).

3. Отказ от выполнения требований. Манипуляция грумера строится на том, чтобы с помощью угроз, унижений или агрессии добиться желаемого поведения. Однако, часть несовершеннолетних собеседников лишь вовлекается в эскалацию конфликта, включается в обмен оскорблениями; общение в кратчайшие сроки прекращается в том числе по инициативе грумера.

Особенности указанной стратегии заключаются в отсутствии долгосрочных целей установления и поддержания доверительного, интимного контакта с несовершеннолетним собеседником; минимизации затрат усилий, ресурсов для разового, кратковременного удовлетворение сексуальных потребностей.

Литература

1. Chiang E., Grant T. Online grooming: moves and strategies // Language and Law / Linguagem e Direito. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 103–141. URL: https://www.researchgate.net/publication.net (дата обращения: 15.10.2026).

2. Fortin F., Chopin J., Paquette S. Exploring behavioral patterns of child-focused online sexual solicitation: findings from a Canadian sample // Child Abuse & Neglect. 2025. URL: https://www.researchgate.net (дата обращения: 15.10.2026).

Отсроченные последствия семейного насилия для личности и социума

Кочеткова Т.Н.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Семья задает образцы поведения, нормы и ценности, взгляд на себя и окружающим мир, оказывая свое влияние в разные периоды нашей жизни. Продолжая оставаться институтом социализации, семья нередко сама становится источником внутриличностных и межличностных проблем, решение которых может требовать социальной, психологической, юридической, иногда – психиатрической помощи. К ряду таких проблем следует отнести семейное насилие. Данная тема продолжает оставаться табуированной в разных культурах, что затрудняет ее анализ и оценку степени распространенности.

ВОЗ понимает под насилием целенаправленное использование силы, власти, ресурсов, адресованных другому лицу, группе или себе с целью причинения ущерба (телесные повреждения, отклонение в развитии, психотравма и пр.), что позволяет выйти на характеристики межличностного и коллективного насилия, аутоагрессию, связанную с жестоким отношением к самому себе.

С ростом насилия в обществе, отмечается его эскалация в семье, максимально отражаясь в детско-родительских отношениях (Деринова Е.А., Шестакова В.Н., Доскин В.А., 2010). В работе отечественных исследователей, сравнивались проявления насилия в семье и школе, что позволило авторам сделать неутешительный вывод: в семье насилие выражено сильнее, чем в школьной среде (Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М., 2016).

Когда для собственного удобства родители прибегают к любому виду насилия (чаще – физическому, психологическому, реже – экономическому, сексуальному), они формируют дезадаптивные личностные черты (тревожность, эмоциональная лабильность, виктимность и пр.) и весомые предпосылки для развития проблем с психическим здоровьем, выступая первыми буллерами в жизни собственного ребенка. Несмотря на распространенное мнение о совершении сексуального насилия над детьми незнакомцами, в действительности наибольшей опасности их подвергает ближайшее семейное окружение (сексуальные притязания со стороны отчима, более старших родственников, взрослых друзей родителей и пр.). Пережив опыт сексуального злоупотребления, часть выросших пострадавших станет позже реализовывать его в своем референтном окружении (Макарова Т.Е., Дворянчиков Н.В., 2013; Seto M.C., Babchishin K.M., Pullman L.E., McPhail I.V., 2015).

Опыт насилия опасен не только социально-психологической дезадаптацией, формированием неадекватного представления о собственной личности, виктимной позиции, высокой вероятности развития психических заболеваний, но и переносом нерешенных проблем в социум, повышая градус социальной интолерантности и статистики противоправного поведения, делая проблему насилия цикличной и недостаточно решаемой.

Литература

1. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М. Оценка распространенности насилия над детьми // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 19–34. DOI: 10.17759/sps.2016070202.
2. Деринова Е.А., Шестакова В.Н., Доскин В.А. Сексуальное насилие и жестокое обращение с детьми // Вопросы практической педиатрии. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 36–41.
3. Макарова Т.Е., Дворянчиков Н.В. Половозрастная идентичность у лиц, совершивших сексуальные насильственные действия в отношении детей // Психология и право. 2013. № 3. С. 88–98.
4. Seto M.C., Babchishin K.M., Pullman L.E., McPhail I.V. The puzzle of intrafamilial child sexual abuse: A meta-analysis comparing intrafamilial and extrafamilial offenders with child victims // Clinical Psychology Review. 2015. Vol. 39. P. 42–57. DOI: 10.1016/j.cpr.2015.04.001.

Ценностно-мотивационная сфера представителей различных поколений в контексте системы профилактики экстремизма и терроризма

Кузнецова Е.О., Шипитько О.Ю.
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

В России принят комплекс мер по профилактике возникновения феноменов экстремизма и терроризма. Существующие методы не в полной мере учитывают уязвимость представителей поколений. Радикализация рассматривается как процесс усвоения экстремистских установок, а терроризм как ее крайняя степень, совокупность насильственных действий ради достижения идеологических, религиозных или политических целей (Карпова А.Ю., 2024; Horgan J., 2024).

Возникновению деструктивных течений способствуют разные причины: социально-экономические кризисы, маргинализация общества, социальное неравенство (Ермаков П.Н., 2013; Зинченко В.П., 2007; Саидов А.А., 2023). Недостаточно изучены психологические факторы, позитивно мотивирующие вступление в ряды террористов (Зинченко В.П., 2007). Таковыми являются субъективная привлекательность терроризма, фанатизм, манипулятивность, склонность к риску, потребность в аффилиации, острых ощущениях (Ермаков П.Н., 2013; Саидов А.А., 2023; Obaidi M. et al., 2026; Kruglanski A.W., 2017). Ключевым

элементом деятельности экстремистов и террористов является идеология, выступающая идейно-теоретическим групповым мировоззрением (Ермаков П.Н., 2013), связывая доминирующую потребность с экстремальными средствами достижения (Kruglanski A.W., 2017).

В контексте профилактики деструктивных феноменов среди населения разного возраста важно, что каждое поколение обладает общим мировоззрением. Т. Д. Марцинковская определяет поколение как «форму неструктурированной группы, объединяющей людей с общими социальными представлениями, ценностными ориентациями и мировоззрением» (Марцинковская Т.Д., 2017). Одним из признаков принадлежности к поколению является возраст, поскольку границы поколений условны (Пищик В.И., 2011). Личностные и поведенческие особенности поколений определены социокультурным контекстом, в период которого происходило формирование ориентиров личности. Процесс радикализации зависит от социокультурного и исторического контекста, что важно учесть при разработке мер профилактики деструктивных явлений (Карпова А.Ю., 2024; Маджуга А.Г., 2025).

Исследования показывают изменения ценностных ориентиров и увеличивающийся ценностный межпоколенческий разрыв: представители старших поколений, «бумеры» (1945–1964 гг.р.), поколение X (1965–1985 гг.р.) патриотичны, мотивированы служением обществу, ценят стабильность. Представители поколения Y (1985-1995гг.р.) занимают переходное положение – их становление пришлось на расцвет тысячелетия, распространения технологий и сотрудничества, что детерминирует переход от коллективистских ценностей к индивидуалистическим. Молодежь, представленная поколениями Z (1995–2010 гг.р.) и Альфа (2010–2025 гг.р.) ориентирована на материальные и индивидуалистичные ценности. Для них характерно стремление к внутреннему балансу (Рикель А.М., 2017; Пищик В.И., 2011; Полева Н.С., 2025; Sarfraz et al., 2025).

Жертвами экстремистской и террористической деятельности становятся представители всех поколений. Уязвимость перед этими идеологиями не ограничивается особенностями возрастной специфики формирования личности, что принято считать причиной радикализации молодежи. Склонность к экстремистскому поведению определяется целым рядом психологических факторов. Говоря о роли ценностей, невозможно отделить их становление от социокультурного контекста формирования сознания личности. Профилактика радикализации населения должна учитывать ряд ценностно-мотивационных факторов, определяющих мировоззрение, когнитивные способы познания мира и адаптивные стратегии достижения целей как молодежи, так и представителей других возрастных когорт. Перспективой исследования является эмпирическая проверка ценностно-мотивационных факторов склонности к экстремизму представителей различных поколений.

Литература

1. Ермаков П.Н. Формирование антитеррористических и антиэкстремистских ценностей в молодежной среде // Мир Кавказу: в 2 т. / под ред. П.Н. Ермакова. Москва: КРЕДО, 2013. 442 с.
2. Зинченко Ю.П. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2007. № 2. С. 20–34.
3. Карпова А.Ю. Тенденции динамики развития исследований феномена радикализации: наукометрический анализ // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 3. С. 76–107. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.3.4.
4. Маджуга А.Г. Система социально-психологических детерминант, оказывающих влияние на возникновение склонности к насильственному экстремизму у студенческой молодежи // Сибирский психологический журнал. 2025. № 95.
5. Марцинковская Т.Д. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 24–37.
6. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2. № 2. С. 80–88.
7. Полева Н.С. Особенности психологического развития поколений Z и Альфа // Новые психологические исследования. 2025. № 3. С. 126–147. DOI: 10.51217/npsyresearch_2025_05_03_06.
8. Рикель А.М. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 205–225. DOI: 10.21702/rpj.2017.4.10.
9. Саидов А.А. Социально-психологические факторы, обусловливающие склонность молодежи к насильственному экстремизму // Высшее образование сегодня. 2023. № 2. С. 90–99.
10. Horgan J. Understanding and preventing violent extremism in school settings // Journal of School Psychology. 2024. Vol. 106. Art. 101346. DOI: 10.1016/j.jsp.2024.101346.
11. Kruglanski A.W. To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance // American Psychologist. 2017. Vol. 72. No. 3. P. 217–230. DOI: 10.1037/amp0000091.
12. Obaidi M., Bergh R., Benningstad N.C.G. et al. Individual differences in violent extremism // Nature Reviews Psychology. 2026. Vol. 5. P. 29–46. DOI: 10.1038/s44159-025-00509-y.
13. Sarfraz F. Comparative analysis of generation alpha and generation Z: educational preferences, challenges, and opportunities // International Journal of Social Sciences Bulletin. 2025. Vol. 3. No. 9. DOI: 10.5281/zenodo.17158758.

К вопросу о взаимосвязи интолерантности к неопределенности, стилей мышления и антисоциальной креативности

Мешкова Н.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 25-18-00486 «Эффекты влияния асоциальной креативности на формирование информационно-смыслового поля в условиях проблемности социальной ситуации развития современного человека (2025—2027)» https://rscf.ru/project/25-18-00486.

Антисоциальная креативность — способность генерировать оригинальные идеи деструктивной направленности и реализовывать их в поведении, наносящем вред другим в межличностном взаимодействии (Бочкова, 2024). Эмпирические исследования связи различных видов толерантности и склонности к поведению, в котором может реализоваться антисоциальная креативность, демонстрируют дифференцированные результаты. Имеются данные о положительной корреляции антисоциальной креативности с этнической толерантностью (Мешкова и др., 2022), с одной стороны, и об отсутствии связи с толерантностью к неопределенности (Maksarova, Kornilova, 2024), с другой. Эти данные указывают на специфичность роли разных видов толерантности: этническая толерантность регулирует межгрупповые отношения, тогда как толерантность к неопределенности относится к способам переработки информации.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью выявления психологических детерминант антисоциальной креативности (АК), в частности — роли стилей мышления (конструктивного и деструктивного) и интолерантности (ИН) к неопределённости.

Исследование осуществлялось в 2026 г. Общее число участников 424 (M=29,4, SD=13,1, из них 54% женщины). Использованные опросники: MCBS (в адаптации Н.В. Мешковой и др.), Шкала толерантности/интолерантности к неопределенности С. Баднера (в адаптации Т.В. Корниловой, М.А. Чумаковой), Опросник конструктивного мышления (в адаптации С.Н. Ениколопова, С.В. Лебедева).

Согласно результатам трёхфакторного дисперсионного анализа, обнаружены значимые главные эффекты категорического мышления и эмоционального совладания на антисоциальную креативность. Эффекты взаимодействия между факторами не достигли статистической значимости.

Медиационный анализ с использованием метода бустрэпа показал, что влияние интолерантности к неопределенности на склонность к антисоциальной креативности полностью опосредовано актуализацией категорического мышления.

Были сделаны следующие выводы:

1. Наиболее высокая склонность к реализации антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим людям, зафиксирована в группах с высоким

категорическим мышлением, а наиболее низкая — в группах с высоким эмоциональным совладанием. Эти факторы действуют независимо, без значимого взаимодействия.

2. Категорическое мышление опосредует связь между интолерантностью к неопределённости и антисоциальной креативностью. Интолерантность напрямую не влияет на склонность к деструктивным креативным актам; но её эффект полностью объясняется активацией ригидного стиля мышления.

Полученные данные расширяют теоретические представления о когнитивных механизмах антисоциальной креативности и создают основу для разработки профилактических программ, направленных на развитие эмоциональной регуляции и снижение когнитивной ригидности в условиях современной информационной среды.

Литература

1. Бочкова М.Н. Особенности связи антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций // Психология и право. 2023. Т. 13. № 3. С. 135–149.
2. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Жаринова Ю.И., Муковнина Д.Д. О взаимосвязи видов социальной креативности с моральной идентичностью и толерантностью // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 159–178.
3. Maksarova L.B., Kornilova T.V. In the dim light: relationship between tolerance of ambiguity, malevolent creativity, and the dark triad // X International Conference on Cognitive Science. Pyatigorsk, 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/382168121_In_the_Dim_Light_Relationship_Between_Tolerance_of_Ambiguity_Malevolent_Creativity_and_the_Dark_Triad (дата обращения: 01.07.2026).

Вербовка и религиозно-фанатическая вовлеченность как возможный психологический механизм невиновного причинения вреда в контексте части 1 статьи 28 УК РФ

Небытов К.В.
НП «Центр правовой помощи и независимых экспертиз «Надежда» (г. Ставрополь, Россия)

В судебно-психологической экспертной практике сформировалось направление исследований о поведении лиц, которые под воздействием телефонных мошенников выполняют указания, объективно образующие общественно опасные деяния, полагая, что участвуют в оперативных мероприятиях или предотвращают опасность. Ф.С. Сафуановым и соавторами описан синдром эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью: ошибочное восприятие ситуации, зависимое поведение, утрата целеполагания (Сафуанов Ф.С. и др., 2026). При выраженности этих

нарушений человек может не осознавать общественную опасность своих действий, что создаёт предпосылки для применения части 1 статьи 28 УК РФ.

Связывать такое состояние исключительно с телефонным мошенничеством методологически произвольно: значение имеет не канал воздействия, а его психологическая структура. Сходная трансформация может возникать при вербовке и вовлечении лица в религиозно-фанатическую систему, если она приводит к замещению общесоциальной системы значений сакрализованной.

Часть 1 статьи 28 УК РФ предполагает два критерия: фактическое неосознание общественной опасности деяния и невозможность его осознания по обстоятельствам дела, т.е. данная норма нейтральна относительно причин неосознавания в отличие от ст.ст. 21, 22 УК РФ. Необходимо разграничивать осознание фактической стороны действия и осознание его общественной опасности: человек может осознавать, что совершает конкретные операции, но ошибочно осмысливать их социальное значение.

Подобное нарушение может иметь парциальный, контекстуально ограниченный характер: вне ситуации взаимодействия с воздействующим субъектом человек сохраняет обычную бытовую ориентировку, что не опровергает наличия нарушения значимой способности в границах организованной этим субъектом деятельности.

Функциональное сходство мошенничества и религиозно-фанатической вербовки – в постепенном отчуждении у лица оценочной функции: внешний субъект (мнимый представитель власти либо религиозный лидер, группа, доктрина) присваивает функции целеполагания, оценки и контроля. Тяжёлые испытания формируют привязанность к группе через когнитивный диссонанс (Aronson E., Mills J., 1959); нормы начинают оцениваться с позиции группового догмата.

Центральным механизмом выступает психосемантический сдвиг – изменение содержания понятий при сохранении восприятия физической стороны действий (Небытов К.В., 2024). Причинение вреда переозначивается как «защита веры», принуждение – как «духовное наставление», насилие – как «борьба со злом», лишение имущества – как «жертва», выполнение преступного поручения – как «служение истине».

Юридически значимо не наличие религиозных убеждений, а то, достиг ли психосемантический сдвиг степени, при которой лицо не воспринимало деяние как общественно опасное и не могло выйти за пределы навязанной системы. Религиозный фанатизм сам по себе не исключает вину: применение части 1 статьи 28 УК РФ возможно только при индивидуальном установлении, что воздействие исключало осознание общественной опасности поведения.

Литература

1. Небытов К.В. Религиозный фанатизм и его влияние на юридически значимые способности человека // Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием «Коченовские чтения 2024». Москва: МГППУ, 2024. С. 77–79.

2. Сафуанов Ф.С., Филиппов Д.В., Савина О.Ф., Широкова В.В., Василишина О.М. Преступники поневоле: патопсихологический синдром повышенного эмоционального напряжения с аффективно-личностной охваченностью у жертв телефонного мошенничества // Психология и право. 2026. Т. 16. № 1. С. 1–16.
3. Aronson E., Mills J. The Effect of Severity of Initiation on Liking for a Group // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1959. Vol. 59. P. 177–187.

Социальные представления об общественной опасности насильственных преступлений: теоретическое исследование

Пахмутова У.А., Дворянчиков Н.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Общественная опасность определяется как угроза возникновения вреда или создание вреда существующим общественным отношениям (Козлов А.П., 2004). Выделяются общественная опасность действий (бездействий); последствий деяния; личности лица, совершившего общественно опасное деяние (Демидов Ю.А., 1975). В качестве характеристик повышенной общественной опасности приводятся повторное совершение аналогичного преступления, личные качества и личные обстоятельства (Климанова О.В., 2026). Сорокин А.И., анализировавший зарубежные концепции общественной опасности («Rechtsgut», «Danger social», «Public wrong / social harm»), предлагает перечень критериев общественной опасности: масштаб возможного вреда, способ совершения деяния, роль, положение субъекта и степень публичности. Среди признаков, характеризующих личность виновного, выделяются криминологические (характеристика криминальной активности, степень вины, мотив преступления, отношение к совершенному преступлению, нравственное состояние, криминальная роль в совершении преступления) и морально-нравственные (отношение к труду, социальная активность, бытовая характеристика, поведение во время отбывания наказания и др.) (Бурлаков В.Н., 2026).

Способность понимать общественную опасность своих действий оценивается в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы, при этом нарушения психических процессов могут как ограничивать, так и полностью лишать способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими (Сафуанов Ф.С. и др., 2016), рассматриваются такие факторы, как наличие психического расстройства, особенности личности, мотивационной сферы и психоэмоциональное состояние.

Целью данной работы было формирование теоретической модели представлений об общественной опасности насильственных преступлений. Анализ публикаций исследований социальных представлений о насильственных преступлениях и преступниках показал, что в социальных представлениях устойчиво присутствуют элементы, связанные с оценкой их общественной опасности:

характеристики преступления, индивидуально-психологические и эмоциональные характеристики лица, совершившего преступление, совершения им преступлений в прошлом.

Таким образом, элементы социальных представлений об общественной опасности личности могут включать индивидуально-психологические особенности лица, совершившего преступление, ценностные ориентации, характеристику криминального поведения, психоэмоциональное состояние, а также факт наличия психического расстройства. Интерес представляет эмпирическое изучение социальных представлений об общественной опасности преступлений как части системы представлений, которая конструируется во взаимоотношениях человека с другими и обществом и оказывает влияние на выбор поведения в различных ситуациях, в том числе криминогенных.

Литература

1. Бурлаков В.Н. Общественная опасность как явление и понятие // КриминалистЪ. 2026. № 2 (55). С. 26–35.
2. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. Москва: Юридическая литература, 1975. 184 с.
3. Климанова О.В. Общественная опасность личности и основание освобождения от уголовной ответственности (возрождение утраченного) // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 1. С. 54–64.
4. Козлов А.П. Понятие преступления. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 1123 с.
5. Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: методические рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43).
6. Сорокин А.Н. Общественная опасность как категория уголовного права: теоретико-правовой анализ // Закон и власть. 2026. № 5. С. 201–203.

Правовые механизмы ограничения деятельности деструктивных организаций в России

Савина К.Д.[1], Гурина О.Д.[1,2]

[1]ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

[2] ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

В правовом поле до сих пор отсутствует единый категориальный аппарат, который однозначно бы описывал такое явление как «деструктивная организация», а также отсутствуют смежные по смыслу понятия в научном поле. В обиходе

используется понятие «секта», определение которой также не характеризует данное явление как потенциально опасное для социума. Не выработаны критерии для анализа взглядов и мировоззрения организаций, которые позволяли бы отнести их к деструктивным и ограничивать их деятельность. При этом запрос правоохранительных органов на экспертизы материалов различных религиозных и общественных организаций, чьи взгляды предположительно могут оказать вред ее потенциальным и актуальным членам, растет.

На основании анализа литературы (Волков, 1996; Дворкин, 2014), авторы предлагают понимать под деструктивной организацией общественные организации (псевдонаучного, психолого-терапевтического толка), а также организации религиозного или псевдорелигиозного толка, действующие, в том числе, в оппозиции к традиционным религиозным конфессиям, существующие в различных формах, потенциально способные нанести значительный вред здоровью и жизни граждан и обществу.

Регуляция деятельности общественных и религиозных организаций осуществляется в том числе следующими федеральными законами: Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ.

ФЗ N 82-ФЗ предусматривает ответственность для общественных объединений за нарушение российского законодательства и в том числе за создание собственной символики, оскорбляющей расовые, национальные или религиозные чувства, что соответствует положениям статьи 282 УК РФ, конкретизирующей формы проявления экстремистской деятельности, отраженной в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ.

ФЗ N 125-ФЗ предусматривает ответственность для религиозных объединений в том числе за осуществление экстремистской деятельности; принуждение к разрушению семьи; посягательство на личность, права и свободы граждан; склонение к самоубийству или к отказу от медицинской помощи; нанесение ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе в связи с использованием наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий; воспрепятствование получению обязательного образования; принуждение участников и последователей и иных лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения; воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу выходу гражданина из религиозного объединения; побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий.

Однако данные законодательные акты описывают исключительно ответственность за нарушение российского законодательства в рамках деятельности таких организаций постфактум, не учитывая потенциальной допустимости и/или желательности описанных выше действий, заложенных внутри мировоззрения и взглядов, выступающих основой данных организаций, трансляция и ретрансляция

которых может осуществляться не только посредством непосредственного контакта между участниками, но посредством информационных материалов.

Тем самым, в действующем российском законодательстве присутствует правовая лакуна: отсутствует профилактический контроль в отношении общественных и религиозных организаций, призванный нивелировать риск распространения в социуме деструктивных течений. Представляется целесообразным устранить указанную лакуну посредством разработки и внедрения методик оценки мировоззрений и взглядов, выступающих основой существования указанных общественных и религиозных организаций.

Литература

1. Волков Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога. 1996. № 3. С. 76–82.
2. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования (3-е изд., перераб. и доп.). Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. 816 с.

Регуляторные ресурсы личности в противостоянии кибермошенничеству: опыт анализа нарративов

Талашкевич В.Д., Семенова-Полях Г.Г.
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия)

В настоящее время проблема кибермошенничества приобретает массовый характер. В большинстве психологических исследований упор делается на изучении личностных дефицитах жертв, деструктивных последствиях и т.д. В связи с этим возникает острая необходимость изучения внутренних психологических ресурсов личности, обеспечивающих успешное противостояние кибермошенничеству.

В исследовании были задействованы респонденты-подростки (15-17 лет) и студенты вузов (19-24 года) г. Казани, среди которых 12 распознали и прервали акт кибермошенничества, а 15 — продолжили контакт и стали жертвами злоумышленников. Метод сбора данных — структурированное интервью с последующим тематическим анализом данных (Braun, Clarke, 2006). Объект исследования — нарративы. Предмет исследования — регуляторные ресурсы личности, которые помогают противостоять кибермошенничеству.

Выявлено, что респондентам, успешно идентифицирующим угрозу мошеннических действий (не жертвы), свойственны аналитичность, критичность и метакогнитивный мониторинг (100%). Они обнаруживали логико-технические несостыковки (42%) («аккаунт человека, который предлагал заняться арбитражом, был создан недавно, 1-2 фото в профиле»; «слишком уж быстрая проверка большого количества научных работ (2 дня)»), формально-стилистические аномалии (42%)

(«предложение выглядело слишком неконкретным»; «обращение в письме по имени, без фамилии и отчества, название статьи капсом и без склонения»), подозрительные запросы мошенника (50%) («таролог мне стала писать про icloud, то, что ей срочно надо помочь»; «начали запрашивать адрес с точностью до квартиры для перевода средств»). Не жертвам (50%) также свойственна когнитивная гибкость (смена ролей, перехват коммуникационной инициативы, слом сценария мошенника) («Я спрашиваю ещё раз, откуда у вас мой номер?»; «Я написала, что не могу ей помочь, и заблокировала её»). Это способствовало своевременному распознаванию потенциальной угрозы и препятствию автоматических действий. Жертвы, напротив, демонстрировали когнитивную ригидность в непосредственном контакте с мошенником (100%) («Хотелось быстрее продать кофемашину, поэтому не обратила внимание на детали») и автоматизм действий (80%) («я была спросонья, мне вообще было все равно, что там происходит»; «даже если идея для меня казалась сомнительной, я до последнего думала, что такое возможно и можно попробовать»).

Обнаружено, что в момент кибератаки «не жертвы» фиксировали гнев или раздражение на источник давления (конструктивная агрессия) (33%). Это состояние побуждало к прерыванию контакта и пресечению манипуляции («когда я сказала, что я не давала никакого согласия, я уже начала злиться»; «некоторое раздражение из-за того, что продавец торопил меня»). Жертвы, напротив, проявляли конформизм, наивность и игнорировали эмоциональные сигналы (80%) («было чувство предвкушения»; «были смешанные чувства»; «сначала спокойствие и только потом начала ощущать тревогу и беспокойство»). Их агрессия была направлена на себя («я испытывала гнев от всей ситуации и своей тупости»; «чувствовала себя "полной дурой"»).

Таким образом, чувствительность к логическим, семантическим и стилистическим аномалиям в речи, когнитивная гибкость и конструктивная агрессия способствовали успешному противостоянию кибермошенничества как у студентов, так и у подростков. Студенты чаще допускали факт собственного незнания, из-за чего обращались за советом (25%) («отец знает трейдинг, помог разобраться»). У подростков аналогичной тенденции не выявлено.

Отметим, что в исследовании были раскрыты не все регуляторные ресурсы личности, способствующие противостоянию кибермошенничеству, поэтому требуется дальнейшее изучение данной проблемы.

Литература

1. Amalarakkini G. Mental Resilience and Psychological Vulnerability: Examining Protective Factors Against Cyber Scams // Anusandhanvallari. 2026. No. 1.
2. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77–101.

Феномен ultima ratio в процессе формирования умысла у террористов-одиночек на основе теории подражания Г. Тарда

Токарева М.И.
Школа права и управления ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
(г. Тюмень, Россия)

В цифровую эпоху исследование индивидуального криминального генеза террористов-одиночек требует переосмысления механизмов формирования преступного умысла. Законы психики неизменны, но трансформировалась сама информационная среда: выступая интерактивным пространством и катализатором умысла, она позволяет мгновенно усваивать деструктивные паттерны. Феномен Ultima ratio (в переводе с лат. — «последний решительный аргумент», «крайнее средство») описывает деструктивное состояние сознания, при котором субъект в ситуации тупика воспринимает радикальное насилие как единственный способ разрешения внутреннего конфликта.

Методологическую основу работы составляют концепции французского социолога Г. Тарда. Формирование умысла подчинено закону «подражания изнутри-наружу» (1890 г.): преступник перенимает внутреннее содержание модели, а затем копирует внешнюю форму (Тард Г., 2011). В развитие этих идей А. Бандура доказал, что подростковая девиантность формируется через копирование поведения авторитетных «моделей» (Bandura A., Walters R. H., 1959), а современные медиа выполняют информативную функцию, транслируя символические образы как прямое руководство к действию (Бандура А., 2000). Проводником готовых шаблонов служит медиасреда, чье влияние Тард предсказал в концепциях «психической заразительности» и «газетного эха», что трансформировалось в цифровые феномены «психических эпидемий» и «медийного эха» (Тард Г., 2026). В сети данное «эхо» тиражирует манифесты, бесконтактно формируя у уязвимых лиц иллюзию причастности к глобальному протесту.

Переход от психического заражения к действиям раскрывает сущность Ultima ratio. Под влиянием сетевого «эха» дезадаптированный субъект начинает рассматривать насилие как единственный выход из личностного кризиса. Реализация преступного замысла подтверждает теорию Г. Тарда в части копирования поведенческих шаблонов. Так, В. Росляков (2018 г.) воспроизвел тактику стрелков из школы «Колумбайн» (1999 г.), создав новое информационное «изобретение». Его шаблон переняли последующие одиночки И. Галявиев (2021 г.) и Т. Бекмансуров (2021 г.). Динамика их умысла отразила полный цикл подражания от бесконтактного усвоения чужих деструктивных мотивов до копирования внешнего алгоритма действий.

Умысел террористов-одиночек носит внушенный подражательный характер, обусловленный «эффектом эха» информационной среды. Признание насилия в качестве Ultima ratio — результат психического заражения паттернами деструктивного поведения. Действие механизмов демонстрирует нападение в декабре 2025 г. в

Успенской школе (пос. Горки-2), где подросток воспроизвел сценарий с холодным оружием. Судебно-психологический анализ выявляет здесь смысловую деформацию паттерна. Если для «Колумбайна» акт являлся выбором Ultima ratio, обусловленным глубоким психопатологическим кризисом нападавших, то для современных последователей идеология переплетена с геймификацией. На первый план выходит копирование внешней формы ради популярности и сетевого признания. Выявленные закономерности важны для экспертизы при оценке внушаемости подэкспертных и для разработки алгоритмов блокировки деструктивных шаблонов в сети.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург: Евразия, 2000. 320 с.
2. Тард Г. Законы подражания. Москва: Академический Проект, 2011. 304 с.
3. Тард Г. Общественное мнение и толпа. Москва: АСТ, 2026. 256 с.
4. Bandura A., Walters R.H. Adolescent Aggression: A Study of the Influence of Child-training Practices and Family Interrelationships. New York: Ronald Press, 1959. 475 p.

Выявление маркеров в криминальном поведении преступника для составления его поискового психологического портрета

Ударцева В.К., Каменев И.И.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)
Следственный комитет Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Психологический портрет неизвестного преступника – это метод, ориентированный на выявление комплекса сведений об индивидуальных признаках и особенностях личности преступника (Анфиногенов А.И., 1997). Такой портрет помогает идентифицировать преступника, определить оптимальные тактики при допросе задержанного лица (Лаговский А.Ю., Скрыпников А.И. и др., 2000). Существует несколько основных подходов к построению поискового психологического портрета, единого алгоритма составления нет. Различными авторами подчеркивается необходимость интеграции многочисленных методов для повышения точности получаемых профилей (Petherick W., Brooks N., 2021). Выявление значимых поведенческих признаков (маркеров), объективно связанных с психологическими качествами личности преступника, позволяет выделить группу факторов, требующихся для разработки единого алгоритма психологического анализа криминального поведения.

Целью исследования было составление проекта единого алгоритма составления поискового психологического портрета, включающего в себя выделение маркеров в криминальном поведении преступника.

В результате теоретического анализа были выделены группы маркеров, используемые в международной практике профайлинга. Данные маркеры были разделены на категории: «агрессивность», «криминалистическая осведомленность», «подготовленность». Дополнительно для анализа были выделены категории «сексуальное и ритуальное поведение», «жертва и взаимоотношения с ней». Также для каждого из маркеров была составлена его психологическая интерпретация. Для проведения пилотного исследования с выделением описанных маркеров нами был проведен анализ серии сексуальных преступлений по материалам трех уголовных дел на примере нескольких серийных сексуальных преступников, личности которых уже установлены. В силу того, что личности исследуемых преступников уже установлены, полученные портреты были верифицированы и проверены на достоверность с использованием материалов уголовных дел, видеозаписей бесед специалиста-психолога с некоторыми из исследуемых лиц, доступных сведений об их личностях, а также обратной связи от лиц, которые непосредственно взаимодействовали с указанными субъектами преступлений. Помимо этого, для визуализации внутренней структуры криминальной деятельности преступников в виде древа использовалась иерархическая кластеризация.

Полученные в результате использования описанных методов портреты исследуемых преступников показали достаточно точное совпадение прогнозируемых особенностей личности преступника с объективно установленными следствием характеристиками личности задержанных индивидов. Выявление маркеров позволило получить детальные профили с указанием признаков, необходимых для идентификации лиц («поисковых признаков»), а также раскрыть внутренние механизмы формирования их криминальной деятельности.

Таким образом, использование особого алгоритма анализа продуктов криминальной деятельности, основанного на объективных фактах поведения преступника отраженных в материалах уголовных дел, оправдало себя в рамках пилотного исследования и представляет интерес для дальнейшего развития и применения.

Литература

1. Анфиногенов А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дис. … канд. психол. наук. Москва, 1997. 183 с.
2. Лаговский А.Ю., Скрыпников А.И., Тележникова В.Н., Бегунова Л.А. Составление психологического портрета преступника: Учебно методическое пособие. Москва: ВНИИ МВД России, 2000. 112 с.
3. Petherick W., Brooks N. Reframing criminal profiling: a guide for integrated practice // Psychiatry, Psychology and Law. 2021. Vol. 28. No. 5. P. 694–710.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА В ЦИФРОВОМ И ОФЛАЙН-МИРЕ

Личностные и ситуационные факторы готовности свидетелей кибербуллинга к правозащитному поведению

Алексеева А.А.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Кибербуллинг среди несовершеннолетних – одна из острых проблем цифрового общества, имеющая признаки девиантного поведения и в ряде случаев правовую оценку. Последствия для жертв включают тревожно-депрессивные расстройства, снижение благополучия и суицидальные риски (Hinduja, Patchin, 2015). В большинстве работ по кибербуллингу основное внимание уделяется отношениям в паре «агрессор-жертва». **Свидетели** же, доля которых среди участников инцидентов достигает 75%, **остаются наименее исследованной группой.** Хотя поддержка свидетелей способна остановить травлю, а пассивность усугубляет состояние жертвы. В то же время факторы, предсказывающие готовность вмешаться, остаются недостаточно изученными (Алексеева, Ткаченко, 2025).

В российской науке комплексных экспериментальных исследований поведения свидетелей кибербуллинга с поведенческими индикаторами не проводилось. Отечественные работы ограничиваются классификациями реакций либо связями с отдельными личностными показателями. Магистерское исследование автора (Алексеева, Ткаченко, 2026) стало первой попыткой объединить личностные и ситуационные факторы. Было выявлено, что при нормативном поведении жертвы готовность вмешаться в большей степени связана с эмоциональным откликом (эмпатией), тогда как при ненормативном поведении – с когнитивной оценкой угрозы (N=128, 18–23 года) (Алексеева, Ткаченко, 2026). Также обнаружен парадоксальный эффект виктимблейминга: более высокий уровень обвинения жертвы при ее нормативном поведении ($U = 1621$, $Z = -2.06$, $p = 0.039$), что согласуется с теорией веры в справедливый мир (Lerner, 1980).

Дальнейшее исследование направлено на преодоление ограничений магистерской работы. Планируется межгрупповой эксперимент с двумя группами (нормативная и ненормативная жертва); выборка – не менее 300 человек: 15–17 лет (основная), 18–21 и 22–25 лет (сравнительные). Основной метод – экспериментальная симуляция кибербуллинга в формате поста социальной сети «ВКонтакте» с поведенческим индикатором: нажатие одной из кнопок (например, «оставить публичный комментарий») или отказ от действия. Помимо фиксации факта и способа вмешательства, будут измеряться личностные и когнитивно-оценочные переменные: эмпатия, базисные убеждения, оценка угрозы для жертвы и для себя, виктимблейминг, согласие с агрессией, субъективная готовность к вмешательству, а также опыт

собственной виктимизации. Это позволит соотнести декларируемую готовность с реальным действием и оценить вклад личностных и ситуационных факторов.

Гипотеза дальнейшего исследования: готовность свидетеля к правозащитному поведению опосредуется взаимодействием личностных и ситуационных факторов, где нормативность жертвы определяет, какой путь реагирования активируется – эмоциональный (эмпатия) или когнитивный (оценка угрозы), а между декларируемой готовностью и реальным действием существует разрыв.

Ожидаемые результаты: разработка интегративной модели поведения свидетеля кибербуллинга, описание механизмов выбора между вмешательством и бездействием, эмпирическое подтверждение или опровержение парадокса виктимблейминга на расширенной выборке.

Литература

1. Алексеева А.А., Ткаченко Д.П. Личностные и ситуационные факторы, опосредующие поведение свидетелей кибербуллинга // Академия Афины: у истоков психологии будущего: материалы научно-практической психологической конференции (Москва, 29 марта 2025 г.). СПб.: Скифия-принт, 2025. С. 10–13.
2. Алексеева А.А., Ткаченко Д.П. Связь эмпатии и базисных убеждений с особенностями восприятия жертвы кибербуллинга // Академия Афины: психология на стыке наук: материалы научно-практической психологической конференции (Москва, 28 марта 2026 г.). СПб.: Скифия-принт, 2026. С. 12–18.
3. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyberbullying. Thousand Oaks, CA: Corwin, 2015. 320 p.
4. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York: Plenum Press, 1980. 270 p.

Личностные предикторы психологической устойчивости военнообязанной молодежи к деструктивным воздействиям в социальных сетях

Артамонова Е.Э.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Кокурин А.В.

В условиях активного роста деструктивных информационных воздействий в цифровой среде и усиления информационной войны военнообязанная молодежь, являясь основным мобилизационным ресурсом государства, представляет собой одну из наиболее уязвимых категорий для информационно-психологических влияний. Их психологическая устойчивость к подобным угрозам является важным условием успешной адаптации к современному информационному обществу.

Цель нашего исследования заключалась в определении основных личностных предикторов психологической устойчивости к деструктивным воздействиям в социальных сетях у военнообязанной молодежи.

Выборку исследования составили 78 мужчин в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст – 24,0 года).

Нами были использованы следующие методики: «Жизнеспособность личности» (Нестерова А.А., 2017), «Измерение просоциальных тенденций» (Кухтова Н.В., Доморацкая Н.В, 2011), «Уровень субъективного контроля» (Голынкина Е.А., Бажин Е.Ф., Эткинд А.М., 1984), «Экспресс-оценка информационно-психологической устойчивости» (Петров В. Е., 2024).

В ходе сравнительного анализа между группами военнообязанной молодежи с высокой и сниженной устойчивостью к информационно-психологическим влияниям выявлены значимые различия по ряду параметров: «Адаптивные стили поведения», «Интернальность в семейных отношениях», «Интернальность в области здоровья и болезни», «Уступчивое просоциальное поведение», «Анонимное просоциальное поведение». Сравнительный анализ групп с высокой и средней информационно-психологической устойчивостью, в свою очередь, обнаружил значимые различия по параметру «Интернальность в области здоровья и болезни».

С помощью множественного регрессионного анализа выявлено, что существенный вклад в повышение информационно-психологической устойчивости военнообязанной молодежи вносят такие параметры как «Эмоциональный контроль и саморегуляция», «Самоуважение», «Адаптивные стили поведения» и «Интернальность в области здоровья и болезни», а «Интернальность в области достижений» понижает информационно-психологическую устойчивость.

Таким образом, значимыми предикторами психологической устойчивости военнообязанной молодежи к деструктивным воздействиям в социальных сетях выступают такие личностные характеристики как эмоциональный контроль и саморегуляция, самоуважение, адаптивные стили поведения и интернальный локус контроля.

Литература

1. Голынкина Е.А., Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. Выпуск № 3. С. 152–162.
2. Кухтова Н.В., Доморацкая Н.В. Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2011. 48 с.
3. Нестерова А.А. Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности» // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 4. С. 93–108.
4. Петров В.Е. Прикладная психологическая диагностика. М.: Изд-во «Спутник +», 2024. 246 с.

Психологические механизмы вовлечения несовершеннолетних в деструктивные онлайн-сообщества: анализ тактик манипуляции и OSINT-маркеров уязвимости

Вахитов И.Г., Шало В.
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Деструктивные онлайн-сообщества, индуцирующие аутоагрессию и суицидальное поведение несовершеннолетних, перешли от трансляции контента к алгоритмизированному таргетингу (Scherr S., 2022) и персонализированному психологическому воздействию: методы разведки по открытым источникам (OSINT) и анализа цифрового следа, созданные для превенции суицидального риска, применяются вербовщиками для прецизионного отбора жертв.

В настоящей работе предлагается двухконтурная модель, связывающая динамические OSINT-маркеры аффективно-когнитивной уязвимости подростков с комплементарными им тактиками поэтапной индоктринации. Также выделяются психолингвистические критерии скрытого принуждения.

Первый контур модели описывает динамический профиль виктимности в сети – поведенческий таргетинг. Фоновая предиспозиция задается кризисом идентичности с поиском референтной группы и запросом на «понимающего друга». Триггером же деструктивных действий выступает стрессовая импульсивность — склонность к срыву волевой регуляции и импульсивным действиям на пике негативного аффекта (Lynam D.R. et al., 2011), считываемая через пассивное цифровое фенотипирование метаданных (Insel T.R., 2017). Ввиду динамичности суицидальной идеации (Kleiman E.M. et al., 2018) отслеживаются хронобиологические циклы, что позволяет инициировать контакт в узкое «окно регуляторной уязвимости».

Психолингвистический таргетинг открытых текстов верифицирует триаду маркеров дистресса: 1) гиперчастотность местоимений 1-го лица ед. ч., отражающая когнитивный эгоцентризм и кризис (Pennebaker J.W. et al., 2003); 2) эрозия временной перспективы – элиминация глаголов будущего времени при доминировании лексики истощения и ангедонии (Pestian J. et al., 2010)*;* 3) плотность абсолютистских кванторов («всегда», «никто») – маркер фиксирующий ригидность и уязвимость к внушениям.

Второй контур модели раскрывает поэтапную индоктринацию через двухфазную инверсию лингвистической конвергенции: 1) этап инициации (нисходящая конвергенция) — куратор мимикрирует под социолект и когнитивный уровень жертвы, но удерживает высокий индекс доминантности и позитивный тон на фоне депрессии подростка (Broome L.J. et al., 2024); 2) этап изоляции — опираясь на ригидность жертвы, куратор экстраполирует опыт ее отвержения на весь социум, вводя оппозицию «Мы» — «Они»; 3) обратная конвергенция — жертва интериоризирует синтаксис и смысловые матрицы куратора.

Таким образом, предложенная модель показывает, как каждая стадия манипуляции эксплуатирует выявленные через OSINT социально-психологические уязвимости подростка (фрустрацию потребности в общении, отсутствие ролевой модели) на фоне снижения исполнительного контроля. Данные маркеры служат основой раннего выявления группы риска до их контакта с вербовщиком.

Литература

1. Broome L.J. et al. An investigation of the linguistic and deceptive characteristics of online grooming types // Journal of Sexual Aggression. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 1–18.
2. Insel T.R. Digital Phenotyping: Technology for a New Science of Behavior // JAMA. 2017. Vol. 318. No. 13. P. 1215–1216.
3. Kleiman E.M. et al. Digital phenotyping of suicidal thoughts // Depression and Anxiety. 2018. Vol. 35. No. 7. P. 601–608.
4. Lynam D.R. et al. The UPPS-P: Assessing five personality pathways to impulsive behavior. West Lafayette: Purdue University, 2011. 64 p.
5. Pennebaker J.W. et al. Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54. P. 547–577.
6. Pestian J. et al. Suicide Note Classification Using Natural Language Processing: A Content Analysis // Biomedical Informatics Insights. 2010. Vol. 3. P. 19–28.
7. Scherr S. Social media, self-harm, and suicide // Current Opinion in Psychology. 2022. Vol. 46. Art. 101311.
8. Scheve B., Baskin-Sommers A. et al. Negative urgency and lack of perseverance predict suicidal ideation and attempts among young adolescents // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2024. Vol. 53. No. 4. P. 704–714.
9. Torous J. et al. Smartphone digital phenotyping in mental health disorders: A review of raw sensors utilized, machine learning processing pipelines, and derived behavioral features // Psychiatry Research. 2025. Vol. 348. Art. 116483.

Формирование правовой культуры педагога дошкольной образовательной организации

Галеева Д.Р., Гарифуллина А.М.
Институт психологии и образования ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия)

Формирование правовой культуры педагога дошкольной образовательной организации (ДОО) - не просто требование профессионального стандарта, а необходимость современной системы образования. Педагог ежедневно взаимодействует с детьми, родителями и администрацией, и от того, насколько глубоко он осознает свои права и обязанности, зависит безопасность и благополучие воспитанников.

Правовая культура педагога не сводится лишь к знанию статей законов. Это интегративное личностное качество, включающее несколько взаимосвязанных компонентов. Исследователи выделяют когнитивный (знание нормативно-правовых актов), аксиологический (принятие права как ценности) и деятельностный (умение применять знания на практике) компоненты (Саянова Н. В., 2019). Правовая культура воспитателя транслируется на всех субъектов образовательного процесса. От уровня правовой грамотности педагога зависит, насколько качественно он сможет защитить права ребенка, выстроить взаимодействие с родителями и избежать конфликтных ситуаций с контрольно-надзорными органами (Репина О. Н., 2008).

Формирование правовой культуры не происходит стихийно, оно требует целенаправленной работы в рамках методической деятельности ДОО. Современному педагогу недостаточно знать только Конвенцию о правах ребенка. Необходимо ориентироваться в гражданском, семейном, трудовом и административном законодательстве. Эффективными формами являются обучающие семинары, консультации и изучение нормативных документов (например, локальных актов ДОО, устава).

Правовая культура проявляется в поведении. Для ее развития используются практикумы, тренинги и открытые просмотры занятий, где педагоги демонстрируют умение интегрировать правовые аспекты в повседневную жизнь детского сада. Важным методом является самообразование и участие в вебинарах и конференциях. Формирование правовой культуры включает и работу с эмоциональным отношением к праву. Педагогические советы и специальная литература помогают осмыслить этические аспекты общения с детьми. Важно, чтобы педагог воспринимал право не как карающий инструмент, а как гарант безопасности и защиты.

Особый аспект формирования правовой культуры педагога ДОО - это его готовность выступать гарантом прав ребенка. Это требует не только знания статей, но и понимания границ вмешательства и ответственности. Педагог должен уметь распознавать признаки жестокого обращения, знать порядок действий при выявлении нарушений прав ребенка, а также грамотно оформлять документацию. Высокий уровень правовой культуры позволяет воспитателю выстраивать партнерские отношения с родителями.

Таким образом, формирование правовой культуры педагога ДОО - это процесс непрерывного совершенствования, который должен носить системный характер. Он включает не только повышение уровня правовых знаний, но и развитие навыков правоприменения, а также формирование ценностного отношения к праву. Только педагог, обладающий высокой правовой культурой, способен создать безопасную и комфортную среду, где права каждого участника образовательного процесса уважаются и защищаются.

Литература

1. Атемаскина Ю.В. Повышение правовой культуры педагогов ДОУ // Дошкольное воспитание. 2015. № 3. С. 45–51.

2. Козловцев А.В. Особенности формирования правовой компетентности будущего педагога дошкольного образования // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 5. С. 32–35.
3. Круговая И.Г., Нежельченко Н.Б., Харченко Я.Г. [и др.] Проблема формирования правовой культуры педагогов дошкольного образовательного учреждения // Интерактивная наука. 2018. № 1 (23). С. 56–59.
4. Куртуков Р.С. Правовая культура педагога: историко-педагогический взгляд и современное состояние проблемы // Сибирский учитель. 2026. № 1 (164). С. 7–13.
5. Меркулова Е.А. Дошкольное правовое образование: учебное пособие. Москва: МПГУ, 2017. 120 с.
6. Репина О.Н. Формирование правовой культуры педагогов дошкольного образования: монография. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 2008. 184 с.
7. Саянова Н.В. Формирование правовой грамотности младших воспитателей в дошкольных учреждениях: автореф. дис. … канд. пед. наук. Екатеринбург, 2019. 24 с.

Семантические индикаторы суицидального поведения в онлайн-среде

Грачева В.В.
АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (г. Москва, Россия)

В условиях цифровизации общества все большее значение приобретают формы коммуникации, реализуемые в виртуальной среде. Интернет-пространство становится не только платформой для обмена информацией, но и площадкой для проявления деструктивных поведенческих паттернов. Особое внимание в направлении выявления потенциальных индикаторов суицидальной тематики вызывает формирование специфического «словаря угрозы» онлайн-сообществ, где участники обсуждают методы самоубийства, делятся личными планами и организуют совместные действия.

В рамках изучения и выявления потенциальных индикаторов суицидального поведения был проведен анализ комментариев русскоязычной ветки англоязычного форума, посвященного обсуждению способов самоубийства. Было проанализировано 1 017 комментариев, размещенных участниками форума за период с 29.09.2023 по 13.02.2025. Регистрация участников на форуме осуществляется анонимно, поэтому для анализа доступны только смысловые конструкции. Для систематизации выявленных потенциальных индикаторов суицидальной тематики использовалась структура психологической (социальной) установки М. Смита (1942), включающая когнитивный (знания и убеждения), аффективный (эмоциональная оценка поведения) и поведенческий (готовность к действию) компоненты.

При анализе комментариев на когнитивном уровне индикаторами риска служит информированность участников о способах, методах, технических деталях,

наименований веществ, используемых для совершения самоубийства: «выбираю между …. … и обычным …… с помощью ……», «передоз ……. (скорее всего)», «……. при приеме sn», «доза по гайду …..», «от .. уходят где то в течении часа», «надо разложить килограмм …… ……. на каждые 10м^3 помещения», «результаты экспериментов в ….», «агрегат из масок трубок и мониторов для … с помощью …..», «Они называются ….. …..., и в …. описывается методика».

На аффективном уровне индикаторами выступают нормализация и эмоциональное принятие самоубийства как легитимного: «лучше выберу ……., чем играть в русскую рулетку с ..», «захотелось … совершить», «Мне не место в этом мире», «лучше все же ….. газ, чем…», «Мирный … намного легче совершить, когда у тебя завалялись 10.000€», «Моя сестра молодец, уже …».

На поведенческом уровне ключевыми индикаторами являются признаки готовности к планированию и организации суицида: «Ищу партнера для … в Москве. Есть .., есть противорвотные, есть обезбол», «я решил попробовать .. с ……..», «просто ……., когда время придет», «я уже записку написал. Сейчас просто способ выбираю», «Я сам собираюсь принять .. в этом месяце», «Заказал все что нужно для безболезненного …….», «в моей аптечке все готово для …….», «Метод выйти на мороз». Также индикаторами риска служит демонстрация готовности следовать инструкциям: «приму грамм 40 …… …….».

Особое внимание при формировании индикаторов риска вызывают сокращения и аббревиатуры, формирующие закрытый дискус, доступный только внутригрупповым участникам.

Проведенный анализ комментариев русскоязычной ветки форума демонстрирует, что в онлайн-среде формируется устойчивый дискурс суицидального характера, в котором язык выступает не только средством коммуникации, но и инструментом конструирования, легитимации и реализации суицидальных намерений. Выявленные семантические индикаторы, от точной терминологии и обсуждения дозировок до нормализующих высказываний и призывов к совместным действиям, отражают три компонента психологической (социальной) установки: когнитивный (знания о методах и веществах), аффективный (позитивное отношение к самоубийству как к рациональному выбору) и поведенческий (готовность к планированию и действию). Выделенные речевые признаки могут рассматриваться как потенциальные индикаторы суицидальной тематики и требуют дальнейшей эмпирической проверки для оценки их связи с суицидальным риском.

Цифровые риски в жизни подростков: по результатам исследования

Гребень Н.Ф.
ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

В условиях всеобщей дигитализации цифровая среда оказывает всё более значимое влияние на жизнь подростков, что несёт как позитивные, так и рискованные для их психологического и социального развития и здоровья аспекты.

Психологические риски цифровой среды рассматриваются как ситуации встречи ребенка в киберпространстве с потенциальными угрозами, которые могут нанести психологическую травму или негативно повлиять на развитие его личности (Рубцова О.В. и др., 2024).

На базе ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» с 2025 г. реализуется научный проект «Изучить особенности цифрового поведения современных подростков и разработать метод оценки факторов риска нарушений здоровья, ассоциированных с использованием технических средств информатизации». Одной из задач проекта было изучение цифровых (психологических, технических, противоправных) рисков, с которыми сталкивались подростки в виртуальной реальности.

Материал и методы исследования. Объем выборочной совокупности составили 21328 подростков 15–17 лет. Среди них 57,7 % (12300) девушек и 42,3% (9028) юношей, проживающий во всех регионах Беларуси в городской и сельской местности.

Методом исследования явилась специально разработанная автором анкета «Цифровое поведение подростков». Анкетирование проводилось анонимно в онлайн-режиме.

Результаты исследования. Как показали результаты нашего исследования, порядка 70 % подростков ответили, что не сталкивались с онлайн-мошенничеством и прочими рисками онлайн-среды. Среди положительных ответов были получены следующее данные: оскорбления, нецензурная речь и преследования онлайн – 16,3 %, взлом и кража персональных данных – 13,3 %, заражение гаджетов, ПК вредоносными вирусными программами, майнерами – 7,5 %, кража денег – 4,6 %, шантаж за владение личной информацией (откровенные фото, переписка и пр.) – 4 %, предложения по вовлечению в противозаконную деятельность (сбыт наркотиков, спайсов) – 2,8 %, пропаганда самоубийства – 2,6 %.

Кибербуллингу подвергались 11,6 % подростков, что количественно не превышает реальный буллинг – 12,4 %, выявленный у белорусских подростков нами ранее (Н.Ф. Гребень, 2017). В цифровой среде распространены следующие формы травли: оскорбления – 36,9 %, угрозы – 17,1 %, игнорирование, бойкот, исключение из групп в социальных сетях, чатах – 15,7 %, распространение слухов – 15,7 %, публикация личной информации без согласия владельца – 7,8 %, систематические дизлайки – 7,3 %, создание фейковых аккаунтов от вашего имени – 6,6 %.

С секстингом (интимная переписка, пересылка фото сексуального характера без запроса и согласия) имели дело 2,3 % юношей и девушек, с онлайн грумингом (установление взрослым близких, доверительных отношений с несовершеннолетним с целью последующего совращения или шантажа) – 0,6 %, с секстингом и онлайн грумингом – 0,9 %. Положительно отвечали чаще девушки.

Опыт просмотра порнографического контента, согласно полученным ответам, имеют 13 % подростков. Среди положительно ответивших превалируют юноши. Доля положительных ответов на данный вопрос скорее всего занижена, т. к. имеет место фактор социальной желательности.

О своем участии в азартных играх онлайн положительно ответили около 20 % подростков. При этом 12,3 % подростков играют в онлайн казино нелегально, т.к. являются несовершеннолетними.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает актуальность проблемы цифровых рисков для подростков и необходимость разработки методов оценки и профилактики негативных последствий взаимодействия с цифровыми технологиями.

Литература

1. Гребень Н.Ф. Буллинг среди белорусских подростков и возможности его диагностирования // Адукацыя і выхаванне. 2017. № 10. С. 47–53.
2. Риски в цифровой среде: диагностика, профилактика, коррекция: учебно-методическое пособие / под ред. О.В. Рубцовой [и др.]. Москва: АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации», 2024. 152 с.

От классификации девиантного и виктимного поведения к анализу ситуации ребенка: развитие методического комплекса «Навигатор профилактики — 2026»

Делибалт В.В., Богданович Н.В., Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Профилактика девиантного поведения и виктимизации детей и подростков требует учета взаимосвязи непосредственной и цифровой среды. Агрессивное, противоправное, зависимое и рискованное поведение, а также воздействие на ребенка посредством угроз, обмана или принуждения не ограничиваются одной средой. При этом педагоги и специалисты образовательных организаций, учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних сталкиваются прежде всего с конкретными трудными ситуациями, требующими своевременной профессиональной реакции.

Методический комплекс «Навигатор профилактики» развивался последовательно. В издании 2022 года систематизированы признаки различных видов

девиантного поведения и ориентиры действий педагогических работников; в 2024 году разработаны алгоритмы работы педагогов и специалистов с ситуациями виктимизации детей и подростков; в 2025 году представлены виды девиантного онлайн-поведения, цифровые социальные риски детства и механизмы вовлечения несовершеннолетних в противоправные действия. Эти разработки составили основу содержательного и структурного обновления методического комплекса в 2026 году (Навигатор профилактики девиантного…, 2022; Навигатор профилактики виктимизации…, 2024; Навигатор профилактики социальных рисков…, 2025).

Результатом актуализации стали два взаимодополняющих практических инструмента: «Навигатор профилактики девиантного поведения и социальных рисков детства в реальной и цифровой среде — 2026» и «Навигатор профилактики виктимизации детей и подростков — 2026». Первый объединяет ранее раздельно описывавшиеся проявления поведения в реальной и цифровой среде и содержит десять памяток по ситуациям, в которые включен ребенок и с которыми сталкивается педагог. Второй включает семь памяток по ситуациям виктимизации, в том числе связанным с психологическим насилием и манипуляцией ребенком с преступными целями. В обоих случаях сохранена преемственность с классификационным подходом, но усилена ситуационная логика профессиональной ориентировки (Навигатор профилактики девиантного… Обновленные…, 2026; Навигатор профилактики виктимизации… Обновленные…, 2026).

Основным вопросом при обращении к памятке становится не отнесение ребенка к определенной категории, а понимание происходящего с ним: что наблюдается, что это может означать, какие обстоятельства необходимо уточнить и какие действия доступны специалисту. Унифицированная структура памяток включает пять последовательных блоков: «Что наблюдаю», «Что это может значить», «Что уточнить», «Что делать», «Чего не делать». Дополнительно разграничены уровни срочности реагирования: непосредственная опасность, серьезная ситуация без немедленной угрозы и обстоятельства, требующие плановой поддержки и наблюдения.

Существенное дополнение составляют речевые модули, ориентирующие взрослого на безопасный разговор с ребенком и родителями (законными представителями), получение необходимой информации без давления и обвинений, выяснение потребности в защите и определение доступных источников поддержки. Специально обозначены ограничения профессиональных действий: недопустимость допроса, обвинительного и директивного общения, навешивания ярлыков, необоснованных обещаний конфиденциальности, самостоятельных попыток вести расследование и выяснять обстоятельства опасного воздействия за пределами компетенции специалиста. Алгоритмы предусматривают обеспечение безопасности, фиксацию существенных сведений, взаимодействие с администрацией и профильными специалистами, обоснованное подключение родителей (законных представителей), организацию помощи и дальнейшее сопровождение.

Новым элементом комплекса стало дополнение компактных памяток-инфографик развернутыми и подробными методическими пособиями. Они

раскрывают содержание ситуаций, возможные механизмы их возникновения, профессиональные задачи, основания выбора действий и взаимодействия специалистов. Тем самым краткий инструмент повседневной ориентировки педагога или иного педагогического работника соединен с материалом для более глубокого изучения и методического обеспечения профилактической работы (Навигатор профилактики девиантного… Методическое пособие…, 2026; Навигатор профилактики виктимизации… Методическое пособие…, 2026).

Обновление комплекса отражает переход к согласованному использованию классификационных знаний, анализа ситуации ребенка и алгоритмов межпрофессионального и межведомственного взаимодействия. Такая организация материалов предназначена для раннего выявления неблагополучия, поддержки детей и семей и выбора своевременных, безопасных действий с соблюдением профессиональных границ.

Литература

1. Навигатор профилактики виктимизации детей и подростков. Версия 1.0. Методические материалы по алгоритмам действий специалистов в ситуациях выявления тревожных факторов поведения несовершеннолетних обучающихся, свидетельствующих о совершаемых противоправных посягательствах в их отношении, в том числе против половой неприкосновенности / Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Борисенко Е.В., Богданович Н.В., Дворянчиков Н.В. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 29 с. URL: https://mgppu.ru/about/publications/prevention_of_victimization.
2. Навигатор профилактики виктимизации детей и подростков. Методическое пособие для педагогов и специалистов образовательных организаций / Делибалт В.В., Богданович Н.В., Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. 150 с. URL: https://mgppu.ru/about/publications/prevention_of_victimization_2026.
3. Навигатор профилактики виктимизации детей и подростков. Обновленные и актуализированные памятки / Делибалт В.В., Богданович Н.В., Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. 150 с. URL: https://mgppu.ru/about/publications/prevention_of_victimization_2026.
4. Навигатор профилактики девиантного поведения и социальных рисков детства в реальной и цифровой среде. Методическое пособие для педагогов и специалистов образовательных организаций / Делибалт В.В., Богданович Н.В., Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. 150 с. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour/2026.
5. Навигатор профилактики девиантного поведения и социальных рисков детства в реальной и цифровой среде. Обновленные и актуализированные памятки / Делибалт В.В., Богданович Н.В., Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2026. 150 с. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour/2026.

6. Навигатор профилактики девиантного поведения. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся / Н.В. Богданович, О.В. Вихристюк, Н.В. Дворянчиков, М.Г. Дебольский, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 25 с. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour.
7. Навигатор профилактики социальных рисков детства в цифровой среде. Версия 1.0. Методические материалы и памятки для специалистов по алгоритмам действий, направленных на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы, признаков девиантного поведения онлайн детей и подростков с учетом рисков, выявленных в цифровой среде / Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дворянчиков Н.В. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. URL: https://mgppu.ru/about/publications/prevention_digital_risk.

Судебная экспертиза молодых жертв телефонных мошенников: роль эксперта-психолога

Дозорцева Е.Г.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Жертвами телефонных мошенников в последние годы стали сотни жителей России. Многие из них потеряли свои сбережения и ценности, значительная часть из них становились невольными орудиями в руках манипуляторов, обманом вовлеченными в совершение противоправных действий, вплоть до диверсий и терактов. В условиях военных действий подобное мошенничество стало одним из эффективных средств нанесения существенного ущерба российской стороне с территории Украины.

По данным экспертной практики и информации из открытых источников, вовлечение в совершение противоправных действий было особенно распространено среди молодых людей до 22 – 24 лет, в том числе несовершеннолетних. Использованные мошенниками методы социальной инженерии могли варьироваться в деталях и часто подбирались индивидуально, с учетом обстоятельств жизни жертвы, которые становились им известны в результате предварительной подготовки. Однако основная манипулятивная схема была общей и включала первичное подключение и обработку молодого человека так, чтобы он поверил в реальность сообщаемой ему сфабрикованной информации; создание мнимой стрессовой ситуации с угрозой привлечения к уголовной ответственности его самого и его близких; нагнетание стресса и запугивание за счет подключения мнимых «правоохранительных органов» и требования полной конфиденциальности происходящего; предложение выхода из критической ситуации путем «сотрудничества» молодого человека с «правоохранительными органами»; требование тайной передачи имеющихся в семье

денежных средств для «декларирования»; требование в качестве «сотрудничества с правоохранительными органами» совершения деструктивных действий (поджога автомобилей, зданий, железнодорожных релейных шкафов) либо в роли курьера передачи денег или ценностей от другой жертвы мошенничества в места, доступные для получения их самими мошенниками (т.н. «дроперство»); постоянный контроль действий жертвы со стороны «куратора», часто вплоть до момента вмешательства настоящих правоохранителей. Таким образом, основными целями преступников были совершение диверсии или теракта и получение денежных средств. Можно также предположить, что одна из целей заключалась в аресте и уголовном преследовании исполнителей как дополнительном социальном ущербе.

В настоящее время при общей озабоченности подобным явлением следует констатировать отсутствие единства подходов к экспертной и правовой оценке состояния и действий исполнителей противоправных действий, находившихся под дистанционным влиянием манипуляторов, которые привлекаются к ответственности в качестве единственных обвиняемых. То обстоятельство, что действия молодых людей были совершены в результате обмана под постоянным контролем и внушающим воздействием мошенников, часто следствием и судом не учитывается, в качестве жертв мошенничества они не рассматриваются.

По данной категории дел обычно назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ). Как правило, молодые жертвы телефонных мошенников психическими расстройствами не страдают, состояние стресса психиатрами как патологическое не расценивается, поэтому основная задача эксперта психолога в рамках такой экспертизы – максимально точное и объективное описание психологического состояния и организации деятельности подэкспертного до и во время совершения противоправных действий под влиянием внешнего агента (Сафуанов Ф.С., Широкова В.В., 2025; Дозорцева Е.Г. и др., 2026). Для этого необходимо выяснить, каково совокупное влияние на деятельность подэкспертного его индивидуально-психологических особенностей, внешнего манипулятивного воздействия, эмоционального состояния, а для несовершеннолетних – состояния психического и личностного развития. Критически важным является определение того, понимал ли подэкспертный характер и значение действий, совершаемых с ним манипулятором. Выводы эксперта при этом должны базироваться как на данных психологического обследования подэкспертного, так и на детальном изучении материалов уголовного дела. Оценка психологического манипулятивного воздействия на подэкспертного должна быть документально подкреплена скриншотами, аудио- и видеозаписями переговоров и другими объективными данными. Это позволяет дифференцировать дела подобного рода от тех, где обвиняемые были самостоятельными активными агентами противоправных действий. Построенная таким образом экспертиза может стать существенным доказательством по делу и способствовать принятию обоснованных решений следствием и судом в отношении молодых жертв телефонного мошенничества.

Психологическая устойчивость несовершеннолетних к негативным воздействиям цифровой среды

Ефимова И.В.
НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Доступ несовершеннолетних к цифровым технологиям имеет двойственный характер, с одной стороны поддерживает развитие и новые формы освоения социального опыта, с другой – создает психологические риски и повышает уязвимость. Последствия нахождения в цифровом пространстве зависят от содержания цифровой среды и деятельности, индивидуальных особенностей, возраста и поддержки окружающих.

В российском обществе сложился устойчивый общественный запрос на защиту несовершеннолетних в цифровой среде – недопустимо бесконтрольное взаимодействие в Интернете. Необходимо создание безопасного цифрового пространства с минимизацией рисков для несовершеннолетних, управляемой модели защиты от опасного контента (ВЦИОМ, 2026).

В детском и особенно подростковом возрасте отношение к себе формируется в том числе через обратную связь окружающих. В социальных сетях она становится публичной и количественно выраженной. Сравнение собственных достижений и внешности с идеальными изображениями может отразиться на восприятии телесности и стать источником эмоциональных проблем. Реакции, комментарии и число подписчиков могут восприниматься как показатели привлекательности, успешности и значимости. Психологические риски возникают, когда оценка отдельной публикации переносится на личность в целом. При уязвимой самооценке важно признание и отношение к внешним оценкам окружающих. Следовательно, цифровое одобрение не должно стать основным источником обратной связи и идентичности.

В цифровом пространстве несовершеннолетний усваивает нормы общения и может столкнуться с оскорблениями, унижением и враждебными способами разрешения разногласий. Регулярное наблюдение за вознаграждаемой агрессией представляются ему как приемлемая форма поведения, одобряемая группой. Влияние деструктивного контента не должно восприниматься как норма взаимодействия и нарушать личные границы.

Кибербуллинг как повторяющиеся причинение вреда с помощью цифровых технологий, направленное на запугивание, преследование, унижение способствует утрате контроля и чувства безопасности, ощущению невозможности пресечь происходящее. Оскорбительные сообщения, распространение слухов и унизительных изображений, травля провоцируют тревогу, стыд, нарушения сна, избегание общения. Поддержка включает активное слушание, восстановление предсказуемости и безопасности, прекращение агрессии, сохранение доказательств, обращение к платформе.

Цифровая среда не должна замещать реальность и живое общение, становиться приоритетной для повседневной жизнедеятельности.

Способность замечать неблагоприятное воздействие, регулировать собственную реакцию, выбирать безопасные действия в цифровой среде, обращаться за помощью и постепенно восстанавливаться после трудной ситуации являются ключевыми навыками психологической устойчивости. Индивидуальные навыки психологической устойчивости включают эмоциональный, познавательный и поведенческий компоненты. Эмоциональный компонент включает распознавание тревоги и напряжения; познавательный – оценку содержания и достоверности сообщения; поведенческий – прекращение нежелательного контакта и обращение за поддержкой.

Таким образом, основой формирования психологической устойчивости несовершеннолетних к негативным воздействиям цифровой является доверительное взаимодействие со значимыми взрослыми. Психологическая устойчивость развивается с помощью распознавания собственных эмоций и реакций, критической оценки сообщений и контента, сохранения личных границ и своевременного обращения за помощью.

Литература

1. Дети в сети. Защита несовершеннолетних в цифровой среде: международный опыт, российская практика и перспективные направления развития. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/deti-v-seti-zashchita-nesovershennoletnikh-v-cifrovoi-srede (дата обращения: 28.09.2026).

Развитие осознанности субъективных предпосылок агрессивного поведения у подростков, вовлеченных в деструктивные течения

Замышевская Е.А.
ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования» (г. Нижний Новгород, Россия)

Цифровая среда стала пространством социализации подростков, где риски деструктивного поведения формируются намного быстрее, чем в реальном бытовом общении. Это требует поиска новых подходов к ранней превенции, особенно с учетом того, что, по оценке С. Н. Ениколопова, «большинство ценностей, функционирующих в современном обществе, способствуют тому, что агрессия и насилие активно проявляются и воспроизводятся в социуме» (Ениколопов С.Н., 2004). Результатом такой трансляции становится вовлечение несовершеннолетних в деструктивные течения, такие как, субкультура нападений на школы («колумбайн»), буллинг, экстремизм и диверсионная деятельность.

В юридической психологии механизмы сдерживания агрессивных импульсов чаще всего связываются со становлением субъектного контроля. Как подчеркивает Е. А. Сергиенко с соавторами, именно «контроль поведения обеспечивает интеграцию

когнитивных, эмоциональных и волевых компонентов в единую систему субъектной регуляции» (Сергиенко Е.А. и др., 2010), выступая метаресурсом произвольной активности личности (Моросанова В.И., 2021). Нарушение этой регуляторной функции у подростков, проявляющих агрессивное поведение, напрямую сопряжено с когнитивными искажениями и трудностями в обработке социальной информации. У несовершеннолетних, вовлеченных в деструктивные и радикальные движения, этот механизм закрепляется моральным самооправданием. А. Бандура отмечал, что через когнитивное переструктурирование «санкционирующие механизмы самоконтроля избирательно отключаются, в результате чего вредоносное поведение субъективно преобразуется в социально оправданное или даже достойное» (Бандура А., 1996). В результате, акт насилия начинает восприниматься подростком не как противоправное действие, а как акт «восстановления справедливости».

Цель нашего исследования — изучить уровень осознанности предпосылок агрессивного поведения у подростков «группы риска», в том числе, имеющих признаки вовлечения в деструктивные течения.

Выборку исследования составили 240 подростков (15–17 лет): «группа риска», находящиеся на внутреннем учете Центра психологической безопасности и профилактики деструктивных явлений среди детей и молодёжи в Нижегородской области (n = 120; «колумбайн» — 16, экстремизм и диверсии — 5, буллинг — 5, гетеро- и аутоагрессия — 94) и группа контроля, состоящая из школьников (n = 120). Внутри экспериментальной группы были выделены 12 подростков с рецидивом деструктивного поведения.

Диагностический комплекс включал опросник агрессивности Басса – Перри (BPAQ). Уровень осознанности субъективных предпосылок агрессивного поведения оценивался в ходе полуструктурированного экспертного клинико-психологического интервью. По результатам экспертного интервью респонденты группы риска были распределены на три группы с низким, средним и высоким уровнями осознанности.

В контрольной группе преобладал высокий (65%) и средний (35%) уровни рефлексии.

Как показали результаты, все подростки с признаками радикализации («колумбайн», экстремизм), а также все 12 человек из группы с повторными срывами совершенно не осознают истинные причины своих вспышек. Они искренне считают агрессию правильной и оправданной, во всем винят только окружающих, а показатели враждебности (29,1±3,9) и физической агрессии (28,4±4,2) у них вдвое выше обычной школьной нормы (14,5±2,8 и 13,6±2,9; $p<0,001$). Корреляционный анализ по Спирмену подтвердил прямую закономерность: чем хуже подросток понимает свои мысли и реакции, тем выше уровень его агрессивности ($r_s=-0,76$; $p<0,001$).

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие принципиальные выводы. Во-первых, абсолютный дефицит уровня осознанности субъективных предпосылок агрессивного поведения у подростков, повторно попавших на учет Центра, объективно доказывает необходимость переориентации профилактических мер с поведенческого контроля на работу с когнитивными

искажениями и эмоциональными триггерами. Во-вторых, становится очевидным, что развитие осознанности собственных субъективных предпосылок агрессивного поведения становится приоритетным направлением профилактики.

Литература

1. Ениколопов С.Н. Современный терроризм и агрессивное поведение // Психология и психопатология терроризма / под ред. М.М. Решетникова. Санкт-Петербург: ВЕИП, 2004. С. 181–193.
2. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
3. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2021. № 1. С. 3–37.
4. Сергиенко Е.А. и др. Контроль поведения как субъектная регуляция. Москва: ИП РАН, 2010. 352 с.
5. Bandura A. et al. Mechanisms of Moral Disengagement in the Exercise of Moral Agency // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 71. No. 2. P. 364–374.

Современные риски онлайн-хейта. Виртуальная травля – это проблема?

Занина Л.Н.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Виртуальная травля, или онлайн-хейт, является серьезной проблемой в нашей современности. Школьники особенно уязвимы перед этим явлением, так как интернет для них является неотъемлемой частью жизни.

К сожалению, агрессивные комментарии, унижения и клевета в интернете могут оказывать длительное и негативное влияние на психологическое состояние школьника. Это может привести к снижению самооценки, тревожности, депрессии и даже к суицидальным мыслям. Дети и подростки, которые страдают от онлайн-травли, могут чувствовать себя отвергнутыми, одинокими и неспособными доверять другим людям.

В случаях интернет-преследования, как правило, кибербуллеры скрывают свою настоящую личность и взаимодействуют с ребенком анонимно. Травля в интернете может затронуть не только школьную обстановку, но и личную жизнь жертвы, так как агрессоры могут обнаружить и использовать личную информацию, фотографии и т.д.

В августе 2023 года Альянс по защите детей в цифровой среде провёл исследование на тему кибербуллинга (https://clck.ru/3WmpSo). В опросе приняли участие более 2,4 тысяч человек, среди них подростки, родители и учителя. Результаты оказались неутешительными: более 90% детей заявили, что так или иначе сталкивались

с цифровыми угрозами. При этом 30% отметили, что им не хватает знаний о том, как бороться с кибербуллингом. Примерно 24% подростков рассказали, что предпочитают игнорировать либо блокировать сомнительные контакты.

Ещё треть опрошенных ребят отметили, что рассказывают родителям и учителям об угрозах в Сети лишь в исключительных случаях, потому что стесняются, боятся осуждения и непонимания, им сложно объяснить суть проблемы.

Однако существуют способы помочь школьникам справиться с онлайн-травлей и защитить их психологическое благополучие. Осознанное и ценностное отношение к своему поведению в Интернете - это важный момент, который нужно развивать с раннего возраста. Детям и подросткам следует объяснять и демонстрировать, что их слова и действия в Интернете имеют вес и могут нанести вред другим людям. Они должны понимать, что в Интернете также действуют некоторые правила и этические нормы, которые нужно соблюдать. Система мер предосторожности должна быть последовательной и включать в себя контроль родителей и учителей, фильтрацию контента, образовательные программы, а также обучение навыкам безопасного использования Интернета. Важно также включать в дискуссии детей и подростков самих, чтобы они могли высказывать свои мысли и опасения, и получать ответы на свои вопросы. Кроме того, необходимо создать поддерживающую среду, где школьники чувствуют себя в безопасности и могут обратиться за помощью, когда они сталкиваются с онлайн-травлей. Родители должны быть внимательными к изменениям в поведении и эмоциональном состоянии своих детей и готовыми предоставить им поддержку и ресурсы для решения проблемы.

В целом, общество должно признать серьезность проблемы онлайн-травли и сотрудничать для ее преодоления. У детей есть право на безопасность и защиту в интернете, и мы должны работать вместе, чтобы обеспечить им это.

Литература

1. Баранов А.А., Рожина С.В. Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiyanaliz-prichin-podrostkovogo-kiberbullinga (дата обращения: 25.11.2025).
2. Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 273–292.
3. Кондрашкин А.В., Хломов К.Д. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 3. С. 102–113.
4. Мальцева В.А. Защита детей от кибербуллинга. Вопросы уголовно-правового регулирования // Закон и право. 2019. № 10. С. 94–99.

Риски возникновения цифровой зависимости у детей и подростков

Иванова О.И., Шульга Т.И.
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (г. Москва, Россия)

Актуальность исследований, изучающих цифровую зависимость обусловлена широкой распространенностью данного явления в современном обществе с характерными для такого явления паттернами деструктивного он-лайн поведения.

Обзор многочисленных современных российских и зарубежных исследований, показал, что в большей степени возникновение рисков цифровой зависимости у детей обусловлено влиянием стиля семейного воспитания (Неврюев А.Н., 2025). В «модерационно-медиационной модели» китайских исследователей описано, что дети, воспитывающиеся в семьях, где родители в меньшей степени демонстрируют эмоциональную теплоту и понимание и, напротив, в большей степени — жестокость по отношению к детям, может приводить к тому, что дети оказываются подвергнуты риску возникновения интернет-зависимости как некоторой защиты от реальности, в которой они существуют. Описано, что, одной из причин такого поведения родителей может быть усталость после тяжелого трудового дня: у них остается меньше ресурсов, которыми они могли бы поделиться с ребенком (H. Li., 2024).

Нами в рамках диссертационного исследования проведен анализ взаимодействия в семьях, которое соотносится и с описанными выше исследованиями. Выборка состояла 98 семей (200 человек), воспитывающих детей-подростков в возрасте от 11 до 17 лет, которая была разделена на три группы: 1- группа – полные семьи, 2- группа – неполные семьи, 3-группа – полные многодетные семьи. В исследовании использовался комплекс методик, изучающих детско-родительское взаимодействие, родительские позиции, родительское отношение, родительские установки, и тип эмоциональной привязанности (Иванова О.И., 2025).

В диссертации представлена разработанная авторская структурная модель детско-родительского взаимодействия в контексте современных социальных условий функционирования семьи (проведение СВО, «техноференция» и инфодемия). Были описаны шесть типов взаимодействия в исследуемых семьях. Обнаружено, что в диадах «мать–дочь-подросток» из многодетных семей и «мать–сын-подросток» из неполных семей «исключение внесемейных влияний» матерями может сформировать зависимость у подростков, и увеличить эмоциональную дистанцию, что может создавать излишний контроль над ребенком. Подавление воли ребенка матерями может сгенерировать условия для эмоционального дистанцирования и выработать чувство ненужности у девочек-подростков из неполных и многодетных семей. В полных семьях «отстраненно-избегающий» тип эмоциональной привязанности матерей с характерным для него стремлением минимизировать эмоциональную близость может развить эмоциональную дистанцию матерей как с девочками, так и с мальчиками.

Во всех перечисленных типах семей могут сформироваться условия, приводящие детей в интернет-пространство как наиболее доступную среду в современном мире. При таком взаимодействии с матерями у детей и подростков из разных типов семей может сформироваться интернет зависимость, как компенсационная реакция на отсутствие с матерями теплых и доверительных отношений (Иванова О.И., 2025).

Литература

1. Иванова О.И. Социально-психологическое взаимодействие детей и родителей в разных типах семей: автореф. дис. … канд. психол. наук. Москва, 2026. 27 с.
2. Неврюев А.Н. Развитие цифровой зависимости: обзор современных зарубежных исследований // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 1. С. 60–74. DOI: 10.17759/epps.2025020105.
3. Family socioeconomic status and young children digital addiction: A moderated mediation model / H. Li, M. Luo, B. Duan, A. Kawulia, M. Su, H. Di // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1435575.

Большие языковые модели в профилактике вовлечения подростков в деструктивные онлайн-сообщества

Камалов М.С., Погодина А.Ю.
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ» (г. Казань, Россия)

Цифровая среда дает подростку возможности для общения и самообразования, но одновременно облегчает контакт с сообществами, использующими изоляцию, провокацию, нормализацию насилия и постепенное смещение допустимых границ поведения. Концепция информационной безопасности детей связывает защиту не только с ограничением противоправного контента, но и с развитием критической оценки информации, психологического благополучия и взаимодействием школы с семьей (Правительство РФ, 2023). Поэтому профилактика не может сводиться к блокировке ресурсов: важно учитывать контекст общения и не превращать отдельный цифровой след в готовый диагноз.

Большие языковые модели могут использоваться как вспомогательный инструмент. Они позволяют подготовить вопросы для профилактической беседы, объяснить приемы манипуляции, сравнить нейтральную и вовлекающую формулировки, составить памятку для родителей или разобрать обезличенный учебный диалог. Однако модель не должна самостоятельно определять, что конкретный ребенок «склонен» к противоправному поведению. Генеративные системы способны выдавать неточную информацию, усиливать предвзятые предположения и раскрывать чувствительные данные, введенные в открытый сервис (Autio et al., 2024; Miao, Holmes, 2023).

Предлагается трехшаговый порядок применения модели. Сначала педагог-психолог формулирует узкую задачу и использует только вымышленные либо надежно обезличенные ситуации. Затем ответ проверяется по нормативным документам и профессиональной литературе: отдельно оцениваются факты, интерпретации и советы. На последнем шаге материал перерабатывается человеком с учетом возраста и реального поведения подростка. Результатом может быть не «оценка риска», а перечень тем для очной беседы: изменение круга общения, давление на сохранение тайны, романтизация насилия, резкое деление людей на «своих» и «чужих», предложение выполнить небезопасное действие.

Осторожность необходима и при выборе профилактической стратегии. Систематический обзор вмешательств, направленных на противодействие радикализации детей и подростков вне уголовной юстиции, показал недостаточность данных для уверенного вывода об эффективности программ; более содержательны сведения об условиях их реализации (Lewis et al., 2025). Следовательно, нейросетевая подсказка не является практикой с доказанной эффективностью. Она допустима как средство подготовки специалиста, а решение о контакте с семьей, направлении к психологу или подключении иных служб должно опираться на профессиональную оценку.

Таким образом, большие языковые модели способны поддержать раннюю профилактику, если их роль ограничена подготовкой материалов и структурированием вопросов. Недопустимы автоматическое профилирование подростков, загрузка личной переписки и вывод о криминальном риске по отдельным словам или подпискам. Безопасная модель работы строится вокруг человека: цифровой инструмент предлагает черновик, специалист проверяет содержание, а решение принимается после очного анализа.

Литература

1. Правительство Российской Федерации. Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации: распоряжение от 28 апреля 2023 г. № 1105-р. URL: https://government.ru/docs/all/147360/ (дата обращения: 31.07.2026).
2. Autio C., Schwartz R., Dunietz J. et al. Artificial Intelligence Risk Management Framework: Generative Artificial Intelligence Profile. Gaithersburg: National Institute of Standards and Technology, 2024. DOI: 10.6028/NIST.AI.600-1.
3. Lewis J., Marsden S., Hewitt J., Squires C., Stefaniak A. Non-Criminal Justice Interventions for Countering Cognitive and Behavioural Radicalisation Amongst Children and Adolescents: A Systematic Review of Effectiveness and Implementation // Campbell Systematic Reviews. 2025. Vol. 21. No. 4. e70079. DOI: 10.1002/cl2.70079.
4. Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. 44 p. DOI: 10.54675/EWZM9535.

Компенсаторная интернет-активность подростков с суицидальным поведением как фактор вовлеченности в цифровую среду

Кастальская-Бороздина А.А.
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Цифровизация общества способствует увеличению пользовательской активности в интернете, при этом дети и подростки демонстрируют наиболее высокий уровень вовлеченности (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., 2023). Несмотря на значительную степень научной разработанности данной проблематики, дискуссионными остаются вопросы о факторах проблемного использования интернета, что определяет важность соответствующих исследований в наиболее уязвимых возрастных группах.

Цель исследования: проанализировать особенности компенсаторной интернет-активности и ее связь с чрезмерной вовлеченностью в цифровую среду у подростков с суицидальным поведением.

Материалы исследования. Исследование проводилось на основе анализа архивных материалов посмертных КСППЭ. Всего было проанализировано 80 случаев подростковых суицидов.

Методы исследования: применялись методы качественного анализа и описательной статистики.

Результаты. Наиболее частой причиной смещения активности подростков в онлайн-среду выступали трудности в социальной сфере, выявленные в 72% случаев. К ним относились как недостаточная сформированность коммуникативных навыков, тревожность, так и переживание эмоционального одиночества, закрытость и поверхностность социальных контактов. Такие особенности, как демонстративность, ориентированный на других перфекционизм, нарциссические черты и конфликтность, могли способствовать возникновению отвержения со стороны группы сверстников и усиливать дезадаптацию.

Низкая гармоничность и конфликтный характер семейных коммуникаций (48%), различные формы насилия (21%) значимо обусловливали стремление подростков «уйти» от реальности посредством погружения в интернет-среду. В отдельных случаях (22,5%) это сопровождалось высокой степенью вовлеченности и размыванием границ между реальностью и воображением.

Также интернет-активность выступала способом эмоциональной регуляции и отреагирования негативных переживаний (к примеру, участие в онлайн-играх с агрессивным содержанием). Кроме того, активное пролистывание новостной ленты («скроллинг») позволяли переключать внимание и временно снижать уровень тревоги.

Страх осуждения, неуверенность в себе и нестандартность увлечений на фоне естественных возрастных процессов формирования идентичности и самопознания могли способствовать усилению сетевой-активности подростков. Интернет

предоставлял возможности для свободного самовыражения, экспериментирования и примеривания разных социальных ролей. Вместе с тем в ряде случаев данная форма активности была связана с вовлечением в деструктивные онлайн-сообщества, риском романтизации и нормализации аутоагрессивного поведения.

Другим значимым фактором повышения вовлеченности выступала неспособность самостоятельно справиться с возникающими трудностями и обратиться за помощью. При этом подростки могли обращаться как к специализированным ресурсам (сайты помощи лицам, находящимся в кризисном состоянии), так и к деструктивным онлайн-сообществам (к примеру, стремление вступить в «группу смерти, чтобы там мне помогли умереть»).

Выводы. Неблагополучие в социальной сфере и фрустрация потребностей выступают значимыми факторами вовлеченности подростков с суицидальным поведением в цифровую среду. Неадаптивные формы компенсаторной интернет-активности могут обеспечивать мнимое облегчение, что определяет их привлекательность, с одной стороны, однако они не только не способствуют устранению имеющихся трудностей, но и вовсе могут усугублять их. Отмечена важность качественного анализа социальной сферы подростков, позволяющего выявлять значимые скрытые трудности, к которым не чувствительны формальные количественные методы исследования.

Литература

1. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 3. С. 11–30. DOI: 10.17759/sps.2023140302.

Дисморфогенный контент, нарушения привязанности и пищевая аддикция как мишени восстановительных программ в юридически значимых ситуациях

Климова О.А., Пимонов В.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Дисморфогенный контент в нашем понимании - это материалы (текстовые, графические, видео, аудио, смешанные), вызывающие или усугубляющие искажение образа тела, формирующие стереотипы вокруг телесности путем популяризации гипертрофированных эталонов красоты, радикальных методов их достижения и фокусирования на мнимых «недостатках» тела. В контексте юридически значимых ситуаций данный фактор риска может выступать скрытым механизмом девиантного поведения.

Пищевая аддикция представляет собой форму зависимого поведения, при которой первоначальное действие, опосредованное непищевой целью (достижение идеала, эмоциональный комфорт), постепенно трансформируется в самостоятельный мотив [1, с.165]. Неудовлетворенность телом выступает не сопутствующим фактором, а мощным предиктором зависимости, приобретая доминирующий и смыслообразующий характер. При нарушенной привязанности базовая исследовательская активность направляется не вовне, а внутрь себя: пространство психологической реальности сужается до границ телесного образа, тело становится инструментом управления привязанностью, а неудовлетворенность телом — маркером страха потери эмоциональной связи [2]. Внешний облик выступает наиболее доступным и социально оцениваемым компонентом образа «Я».

Эмпирическое исследование подтвердило взаимосвязь указанных феноменов. Нашей целью было выявить и описать связь просмотра дисморфогенного контента, склонности к пищевой аддикции, неудовлетворенности телом и нарушений привязанности у девушек. В качестве методов исследования были задействованы: теоретический анализ, эмпирические методы (анкетирование, тестирование, опрос), а также методы математической статистики (описательная статистика, критерий Манна-Уитни, критерий Шапиро-Уилка, критерий хи-квадрата, коэффициент корреляции Спирмена). После предварительного анализа результатов выборку эмпирической части исследования составили 60 человек в возрасте от 16 до 25 лет (средний возраст - 19,6 лет). Все респонденты являются пользователями сети Интернет.

По результатам корреляционного анализа надежный тип привязанности к матери отрицательно связан с неудовлетворенностью телом ($r_s = –0,6$; $p < 0,001$), озабоченностью фигурой ($r_s = 0,625$), озабоченностью питанием ($r_s = –0,536$) и нарушением пищевого поведения ($r_s = 0,475$). Избегающий, дезорганизованный, сверхвовлеченный стили привязанности также показали статистически значимые связи со всеми переменными телесности и пищевого поведения. Чем чаще девушки просматривают дисморфогенный контент, тем сильнее выражены озабоченность фигурой ($r_s = 0,649$), весом ($r_s = 0,658$) и негативное восприятие телесности ($r_s = 0,583$); частота просмотра значимо связана с частотой сравнения себя с другими в соцсетях ($r_s = 0,4895$). Неудовлетворенность телом, в свою очередь, связана с пищевой аддикцией: образ тела и нарушение пищевого поведения ($r_s = –0,82$), озабоченность питанием ($r_s = 0,783$). Таким образом, чем сильнее выражена ненадежная привязанность, тем сильнее дисморфические черты и склонность к пищевой аддикции, а дисморфогенный контент усиливает этот эффект.

Полученные данные позволяют предположить, что описанный симптомокомплекс может выступать фактором риска девиантного и юридически значимого поведения: нарушения привязанности связаны с дефицитом доверия к миру и взрослым, неудовлетворенность телом и пищевая аддикция нередко сопровождаются социальной изоляцией, агрессией или аутоагрессией, а сам контент формирует искаженные модели поведения. Девушки с таким симптомокомплексом чаще могут оказываться в ситуациях, требующих восстановительного вмешательства.

Здесь обнаруживается точка соприкосновения с восстановительным подходом. Возможные форматы работы: профилактика буллинга, связанного с внешностью; работа с девушками в конфликте с семьей или законом; восстановление привязанности как базовой предпосылки пищевого поведения; просветительские программы по формированию критического отношения к дисморфогенному контенту.

Литература

1. Зейгарник Б.В. Патопсихология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. Москва: Академия, 2007. 208 с.
2. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике / пер. с нем. Москва: Когито-Центр, 2012. 316 с. (Клиническая психология).

Правовая социализация несовершеннолетних в цифровой среде: особенности формирования правосознания и правовые риски

Козырева П.А.
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет» (г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Цифровая среда стала значимым пространством социализации и формирования правосознания подростков. Для юридической психологии цифровая среда является не только источником рисков, но и контекстом формирования отношения несовершеннолетнего к праву.

Правовая социализация представляет собой процесс освоения правовых норм, ценностей и моделей поведения, формирования отношения к праву и готовности соотносить поступки с юридическими требованиями. В юридической психологии она связана с развитием правового сознания и правового самоопределения личности (Андрианов М.С., 2013). Подростковый возраст особенно значим: расширяется самостоятельность и развивается способность оценивать поведение с позиции норм и ценностей. Современные формы коммуникации и обучения способны влиять на компоненты правосознания подростков (Бойкина Е.Э., Чернов В.А., 2021).

Специфика цифровой социализации заключается в множественности источников социальных норм. Подросток сталкивается с официальной правовой информацией, пользовательским контентом и мнениями интернет-сообществ. При недостаточной критичности возникает риск подмены правовой нормы представлением о допустимом поведении, принятом в конкретной группе. Поэтому важны умение проверять информацию, различать факт, мнение и правовую оценку, понимание границ собственных прав и ответственности.

Цифровая среда создает специфические правовые и психологические риски. Публикация сообщений или персональных данных может иметь длительные последствия. Комитет ООН по правам ребенка отмечает, что цифровая среда

одновременно расширяет возможности реализации прав детей и создает новые риски; необходимы защита от вредной информации и развитие цифровой грамотности (Комитет ООН по правам ребенка, 2021). Российское законодательство предусматривает защиту несовершеннолетних от информации, способной причинить вред их здоровью и развитию (Российская Федерация, 2010).

Одним из наиболее значимых рисков является кибербуллинг. Его специфика связана с возможностью многократного распространения агрессивного контента и расширением аудитории. Исследования опасного поведения подростков в интернет-пространстве обосновывают необходимость комплексной профилактики с учетом индивидуальных и социальных факторов (Дозорцева Е.Г., 2025).

Формирование правосознания не должно сводиться к передаче сведений о законодательстве. Подростку важно уметь применять правовые знания к конкретным ситуациям, распознавать нарушение прав, оценивать последствия собственных действий и обращаться за помощью. Правовая информированность связана с психологической безопасностью образовательной среды (Литвинова А.В., Мириманова М.С., 2015).

Таким образом, цифровая среда имеет двойственное значение для правовой социализации несовершеннолетних: она расширяет доступ к информации и социальным ресурсам, но одновременно повышает вероятность онлайн-рисков. Профилактика должна быть направлена не на изоляцию подростка, а на формирование устойчивого правосознания и навыков правомерного поведения. Перспективным является сочетание правового просвещения, психологической поддержки, участия семьи и образовательной организации и научно обоснованных профилактических практик.

Литература

1. Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации // Психология и право. 2013. № 1.
2. Бойкина Е.Э., Чернов В.А. Правосознание подростков поколения центениалов: прогностическая оценка // Психология и право. 2021. № 1. С. 135–149.
3. Дозорцева Е.Г. Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве // Психология и право. 2025. № 3. С. 3–23.
4. Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой / Комитет ООН по правам ребенка. Женева, 2021. URL: https://www.ohchr.org (дата обращения: 15.02.2025).
5. Литвинова А.В., Мириманова М.С. Правовая информированность подростков как фактор психологической безопасности образовательной среды // Психология и право. 2015. № 1. С. 108–118.
6. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2025).

Меры противодействия киберпреступности

Ларичева Е.А.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула, Россия)

Кибербезопасность приобретает статус одной из приоритетных проблем современного правопорядка. Развитие информационных технологий увеличивает число киберпреступлений, что ставит перед правовой системой новые вызовы, такие как развитие кибербезопасности в эпоху цифровизации.

Кибербезопасность – это совокупность методов защиты для компьютеров, серверов, мобильных устройств от атак и несанкционированного доступа злоумышленников. В свою очередь, киберугрозы – это действия, направленные на кражу данных, внедрения вредоносного программного обеспечения, нарушение работы компьютерных систем (Камбулов Д.А., 2021).

Повышение осведомленности о кибербезопасности и обучение пользователей являются ключевыми факторами в борьбе с этими новыми угрозами. Особого внимания в рамках правового регулирования требуют вопросы кибербезопасности несовершеннолетних. Дети и подростки, являясь наиболее уязвимой категорией пользователей, подвержены таким угрозам, как кибербуллинг и мошенничество. Это обусловливает необходимость закрепления дополнительных гарантий их защиты, включая обучение навыкам защиты персональных данных и безопасному поведению в цифровой среде.

В целях предотвращения негативного влияния информационной среды на психическое здоровье детей предлагается продолжить практику проведения уроков медиабезопасности, а также организовать проведение исследования влияния засилья сцен жестокости в игровой среде на психику детей и подростков с участием Управлений Роскомнадзора и Роспотребнадзора, психиатров и психологов в регионах, разработать формы государственного регулирования информационного воздействия игрушек и иной детской продукции на психическое здоровье детей.

В большинстве стран разработано законодательство, регулирующее кибербезопасность. В России основным нормативным актом является Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который определяет основные понятия и принципы кибербезопасности: законность; непрерывность и комплексность обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры; приоритет предотвращения компьютерных атак».

Также важную роль в обеспечении кибербезопасности играет Уголовный кодекс РФ, в который включены статьи, касающиеся киберпреступлений, такие как незаконный доступ к компьютерной информации, неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру и др.

Правоприменение в сфере кибербезопасности сталкивается с несколькими проблемами. Во-первых, нехватка квалифицированных кадров. В настоящее время правоохранительные органы все еще испытывают дефицит специалистов, способных

расследовать киберпреступления. Во-вторых, сложность доказательства. Виртуальная природа киберпреступлений затрудняет сбор доказательств и установление виновности.

Таким образом, актуальность правовых аспектов кибербезопасности в уголовном праве невозможно переоценить. Развитие технологий требует динамичного обновления законодательства и повышения квалификации правоохранительных органов.

Литература

1. Камбулов Д.А. Угрозы кибербезопасности // StudNet. 2021. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-kiberbezopasnosti (дата обращения: 22.09.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.

Особенности составления психологического портрета несовершеннолетнего обвиняемого по материалам комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

Липова В.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Социально-правовая ситуация сегодня в Российской Федерации характеризуется высоким уровнем общественной опасности преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Качественные параметры подростковой делинквентности свидетельствуют о негативных тенденциях: рост жестокости, преднамеренности противоправных деяний, что сопровождается активным применением технических средств и детальной подготовкой. Перечисленные обстоятельства объясняют недостаточную результативность действующих мер профилактики преступности несовершеннолетних, поскольку они не принимают во внимание глубинные психологические механизмы формирования криминального поведения. Вследствие этого особую ценность приобретает исследование личностных особенностей несовершеннолетнего обвиняемого, его эмоционально-волевой сферы и когнитивных процессов, необходимое для совершенствования методологии комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы как инструмента получения объективной и верифицируемой информации о субъекте преступления. Научно обоснованная оценка

личности дает возможность решать комплекс задач – от определения мотивационной структуры и причин противоправного поведения до прогнозирования риска рецидива и создания адресных коррекционно-реабилитационных программ. В данном контексте метод психологического профилирования, опирающийся на валидный психодиагностический инструментарий, выступает необходимым элементом системы экспертной и следственной деятельности. Среди подобных инструментов особое место принадлежит Методике исследования личности (СМИЛ), диагностический потенциал которой позволяет обнаруживать специфические личностные черты, предрасположенность к девиациям, типы агрессивного реагирования и маркеры социальной дезадаптации. Объектом исследования выступают несовершеннолетние обвиняемые, которые проходят комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу в ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П. Сербского" Министерства здравоохранения Российской Федерации. Предметом исследования являются особенности личностного профиля, выявляемые при помощи методики СМИЛ, у несовершеннолетних обвиняемых в зависимости от вида совершенного правонарушения и принадлежности к определенной возрастной группе. В результате обработки данных было получено 4 типа профилей:

1. «Невротический тормозимый» – изолированный подъем шкал 2, 7 и 0 при умеренных значениях шкал 1 и 3. Здесь несовершеннолетние, совершившие преступления против личности с неадекватной защитой.

2. «Импульсивно-возбудимый» – ведущие шкалы: 4, 9, при относительно низких шкалах 2, 7, 0. В этой группе доминируют преступления против собственности.

3. «Параноидный ригидный» – пики по шкалам 6, 4, 8 при повышенной шкале 2. В этой группе представлены насильственные преступления против личности и преступления против общественной безопасности.

4. «Шизоидно-аутистический» – высокие значения по шкале 8, шкале 7, при низких значениях шкалы 9 и шкалы 0. Здесь несовершеннолетние совершившие особо тяжкие преступления против личности и общественной безопасности.

Использование комплекса психодиагностических методик с дальнейшей обработкой данных и интерпретацией результатов дало возможность обнаружить содержательно интерпретируемые различия в личностных профилях несовершеннолетних, совершивших разные виды правонарушений. Указанные различия затрагивают уровень развития когнитивных функций; специфику личностных черт и акцентуаций характера, сопряженных с определенным типом противоправного поведения; эмоционально-волевые нарушения, способные влиять на регуляцию поведения.

Практическая ценность исследования определяется тем, что полученные психологические портреты и алгоритмы их интерпретации востребованы при оценке личности обвиняемого, установлении мотивов преступления, выявлении признаков социальной дезадаптации, разработке коррекционных программ и профилактике противоправного поведения.

Литература

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Соколова Е.Д. Методика многостороннего исследования личности (структура, основы интерпретации, некоторые области применения). Москва: Фолиум, 1994.
2. Дозорцева Е.Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Медицинская и судебная психология: курс лекций: учебное пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. Москва: Генезис, 2005. С. 480–506.
3. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Москва: Генезис, 2010. 352 с.

Выбор психодиагностического инструментария в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе для составления психологического профиля несовершеннолетнего обвиняемого

Липова В.А.[1,2], Ушков Ф.И.[2]

[1]ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

[2]ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Современная уголовно-процессуальная парадигма требует отхода от шаблонных подходов в пользу глубоко персонализированных стратегий, учитывающих уникальный комплекс личностных характеристик, условий воспитания и психоэмоционального состояния несовершеннолетнего.

Одним из наиболее надежных инструментов, интегрирующих клинический опыт и эмпирические данные для решения этих многоплановых задач, выступает метод психологического профилирования, задачей которого является формирование заключения об индивидуально-психологических особенностях подэкспертного, отвечающего на вопросы о наличии либо отсутствии у него в момент инкриминируемого деяния способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, с учетом возрастных, психопатологических и индивидуально-психологических особенностей.

Для исследования были использованы материалы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых в ФГБУ "НМИЦ ПН им. В.П. Сербского" Министерства здравоохранения Российской Федерации. Материалы позволили проанализировать особенности личностного профиля, выявляемые с помощью методики СМИЛ, у несовершеннолетних обвиняемых в зависимости от вида совершенного правонарушения и принадлежности к определенной возрастной группе, а также корреляционные связи показателей СМИЛ с результатами исследования когнитивной сферы (методики «Заучивание 10 слов» А.Р.

Лурия и «Пиктограмма» в модификации Б.Г. Херсонского и адаптации Центра им. В.П. Сербского).

Выборку исследования составили материалы в отношении 78 несовершеннолетних обвиняемых: из них 14 обвиняемых женского пола и 64 обвиняемых мужского пола.

Категоризация правонарушений осуществлялась на основе систематики Уголовного кодекса РФ. Были выделены три основные группы: преступления против личности; преступления против собственности; преступления против общественной безопасности и общественного порядка.

Кластерный анализ позволил выделить четыре устойчивых психологических типа – «невротический тормозимый», «импульсивно-возбудимый», «параноидный ригидный» и «шизоидно-аутистический». Также выявлены статистически значимые связи с характером противоправных действий и особенностями когнитивного функционирования. Наиболее низкие показатели продуктивности запоминания и опосредованного воспроизведения регистрировались у представителей «шизоидно-аутистического» кластера, что согласуется с данными о грубом нарушении смыслового опосредования при выраженной аутизации. Лица с «импульсивно-возбудимым» профилем, напротив, демонстрировали относительно сохранную мнестическую функцию, однако качественный анализ указывает на поверхностность переработки информации и быструю истощаемость произвольного контроля в условиях помех.

Корреляционный анализ подтвердил наличие содержательных взаимосвязей между личностными чертами и когнитивными процессами. Отрицательные корреляции шкал 8 и 6 с эффективностью опосредованного запоминания (методика «Пиктограмма») и отсроченного воспроизведения (методика «10 слов») показывают, что аутистические и параноидные тенденции препятствуют гибкой символизации и избирательности мнестической деятельности. Шкала 7 (психастения), снижая общий объем запоминания и провоцируя появление парафазий, демонстрирует интерферирующее влияние тревоги на целенаправленное внимание, что необходимо учитывать при оценке способности подростка к адекватному участию в следственных действиях. В свою очередь, умеренный подъем по шкале 9 (гипомания) оказывает фасилитирующее влияние на механическое заучивание, однако при высоких значениях эта тенденция сменяется хаотичностью и снижением избирательности.

С практической точки зрения, выделенные четыре кластера могут служить ориентировочной основой для экспертного психологического профилирования и дифференцированной оценки способности несовершеннолетнего к осознанно-волевой регуляции своих действий.

Литература

1. Дозорцева Е.Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Медицинская и судебная психология: курс

лекций: учебное пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. Москва: Генезис, 2005. С. 480–506.
2. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Москва: Генезис, 2010. 352 с.

Особенности самоотношения школьников и склонность к девиантному поведению

Максимова А.А., Ремеева А.Ф.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Традиционно в работе с несовершеннолетними, демонстрирующими признаки девиантного поведения, акцентируется внимание прежде всего на внешних, поведенческих проявлениях. Однако планирование по-настоящему эффективной психокоррекционной работы в современной практике уже не должно ограничиваться психокоррекцией внешних признаков, поскольку за конкретными поведенческими проявлениями стоят внутренние личностные процессы, которые их определяют на ценностно-мотивационном уровне. Знание содержательных и структурных особенностей самоотношения учащегося, склонного к девиантному поведению, позволяет специалисту углубить понимание подлинной мотивации его поступков.

Наше исследование было направлено на выявление связи между предрасположенностью к отклоняющемуся поведению и характеристиками самоотношения у учащихся средних и старших классов.

Мы предположили, что существует положительная связь между уровнем склонности к аутоагрессивному поведению и показателями внутренней конфликтности учащихся. Вторая наша гипотеза предполагала, что есть значимые различия между склонностью к девиантному поведению и особенностями самоотношения у респондентов-подростков и респондентов юношеского возраста.

Общее количество респондентов составило 80 человек, из которых 46 девушек и 34 юношей. Число респондентов-подростков - 35 человек. Число респондентов юношеского возраста - 45 человек. Границы подросткового и юношеского возраста определялись, согласно концепции Д. Б. Эльконина.

Для выявления склонности к девиантному поведению использовалась методика “Склонность к девиантному поведению, СДП” авторов Э. В. Леус, А. Г. Соловьева. Особенности самоотношения выявлялись с помощью опросника “Методика исследования самоотношения, МИС” разработанного С.Р. Пантилеевым.

Для проверки нормальности распределения выборки был использован критерий Колмогорова-Смирнова. Для установления положительной или отрицательной связи между показателями двух психодиагностических методик использовался коэффициент Спирмена. Для сравнения полученных диагностических данных

респондентов-подростков и респондентов юношеского возраста применялся U-критерий Манна-Уитни.

Гипотеза о наличии положительной связи между уровнем склонности к аутоагрессивному поведению и показателями внутренней конфликтности подтвердилась. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил для всей выборки $\rho = 0{,}540$ ($p < 0{,}001$), для респондентов-подростков $\rho = 0{,}594$ ($p < 0{,}001$), для респондентов юношеского возраста $\rho = 0{,}525$ ($p < 0{,}001$). Это означает, что чем выше у учащегося склонность к аутоагрессивному поведению, тем более противоречивым, амбивалентным и конфликтным является его самоотношение.

Гипотеза о существовании различий в полученных данных между респондентами-подростками и респондентами юношеского возраста подтвердилась частично. По методике “Склонность к девиантному поведению, СДП” выявлены статистически значимые различия по шкалам аддиктивного поведения ($U = 514$, $p = 0{,}008$) и аутоагрессивного поведения ($U = 563$, $p = 0{,}029$), причем средние значения в группе респондентов юношеского возраста выше по обеим шкалам. По методике исследования самоотношения (МИС) значимых возрастных различий не обнаружено, что может свидетельствовать о том, что структурные характеристики самоотношения в подростковом и юношеском возрасте применительно к склонности к девиациям демонстрируют большую устойчивость, чем можно было бы предположить, исходя из возрастных особенностей.

Музыкальные предпочтения подростков как контекст взаимосвязи аутоагрессивного поведения и эмоционального интеллекта

Миловзоров С.Ю.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Гурина О.Д.

Подростковый возраст характеризуется эмоциональной нестабильностью и поиском способов саморегуляции. Музыка - один из доступных, потенциальных, инструментов эмоциональной регуляции, однако её роль в формировании аутоагрессивных тенденций изучена недостаточно. Музыкальные предпочтения респондентов в данном исследовании делились на: предпочтение музыки с отрицательной эмоциональной окраской – с медленным темпом, в минорном ладе, с меланхоличным текстом; с положительной – быстрый темп, в мажорном ладе, с положительно окрашенным текстом. Открыт вопрос: является ли предпочтение музыки с отрицательно окрашенным содержанием фактором риска или же адаптивным способом совладания с собственными переживаниями (Huron, Vuoskoski, 2020; Eerola, Peltola, 2016).

Цель - выявить связь самооценочных показателей склонности к аутоагрессивному поведению и эмоционального интеллекта (ЭИ) у подростков с разными музыкальными предпочтениями.

Выборка: 104 подростка 14-18 лет, разделённых на три группы - предпочитающие музыку с отрицательно окрашенным содержанием (n=30), с положительно окрашенным (n=33), со смешанными предпочтениями (n=41). Критерии отнесения: темп, лад, тематика текстов.

Методы: опросник «Ауто- и гетероагрессия» (Е.П. Ильин), тест агрессивности (Л.Г. Почебут), методика склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орёл), тест суицидального поведения (М.В. Горская), тест ЭИ (Д.В. Люсин). Статистические критерии: критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни с поправкой Бонферрони, корреляционный анализ Спирмена.

Результаты. Межгрупповых различий по аутоагрессии, самоагрессии, самоповреждениям, суицидальному риску и ЭИ не выявлено ($p > 0,05$); показатели в пределах нормы. Однако структура корреляций различается. В группе с предпочтением отрицательно окрашенной музыки связей между шкалами ЭИ и агрессивно-аутоагрессивными показателями меньше всего: «управление эмоциями» коррелирует только с самоагрессией ($rs=-0,39$), связей аутоагрессии с ЭИ нет. В группе с предпочтением положительно окрашенной музыки такого рода связей четыре, в группе со смешанными предпочтениями - шесть, плюс аутоагрессия связана с шестью шкалами ЭИ (rs от -0,31 до -0,50; $p<0,05$). Единственная универсальная связь - положительная корреляция аутоагрессии и суицидального риска во всех группах (rs от 0,37 до 0,60; $p<0,05$).

Обсуждение. Музыкальные предпочтения сами по себе не являются прямым фактором риска аутоагрессии; более значима функция, которую прослушивание выполняет в жизни подростка (разрядка, усиление эмоций, поиск поддержки). У предпочитающих музыку с отрицательно окрашенным содержанием связь ЭИ с аутоагрессивными тенденциями выражена менее явно, что может предположительно указывать на иную структуру саморегуляции, в отличие от остальных групп. Вывод требует проверки с использованием статистического сравнения коэффициентов корреляции между группами.

Выводы. Предпочтение музыки с отрицательно окрашенным содержанием не связано с более высокими показателями аутоагрессии, самоповреждений и суицидального риска. Различия между группами - не в уровне, а в структуре связей ЭИ и аутоагрессивных тенденций. Наиболее насыщенная структура неблагоприятных корреляций - в группе со смешанными предпочтениями. Результаты могут использоваться в профилактической работе как дополнительный материал для беседы, но не как диагностический критерий.

Литература

1. Горская М.В. Тест суицидального поведения. Москва: Когито-Центр, 2005. 32 с.

2. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. Санкт-Петербург: Питер, 2014. 368 с.
3. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн // Социальный и эмоциональный интеллект / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. Москва: ИП РАН, 2009. С. 264–278.
4. Орёл А.Н. Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению. Ярославль, 1999. 24 с.
5. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. Санкт-Петербург: Питер, 2012. 336 с.
6. Eerola T., Peltola H.-R. Memorable experiences with sad music // PLoS One. 2016. Vol. 11. No. 6.
7. Huron D., Vuoskoski J.K. On the enjoyment of sad music // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11.

Воздействие цифровой среды на социализацию детей и подростков: угроза и риски интелфилии

Морозов А.В.
ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (г. Москва, Россия)

Мозг ребёнка отличается от мозга взрослого, в первую очередь, тем, что он находится в активном развитии. У взрослого мозг тоже развивается, но при условии, что взрослый думает, осваивает новые навыки и не забывает о регулярной физической активности и социальном общении. У ребёнка же развитие мозга идёт в любом случае, но при очень важном условии – когда регулярно получает необходимую нагрузку для развития. Увлечение ребёнка цифровыми девайсами заставляет мозг нередко потреблять контент, не содержащий информации, необходимой для его развития (Морозов А.В., 2026). Это, в свою очередь, способствует появлению усталости, перераспределению внимания, отвлекая от усвоения необходимой информации.

Кроме того, время, потраченное впустую за просмотром бесполезной для развития мозга информации – это то время, которое ребёнок отнимает от другой активности, например, от спорта и увлечений. Таким образом, ребёнок, постоянно «зависающий» в интернете или в игре, утрачивает возможность для нормального развития.

Учёные из бизнес – школы SBS в Цюрихе в ходе проведённых исследований пришли к выводу, что использование «искусственного интеллекта» приводит к снижению критического мышления у человека и ухудшению осмысления информации, в целом (Сазонов А.В., 2026).

Как только процесс принятия решений начинается с фразы «проверю у искусственного интеллекта», мышление человека отходит от обычного функционирования. Анализ результатов исследования, проведённого среди учащихся 5-6-х классов школ Южной Калифорнии, позволяет сделать вывод о снижении

аналитических функций, способности понимать эмоции собеседника (Карпова Е.Е., 2017). Это вызывает снижение творческих и аналитических способностей, которые крайне необходимы для развития человеческого интеллекта.

Психологи, которые работают с детьми, говорят, что авторитет родителей понемногу снижается за счёт того, что голосовой помощник Алиса всё знает. Папа может не знать, а Алиса знает, и она не устаёт, – а это гигантское преимущество (Соболевская О., 2026).

Сочетание психологической потребности в поддержке, идеализации и индивидуализации общения создаёт почву для влюблённости в чат-ботов и формирования интелфилии.

Этот термин образован от английских слов *intel* (интеллект, разум) и *philia* (склонность, привязанность), описывая ситуацию, когда человек испытывает сильную эмоциональную и психологическую привязанность к «искусственному интеллекту»: например, к чат-ботам, нейросетям. В таком состоянии виртуального собеседника начинают воспринимать не просто как инструмент, а как полноценного партнёра, источника поддержки, что перерастает, в итоге, в полноценную зависимость.

Причина этой зависимости уходит в детство: недостаток поддержки и принятия со стороны родителей формирует ощущение одиночества. Нейросеть кажется тем «родителем», который всегда рядом, не критикует, отвечает на вопросы, хвалит, поддерживает. Но за этой поддержкой скрывается подмена реальности: человек не растёт и не развивается как личность, утрачивая свою субъектность.

Литература

1. Карпова Е.Е. Теоретический анализ понятия «цифровая зависимость» в зарубежных исследованиях // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 4. С. 111–114.
2. Морозов А.В. К проблеме внедрения технологий «искусственного интеллекта» и их влиянии на интеллект и здоровье обучающихся в условиях цифровой трансформации образования // Человеческий капитал. 2026. № 5 (209). С. 118–126.
3. Сазонов А.В. Зависимость от искусственного интеллекта. URL: https://www.b17.ru/article/zavisimost_ot_iskusstvennogo_intellekta/ (дата обращения: 10.10.2026).
4. Соболевская О. «ИИ-зависимость»: какие эффекты уже заметны, а какие – вероятны. URL: https://iq-media.ru/trends/ii-zavisimost-kakie-effekty-uzhe-zametny-a-kakie-veroyatny (дата обращения: 17.10.2026).

Психологическая интерпретация цифровых маркеров риска: возможности и ограничения

Налетова Д.А.
АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (г. Москва, Россия)

Развитие коммуникации в цифровой среде расширяет возможности изучения психологических механизмов радикализации на основе анализа пользовательского контента. Социальные сети позволяют наблюдать публикации, комментарии и иные формы цифровых следов, потенциально отражающих отношение пользователя к определенным общественным явлениям, определенным взглядам и убеждениям. Вместе с тем радикализация представляет собой многофакторный процесс, который не может быть объяснен наличием отдельного признака (McCauley, Moskalenko, 2017).

В отечественной психологии данная проблематика рассматривается с позиций социально-психологического анализа радикализации в цифровом обществе (Бовина, Бовин, Дворянчиков, 2022; Дворянчикова К.Н., 2026), исследования психологических механизмов вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации посредством социальных сетей (Гурина, Ремеева, 2024). Эти направления исследований создают теоретическую основу для дальнейшего изучения психологического содержания цифровых проявлений радикализации.

В психологическом анализе радикализации особое значение имеют процессы социальной идентификации, межгруппового противопоставления, группового влияния. В модели двух пирамид К. Макколи и С. Москаленко (McCauley, Moskalenko, 2017) разграничиваются радикализация убеждений и радикализация действий, что позволяет избежать отождествления идеологических установок с готовностью к насильственному поведению.

В цифровой среде возможные проявления радикализации могут выражаться в демонстрации групповой принадлежности, противопоставлении «своих» и «чужих». Исследования вовлечения в экстремистские сообщества через социальные сети подчеркивают важность анализа содержания материалов в сети и их воздействия на пользователей (Гурина, Ремеева, 2024). Однако наличие отдельных цифровых проявлений не позволяет автоматически заключать о сформированности намерении совершить противоправные действия.

Одной из ключевых проблем является неоднозначность интерпретации цифровых маркеров. Одна и та же публикация может иметь различное значение в зависимости от контекста. Следовательно, психологическая интерпретация цифровых материалов должна учитывать не только содержание отдельной публикации, но и контекст ее появления и сочетание с другими признаками.

Важным направлением методологического анализа выступает также определение способов оценки психологических конструктов. В работе И. Б. Бовиной и Бовина Б.Г. (2024), посвященной методам анализа социальной идентичности, рассматриваются проблемы выбора и применения исследовательских подходов к

изучению данного конструкта. Применительно к цифровой среде это актуализирует вопрос о том, в какой мере наблюдаемые проявления онлайн-активности позволяют судить о психологических механизмах.

На основании рассмотренных подходов предлагается выделить следующие принципы психологической интерпретации цифровых маркеров радикализации:

Контекстуальность – ситуации появления информационного следа в цифровом пространстве.

Комплексность – анализ совокупности признаков.

Учет повторяемости – рассмотрение устойчивости обращения к определенной тематике.

Разграничение наблюдения и интерпретации – отделение непосредственно зафиксированных проявлений от предположений о мотивах, убеждениях.

Таким образом, целесообразно разграничивать три взаимосвязанных уровня анализа: наблюдаемый цифровой признак, предполагаемый психологический механизм и оценку возможного риска.

Психологическая интерпретация цифровых маркеров радикализации представляет собой методологическую задачу, связанную с обоснованным переходом от наблюдаемых проявлений цифровой активности к гипотезам о возможных психологических механизмах.

Литература

1. Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Дворянчиков Н.В. Радикализация в информационном обществе: социально-психологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 2. С. 336–351. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-2-336-351.
2. Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Обзор методов анализа социальной идентичности: проблемы и перспективы их разрешения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 633–656.
3. Гурина О.Д., Ремеева А.Ф. Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 1–12. DOI: 10.17759/psylaw.2024000001.
4. Дворянчикова, К. Н. Социальная идентичность и риск радикализации в подростково-молодежной среде / К. Н. Дворянчикова // Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии : сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии. Москва, 2026. С. 69–70.
5. McCauley C., Moskalenko S. Understanding Political Radicalization: The Two-Pyramids Model // American Psychologist. 2017. Vol. 72. No. 3. P. 205–216.

Взаимосвязь социометрической структуры учебного коллектива и особенности лидерства

Насонова Д.В.
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Одной из ключевых задач Концепции развития системы психолого-педагогической помощи до 2030 года является создание психологически благоприятной и безопасной образовательной среды, своевременное выявление трудностей и профилактика травли. В данном контексте проблема профилактики деструктивных явлений в коллективах приобретает особую значимость, поскольку раннее выявление рисков травли, межличностных конфликтов и целенаправленная работа с лидерским потенциалом обучающихся позволяют предотвратить эскалацию насилия и формирование противоправного поведения.

Опыт работы специалистов региональной антикризисной бригады показывает, что изучение социометрической структуры группы отражает особенности межличностных «предпочтений»\«отвержений».

Для комплексного анализа взаимосвязи социометрического статуса и лидерских качеств обучающихся специалисты МАБ используют диагностический инструментарий: социометрия (Дж. Морено); методика «Диагностика лидерских способностей» (Е.С. Жариков, Е.Н. Крушельницкий); методика «Диагностика функционального лидерства в малых группах» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов); психолого-педагогическое наблюдение за групповым взаимодействием.

Социометрическая структура коллектива и особенности лидерства тесно взаимосвязаны: положение человека в системе межличностных отношений влияет на проявление его лидерских качеств, а лидер, в свою очередь, оказывает воздействие на структуру ценностей и характер взаимодействия в группе. «Социометрические звёзды» получают наибольшее количество положительных выборов; демонстрируют высокие показатели лидерских качеств: открыты, инициативны, настойчивы, быстро ориентируются в сложных ситуациях и находят оптимальные решения. «Предпочитаемые» характеризуются преимущественно высокими и средними показателями лидерских, организационных и коммуникативных склонностей; общительны, легко находят новых друзей и хорошо ориентируются в новой обстановке. «Принятые» стремятся к общению с окружающими и пользуются их положительным отношением, но их лидерские способности недостаточно выражены и неустойчивы. «Пренебрегаемые» имеют больше отрицательных, чем положительных выборов, а «Отвергнутые» и «Изолированные» напротив, отличаются преобладанием крайне невысоких показателей по всем параметрам лидерства.

Важно отметить, что сам статус выявленный ребенка «звёзда» и «предпочитаемый» не гарантирует позитивной направленности влияния. Психологи выделяют важность определения и ценностного, морально-нравственного компонента личности ребенка с лидерскими качествами, которые проявляются в межличностном

взаимодействии членов коллектива: «Позитивный лидер» (ориентация на интеграцию группы и поддержание норм взаимопомощи; использование авторитета для конструктивного разрешения конфликтов; инициативность, направленная на достижение общегрупповых целей; способность создавать атмосферу психологической безопасности; укрепление норм уважительного общения и безопасного обращения за помощью), «Деструктивный лидер» (использование влияния для исключения отдельных участников из группы; распространение насмешек и поддержка агрессивных действий; закрепление агрессивных способов взаимодействия как групповой нормы; манипулирование системой симпатий и антипатий в собственных интересах; создание атмосферы страха и подчинения).

Понимание взаимосвязи помогает педагогам и психологам целенаправленно влиять на развитие коллектива, оптимизацию межличностных отношений и поддержку лидерского потенциала участников.

Литература

1. Патрикеева Э.Г. Влияние феномена лидерства на формирование межличностных отношений в классном коллективе младших подростков // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 694–697. URL: https://moluch.ru/archive/87/16836.
2. Письмо Минпросвещения России от 01.07.2024 № ДГ-1105/07 «О направлении Концепции и плана» (вместе с «Концепцией развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года» № СК-13/07вн и «Планом мероприятий на 2024–2030 годы по реализации Концепции…» № СК-13/07вн, утв. Минпросвещением России 18.06.2024).
3. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва: Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.

Восприятие правовых и социальных норм в условиях цифровой анонимности

Никишина Ю.М.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В 21 веке цифровое пространство стало ключевой средой социализации, обучения и общения подростков. Однако специфика виртуальной среды приводит к деформации представлений о границах дозволенного: у несовершеннолетних искажается дифференциация правомерного и противоправного поведения, а сетевая агрессия нередко воспринимается как норма.

Масштаб проблемы подтверждается официальной статистикой: за первое полугодие 2026 года 26,8% преступлений несовершеннолетних совершено с использованием цифровых технологий (Комментарий аппарата Совета Безопасности..., 2026). При этом подростки часто не осознают общественную опасность совершаемых деяний, рассчитывая избежать идентификации благодаря мнимой скрытности в сети.

Ключевым психологическим фактором девиаций выступает иллюзия анонимности. Дж. Сулер охарактеризовал данный феномен как «эффект онлайн-растормаживания» (Suler J., 2004). Маскировка за вымышленным профилем способствует диссоциации сетевого образа от реального «Я». Формируется установка на безнаказанность («в сети это не совсем я»), а виртуальное пространство начинает восприниматься как игровая среда, свободная от реальных правовых норм.

Как отмечают К.Э. Краснова и А.А. Шаевич, анонимность не порождает девиации сама по себе, но нивелирует действие внутренних регуляторов (Краснова К.Э., Шаевич А.А., 2026). В реальной жизни агрессию сдерживает обратная связь жертвы (мимика, голос, эмоциональный отклик). В сети дефицит невербальных сигналов формирует «эмпатический разрыв», блокирующий сопереживание. Кроме того, изоляция от социального контроля лишает подростка «публичного зеркала» – внешнего фактора, удерживающего от буллинга и травли.

Деформация правосознания затрагивает и сферу чужих прав. В исследовании Е.Р. Крайновой и Е.Д. Гараниной описан феномен «цифрового нигилизма», когда доступность контента стирает грань дозволенного законом (Крайнова Е.Р., Гаранина Е.Д., 2026). Сохраняя конформность офлайн, в сети несовершеннолетний может неправомерно получать доступ к чужим данным или распространять закрытую информацию. Потерпевший при этом дегуманизируется и воспринимается как абстрактный субъект, которому якобы не причиняется реальный вред.

Таким образом, анонимность искажает правосознание несовершеннолетних комплексно: редуцирует эмпатию, ослабляет страх санкций и формирует иллюзию вседозволенности. Профилактика кибердевиаций не должна ограничиваться запретами. Приоритетом должно стать преодоление мифа о сетевой невидимости, разъяснение природы цифрового следа и развитие правовой субъектности подростков с осознанием неотвратимости ответственности за свои деяния.

Литература

1. Комментарий аппарата Совета Безопасности о преступности несовершеннолетних // Совет Безопасности Российской Федерации: [сайт]. 2026. 14 июля. URL: https://scrf.gov.ru (дата обращения: 07.10.2026).
2. Крайнова Е.Р., Гаранина Е.Д. Трансформация гражданского правосознания в виртуальной среде: от правового нигилизма к защите цифровой собственности // Аграрное и земельное право. 2026. № 3. С. 66–69.
3. Краснова К.Э., Шаевич А.А. Психологические механизмы влияния анонимности на девиантное поведение в цифровой среде // Молодежный вестник ИРНИТУ. 2026. Т. 16. № 2. С. 343–349.

4. Suler J. The Online Disinhibition Effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321–326.

Искусственный интеллект как катализатор развития юридической психологии детей в цифровом и офлайн пространстве общеобразовательного учреждения

Петрова С.О.
МБОУ «Бердигестяхская средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов имени А. Осипова» (с. Бердигестях, Россия)

Стремительная цифровизация проникает во все сферы жизни, включая образование. Особую значимость здесь приобретает развитие юридической психологии детей, направленной на формирование правовой культуры, осознание своих прав и обязанностей, развитие навыков безопасного поведения в правовом поле. Общеобразовательные учреждения, являясь связующим звеном в процессе социализации и воспитания подрастающего поколения, сталкиваются с необходимостью адаптации. МБОУ «Бердигестяхская средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов имени А. Осипова» активно интегрирует цифровые технологии, создавая уникальную среду для развития детей, где традиционные методы обучения сочетаются с инновационными подходами.

Цифровое пространство, активно осваиваемое современными школьниками, открывает новые возможности для изучения и применения правовых норм. Искусственный интеллект (ИИ) делает анализ, генерацию контента и персонализацию обучения, способен трансформировать процесс формирования правосознания у детей. Уже сегодня существуют системы, способные предоставлять адаптированную информацию о правах ребенка, адаптированную к возрасту и уровню понимания. Например, интерактивные платформы с использованием ИИ могут моделировать различные правовые ситуации, предлагая школьникам выбрать оптимальное решение и анализируя последствия их выбора. Такой подход, основанный на игровых механиках и обратной связи, способствует более глубокому усвоению правовых знаний и развитию критического мышления. Как отмечает В.С. Петров, персонализированное обучение, основанное на анализе данных об успеваемости и особенностях усвоения материала, является одним из наиболее эффективных методов повышения качества образования (Петров В. С., 2022). ИИ способен обеспечить такой уровень персонализации, предлагая каждому ученику индивидуальную траекторию изучения правовых аспектов.

В сфере юридической психологии, ИИ может выступать в роли виртуального наставника, способного отвечать на вопросы детей, связанные с их правами и обязанностями, предоставлять разъяснения по сложным юридическим терминам и концепциям понятным образом. Такие виртуальные ассистенты могут быть доступны круглосуточно, что особенно нужно для детей, которые могут стесняться задавать

вопросы учителю или родителям. ИИ может анализировать тексты, создаваемые детьми (сочинения или эссе на правовые темы), выявляя пробелы в знаниях или некорректное понимание правовых норм. Подобный анализ, проводимый ИИ, способен быть более объективным, чем человеческая оценка, и может служить ценным инструментом для учителей и школьных психологов.

Развитие юридической психологии детей не ограничивается исключительно цифровым пространством. Офлайн взаимодействие, живое общение остаются фундаментальными чертами. ИИ может косвенно способствовать развитию юридической психологии и в традиционной среде. ИИ-алгоритмы могут помогать педагогам в анализе поведенческих типичных ситуаций школьников, выявляя признаки возможных правонарушений. Анализ больших данных, собранных в процессе обучения и взаимодействия учеников, может предоставить ценную информацию о группах риска, склонности к агрессивному поведению или девиантным проявлениям. Это позволит своевременно принимать превентивные меры и оказывать психологическую помощь.

При внедрении ИИ в образовательный процесс нашей школы мы учитываем этические стороны и потенциальные риски. Защита персональных данных, прозрачность алгоритмов и предотвращение дискриминации являются первостепенными задачами. Дети должны понимать, как функционируют системы, с которыми они взаимодействуют, и иметь возможность контролировать использование своих данных. Как подчеркивает отечественный исследователь А.Н. Иванов, вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных в цифровой среде требуют постоянного внимания и разработки соответствующих правовых механизмов (Иванов А. Н., 2021).

Роль педагога и школьного психолога остается незаменимой. ИИ не может заменить эмпатию, способность к установлению доверительных отношений и индивидуальный подход, присущий человеку. ИИ должен выступать в качестве инструмента, расширяющего возможности педагогов и психологов, автоматизирующего рутинные задачи и предоставляющего ценные данные для анализа. ИИ-системы могут помогать в разработке индивидуальных планов коррекционной работы для детей, имеющих трудности в адаптации или отклонения в поведении, основанных на анализе их психологического состояния и успеваемости.

В МБОУ «БСОШ с УИОП имени А. Осипова» уже начинает использоваться цифровая образовательная платформа «Мой цифровой психолог» на платформе Max в формате чат-бота. Внедрение более сложных ИИ-решений, таких как интеллектуальные тьюторские системы или системы предиктивной аналитики поведения, может стать следующим шагом в развитии юридической психологии детей.

Таким образом, ИИ, выступая в роли катализатора, способен значительно ускорить и повысить эффективность образования, делая юридическую психологию детей более доступной, персонализированной и соответствующей цифровой эпохе.

Литература

1. Иванов А.Н. Правовые аспекты защиты персональных данных в Российской Федерации // Информационное право. 2021. № 4. С. 85–92.
2. Петров В.С. Персонализация обучения в цифровой среде: теория и практика // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 40–55.

Гендерные различия психологических характеристик и вовлеченности подростков в ситуации кибербуллинга

Политова Е.С., Зинатуллина А.М.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Цифровая среда стала неотъемлемой частью жизни современных подростков, расширив пространство межличностного взаимодействия и одновременно создав условия для новых форм агрессивного поведения. Одной из них является кибербуллинг, который рассматривается как значимый фактор психологического неблагополучия и нарушения межличностных отношений (Kowalski R.M. et al., 2014; Солдатова Г.У. и др., 2025). Несмотря на активное изучение кибербуллинга, данные о гендерных различиях психологических характеристик, связанных с вовлеченностью подростков в ситуации кибербуллинга, остаются противоречивыми. Недостаточно изучены взаимосвязи агрессивности, эмпатии и коммуникативной толерантности с различными формами вовлеченности в кибербуллинг.

Цель исследования - выявить гендерные различия агрессивности, эмпатии и коммуникативной толерантности и их взаимосвязь с показателями вовлеченности подростков в ситуации кибербуллинга.

В исследовании приняли участие 53 подростка 14-16 лет (27 девушек и 26 юношей). Использовались опросник агрессии Басса-Перри, многофакторный опросник эмпатии (IRI), опросник выявления буллинг-структуры Е.Г. Норкиной, опросник кибербуллинга и агрессии в Интернете (COAS) и методика коммуникативной толерантности В.В. Бойко. Для статистической обработки данных применялись U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Сравнительный анализ выявил статистически значимые гендерные различия. Юноши продемонстрировали более высокий уровень физической агрессии ($p=0,036$), тогда как девушки характеризовались более выраженным гневом ($p=0,001$), более высокими показателями киберагрессии ($p=0,031$), кибервиктимизации ($p=0,010$) и общего уровня вовлеченности в ситуации кибербуллинга ($p=0,003$). Кроме того, девушки чаще занимали позицию помощника инициатора ($p=0,010$), тогда как юноши - позицию защитника ($p=0,013$). По большинству показателей эмпатии и коммуникативной толерантности статистически значимых различий не выявлено. Исключение составила шкала «Стремление подогнать партнера под себя», значения которой были выше у девушек ($p=0,019$).

Корреляционный анализ общей выборки выявил статистически значимые взаимосвязи между отдельными психологическими характеристиками и показателями кибербуллинга. Показатель гнева положительно коррелировал с киберагрессией (p=0,286; p=0,038), кибервиктимизацией (p=0,315; p=0,022) и общим показателем вовлеченности в ситуации кибербуллинга (p=0,280; p=0,043). Общий показатель по методике диагностики коммуникативной толерантности В.В. Бойко положительно коррелировал с кибервиктимизацией (p=0,343; p=0,012) и киберагрессией (p=0,387; p=0,004). Роль помощника инициатора также положительно коррелировала с кибервиктимизацией (p=0,296; p=0,031) и киберагрессией (p=0,274; p=0,047). Статистически значимых взаимосвязей между показателями эмпатии и показателями кибербуллинга не выявлено.

Таким образом, выявленные различия указывают на разные формы проявления агрессивности у девушек и юношей: более выраженная физическая агрессия у юношей не сопровождается более высокой вовлеченностью в кибербуллинг, тогда как у девушек более высокие показатели киберагрессии и кибервиктимизации сочетаются с большей выраженностью гнева.

Литература

1. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2025. Т. 48. № 1. С. 78–100.
2. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Никонова Е.Ю., Виницкий Д.А., Попков А.Е. Агрессия в иммерсивной виртуальной среде: поведенческие стратегии подростков и эффект свидетеля // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 26–47.
3. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R. Cyberbullying among youth: A comprehensive review of current international research and its implications for policy and practice // Aggression and Violent Behavior. 2014. Vol. 19. No. 6. P. 1073–1087.
4. Kowalski R.M., Limber S.P., Agatston P.W. Cyberbullying: Bullying in the Digital age. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 296 p.

Связь стиля семейного воспитания с коммуникативными умениями подростков

Попова Е.А., Бусарова О.Р.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Подростковый возраст является сензитивным периодом для формирования коммуникативной компетентности, а семья выступает ключевым институтом

первичной социализации, закладывающим основы поведенческих паттернов и стилей общения. Стиль семейного воспитания – это методы отношений родителей к ребёнку, включающие манеру общения и взаимодействия. Существуют гармоничные (демократический, авторитетный) и дисгармоничные стили (гипер- и гипопротекция, потворствование и т.д.). Ключевым для здорового воспитания является баланс контроля и поддержки (Лапшина Е.А., Дуда И.В., 2017). В современном мире, характеризующемся цифровизацией и ослаблением живых контактов, когда чрезмерное взаимодействие с гаджетами препятствует полноценной социальной активности детей, в том числе общению со сверстниками и родителями (Федонкина А.А., 2025), понимание того, как именно родительское отношение влияет на коммуникативное развитие подростка, приобретает особое значение для профилактики социальной дезадаптации и девиантного поведения. Установление коммуникативных связей представляет собой не только форму организации досуга подростков, но и специфический метод самовыражения и формирования социальных контактов. Выделяют компетентный тип коммуникативных умений (уверенное, конструктивное общение на равных), зависимый тип (неуверенность, страх отвержения, уступчивость) и агрессивный тип (доминирование, подавление собеседника, грубость) (Гильбух Ю.З., 1995).

Цель данного исследования – определить связь стилей семейного воспитания с коммуникативными умениями подростков. Гипотеза состояла в том, что существует значимая связь между стилем семейного воспитания и уровнем развития коммуникативных умений подростков. Использовались тест-опросник «Родителей оценивают дети» (РОД) (Фурманов И. А., Аладьин А. А., Фурманова Н.В., 1999) и тест коммуникативных умений Л.Михкльсона (Гильбух Ю.З., 1995). Выборку составили школьники 7 – 8 классов в возрасте 13-14 лет, 59 человек, из них 38 – девочки, 21 – мальчики.

Полученные результаты подтвердили выдвинутую гипотезу. С компетентным типом коммуникативных умений подростка обнаружены сильные отрицательные корреляции ($p<0,01$) дисгармоничных стилей воспитания – гиперпротекции, гипопротекции, игнорирования потребностей ребенка, недостаточности требований-обязанностей ребенка, чрезмерности санкций. Эти же стили воспитания положительно коррелируют ($p<0,01$) с агрессивным типом коммуникативных умений подростка. С зависимым типом коммуникативных умений установлены положительные корреляции ($p<0,01$) таких стилей воспитания, как гипопротекция, игнорирование потребностей ребенка и неустойчивость стиля воспитания.

Материалы данного исследования можно применять для планирования и проведения профилактической и коррекционной работы с семьями, направленной на улучшение коммуникативных умений подростков с учетом стиля семейного воспитания. Полученные в нашем исследовании данные позволяют определить в качестве мишеней этой работы прежде всего гипопротекцию и игнорирование потребностей ребенка, которые значимо связаны с несформированностью эффективной коммуникации подростков.

Литература

1. Гильбух Ю.З. Тест-опросник коммуникативных умений. Киев: НПЦ Перспектива, 1995. 16 с.
2. Лапшина Е.А., Дуда И.В. Характеристика стилей семейного воспитания // Universum: психология и образование. 2017. № 9 (39). С. 14–17.
3. Федонкина А.А. Особенности психического развития детей и подростков в условиях цифровизации общества // Психология и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 24–36. DOI: 10.17759/psylaw.2025150302.
4. Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства: книга для психологов. Минск: Тесей, 1999. 224 с.

О злоупотреблении концептами «родительское отчуждение» и «индуцирование ребёнка» в судебных спорах о воспитании: аргумент в пользу ответственной диагностики

Премудрова И.В.

Экспертная организация «Воронежский центр медицинских экспертиз» (г. Воронеж, Россия)

Понятия «родительское отчуждение» и «психологическое индуцирование ребёнка» в самом общем виде описывают ситуацию, в которой один родитель целенаправленно или косвенно формирует у ребёнка необоснованно или несоразмерно негативное отношение к другому родителю, вследствие чего ребёнок отказывается от контакта с ним. Необходимой предпосылкой для психологического индуцирования является охваченность родителя (чаще всего совместно проживающего) враждебностью в отношении бывшего супруга и желание отчуждать ребенка от него, исходя из своих личных интересов. Такой родитель ищет в ребенке психологическую поддержку. Это предъявляет к ребенку в психологическом плане слишком сложные требования и всегда наносит вред психическому развитию.

Популяризация феноменов «родительское отчуждение» и «психологическое индуцирование ребёнка» в семейных спорах о воспитании, бесспорно, дает свои положительные результаты. Вместе с тем, за одинаковым внешним поведением ребёнка — отказом от контакта — могут стоять принципиально разные причины, а как правило – целая совокупность факторов, поэтому стремление упростить данное явление ведёт к серьезным ошибкам. Концепт «отчуждения», таким образом, неизбежно становится уязвимым для злоупотребления.

В обычной логике защиты ребёнка его отказ от контакта с родителем — это сигнал, который нуждается в объяснении. В логике же «отчуждения» этот отказ грубо сводится к доказательству вины другого родителя: если ребёнок отказывается, значит, его «индуцировали». Нередко в судах возникает парадокс – чем настойчивее родитель

защищает ребёнка и чем больше доказательств представляет, тем выше для него риск самому оказаться в отрицательной роли «отчуждающего». Что особенно парадоксально – «отчуждаемый» родитель при этом часто сам потенциально является истинным алиенатором. Обвинение в отчуждении функционально работает как средство нейтрализации неудобной информации, а не как запрос на проверку реального состояния детско-родительских отношений. Такая конструкция создаёт почву для стратегического использования концепции отчуждения и одновременно обесценивает ее.

Существенно, что такое использование часто не является сознательной манипуляцией. Родитель может искренне верить, что ребёнка «настроили против него», поскольку признание того, что отказ ребёнка вызван его собственным поведением, психологически слишком болезненно. Именно поэтому проблема не решается простым осуждением «недобросовестных родителей»: она укоренена в качественной диагностике ситуации, а не только в моральных качествах участников.

Последствия ошибки в любую сторону серьёзны. Если обоснованное отстранение ошибочно принять за отчуждение и начать «восстанавливать контакт» принудительно, ребёнок, переживший вред, подвергается повторной травматизации. Если реальное отчуждение не распознать, ребёнок теряет связь с любящим родителем из-за манипуляции, которую он сам не осознаёт.

Негативное отношение ребёнка к родителю может формироваться под влиянием характера поведения и личностных особенностей самого отвергаемого родителя (в таком случае ситуация не является аномальной с точки зрения индуцирования), а также возрастной сепарации, конфликта лояльности и др. Нередко встречаются и смешанные случаи.

Ответственная диагностика эксперта-психолога должна начинаться не с вопроса «Кто настраивает ребёнка?», а с вопроса «Что пережил ребёнок и чем объясняется его позиция?». Ярлыки «индуцирование» и «отчуждение» не должны применяться до того, как проверены и исключены альтернативные объяснения, в первую очередь — обоснованное отстранение. Специалист, работающий с такими категориями, обязан отдавать себе отчёт: он имеет дело с гипотезой, требующей ответственной и тщательной проверки.

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К. Психологическое индуцирование ребенка в семейном конфликте между родителями // Психология и право. 2024. Т. 14. № 4. С. 3–19.
2. Lubit R. Valid and invalid ways to assess the reason a child rejects a parent: The continued malignant role of “parental alienation syndrome” // Journal of Child Custody. 2019. Vol. 16. No. 1. P. 42–66.

Родительский контроль и психологическая автономия подростков в условиях цифровой социализации

Рахимова И.И.
Национальный исследовательский университет «Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства» (г. Ташкент, Узбекистан)

Современный этап развития общества характеризуется масштабной цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности человека. Интернет, социальные сети, цифровые платформы и мобильные технологии становятся не только средствами коммуникации и получения информации, но и важнейшими пространствами социализации личности. Особенно интенсивно процессы цифровой социализации проявляются в подростковом возрасте, когда происходит активное формирование идентичности, системы ценностей, социальных установок и стремления к самостоятельности.

Понятие «цифровая социализация» рассматривается исследователями как процесс освоения и присвоения человеком социального опыта в условиях активного использования цифровых технологий. По мнению Г.У. Солдатовой, цифровая социализация представляет собой новый тип социализации, опосредованный различными цифровыми технологическими процессами освоения социального опыта в онлайн-пространстве (Soldatova et al., 2020). При этом цифровая среда становится самостоятельным пространством личностного развития, наряду с такими традиционными институтами социализации, как семья, школа и группа сверстников.

Одно из фундаментальных исследований в данной области было проведено S. Livingstone и E. Helsper. Авторы выделили различные стратегии родительского посредничества при использовании детьми интернета, включая активное участие родителей, установление правил и ограничений, а также использование технических средств контроля (Livingstone, Helsper, 2008). При этом исследователи подчёркивают, что эффективность различных стратегий не может оцениваться исключительно с точки зрения ограничения доступа подростка к цифровой среде. Важным является сохранение возможности подростка использовать интернет для общения, обучения и социального развития.

Современные исследования также демонстрируют различие между ограничительным и активным родительским посредничеством. В исследовании J. Liu и соавторов было установлено, что активное родительское посредничество, основанное на обсуждении и сопровождении цифровой активности подростка, отрицательно связано с проблемным использованием интернета. При этом ограничительные стратегии сами по себе не показали аналогичной значимой связи (Liu et al., 2026). Кроме того, авторы обращают внимание на роль психологической автономии подростка в данной взаимосвязи. Особую актуальность проблема автономии приобретает в условиях цифровой среды. Интернет предоставляет подростку значительное пространство для самостоятельных действий. Однако расширение свободы в цифровом пространстве требует развития способности к саморегуляции.

Возможность самостоятельного выбора не всегда означает наличие психологической зрелости. Подросток может иметь широкий доступ к цифровой информации, но при этом испытывать трудности в критической оценке её содержания и прогнозировании последствий собственных действий.

Одним из центральных вопросов современного семейного воспитания становится поиск оптимального соотношения между необходимостью контроля и потребностью подростка в самостоятельности. С одной стороны, отсутствие интереса родителей к цифровой жизни подростка может привести к снижению его защищённости перед различными онлайн-рисками. С другой стороны, чрезмерный контроль способен восприниматься подростком как нарушение личных границ и недоверие со стороны родителей.

Особый интерес представляет проблема скрытия подростками своей цифровой активности. При чрезмерном внешнем контроле подросток может не отказаться от определённого поведения, а просто начать скрывать его от родителей. Современные исследования показывают, что качество отношений между родителями и подростками играет значимую роль в формировании открытого или скрытого поведения в интернете.

Проведённый анализ показывает, что цифровая социализация существенно изменяет условия личностного развития современных подростков. Цифровая среда становится важным пространством формирования социальных связей, идентичности и самостоятельности, одновременно создавая новые психологические риски. В этих условиях возрастает значение родительского участия в цифровой жизни подростка. Однако современные исследования показывают, что эффективность такого участия определяется не только степенью контроля, но и его содержанием. Активное обсуждение, психологическая поддержка и доверительное взаимодействие могут быть более продуктивными, чем исключительно запретительные и ограничительные стратегии.

Литература

1. Liu J., Niu G., Bai X. et al. The relationship between parental mediation and problematic internet use among adolescents: roles of hiding online behaviors and autonomy // BMC Psychology. 2026. DOI: 10.1186/s40359-026-05405-5.
2. Livingstone S., Helsper E.J. Parental Mediation of Children's Internet Use // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2008. Vol. 52. No. 4. P. 581–599. DOI: 10.1080/08838150802437396.
3. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. Digital Socialization of Adolescents in the Russian Federation: Parental Mediation, Online Risks, and Digital Competence // Psychology in Russia: State of the Art. 2020. DOI: 10.11621/pir.2020.0413.

Профилактика деструктивного поведения подростков в социальных сетях: на примере госпаблика ГБУ ВО «ЦПППиРД»

Рудалева М.А.
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Современные подростки проводят значительную часть времени в интернете, что делает их уязвимыми перед деструктивным контентом. Цифровизация привела к росту кибер-преступлений с 2022 года. (Фоминых Е.С., 2023). Появляются все новые риски и угрозы в цифровой среде, которые требуют информирования среди педагогов, родителей и детей.

Профилактика деструктивного поведения включает: организацию школьной среды, информирование об опасных последствиях деструктивного поведения, обучение школьников социально ценным навыкам, организация деятельности, альтернативной деструктивному поведению, пропаганда здорового образа жизни, активизация личностных ресурсов — самовоспитания, творчества, социально-проектной деятельности (Садовникова Ж.В., 2023).

Позитивная профилактика фокусируется на формировании у человека психологических ресурсов, здоровых установок и навыков (саморегуляция, стрессоустойчивость, эффективное общение). Цель – развитие духовных и нравственных ценностей личности, адаптивных поведенческих стратегий для успешной социализации ребенка на различных этапах его взросления. (Смирнова И.Ф., 2022). Примеры: социальная реклама, информирование о правилах ЗОЖ и т.д.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» подтверждает эффективность использования официальных страниц (госпабликов) в социальных сетях («ВКонтакте», «Одноклассники», «MAX») для решения профилактических задач. Разнообразие форматов (инфографика, памятки, видеролики, посты) и рубрикация контента по целевым группам (подростки, родители, педагоги) позволяют выстраивать адресную коммуникацию. Охват вырос с 107,3 тыс. за 2025 год до 133,9 тыс. за первое полугодие 2026 года).

Наибольшую вовлеченность в госпаблике ГБУ ВО «ЦПППиРД» показали публикации в формате инфографики и памяток. Темы: детско-родительские отношения («Что делать, если подросток начал курить?», «Профилактика употребления ПАВ: 6 рекомендаций для родителей»), самоорганизация («Как эффективно подготовиться к экзаменам», «Как научиться управлять своим временем?»). Средний ER - 6,7%, выше среднего по тематическим сообществам. В первом полугодии 2026 года востребованные темы: «Суицидальные мысли подростка: правила родительского диалога», «Как оберечь подростка от алкоголя: 7 советов для родителей», «Как помочь ребенку справиться с негативными эмоциями: страхи, тревоги, депрессия». В рамках Марафона доверия 2026 ER видеороликов составил 7,3%.

Таким образом, инфографика и памятки сохраняют высокую вовлеченность в 2025-2026 году, однако в 2026 году видеоролики, созданные в рамках Марафона

доверия, продемонстрировали наибольший отклик аудитории. Это свидетельствует о необходимости использования разнообразных форматов контента для эффективного взаимодействия с разными целевыми группами.

Были разработаны рекомендации по снижению рисков деструктивного поведения в госпаблике:

1. Оперативное обновление контента с учетом актуальных угроз;
2. Отбор и адаптация содержания;
3. Использование разнообразных форматов для охвата всех целевых групп;
4. Вовлечение подростков в создание контента;
5. Вовлечение специалистов системы профилактики и родителей в распространении обучающих видеороликов, инфографики, телефонов экстренной кризисной помощи;
6. Оценка эффективности.

Литература

1. Садовникова Ж.В. Роль школы в предупреждении деструктивных отклонений в развитии личности подростков // Ценности и смыслы. 2023. № 6 (88). С. 102–119.
2. Смирнова И.Ф. Система первичной позитивной профилактики девиантного поведения школьников: методические рекомендации для педагогических работников. Пермь, 2022. 15 с.
3. Фоминых Е.С. Нарушения информационной безопасности в контексте цифровой виктимизации детей и подростков // Виктимология. 2024. Т. 11. № 1. С. 69–77. DOI: 10.47475/2411-0590-2024-11-1-69-77.

Практические детерминанты профессионального выгорания эксперта-психолога в судебных спорах о детях с признаками индуцирования

Трубицына И.Н.
ГОБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «СемьЯ» (г. Липецк, Россия)

Практические детерминанты профессионального выгорания эксперта-психолога в судебных спорах о детях с признаками индуцирования заслуживают особого внимания, поскольку именно эта категория дел создаёт наиболее высокий уровень эмоциональной нагрузки. Эксперт, участвующий в семейных спорах с признаками психологического индуцирования несовершеннолетнего, сталкивается с проблемами, выходящими далеко за пределы научных и этических обсуждений. Эти трудности обусловлены особенностями рынка оказания услуг в проведении психологических экспертиз, характером взаимодействия со сторонами конфликта и необходимостью сохранять собственное профессиональное и психологическое благополучие. Родители, участвующие в споре за ребенка, зачастую активно ищут специалистов, готовых подтвердить их позицию, в том числе для подготовки рецензий на уже имеющиеся

заключения. В результате, в судебном процессе сталкиваются два внешне убедительных документа – заключение эксперта и рецензия. Их противостояние становится дополнительным фактором нагрузки на специалиста, вынужденного отстаивать свою позицию, что требует значительных усилий и эмоциональных затрат. Вместе с тем, эксперт должен быть готов к ситуациям, когда его заключение подвергается критике, в том числе необоснованной. Как отмечается в исследованиях, устойчивость к стрессу и способность противостоять необоснованной критике являются важными составляющими профессиональной деятельности эксперта-психолога (Ф.С. Сафуанов, Н.В. Дворянчиков и др., 2020). Это особенно важно для дел с индуцированными несовершеннолетними, где эксперт сталкивается с искажённым восприятием ребёнка, спровоцированными реакциями и манипуляциями взрослых. Именно устойчивая самооценка позволяет специалисту эффективно и профессионально выполнять свою работу, сохраняя объективность и защищая интересы ребёнка. Это требует высокой эмоциональной устойчивости, способности сохранять объективность и одновременно выдерживать давление сторон.

Практика показывает, что даже опытные специалисты со временем сталкиваются с признаками профессионального выгорания. Оно развивается исподволь, так как эксперт часто воспринимает усталость как естественную плату за востребованность. Существует и парадокс: специалист, владеющий знаниями о профилактике выгорания, зачастую игнорирует их применительно к себе. Это связано с установкой «эксперт должен быть устойчивым», а также с отсутствием внешнего контроля за его психологическим состоянием.

Преодоление выгорания требует системного подхода, включающего как обыденные, так и профессиональные способы восстановления. К обыденным ресурсам можно отнести: поддержание социальных связей, отдых, хобби, физическая активность. Это не являются «потерей времени», а представляет собой необходимые условия сохранения психического здоровья. Однако простого переключения недостаточно. По моему убеждению, необходимым дополнением являются профессиональные ресурсы, которые включают личную терапию, супервизию, интервизию, участие в профессиональных сообществах, регулярную рефлексию. Личная терапия должна рассматриваться как обязательный элемент профессиональной гигиены эксперта. Супервизия позволяет осознавать собственные слепые зоны и эмоциональные реакции, запускаемые сложными делами. Умение отказываться от непрофильных или этически сомнительных дел также является профессиональным навыком, а не слабостью. Важным является и чёткое разделение ролей эксперта и человека, что предотвращает перенос профессиональных паттернов в частную жизнь (Шаболтас А.В., 2020). Стоит отметить, что ключевым моментом становится умение удерживать границы, способность не вовлекаться в чужой конфликт, сохранять автономию и высокую самооценку.

Таким образом, профессиональное выгорание эксперта-психолога является закономерным следствием практических проблем: переполненного рынка предоставления услуг по проведению психологических экспертиз, давления сторон,

необходимости отстаивать границы и противостоять некомпетентным рецензиям. Профилактика выгорания требует осознанного отношения к собственному состоянию и систематического использования как обыденных, так и профессиональных ресурсов. Сочетание личностной устойчивости, автономии, высокой самооценки и профессиональных форм поддержки позволяет сохранить качество экспертной работы, защитить интересы ребёнка и обеспечить психологическое благополучие самого специалиста.

Литература

1. Сафуанов Ф.С., Дворянчиков Н.В. Психологические факторы профессионального выгорания судебных экспертов-психологов // Психология и право. 2020. Т. 10. № 2. С. 5–20.
2. Шаболтас А.В., Горбатов С.В., Арбузова Е.Н., Халеева М.В. Этические проблемы судебно-психологической экспертизы: взгляд из современной России // Psychology in Russia: State of the Art. 2020. Т. 13. № 1. С. 118–133.

Актуальные проблемы судебно-психологической экспертизы в гражданских спорах о детях: анализ практики и методические риски

Усова О.В., Пешкова Н.В.
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)
Центр психологического развития «ПРОактивность» (г. Реутов, Россия)

Многолетний опыт работы на стыке психологической помощи несовершеннолетним и судебной психологической экспертизы позволяет авторам комплексно оценить методологию решения экспертных задач через призму выносимых судебных решений. В гражданских спорах о воспитании детей важнейшей проблемой остается практика назначения судами психолого-педагогических экспертиз, несмотря на разъяснения об их необоснованности (О необоснованности назначения и производства психолого-педагогических экспертиз по семейным спорам о воспитании детей: информ. письмо…, 2020). В результате суды поручают производство экспертиз лицам, не имеющим профильной подготовки и подтверждающим квалификацию лишь сертификатами коммерческих систем добровольной сертификации. Это закономерно приводит к значительному количеству ошибок на формально-процессуальном и содержательно-методическом уровнях. Эмпирический анализ выявил типичные процессуальные нарушения, среди которых наиболее распространенное - некорректное наименование итогового документа (например, «заключение по результатам исследования», «акт обследования»), нарушения при оформлении подписки эксперта по ст. 307 УК РФ. Существенным дефектом выступает имитация психологического анализа материалов дела, подменяемого текстовым цитированием без экспертной интерпретации, а также замена экспериментально-психологического исследования

упрощенной диагностической процедурой из психолого-педагогической практики. Результат - методологическая редукция, сводящаяся к фиксации актуального отношения ребенка к родителям вне контекста механизмов его формирования. Кроме того, педагоги-психологи, выступая в роли эксперта, зачастую «вторгаются» в смежные области - юриспруденцию и клиническую психиатрию. Так, в одном из верифицированных авторами заключений эксперт-психолог установил в отношении отца клинический диагноз «пограничное расстройство личности», необоснованно применив психоаналитические опросники Н. Мак-Вильямс. Подобная практика недопустима; тем не менее на основании данного заключения суд ограничил отца в праве на общение с ребенком. Самостоятельным вектором методологических трудностей выступает экспертиза по делам, где сторонами конфликта являются кровные родители и опекуны. Расширение этой группы споров связано с деинституционализацией сиротских учреждений. Если в традиционных спорах между разводящимися родителями эксперт исследует две психологически сопоставимые стороны, то в спорах «кровный родитель - опекун» ситуация принципиально иная. Ребенок, изъятый из кровной семьи и проживающий в замещающей, имеет опыт депривации, разлуки и, возможно, травматических событий. Этот фон экспертами, как правило, не учитывается. В результате актуальное предпочтение ребенком опекуна трактуется как объективное свидетельство его интересов, хотя оно часто обусловлено адаптивными механизмами и влиянием ближайшего окружения. При этом кровный родитель по личностному профилю почти всегда объективно «проигрывает» приемному: опекун находится в актуальной эмоциональной связи с ребенком, а кровный родитель в условиях длительной разлуки и социального неблагополучия. Это создает высокие риски односторонней правовой оценки. В практике авторов зафиксирован случай неисполнимого судебного решения: кровная мать была восстановлена в родительских правах, но не получила возможность забрать ребенка. Последующий затяжной конфликт (более двух лет) привел к глубокой травматизации несовершеннолетнего. Решение проблем видится в унификации требований к подготовке судебных экспертов-психологов и повышении правовой грамотности судей при оценке экспертных заключений.

Литература

1. О необоснованности назначения и производства психолого-педагогических экспертиз по семейным спорам о воспитании детей: информ. письмо ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. Москва, 2020.

Доверие как фактор толерантности к коррупции в правосознании молодежи

Усолкина Е.С., Кыштымова И.М.
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск, Россия)

Коррупционное поведение представляет интерес для юридической психологии как социально-психологический феномен, связанный с представлениями о справедливости, допустимых способах достижения цели и надежности окружения. В молодежной среде проблема коррупции приобретает особую остроту: юношеский возраст связан с формированием правосознания, гражданской позиции, профессиональных перспектив и устойчивых социальных установок. Определенную значимость имеет анализ тех условий, при которых противоправное действие не получает прямого одобрения, но начинает восприниматься как «вынужденное», «понятное» или «единственно возможное». Поэтому исследование факторов, связанных с готовностью оправдывать коррупционные практики, представляется важным для профилактики социальных рисков детства и молодежи.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей взаимосвязи доверия и толерантности к коррупционному поведению у старшеклассников и студентов. Гипотеза исследования основана на предположении о том, что снижение уровня доверия связано с большей выраженностью толерантности к коррупционному поведению, то есть с повышенной готовностью респондентов признавать коррупционные практики допустимыми или оправданными в конкретных жизненных обстоятельствах. Теоретическим основанием являются положения концепции отношений личности, позволяющие рассматривать отношение к коррупции как интегральное образование, включающее когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты (Мясищев В.Н., 1998), дополненное ценностно-нормативным.

В настоящем исследовании толерантность к коррупционному поведению понимается как допустимость и ситуативное оправдание коррупционных практик в различных социальных контекстах. Доверие рассматривается как базовое психологическое состояние и готовность человека принять неопределенность, основанная на уверенности в надежности, доброжелательности и предсказуемости как окружающего мира (других людей, институтов), так и самого себя.

В исследовании приняли участие 133 респондента 16-24 лет (M = 19,82; SD = 1,71), среди них 101 девушка и 32 юноши. Использовались шкала доверия Купрейченко А.Б. (Купрейченко А.Б., 2008) и ситуационная шкала толерантности к коррупции Колачева Н.И. (Купрейченко А.Б., 2024). Обработка данных включала описательную статистику и корреляционный анализ Спирмена.

Результаты показали, что наиболее выраженным компонентом доверия оказалось доверие к себе (M = 4,23; SD = 0,64), тогда как доверие к людям было ниже (M = 3,07; SD = 0,51). Общий показатель толерантности к коррупции составил 1,81

балла при диапазоне шкалы от 1 до 4, что соответствует низкому уровню допустимости коррупционного поведения.

Оценки отдельных ситуаций оказались неодинаковыми. Наиболее высокую допустимость получила ситуация, в которой коррупционное действие выглядело как вынужденная реакция на давление контролирующего органа (M = 2,63). Более мягко оценивались также ситуации, связанные с защитой значимых интересов и административных барьеров. Это позволяет говорить не о прямом одобрении коррупции, а о ситуативно-оправдательном характере отношения к ней.

Корреляционный анализ выявил слабую, но статистически значимую отрицательную связь между общим доверием и толерантностью к коррупции ($r_s = -0,203$; $p = 0,018$), а также между доверием к себе и толерантностью к коррупции ($r_s = -0,226$; $p = 0,008$). Следовательно, гипотеза получила частичное подтверждение. Доверие является одним из факторов, определяющим отношение молодежи к коррупции, однако не исчерпывает его причин. Практическое значение результатов состоит в необходимости выстраивать систему профилактики не только как правовое информирование, но и как работу с механизмами оправдания коррупции, развитием правовой устойчивости и доверия к законным способам решения проблем.

Литература

1. Колачев Н.И. Шкала толерантности к коррупции // Психологические исследования. 2024. Т. 17. № 95.
2. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. Москва: ИП РАН, 2008. 571 с.
3. Мясищев В.Н. Психология отношений / под ред. А.А. Бодалева. Москва: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.

Трансформация цифровой социализации молодежи: переход от школы к университету

Шпагина Е.М.
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет» (г. Москва, Россия)
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Социализация — процесс освоения человеком норм, ценностей, правил и социальных ролей, обеспечивающий его адаптацию к жизни в обществе. В психологии она рассматривается как двусторонний и продолжающийся всю жизнь процесс: личность усваивает социальный опыт, но одновременно интерпретирует и преобразует его. Социализация осуществляется во взаимодействии с семьёй, образованием, группами сверстников, трудовыми коллективами, СМИ и цифровой средой. Человек не пассивно усваивает нормы, а может принимать, отвергать или изменять их. Поэтому

целью социализации является не конформность, а становление личности как субъекта социальной жизни.

Термин «киберсоциализация» введён В. А. Плешаковым. Первоначально использовалось понятие «виртуальная компьютерная социализация». Киберсоциализация понимается как качественные изменения самосознания и потребностно-мотивационной сферы личности, происходящие под влиянием информационно-коммуникационных и цифровых технологий в процессе освоения и воспроизводства культуры (Плешаков В.В., 2012).

Цифровая социализация — процесс приобретения знаний, навыков, установок и компетенций, необходимых для эффективного участия в цифровых средах. Она включает усвоение норм, ценностей и моделей поведения, характерных для онлайн-взаимодействия. Цифровая социализация является самостоятельным направлением социально-психологических исследований, а не простым переносом классической социализации в Интернет (Микляева А.В., 2024).

Цифровую социализацию рассматривают как адаптацию человека к возможностям и рискам цифровой экосистемы. Цифровая среда становится пространством общения, обучения, конструирования идентичности и построения отношений, изменяя социальную ситуацию развития психики (Солдатова Г.У., Войскунский А.Е., 2021).

Эмпирическое исследование (Харарбахова М.А., Мусатова О.А., Шпагина Е.М., 2021) с использованием Опросника вовлечённости в киберсоциализацию (Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Ефремова Г.И., 2019) проведено на выборке 80 московских школьников (40 юношей и 40 девушек), средний возраст — 13,7 года. Конструктивная вовлечённость предполагает ответственное и компетентное участие в цифровой среде: использование интернета для общения, обучения и саморазвития, соблюдение норм общения, критическую оценку информации, защиту персональных данных и противодействие деструктивному поведению. Она включает шкалы «Мотивация и опыт», «Личностная позиция» и «Компетентность».

Среди школьников низкий уровень конструктивной вовлечённости выявлен у 11%, средний — у 73%, высокий — у 16%. По шкале «Мотивация и опыт» низкий уровень показали 9%, средний — 71%, высокий — 20%. По шкале «Личностная позиция» — 20%, 55% и 25% соответственно. По шкале «Компетентность» — 40%, 42% и 18%.

Деструктивная вовлечённость отражает чрезмерную поглощённость виртуальной средой, слабый контроль интернет-активности, тревогу без доступа к сети, склонность к агрессии и провокациям, предпочтение виртуального общения реальному. Низкий уровень деструктивной вовлечённости не выявлен ни у одного школьника, средний — у 26%, высокий — у 74%.

В 2026 году по той же методике обследованы 80 студентов ВУЗа (56 юношей и 24 девушки), средний возраст — 18,8 года. Низкий уровень конструктивной вовлечённости выявлен у 13% студентов, средний — у 52%, высокий — у 35%. По шкале «Мотивация и опыт» низкий уровень показали 15%, средний — 62%, высокий —

23%; по шкале «Личностная позиция» — 13%, 56% и 31%; по шкале «Компетентность» — 14%, 51% и 35%.

Деструктивная вовлечённость у студентов распределена иначе: низкий уровень выявлен у 13%, средний — у 63%, высокий — у 24%. Сравнение независимых групп с помощью U-критерия Манна—Уитни показало статистически значимые различия. Деструктивная вовлечённость у студентов значимо ниже, чем у школьников. Конструктивная вовлечённость у студентов выше, причём различия обусловлены прежде всего более высокой цифровой компетентностью. Значимых различий по шкалам «Мотивация и опыт» и «Личностная позиция» не установлено.

Таким образом, у студентов по сравнению со школьниками выявлены более высокие показатели конструктивной вовлечённости и цифровой компетентности, а также более низкая (почти вдвое) деструктивная вовлечённость. Однако сравнивались разные группы в разные годы, поэтому различия нельзя однозначно объяснить взрослением, обучением в ВУЗе или изменениями цифровой среды. Результаты обосновывают необходимость развития цифровой компетентности, ответственного онлайн-поведения и самоконтроля интернет-активности.

Литература

1. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Ефремова Г.И. Опросник вовлеченности в киберсоциализацию // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 109–119.
2. Микляева А.В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 2. С. 5–11.
3. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens’а до Homo Cyberus’а. Москва: Прометей, 2012.
4. Солдатова Г.У., Войскунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431–450.
5. Хараrбахова М.А., Мусатова О.А., Шпагина Е.М. Интернет и одиночество подростков // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 2–13.

ПРАКТИКИ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕТСТВА: ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Психоактивные вещества и несовершеннолетние: вейпинг как новая зона риска

Ветров В.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Чиркина Р.В.

Употребление психоактивных веществ несовершеннолетними остаётся значимой социально-медицинской проблемой, связанной с рисками для здоровья и развитием зависимого поведения. Особого внимания заслуживает вейпинг как распространённая среди подростков форма никотинового потребления. Актуальность его изучения обусловлена воздействием никотина на развивающийся организм, ростом распространённости электронных сигарет и изменением мотивов их употребления. Анализ этих тенденций необходим для выработки обоснованных мер профилактики.

После появления в Российской Федерации в 2011 году электронных систем доставки никотина (далее — ЭСДН) их распространённость среди подростков 13–15 лет начала быстро расти. Этому сопутствовала активная реклама, ориентированная на молодёжь и позиционировавшая такие изделия как продукты со сниженным риском. Рост среди девочек был выше, чем среди мальчиков. В 2021 году во всех пяти обследованных регионах распространённость употребления ЭСДН среди подростков превышала распространённость употребления табака (курительного и/или бездымного) (ВОЗ, 2024).

Отмечается существенный рост распространённости употребления электронных сигарет среди подростков. В 2019–2020 годах их употребляли 8,4 % мальчиков и 7,2 % девочек в возрасте 15–17 лет. В 2023–2024 годах соответствующие показатели достигли 27,0 % и 23,7 %. Таким образом, за рассматриваемый период распространённость употребления электронных сигарет среди подростков выросла более чем втрое (Скворцова Е. С., Лушкина Н. П., 2026).

Изменились и мотивы употребления. Если в 2019–2020 годах ведущим мотивом был ответ «нравятся ощущения и аромат», то в 2023–2024 годах на первое место вышла «привычка». Доля подростков, называвших привычку мотивом употребления, увеличилась среди мальчиков с 8,2 % до 35,4 %, среди девочек — с 4,9 % до 44,3 %. Одновременно доля отмечавших привлекательность ощущений и аромата снизилась среди мальчиков с 44,3 % до 36,6 %, а среди девочек — с 47,9 % до 30,2 %. Другие мотивы — «за компанию», «расслабляюсь», «желание произвести впечатление», «мода» — встречались значительно реже; в частности, мотив «мода» отмечали не более 1,4 % подростков (Петренко С. Г., 2024).

Приобщение подростков к электронным сигаретам происходит преимущественно в возрасте 13–16 лет. В этом возрасте впервые знакомятся с ними почти 32 % мальчиков и девочек; пик приобщения приходится на 15–16 лет (Титова О. Н., Суховская О. А., Куликов В. Д., 2023). Среди подростков, употребляющих электронные сигареты, преобладает ежедневное употребление, а мотив «привычка» выходит на первое место. Это свидетельствует о закреплении практики употребления и повышении риска формирования никотиновой зависимости.

Таким образом, подростковый вейпинг представляет собой значимый риск детства, требующий научно обоснованных профилактических решений. Приведённые данные позволяют описать рост распространённости и изменение мотивов употребления, но сами по себе не доказывают причинные механизмы формирования зависимости и эффективность конкретных профилактических мер, поэтому обсуждение проблемы на секции, посвящённой доказательным исследованиям рисков детства, важно для определения проверяемых гипотез, выбора надёжных показателей и разработки профилактических практик, результативность которых можно объективно оценить.

Литература

1. Петренко С.Г. Проблемы наркотизма в молодежной среде // Вестник молодежной науки. 2024. № 1 (43).
2. Всемирная организация здравоохранения. Глобальное обследование употребления табака среди молодежи в Российской Федерации: 2004–2021 гг. URL: https://www.who.int/europe/ru/publications/i/item/WHO-EURO-2024-8404-48176-71508.
3. Скворцова Е.С., Лушкина Н.П. Курение электронных сигарет подростками России в 2019–2020 и 2023–2024 гг. // Профилактическая медицина. 2026. Т. 29. № 3. С. 70–77. DOI: 10.17116/profmed20262903170.
4. Титова О.Н., Суховская О.А., Куликов В.Д. Вейпинг подростков и детей: распространенность и риски для здоровья // Наркология. 2023. Т. 22. № 11. DOI: 10.25557/1682-8313.2023.11.60-66.

Метод «Оценка рисков и возможностей (ОРВ)» как инструмент проектирования индивидуальной программы сопровождения несовершеннолетнего

Демина А.В.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

В образовательной среде возрастает частота кризисных ситуаций с участием обучающихся (суицидальное поведение, буллинг, агрессивное поведение). Активная цифровизация трансформирует их характер: данные проявления все чаще имеют

онлайн-компонент (кибербуллинг, деструктивные онлайн-сообщества) (Богданович Н.В. и др., 2024).

В соответствии с порядком межведомственного взаимодействия на территории Воронежской области в случае совершения попыток суицида несовершеннолетними, законченного суицида, буллинга, агрессивного поведения несовершеннолетних и иных кризисных и чрезвычайных ситуаций, требующих сопровождения социально-психологической службы с целью предупреждения рецидивного поведения и стабилизации психологического состояния несовершеннолетних (утв. постановлением КДНиЗП правительства Воронежской области от 06.06.2024 №2) реагирование на подобные ситуации требует разработки индивидуальной программы сопровождения (ИПС). При разработке учитываются личностные особенности и причины кризиса; ее цель – гармонизация детско-родительских отношений, формирование поддерживающей среды и устранение факторов дезадаптации.

Эффективность ИПС зависит от обоснованности мишеней воздействия. Однако специалисты испытывают трудности при объективном определении ключевых проблем и конкретизации задач. Кроме того, обязательным условием является прозрачность ИПС для родителя (законного представителя), которому должно быть понятно, на чем основан выбор направлений работы.

В этом контексте метод «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ) и его современная модификация – «Оценка рисков и потребностей» (ОРП) (включен девятый кластер «Поведение в Интернете», оценивающий онлайн-риски) – выступает надежным инструментом проектирования ИПС. Валидность и надежность инструмента позволяют обосновать работу перед родителем, а специалистам – четко определить факторы риска и ресурсы несовершеннолетнего.

Метод ОРП предполагает оценку девяти сфер: прошлые правонарушения, семейные обстоятельства, образование/занятость, отношения со сверстниками, употребление ПАВ, досуг, личностные качества, социальные установки, поведение в Интернете. Выделенные факторы риска переводятся в задачи ИПС, а фиксация сильных сторон (ресурсов) ребенка, семьи и среды формирует основу поддерживающего окружения.

Применение ОРП для разработки ИПС имеет ряд существенных преимуществ: единый понятийный аппарат упрощает межведомственное взаимодействие, количественная оценка позволяет обоснованно определять интенсивность мероприятий. Однако, инструмент не исключает субъективизм, поэтому требуется соблюдение принципа «профессиональной осторожности» и коллегиальность.

Таким образом, применение ОРВ/ОРП обеспечивает доказательный подход к выбору методов помощи, делая процесс постановки целей прозрачным для семьи и ориентированным на предупреждение рецидивов и успешную социализацию обучающегося.

Литература

1. Подросток в Интернете. Методические рекомендации по оценке рисков отклоняющегося поведения в Интернете в рамках сети подростковых центров «Подростки России» / сост. Н.В. Богданович, В.В. Делибалт, П.Д. Азыркин. Москва: Федеральный центр развития программ социализации подростков: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 120 с.
2. Порядок межведомственного взаимодействия на территории Воронежской области в случае совершения попыток суицида несовершеннолетними, законченного суицида, буллинга, агрессивного поведения несовершеннолетних и иных кризисных и чрезвычайных ситуаций, требующих сопровождения социально-психологической службы с целью предупреждения рецидивного поведения и стабилизации психологического состояния несовершеннолетних: утв. постановлением КДНиЗП правительства Воронежской области от 06.06.2024 № 2. URL: https://stoppav.ru/attachments/article/45/Порядок%202024.doc (дата обращения: 18.10.2026).

Цифровой справочник выпускника как инновационный инструмент постинтернатного сопровождения воспитанников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа

Измайлова Е.В.

ФГБПОУ «Орловское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» (г. Киров, Россия)

Проблема постинтернатного сопровождения выпускников специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (далее – СУВУ ЗТ) приобретает особую значимость в контексте обеспечения устойчивости результатов реабилитации и профилактики повторных правонарушений несовершеннолетних. Пребывание в СУВУ ЗТ может стать важным периодом для выявления у несовершеннолетних рисков социально-психологического и личностного характера, которые после выхода из учреждений могут стать триггерами повторного совершения правонарушений (Бригадиренко Н.В. и др., 2024).

Проведённый теоретический анализ организации постинтернатного сопровождения выпускников СУВУ ЗТ позволил выделить ряд проблем: недостаточную готовность части подростков к самостоятельной жизни, фрагментарность межведомственного взаимодействия, ограниченную доступность сопровождения после выпуска и отсутствие единого информационного пространства (Бобылева И.А., 2014; Владимирова Н.В., Спаньярд Х., 2008). Современные условия актуализируют необходимость поиска дополнительных способов обеспечения доступности информации о системе сопровождения.

Перспективным направлением представляется внедрение цифровых инструментов постинтернатного сопровождения. В рамках дальнейшего исследования

предлагается разработка специализированного сайта «Справочник выпускника», представляющего собой цифровой информационно-навигационный ресурс для воспитанников, готовящихся к выпуску из СУВУ ЗТ, и выпускников, проходящих период социальной адаптации.

Основная идея ресурса заключается в объединении практически значимой информации в едином доступном цифровом пространстве. Структура цифрового справочника включает несколько тематических направлений, позволяющих выпускникам СУВУ ЗТ получать необходимую информацию по вопросам социальной адаптации, образования, трудоустройства, защиты своих прав и организации самостоятельной жизни, а также находить доступные способы решения возникающих трудностей и обращения за помощью.

Инновационный характер предлагаемого инструмента определяется не самим использованием сайта, а его функциональной направленностью на потребности конкретной категории несовершеннолетних. Важным преимуществом цифрового справочника может стать его использование ещё на этапе подготовки к выпуску.

Следующим этапом работы станет эмпирическое исследование возможностей использования цифрового справочника в постинтернатном сопровождении выпускников СУВУ ЗТ. Исследование предполагается организовать на базе Орловского СУВУ с участием воспитанников, находящихся на этапе подготовки к выпуску, а при наличии организационной возможности – выпускников, проходящих первичную социальную адаптацию.

В качестве критериев оценки могут выступать успешность самостоятельного поиска необходимой информации, правильность выбора алгоритма действий в предложенной ситуации, осведомлённость о доступных службах поддержки и субъективная оценка полезности цифрового справочника.

Литература

1. Бобылёва И.А. Конструктор региональной системы сопровождения выпускников интернатных учреждений // Отечественный журнал социальной работы. 2014. № 2. С. 178–182.
2. Бригадиренко Н.В., Горина А.Л., Дементьев А.С., Кимстач Е.Л., Коновалов А.Ю., Куприянова Е.А., Сидоренко З.М., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. Анализ эффективности программ психологической профилактики девиантного поведения в институциональных условиях воспитания несовершеннолетних // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 4. С. 219–240. DOI: 10.17759/bppe.2024210419.
3. Владимирова Н.В., Спаньярд Х. Постинтернат: технология создания сети социально поддерживающих контактов выпускников. Москва: Генезис, 2008.

Межведомственное взаимодействие в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних: результаты мониторинга в Воронежской области (2025–2026 гг.)

Кириченко А.П.
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Профилактика девиантного поведения требует четкого алгоритма выявления и сопровождения детей. В Воронежской области таким инструментом стало Соглашение между Министерством образования и Министерством здравоохранения региона (от 15 февраля 2024 года). Цель исследования – выявить организационно-правовые барьеры в системе сопровождения несовершеннолетних с рисками девиантного поведения на основе мониторинговых данных за 2025–2026 уч. г.

Проведен анализ данных структурированного мониторинга (Приложение 1 к письму ГБУ ВО ЦППРиРД от 11.06.2026 № 159) за период с 17.06.2025 по 20.06.2026. Выборка охватила муниципальные, профессиональные образовательные организации и организации, подведомственные министерству образования Воронежской области.

За исследуемый период выдано 764 направления на консультацию к специалистам клинического профиля: 658 (86,1%) – муниципальные организации, 85 (11,1%) – профессиональные, 21 (2,8%) – подведомственные. 80% обращений – первичные. Лидеры по географии: г. Воронеж (238, 36,2%), Павловский (106, 16,1%) и Россошанский (85, 12,9%) районы. Концентрация обращений в крупных центрах и минимальное количество направлений из отдаленных районов свидетельствует не об отсутствии проблем в последних, а о высоких барьерах обращаемости, включая страх родителей перед стигматизацией.

Возрастные пики в муниципальных школах: 5–7 классы (245) и 1–4 классы (224). Резкое снижение в 10–11 классах (31). В профессиональных организациях лидирует 1 курс (49). Резкое снижение числа направлений в 10–11 классах указывает на риск оттока старшеклассников из системы поддержки из-за страха стигматизации перед экзаменами.

Анализ причин выявил абсолютного «лидера»: «трудности в усвоении образовательной программы» (247 направлений, ~45%). На втором и третьем местах (~12% каждое) - «личностные особенности» и «трудности в усвоении норм поведения». Эти три причины составляют 60% всех направлений.

Ключевой организационно-правовой проблемой является отсутствие обратной связи от законных представителей о результатах клинической консультации (невозврат отрывных талонов направлений наблюдается в ~30% случаев). Данный узкоспециализированный административный термин отражает глубокую проблему: разрыв информационного контура сопровождения. Без получения рекомендаций специалистов медицинского профиля педагог-психолог не может актуализировать индивидуальный план сопровождения, что повышает риск усугубления девиантных

проявлений у ребенка, так как образовательная организация вынуждена действовать без учета клинических данных.

По результатам исследования выявлены следующие барьеры:

1. Информационный разрыв: отсутствие механизмов гарантированного получения обратной связи от медицинских организаций при соблюдении врачебной тайны, что выражается в 30% невозврата талонов.

2. Стигматизация: страх родителей перед обращением к специалистам медицинского профиля, особенно в отдаленных районах и старших классах, что ведет к сокрытию проблем и «выпадению» подростков из системы помощи.

3. Подмена понятий: преобладание направлений по учебным трудностям (45%) требует от педагогов-психологов более качественной первичной дифференциальной диагностики, чтобы не переводить в медицинскую плоскость сугубо педагогические проблемы.

Для преодоления барьеров необходимо внедрение унифицированных электронных форм межведомственного взаимодействия с предварительным информированным согласием родителей.

Литература

1. Профилактика девиантного поведения обучающихся в образовательных организациях: психолого-педагогический скрининг и формирование благоприятного социально-психологического климата: методические рекомендации / Министерство просвещения РФ. Москва, 2023. 31 с.

Профилактика социальных рисков детства через работу с социальным окружением несовершеннолетнего, склонного к суицидальному поведению

Ковалевская Е.В.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Социальное окружение несовершеннолетнего суицидента – активная среда: ресурс или провоцирующий фактор. После попытки/суицида окружение переживает травму и вину; нужна экстренная помощь для профилактики кластерного риска (Крамаренко Н.С., 2014). Работа идёт по концентрическим кругам.

Группы: классный руководитель (вина, страх, агрессия), педагоги (шок, поиск виновного), родители одноклассников (паника, требование перевода), сосед по парте (ПТСР, вина выжившего), друзья (предательство, идеализация/агрессия), конфликтующие дети (страх ответственности, ожесточение), соседи (тревога за безопасность), романтический партнёр (вина, воссоединение), сиблинги (диссоциация, замещение), окружение сиблингов (слухи, эффект Вертера) (Асмолов А.Г., 1990).

Круги: 1-й – экстренная помощь (семья, партнёр, друг, сиблинги); 2-й – реабилитация (одноклассники, учителя, конфликтные группы); 3-й – профилактика (родители одноклассников, соседи, окружение сиблингов, социум).

С педагогами: снять вину, дать алгоритм (супервизия, консилиум, тренинг, памятка, рефлексия); без работы – выгорание, аддикции, буллинг.

С родителями одноклассников: снизить тревогу (собрание, бюллетени, вебинар, консультации, чат); без работы – переводы, иски, изоляция, стигматизация, кластерный риск (Ремшмидт Х., 1994).

С одноклассниками: групповая/индивидуальная работа; цель – ПТСР, нормализация горя, снятие агрессии, выявление рисков; формы: круг безопасности, дебрифинг (3–5 дней), арт-терапия, «Линия времени», «Коробка писем», памятки; нельзя обсуждать способ, игнорировать маркеры, обесценивать; важны нормализация эмоций, помощь, план безопасности.

С агрессорами: тренинг, ролевые игры, «Сила в действии» (управление импульсами, признание через социально одобряемую деятельность); с жертвами: проработка обиды, самооценки, безопасности, доверия, защитных стратегий, арт-терапия, ролевые игры, опора на сильные стороны, план безопасности (Ениколопов С.Н., 2004).

С соседом по парте/другом: нормализация реакций, разбор мыслей, проговаривание последней встречи, консультация, дебрифинг, проективные методики.

С романтическим партнёром: блокировка воссоединения, прощение себя; неотправленное письмо, заземление, антисуицидный контракт, когнитивная реструктуризация, экспресс-сессия в сутки; без работы – риск суицида в 48 часов.

С сиблингами: изоляция от информации, поддержка через семью (семейная сессия, ритуал прощания, мониторинг); нельзя «будь сильным ради мамы», обесценивать; с родителями нельзя советовать успокоиться, обесценивать, оставлять без присмотра.

С окружением сиблингов, свидетелями, друзьями, группами допобразования: беседа без подробностей, щадящий режим, профилактика буллинга, социометрия через неделю, месяц, 3 и 6 месяцев.

Отслеживать аффективную сцепку, амбивалентность, риск импульсивных действий; важны безоценочная поддержка, контроль фраз; кризисные реакции нормальны на ненормальное событие.

Главный принцип: не обсуждать способ, не героизировать, не рассказывать, как он умер; обсуждать, как жить дальше; работа – экстренная прививка против принятия и оправдания суицида (Гуссерль Э., 2001).

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности: учебник. Москва: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
2. Гуссерль Э. Логические исследования: в 2 т. Т. 2. Москва: ДИК, 2001. 332 с.
3. Ениколопов С.Н. Современный терроризм и агрессивное поведение // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии / под ред.

М.М. Решетникова. Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. С. 181–193.

4. Крамаренко Н.С. Самоосуществление человека в условиях реального и виртуального мира: субъектный подход: автореф. дис. … д-ра психол. наук. Москва, 2014. 40 с.
5. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности / пер. с нем. Г.И. Лойдиной; под ред. Т.А. Гудковой. Москва: Мир, 1994. 319 с.

«Академия сотрудничества»: региональное организационно-методическое сопровождение педагогов как инструмент создания психологической безопасности всех участников образовательных отношений

Кудренко Н.Н.

ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

В статье представлен опыт ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж) по реализации комплексной программы методического сопровождения педагогических работников в рамках методического интенсива «Психологическая безопасность в образовательной среде «Академия сотрудничества»».

Современная образовательная среда предъявляет высокие требования к психологической безопасности как к необходимому условию полноценного развития личности обучающихся, профессионального долголетия педагогов и конструктивного взаимодействия всех участников образовательных отношений – обучающихся, родителей, педагогов.

Согласно современным стратегическим документам, обеспечение психологического благополучия участников образовательных отношений закреплено в качестве приоритетной задачи (Концепция развития системы психолого-педагогической помощи…, 2024).

Цикл методического интенсива «Академия сотрудничества: психологическая безопасность в образовательной среде» включает следующие блоки:

Блок I. «Искусство коммуникации и бесконфликтного взаимодействия с обучающимися». Направлен на развитие у педагогов навыков диагностики рисков школьной травли, применения алгоритмов реагирования на конфликты и использования медиативных техник («Я-сообщение», карта конфликта).

Блок II. «Партнерство с родителями». Сфокусирован на формировании компетенций доверительного диалога, техниках рефрейминга жалоб, организации интерактивных родительских собраний и совместного поиска решений проблем воспитания.

Блок III. «Психологический комфорт и безопасность в педагогическом коллективе». Ориентирован на профилактику синдрома эмоционального выгорания, укрепление командного взаимодействия и защиту личных границ педагога.

Цель программы: повышение психолого-педагогических компетенций педагогов в области создания психологически безопасной образовательной среды через освоение и последующее практическое применение технологий бесконфликтной коммуникации, профилактики буллинга, партнёрского взаимодействия с родителями и профессиональной саморегуляции для обеспечения устойчивого развития всех участников образовательных отношений. Формат проведения: практикумы, кейс-практикумы, тренинги, вебинары, мастер-классы, игровые практикумы.

Опыт проведения методического интенсива «Академия сотрудничества» подтверждает, что только комплексное, модульное и многопозиционное обучение персонала способно стать ключевым фактором качественных изменений в образовательной среде. Разнообразие используемых форматов обеспечивает не просто информирование, а глубокое освоение и принятие новых профессиональных компетенций. Дальнейшее развитие данной модели видится в интеграции элементов цифровой супервизии и расширении банка региональных практик успешного разрешения кризисных ситуаций.

Литература

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. Санкт-Петербург: Союз, 2002. 271 с.
2. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: теоретические основы и технологии создания: автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.07. Санкт-Петербург, 2002. 45 с.
3. Буслаева М.Ю. Психологическая безопасность образовательной среды: условия, механизмы, риски и угрозы. Челябинск: Титул, 2021. 107 с.
4. Концепция развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Минпросвещения России 18.06.2024 № СК-13/07вн. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Профилактика социальных рисков детства: доказательный подход и оценка эффективности

Кулакова К.И., Жильцова Ю.В.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Профилактика деструктивного поведения подростков – приоритет в области защиты детства. Заявленный приоритет доказательности не подкреплён системной проверкой программ: отдельные практики получают высокий уровень

доказательности, но такие случаи не складываются в воспроизводимую систему отбора.

В России сформирована инфраструктура доказательного подхода. В 2018 году командой МГППУ при поддержке Фонда Тимченко разработан Стандарт доказательности практик. На его основе создан Реестр (Банк) доказательных практик. Реестр Фонда Тимченко – не единственный механизм верификации. Параллельно действует секция НЭС МГППУ. По итогам исследований модели «Экосистема детства» практика внесена в реестр МГППУ с наивысшим уровнем доказательности (Бойкина Е.Э. и др., 2024; Бригадиренко Н.В. и др., 2024). Этот случай показывает, что независимая оценка возможна, но остаётся исключением, а не нормой: она опирается на сильную команду и не тиражируется.

Анализ выявляет разрыв между возможностями инфраструктуры и её использованием. Проблема не в отсутствии практик, а в том, что профилактика деструктивного поведения не выделена в приоритетное направление и не обеспечена рекомендациями по применению Стандарта к программам с отсроченным эффектом.

1. Институциональный дефицит. Реестр и конкурсные процедуры Фонда Тимченко ориентированы на профилактику социального сиротства. Профилактика деструктивного поведения не выделена в номинацию конкурса Фонда Тимченко. Аналогично в реестре НЭС МГППУ практики получают высокую оценку, но направление не оформлено как приоритетное.

2. Проблема методологическая. Стандарт разработан для практик, где результат измерим. Для предупреждения деструктивного поведения характерна отсроченность эффекта: предотвращённое правонарушение статистически редко, а результат зависит от множества факторов. Внедрение доказательного подхода сопровождается недостатком подготовки специалистов (Подушкина Т.Г., Гани С.В., 2024). Универсальные критерии, не учитывающие специфику практики, не могут быть эффективным инструментом оценки (Бусыгина Н.П. и др., 2022).

3. В массовой практике распространена ориентация на «производственные» показатели, а не на реальные изменения. Специалисты не всегда имеют подготовку для их оценки. Как следствие, многие программы не вошли ни в один из реестров. Они не проходили независимую проверку.

Решения видятся в следующем:

– расширить перечень направлений конкурсного отбора, включив предупреждение деструктивного поведения как отдельное направление с адаптированными рекомендациями;

– апробировать такие рекомендации на пилотных программах и описать процедуру оценки;

– готовить специалистов (включая пенитенциарных психологов) к оценке эффективности программ, введя курсы по методам оценки.

Дефицит доказательной оценки носит институциональный характер: отдельные практики получают высокий уровень доказательности, но механизм отбора не

воспроизводится. Переход от единичных практик к системе – при опоре на реестры и подготовку специалистов – составляет перспективу.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Гурина О.Д., Куприянова Е.А., Радчиков А.С., Шпагина Е.М., Чиркина Р.В. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ // Психология и право. 2025. Т. 14. № 4. С. 1–14. DOI: 10.17759/psylaw.2024140401.
2. Бригадиренко Н.В., Горина А.Л., Дементьев А.С., Кимстач Е.Л., Коновалов А.Ю., Куприянова Е.А., Сидоренко З.М., Стратийчук Е.В., Чиркина Р.В. Анализ эффективности программ психологической профилактики девиантного поведения в институциональных условиях воспитания несовершеннолетних // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 4. С. 219–240. DOI: 10.17759/bppe.2024210419.
3. Бусыгина Н.П., Подушкина Т.Г., Засимова А.В. Типология практик и ее значение для доказательного обоснования // Социальные науки и детство. 2022. Т. 3. № 2–3. С. 10–23.
4. Подушкина Т.Г., Гани С.В. Методология и практика доказательного подхода в сфере детства // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 4. С. 627–640.

Исследование индуцирования детей в судебных семейных спорах с применением проективной методики «Мамин/папин человечек»

Кулькова Ж.Г.

Центр психологической диагностики и консультирования (г. Челябинск, Россия)

Несмотря на усилия по семьесбережению, количество разводов в России по отношению к регистрации брака достигает 70-80% (10-15 лет назад – 50-60%). Развод становится поводом семейного спора. Ежегодно в судах рассматривается 350-400 тысяч обращений по исковым требованиям раздельно проживающих родителей. В гражданских делах, затрагивающих интересы детей, в качестве специалистов или экспертов привлекаются психологи (Сафуанов Ф.С. и др., 2011).

С 2016 года на базе «Центра психологической диагностики и консультирования» проведено более 750 судебных психологических экспертиз (далее, СПЭ). В ходе СПЭ применяются методики изучения индивидуально-психологических особенностей детей и родителей, детско-родительских и внутрисемейных отношений, привязанности и индуцирования.

Проблема индуцирования, как прямого намеренного влияния на формирование негативного отношения ребенка ко второму родителю, стоит достаточно остро. Отчуждение одного из родителей в форме утрированной негативизации, враждебности и агрессии к нему становятся факторами риска возникновения у детей

астено-депрессивных состояний, разного рода зависимостей, социально-психологической дезадаптации, девиантного, в том числе аутодеструктивного (авитального) поведения (Герасименко Т.С., 2021).

В течение 10 лет нами применяется авторская проективная методика «Мамин-папин человечек». Ребенку и каждому из родителей индивидуально предъявляется стимульный материал: на вертикальном листе А4 в центре нарисован упрощенный силуэт фигуры человека с расставленными ногами и разведенными в стороны руками. Детям предлагаются разноцветные изо-средства (карандаши, восковые мелки, фломастеры), взрослым – простой карандаш. Инструкция для ребенка от 4,5-5 лет: «Этот человечек – печенька. Он слеплен из теста-мама и теста-папа. Выбери цвет для каждого теста и раскрась фигурку». Инструкция для родителя: «Это фигурка человечка. Этот человечек – ваш ребенок. Закрасьте часть фигурки, которую считаете своей». Время выполнения здания 1-5 минут.

В ходе интерпретации результатов ребенка рассматриваем: 1) объем отнесенной к каждому из родителей части фигурки, 2) используемые при раскрашивании цвета. По первому пункту к «сбоям» оптимальных детско-родительских отношений относятся варианты вне диапазона распределения частей 40-50% на 50-60%; это говорит о нарушении привязанности, в том числе индуцировании. По второму пункту в интерпретации опираемся на подходы М.Люшера, А.М. Эткинда, А.И Лутошкина, О.А. Ореховой (Практикум по семейной психотерапии…, 2010).

В ходе интерпретации результатов родителей рассматриваем: 1) объем закрашенной части фигурки, 2) фиксация на определенной зоне фигурки, 3) характеристики способа раскрашивания. По первому пункту варианты вне диапазона распределения частей 30-50% на 50-70% говорят о выраженных проблемах пост-супружеских отношений со вторым родителем ребенка. По второму пункту в интерпретации отражаются сферы взаимодействия родителя с ребенком. По третьему пункту мы опираемся на подходы Д.Остера и П. Гоулд, А.Л. Венгера, Е.С. Романовой и О.Ф. Потёмкиной, А.И. Копытина.

Полученные в ходе СПЭ результаты методики «Мамин-папин человечек» анализируются совокупно со всеми доступными эксперту-психологу материалами, позволяя аргументировать вывод о наличии/отсутствии индуцирования ребенка в семейном споре, дать ответ на поставленный судом вопрос и помочь в определении судом наилучших интересов ребенка.

Литература

1. Герасименко Т.С. Экологичный развод: как уберечь ребенка от травмы и выйти из кризиса самому. Ростов-на-Дону: Феникс, 2021. 235 с.
2. Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы. Учебное пособие для врачей и психологов / под ред. Э.Г. Эйдемиллера. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Речь, 2010. 425 с.

3. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. Москва: Генезис, 2011. 192 с.

Психолог в исполнительном производстве по делам о детях: от повторного выяснения мнения ребенка к сопровождаемой передаче

Новикова Е.Р.
Московская коллегия адвокатов «Швырёва и партнёры» (г. Москва, Россия)

Спор о месте жительства ребенка или порядке общения с ним завершается решением суда, которое принимается с учетом мнения ребенка (ст. 57 СК РФ), заключения органа опеки, а нередко и судебной экспертизы. На стадии исполнения вопрос о том, с кем будет жить ребенок, уже решен. Однако в практике судебных приставов именно здесь выяснение мнения ребенка начинается заново.

Типичная ситуация: ребенок говорит «не хочу к папе (маме)», пристав фиксирует отказ в акте и прекращает исполнительные действия. По требованию о порядке общения исполнительное производство оканчивается, если установлено, что должник «не препятствует» общению (ч. 4 ст. 109.3 Закона об исполнительном производстве). Отказ ребенка, сформированный родителем-должником, приравнивается к отсутствию препятствий. Затем должник обращается в суд с иском об изменении порядка общения или места жительства, ссылаясь на то, что прежнее решение исполнить не удалось.

С психологической точки зрения повторный вопрос «с кем ты хочешь быть» на стадии исполнения вреден. Ребенку возвращают ответственность за решение, которое уже принял суд, усиливают конфликт лояльности и дают ему опыт, что отказ отменяет решение взрослых. В делах об индуцировании это закрепляет отчуждение.

Более того, судебная практика подтверждает правовую позицию о том, что мнение несовершеннолетних по семейному спору подлежит оценке исключительно на стадии судебного разбирательства и не может служить основанием для корректировки или фактического неисполнения судебного акта на стадии исполнительного производства (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 по делу № 88-22468/2022).

Закон позволяет приставу привлекать детского психолога (ч. 1 ст. 109.3 Закона об исполнительном производстве), но на практике его участие часто формально. Психолог впервые видит ребенка на месте исполнительных действий, не располагает материалами дела и заключением экспертизы (Новикова и др., 2026). В итоге его участие сводится к констатации нежелания ребенка. В одном из наших дел психолог органа опеки отказалась выезжать на исполнительные действия из-за возможной видеосъемки.

Практика показывает, что при содержательном участии психолога результат иной. Психолог (автор) за шесть часов исполнительных действий установила контакт с

ребенком, должником и родственниками и добилась передачи ребенка без принуждения, с договоренностью о встрече с отцом. В другом деле экспертиза установила, что негативная реакция ребенка на мать возникала только при попытках забрать его силой, то есть сопротивление было связано с формой исполнения, а не с отношением к матери. В деле коллег решение, обращенное к немедленному исполнению, было исполнено через пять часов после оглашения благодаря слаженной работе приставов и опеки, что не оставило времени для давления на ребенка.

Задача психолога в исполнительном производстве не выяснять мнение ребенка, а сопровождать исполнение решения: подготовить ребенка к встрече, работать с должником, снижающим сопротивление ребенка, отличать реальный риск психологической травмы от индуцированного отказа и предлагать приставу поэтапный порядок передачи.

Практика автора показывает, что для эффективного и психологически безопасного для ребенка исполнения решения суда необходимо формулировать в постановлении о привлечении психолога его задачи как сопровождение передачи ребенка и общения, а не выяснение мнения; обеспечивать психологу доступ к решению суда и заключению экспертизы; проводить предварительную встречу психолога с ребенком до исполнительных действий; признать, что отказ ребенка сам по себе не является основанием для окончания исполнительного производства без установления причин отказа; разработать требования к квалификации психолога, участвующего в исполнительном производстве.

Литература

1. Адмакина Т.А., Новикова Е.Р. Родительское отчуждение. (Не)разрешимая проблема: практическое руководство. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2026. 212 с.
2. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С., Переправина Ю.О., Черненьков А.Д. Методологические основы диагностики психологического индуцирования ребенка при производстве комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о защите интересов детей: методические рекомендации. Москва: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020. 39 с.
3. Семейные споры об определении места жительства детей и порядке общения с детьми отдельно проживающего родителя: материалы для служб судебных приставов-исполнителей и комиссий по делам несовершеннолетних / А.М. Марова, А.А. Барыкина [и др.]. Москва, 2022.
4. Швырёва Н.В., Новикова Е.Р. Родительское отчуждение: от психологии к праву. Практическое руководство по доказыванию и преодолению индуцирования детей в семейных спорах. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2026. 212 с.

Влияние экстремального волонтерства на просоциальную трансформацию ценностно-смысловых характеристик личности студентов

Петров В.Е.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Среди продуктивных форм социализации молодежи особое место занимает волонтерство как просоциальная соучаствующая деятельность, в которой проявляются высшие человеческие ценности, достигается целостность мировоззрения. Волонтерство представлено продуктивным социально-психологическим механизмом преодоления делинквенций поведения (Бойкина Е.Э. и др., 2025). Несмотря на выраженный запрос на совершенствование подходов к социализации личности и профилактике социальных рисков детства, вопрос трансформации ценностно-смысловых характеристик студентов в процессе волонтерства изучен недостаточно.

В исследовании применялись: опросник оценки склонности к экстремальному добровольчеству (Петров В.Е., 2024); опросник временной перспективы (Ф. Зимбардо; Сырцова А., 2008); анкета ценностной ориентации. Выборка: 56 студентов-психологов МГППУ (средний возраст – 22,4±3,3 лет; муж. – 7 чел.; жен. – 56 чел.). Были выделены две группы: 1) лица, состоящие в спасательных отрядах и вовлеченные в волонтерство в форме сбора гуманитарной помощи участникам специальной военной операции (24 чел.), 2) лица, не занимающие активную просоциальную позицию (32 чел.). Дизайн исследования предполагал проведение тестирования и анкетирования в одноименной выборке респондентов на двух этапах с интервалом 3,5±1,2 лет.

На I этапе проведено сравнение межгрупповых показателей, полученных по результатам тестирования и анкетирования, по U-критерию Манна-Уитни. Установлено, что статистически значимых различий в группах 1 и 2 по всем оцененным показателям не установлено.

На II этапе сопоставлены сдвиги ценностно-смысловых характеристик по результатам повторного исследования в каждой из групп. Сравнение данных в связных выборках по Т-критерию Вилкоксона подтвердило некоторые изменения. Так, установлено, что в группе студентов-добровольцев отмечен статистически значимый рост ($p \leq 0,01$) по таким показателям, как: «Идейность» (T=53), «Идентичность со значимыми» (T=64), «Восприятие гедонистического настоящего» (T=66). Несколько меньший сдвиг в сторону увеличения демонстрируют характеристики «Просоциальность» (T=71) и «Общественное признание» (T=75). Позиция вовлеченности субъекта в волонтерство потенцирует развитие у него приверженности системе прогосударственных начал, патриотизма, уважения к историческому прошлому и будущему страны, сензитивности к социальным проблемам, ориентации на сплочение с референтной группой для решения острых вызовов современности. В процессе волонтерства студенты обретают новые жизненные смыслы. Следует указать на то, что в группе обучающихся, не занимающих активную просоциальную позицию,

специфических изменений в оцененных параметрах не произошло. Сдвиг не выражен в 24 из 31 характеристик.

Таким образом, вовлеченность личности в экстремальное волонтерство способствует развитию у студентов просоциальности и идейности, гедонизма в настоящем, а также ориентации на идентичность со значимыми и общественное признание. Можно указать на потенциал снижения рисков детства в процессе волонтерской деятельности. Исследование подтверждает потенциал волонтерства в работе с молодежью, актуализирует необходимость совершенствования форм и методов вовлечения обучающихся в просоциальную соучаствующую деятельность.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., Стратийчук Е.В. Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 3. Портрет воспитанницы СУВУ // Психология и право. 2025. Т. 15. № 4. С. 44–62. DOI: 10.17759/psylaw.2025150403.
2. Петров В.Е. Прикладная психологическая диагностика: учебное пособие. Москва: Издательство «Спутник +», 2024. 246 с.
3. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109.

Игра «Границы» как инструмент подготовки педагогического коллектива к профилактике социальных рисков в подростковой среде

Пшеницына М.Б.

АНО ДПО «Центр антикризисной психологической подготовки и психологической помощи «Гагара» (г. Москва, Россия)

Современная профилактика социальных рисков в подростковой среде требует учитывать влияние ближайшего социального окружения, группы сверстников и цифрового пространства на формирование установок и поведения несовершеннолетних. Эти аспекты рассматриваются в зарубежных и российских исследованиях (Brechwald, Prinstein, 2011; Kwon, Telzer, 2022; Комаров В. В., 2023; Ходаев А. С., 2024).

Эффективная профилактика требует готовности педагогического коллектива совместно анализировать изменения в жизни подростка. Наблюдения классного руководителя, учителей-предметников и педагога-психолога не всегда складываются в целостное представление о ситуации. Поэтому необходимы профессиональные форматы, позволяющие объединять разные точки зрения, понимать динамику происходящего и определять возможности своевременной помощи. Речь идёт не о выявлении «опасных» подростков, а о поддержке педагогов в понимании причин изменений и предупреждении развития кризисной ситуации.

Теоретическую основу игры «Границы» составляют социально-экологический подход У.Бронфенбреннера и теория социального научения А.Бандуры (Bronfenbrenner, 1979; Bandura, 1977).

Цель работы — представить игру «Границы» как инструмент коллективного анализа ситуации подростка и ранней профилактики социальных рисков.

Игра построена вокруг истории подростка Артёма, которая постепенно раскрывается через ситуации, диалоги, сообщения и решения героя. По мере развития сюжета участники заполняют рабочую таблицу «Путь Артёма» (формат А4), последовательно фиксируя, что произошло, какие потребности подростка оказались затронуты или удовлетворены, кто или что повлияло на развитие событий и какие изменения произошли в его состоянии и поведении. Параллельно участники передвигают фишки по эмоциональной шкале Артёма, наглядно отслеживая динамику его состояния.

Сопоставляя события и их последствия, участники прослеживают взаимосвязь переживаний подростка, влияния окружения и реакций взрослых. Обсуждение помогает пересмотреть первоначальные оценки поступков героя, замечать собственные границы допустимого и значимые сигналы. В финале участники формируют целостное представление о ситуации, определяют точки раннего вмешательства и возможные действия взрослых для предупреждения кризиса.

Игра «Границы» была представлена 120 педагогам и психологам на форуме «Конструктив» в Казани и районном методическом объединении педагогов-психологов в Костроме. По имеющимся данным обратной связи, 100% участников отметили, что игра помогла увидеть ситуацию подростка с разных сторон, а 75% выразили интерес к её профессиональному использованию.

В перспективе планируется проработка возможностей внедрения игры в образовательных организациях Костромской области во взаимодействии с региональными профильными структурами, разработка практико-ориентированных занятий для педагогов по вопросам подростковой среды, влияния деструктивных интернет-сообществ и профилактики рисков, а также критериев оценки изменений в понимании ситуации до и после игры.

Ценность игры «Границы» заключается в создании профессионального пространства, в котором педагоги могут объединять наблюдения, рассматривать ситуацию подростка в динамике и обсуждать возможные меры поддержки до возникновения критических событий.

Литература

1. Комаров В.В. Психолого-педагогическая профилактика размещения подростками деструктивного и самодеструктивного контента в социальных сетях и мессенджерах // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2023. Т. 22. № 1. С. 86–94.

2. Ходаев А.С. Педагогические средства формирования личностной готовности подростков к противодействию негативным влияниям интернет-социализации // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2024. Т. 23. № 3. С. 56–66.

Профилактика употребления обсценной лексики в подростковой среде

Романов А.И., Шульга Т.И.
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (г. Москва, Россия)

Лексические табу существовали всегда. Они обусловлены требованиями религии, магической функцией языка или социальными нормами (Жельвис В., 2001). Современные авторы называют распространение ненормативной лексики «отражением кризиса общественного сознания» и сравнивают его с вирусом (Бабина Н.Ю., 2017).

В психологических и педагогических работах часто нет четкого определения сквернословия и смешиваются лингвистические термины. В современной лингвистике существуют: а) ненормативная лексика — слова за пределами литературной нормы; б) бранная — часть ненормативной, прямо оскорбляющая достоинство; в) обсценная — мат, слова и выражения, недопустимые в литературной речи. «Сквернословие» не является термином, обычно означает «употребление обсценной лексики» (Жеребило Т.В., 2010).

Использование обсценной лексики обусловлено психологическими особенностями подростка, которому свойственно «внутреннее чувство взрослости». Он перенимает внешние атрибуты старших, включая лексику (Эльконин Д.Б., 1989). Её использование помогает: а) осмыслить собственную субъектность; б) интегрироваться в группу; в) защититься от типичных страхов; г) утвердить доминантность; д) снять барьеры в общении; е) показать доверие к собеседнику (Соколова Е.А., 2025). Отмечается функционирование ненормативной лексики или подражания обсценной в детском фольклоре (Лурье М.Л., 1998).

Цель воспитательной работы в обозначенном направлении — создание и поддержание понимания обсценной лексики как табуированной части живого языка. Предлагается отказ от методов негативного подкрепления, формирующих правило «нельзя материться при взрослых», в пользу: а) воспитательных бесед, опирающихся на рационализм и скептицизм современных подростков; б) апелляции к чувствам педагога; в) смягчения наказания за незлонамеренное употребление. Следование этой стратегии способствует формированию суждения: «не надо материться, потому что окружающие испытывают негативные эмоции».

Важна постановка проблемного вопроса. Вопрос: «Что произойдёт с матом, если он перестанет быть запрещённым?» подводит к пониманию важности сохранения экспрессивной функции мата, способствует поддержанию интереса к родному языку с одной стороны, включая, с другой, мат в «неинтересную», учебную сферу. В ходе такой

беседы педагог валидирует чувство взрослости подростка, демонстрирует готовность обсуждать «взрослые» темы без нарушения табу.

Эпатажное поведение свойственно подросткам, и ненормативная лексика здесь является осознанно выбранным инструментом. В таком случае бороться нужно не с её употреблением, а с причинами желания эпатировать.

Принципы профилактики:

1. Разграничение понятий и осознание педагогами их различий для обучающихся разных возрастов;

2. Осознание исторических причин табуированности ряда слов;

3. Понимание педагогом роли и функций ненормативной лексики, умение разъяснить их подростку;

4. Открытость к диалогу, валидация желания подростка выглядеть взрослым, разъяснение истинных атрибутов взрослости наряду с чётким обозначением границ окружающим взрослым неприятно слышать обсценные и бранные выражения.

Литература

1. Бабина Ю.Н. и др. «Вирус» сквернословия. 2017.
2. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Москва: Ладомир, 2001. 349 с.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010.
4. Лурье М.Л. Стихотворные «обманки» // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А.Ф. Белоусов. Москва: Ладомир, 1998. С. 530–544.
5. Соколова Е.А., Рассохина И.Ю. Ненормативная лексика в контексте современной социокультурной идентичности студенческой молодежи. 2025.
6. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. Москва: Педагогика, 1989. 560 с.

Психологическая готовность юношей к роли защитников Отечества

Туркин А.И.

Региональное потребительское общество «Крым» (г. Севастополь, Россия)

АНО ДПО «Центр антикризисной психологической подготовки и психологической помощи «Гагара» (г. Москва, Россия)

Современный этап развития российского общества характеризуется масштабными трансформациями, которые закономерно затрагивают систему образования и силовые структуры. В условиях новых мощных психотравмирующих факторов актуализируется проблема недостаточного учета особенностей психологической готовности юношей к роли защитников Отечества. Психологическая готовность представляет собой комплексную характеристику, объединяющую

мотивационно-волевую сферу личности, профессионально важные качества и установку на самосовершенствование.

Целью исследования, проведённого вместе с научным руководителем в 2026 году – было выявление различий в уровне психологической готовности к роли защитников Отечества у учащихся выпускных классов президентских кадетских училищ и средних образовательных школ.

В основу работы положен личностно-деятельностный подход. Исследование опиралось на труды отечественных учёных (Выготский Л.С., Рубинштейн С.Л., Узнадзе Д.Н.) и современных исследователей (Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А.). В качестве гипотез выдвигались предположения о существовании значимых различий в структурных компонентах готовности между группами и наличии взаимосвязи этих компонентов.

Эмпирическая база включала 58 респондентов: группу «Кадеты» (30 человек) и группу «Школьники» (28 человек). Диагностический комплекс состоял из шести стандартизированных методик. Для обработки данных применялись методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента, ранговая корреляция Спирмена).

Результаты сравнительного анализа показали высокий общий уровень психологической готовности в обеих выборках. Статистически значимых различий по большинству компонентов между школьниками и кадетами не выявлено, что опровергло первую гипотезу исследования. Однако это стало свидетельством эффективности единых государственных образовательных стандартов. Вместе с тем установлено, что ряд показателей находятся в обеих группах на низком уровне.

Анализ второй гипотезы выявил слабые, но статистически значимые положительные корреляционные связи между общим уровнем готовности и такими факторами, как военно-профессиональная мотивация ($r_s = 0,34$), жизнестойкость ($r_s = 0,27$) и параметры осознанной саморегуляции. Это подтвердило частичную истинность второй гипотезы: психологическая готовность не формируется изолированно, однако образовательная среда формирует общие тенденции.

Общий профиль современного старшеклассника характеризуется высокой эмоциональной устойчивостью и выраженной мотивацией при дефиците стратегического планирования и правовой культуры. Около 20% юношей продемонстрировали признаки правового нигилизма.

Выявленные уязвимости позволяют сформулировать адресные рекомендации для психологических служб. Необходимо внедрение программ, направленных на повышение уровня гражданского правосознания через проектную деятельность и стимулирование творческих ценностей как ресурса адаптивности. В рамках нашего исследования предложено проведение совместных встреч школьных психологов и офицеров-воспитателей с целью разработки методических рекомендаций по профилактике и стабилизации выявленных низких показателей.

Литература

1. Акимова А.Ю., Созинова М.Д. Опросник экспресс-оценки психологической готовности военнослужащих к выполнению служебной деятельности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 6–17.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Педагогика, 1982.
3. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во БГУ, 1976.
4. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости. Москва: Смысл, 2006.
5. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6.

Генерация изображений с помощью искусственного интеллекта как технология коррекционной работы

Фомина Т.В., Бойкина Е.Э.

ФГБПОУ «Ишимбайское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» (г. Ишимбай, Россия)

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Проработка образа будущего при коррекционной работе с несовершеннолетними с девиантным поведением — одна из центральных задач сопровождения в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа (СУВУЗТ). Подростки с делинквентным поведением демонстрируют суженную временную перспективу, затруднения в целеполагании и планировании, что связано с рисками рецидивного, аутоагрессивного и антисоциального поведения (Бойкина Е.Э. и др., 2025).

Теоретико-методологической основой при работе в таком подходе может стать теория сохранения ресурсов С. Хобфолла: стресс возникает при утрате или угрозе утраты ценных ресурсов (Иванова Т.Ю., 2013). В СУВУЗТ воспитанники часто находятся в состоянии ресурсного истощения: утрата социальной поддержки, разрушенные семейные связи, дефицит позитивного самоотношения. Конструирование образа будущего выступает механизмом восстановления ресурсов — формирует новые смысловые ориентиры, цели и установки, которые сами становятся ресурсами, защищающими от потерь. Дополняет подход теория жизнестойкости С. Мадди: жизнестойкость, включающая вовлечённость, контроль и принятие риска, позволяет выдерживать тревогу неопределённости и совершать «выбор в пользу будущего» (Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И., 2006).

Как показывает многолетний опыт, проработка образа будущего эффективна при работе с суицидальными рисками. В КПТ-ПС используют технику «поиск причин для жизни»: подросток формирует «набор надежды» через актуализацию планов и позитивных ожиданий. Арт-терапевтические приёмы (рисование «Я через 5 лет»)

помогают выстраивать конструктивное планирование. Сегодня специалисты СУВУ ищут более эффективные подходы к формированию жизненной перспективы. Таковым, по мнению авторов, может стать применение генеративного искусственного интеллекта (ГИИ). Многоэтапная методика генерации изображений «картины будущего» для воспитанниц СУВУЗТ включает этапы:

Этап 1. Ресурсная диагностика. Оценка ресурсного профиля по категориям С. Хобфолла, выявление дефицитов и сохранных ресурсов. Заполнение теста жизнестойкости (Мадди — Леонтьева).

Этап 2. Вербализация образов. В беседе с психологом воспитанница описывает желаемое будущее — профессию, окружение, отношения. Формулируются промпты для модели ИИ.

Этап 3. Поэтапная визуализация. Совместно с психологом воспитанница последовательно генерирует изображения: «Я в настоящем» → «Мой безопасный мир» → «Я через месяц/полгода/год» → «Я в профессии через 5 лет». Каждый образ обсуждается: какие ресурсы присутствуют, какие утрачены, что нужно для восстановления.

Этап 4. Интеграция и рефлексия. Создание коллажа из сгенерированных изображений, вербализация чувств, соотнесение образа будущего с актуальными ресурсами, постановка ближайших целей.

Этап 5. Закрепление. Использование сгенерированных образов как визуальных якорей в дальнейшей работе, отслеживание динамики ресурсообеспеченности.

Терапевтический эффект достигается за счёт того, что визуально воплощённый образ будущего становится новым психологическим ресурсом, который по С. Хобфоллу инициирует «спираль приобретения» — один ресурс (образ себя в будущем) способствует формированию других (мотивация, активность, самоэффективность). ГИИ, создавая наглядные персонализированные образы, снижает когнитивную нагрузку на подростков с затруднениями в визуализации и делает целеполагание доступным и эмоционально насыщенным. ГИИ нивелирует «шоковые реакции» проективных методик («Я не умею рисовать») и привлекателен для подростков эпохи дигитализации.

Литература

1. Бойкина Е.Э. и др. Психологические предикторы девиантного поведения. Ч. 2 // Психология и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 160–178.
2. Иванова Т.Ю. Модель стресса С. Хобфолла // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. Т. 10. № 3. С. 119–135.
3. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. Москва: Смысл, 2006. 19 с.

Особенности субъективного благополучия молодых взрослых с опытом сиротства в период постинтернатного сопровождения

Чевер С.С.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

К 2024 г. в России насчитывалось около 340 тыс. детей-сирот; ежегодно самостоятельную жизнь начинают порядка 20 тыс. молодых взрослых. Недостаточно успешная постинтернатная адаптация сопряжена с рисками криминализации, при этом объективные социальные гарантии не всегда сопровождаются ощущением благополучия (Ослон В.Н., Селенина Е.В., 2018). Субъективное благополучие (далее - СБ) выступает важным внутренним ресурсом адаптации (Куликов Л.В., 2000; Шамионов Р.М., 2008), однако его структура у лиц с опытом сиротства изучена фрагментарно (Ослон В.Н. и др., 2023). С позиций доказательного подхода это означает, что программы сопровождения нередко строятся по усреднённой модели без опоры на проверяемые данные об их эффективности.

Цель – выявить особенности СБ молодых взрослых с опытом сиротства в сравнении со сверстниками. Гипотезы: 1) уровень СБ у лиц с опытом сиротства ниже; 2) опыт сиротства негативно влияет на отдельные компоненты СБ; 3) адаптация выпускников приёмных семей протекает благоприятнее, чем у выпускников ЦССВ.

Выборка: N = 100, 16–23 года (M = 20,2; 58 девушек, 42 юноши): выпускники ЦССВ (n = 11), воспитанники приёмных семей (n = 23), контрольная группа (n = 59). Методики: опросник СБ В.Н. Ослон, ОКРЭ/CERQ, опросник IDEA, авторская анкета. Обработка: критерий хи-квадрат, точный критерий Фишера с симуляцией Монте-Карло, корреляция Спирмена, тесты Левене и Брауна-Форсайта, V Крамера.

Результаты. Общий индекс СБ у лиц с опытом сиротства ниже (3,53 против 3,77; p = 0,084) – на уровне тенденции. Значимые дефициты выявлены по когнитивному компоненту (3,59 против 3,97; p = 0,020) и субдоменам «Нормализация жизни» (p = 0,003), «Доверие» (p = 0,005), «Учёт мнения» (p = 0,018). По субдомену «Хронотоп» различия сильные (хи-квадрат = 9,73; p = 0,005; V Крамера = 0,54): в группе ЦССВ обнаружено бимодальное распределение («паттерн ножниц») – сосуществование подгрупп с низкой и высокой адаптацией. Гипотеза о преимуществе выпускников приёмных семей не подтвердилась: различий средних нет при значимых различиях дисперсий. С высоким СБ связаны позитивная переоценка жизненного опыта, планирование, восприятие взросления как времени возможностей и переживание независимости (Рассказова Е.И. и др., 2011; Шульга Т.И., 2019).

Выводы. Уязвимое звено СБ при сиротстве – когнитивный компонент: представления о себе, о «нормальности» жизни и доверие к окружающим. Обоснован переход к адресным программам сопровождения: развитие доверия и наставничество, работа с представлениями о нормализации жизни, расширение субъектности, обучение стратегиям когнитивной регуляции эмоций, выделение в группе ЦССВ подгрупп с

разными траекториями адаптации. Эффективность сопровождения следует оценивать не только по объективным гарантиям, но и по мониторингу СБ выпускников.

Литература

1. Куликов Л.В. Здоровье и субъективное благополучие личности // Психология здоровья. Санкт-Петербург, 2000. С. 405–442.
2. Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В. и др. Субъективное благополучие молодых людей из числа детей-сирот в условиях перехода в самостоятельную жизнь // Психология и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 272–293.
3. Ослон В.Н., Селенина Е.В. Технология постинтернатного сопровождения выпускников организаций для детей-сирот // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 3. С. 70–83.
4. Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 2011. № 4.
5. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов, 2008. 240 с.
6. Шульга Т.И. Осознанность подростков-сирот как фактор психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 4. С. 36–50.

Подготовка дошкольников и воспитателей средствами традиционной культуры к действиям в ситуациях террористической опасности

Чернушевич В.А., Куприянова Е.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В 2025 г. Министерство просвещения Российской Федерации, решая задачу подготовки воспитанников дошкольных образовательных организаций (далее соответственно – воспитанники, ДОО) к действиям в условиях террористической опасности, выпустило Программу и методические рекомендации «Фольклорные игры в детском саду» (далее – Программа) (Письмо Минпросвещения России…, 2025). Фольклорные игры насыщены ситуациями, требующими организованных групповых и индивидуальных действий в экстремальных игровых ситуациях, представляя собой игровые модели, необходимые для указанной подготовки. Традиционная игровая культура стала инструментом в решении актуальных задач.

Основная особенность фольклорной игры – добровольность, свобода включения участников в игру и равенство их относительно правил в разнообразных игровых ситуациях, простых и эмоционально насыщенных; ценность самого процесса игры (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2017; Чернушевич В.А., 2026). Традиция предлагает свободную совместную игру, игру по собственному желанию. Эта особенность делает игры максимально привлекательными для детей, а разнообразие стрессовых и

одновременно веселых, радостных совместных действий делает их жизненными моделями для подготовки к действиям в стрессовых ситуациях террористических угроз. Именно эти социально-психологические условия игр создают на игровой площадке совершенно иной тип общения участников – доверительное общение по-человечески равных, взаимодействующих в самых разных ситуациях. Именно доверие участников друг к другу в критических ситуациях актуализирует выработанный в игре опыт совместных действий, замещая личный жизненный опыт поведения в ситуации опасности, не соответствующий алгоритмам спасения.

К сожалению, большинство не только воспитанников, но и воспитателей ДОО малознакомы с игровым фольклором. Игра ушла из дворов, игровая традиция оказалась прерванной, поэтому Программа направлена на восстановление игровой традиции. Отношения детей в режимном учреждении, какими являются детские сады, с воспитателями строятся скорее на страхе, чем на доверии и уважении. Включаясь в игру, воспитатель не может довериться детям и назвать себя по имени, как в детстве звала мама. Именно подготовка воспитателей к фольклорным играм стала основной проблемой и задачей проекта Минпросвещения, реализуемого факультетом «Юридическая психология». Дети в ДОО попадают в опасные ситуации вместе с воспитателями, и выход из них зависит как от детей, так и от воспитателей, их взаимоотношений, вырабатывающихся в традиционных играх на основе традиционных ценностей – милосердия и самоотверженности.

По данным Минпросвещения России, во всероссийских учениях в апреле 2026 г. по решению педагогических коллективов ДОО благодаря игровой подготовке на основе Программы приняли участие более 1 800 000 воспитанников. Оказалось, что 10–15 получасовых игровых занятий (по полчаса в неделю) радикально меняют поведение детей в критических ситуациях учений (Письмо Минпросвещения России…, 2026).

А как игры работают в условиях реальных террористических атак? На наш вопрос ответили сотрудники ДОО, находящихся в прифронтовой полосе (ЛНР, Белгородская обл.).

«С прошлого года начали работать по программе «Фольклорные игры в детском саду». Там есть и знакомые с детства забавы, и новые. Дети с удовольствием откликаются на всё: на игры, на объятия, на любое проявление чувств. Особенно полюбились им «Тетера» и «Коршун».

Наши дети, выросшие при обстрелах, порой знают, когда и как действовать без подсказок – сама жизнь научила. Но игра всё равно остаётся для них спасительным островком детства. Она помогает переключиться, снять тревогу, почувствовать себя в безопасности. Опыт, полученный в игре, помогает справляться с напряжением, которое создаёт чрезвычайная ситуация. После отбоя дети собираются в круг, играют в «Каравай», смеются, обнимаются – и тревога отступает. А потом дома рассказывают, в какие игры сегодня играли.

Когда дети играют, они «проживают» стресс, выплескивают накопившийся адреналин через движение и смех. И еще телесный контакт и ритм успокаивают

нервную систему ребенка. Мы стараемся, чтобы после эвакуации было много тактильности: взяться за руки, обняться, похлопать друг друга по плечу. Это может быть «Каравай», «Тетера» или другая игра. Мы видим, что после таких «игровых реабилитаций» дети уходят домой не с потухшими глазами, а с ощущением: да, было страшно, но я справился, и я не один. Это и есть наша главная победа».

Литература

1. Письмо Минпросвещения России от 12.08.2025 № СК-1017/14. URL: https://stoppav.ru/attachments/article/4356/Письмо_минпросвещения_от_12_08_2025_№_СК_1017_14_О_направлении_методических.pdf (дата обращения: 09.09.2026).
2. Письмо Минпросвещения России от 22.05.2026 № СК-388/14. URL: https://vk.cc/d14Hkh (дата обращения: 09.09.2026).
3. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Ресурсы народной игры как социокультурного средства профилактики девиантного поведения // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 51–59. DOI: 10.17759/chp.2017130307.
4. Чернушевич В.А. Программа «Фольклорные игры в детском саду» – подготовка дошкольников к действиям в ситуациях террористической опасности. 2026. URL: https://www.informio.ru/publications/id9929/Programma-Folklornye-igry-v-detskom-sadu-podgotovka-doshkolnikov-k-deistvijam-v-situacijah-terroristicheskoi-opasnosti

Мнение ребенка в семейном споре: психологические условия формирования и проблемы судебной оценки

Швырёва Н.В.
Московская коллегия адвокатов «Швырёва и партнёры» (г. Москва, Россия)

При разрешении спора о месте жительства ребенка или порядке общения с ним суду важно понять, как сложилась его позиция. Ребенок может искренне выражать желание, сформировавшееся в условиях давления или длительного отсутствия контакта с одним из родителей. Цель работы состоит в рассмотрении психологических условий формирования мнения ребенка и их значения для судебной оценки. В основу положен анализ научных публикаций; предложения для судебной практики выражают позицию автора.

Ф.С. Сафуанов и С.С. Кулаков выявили связь индивидуально-психологических особенностей родителей со структурой семейного конфликта и особенностями детско-родительских отношений (Сафуанов Ф.С., Кулаков С.С., 2018). По мнению автора настоящих тезисов, эти результаты дают основания учитывать поведение обоих родителей и историю семейных отношений при исследовании позиции ребенка.

О.Ф. Савина и Ф.С. Сафуанов описывают конфликт лояльностей, при котором ребенку приходится приспосабливаться к противоречащим друг другу ожиданиям

родителей, подавляя собственные чувства и потребности. Авторы выделяют разные причины негативного отношения к родителю: его ненадлежащее поведение, конфликт лояльностей, психологическое индуцирование (Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С., 2024). Поэтому, по мнению автора тезисов, отказ от общения требует проверки причин, включая возможное жестокое обращение. Сам отказ не доказывает воздействия другого родителя.

Оценку позиции ребенка осложняет смешение понятий предпочтения и привязанности. О.Ф. Савина рассматривает ограничения экспертной диагностики привязанности и отмечает, что она не всегда должна быть приоритетным критерием определения места жительства ребенка без учета других факторов (Савина О.Ф., 2025). Для судебной практики автор тезисов считает необходимым выяснять, на каком опыте основано мнение ребенка, насколько свободно он его выражает и как объясняет свои желания. Опрос и экспертное обследование должны помогать суду исследовать эти обстоятельства.

Отдельная проблема, на которую обращает внимание автор, возникает при длительном ограничении контактов с одним из родителей. Ребенок привыкает к изменившейся жизни, но такая адаптация сама по себе не свидетельствует о соответствии сложившегося положения его интересам. Суду следует исследовать причины разрыва отношений, прежние связи и последствия восстановления общения. Иначе возникает риск закрепить последствия нарушения детско-родительских отношений. При раздельном проживании братьев и сестер также необходимо оценивать их эмоциональные связи и последствия разлучения, не ограничиваясь текущими предпочтениями.

Сохранение значимых отношений зависит и от исполнения решения. Автор предлагает учитывать длительность отсутствия общения и состояние ребенка при определении безопасного порядка восстановления контактов. Задача суда состоит в том, чтобы выяснить причины позиции ребенка и оценить последствия решения для его дальнейшей жизни. Сложившаяся ситуация нуждается в исследовании, даже если ребенок внешне к ней приспособился.

Литература

1. Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертная оценка конфликта лояльностей ребенка при судебных спорах между родителями о его воспитании // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3. С. 39–49. DOI: 10.17759/psylaw.2024140304.
2. Савина О.Ф. Судебно-психологическая экспертиза при спорах родителей о воспитании ребенка: понятия «привязанность» и «отношение» // Психология и право. 2025. Т. 15. № 2. С. 19–33. DOI: 10.17759/psylaw.2025150202.
3. Сафуанов Ф.С., Кулаков С.С. Зависимость структуры семейного конфликта от индивидуально-психологических особенностей родителей, участников споров о воспитании // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 4. С. 100–116. DOI: 10.17759/cpse.2018070406.

Индивидуально-психологические особенности у женщин, осуждённых за корыстные и насильственные преступления

Баринова О.А., Ушков Ф.И.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Женская преступность является самостоятельным явлением, обладающим особыми мотивами, формами и проявлениями, однако вопрос различий между женщинами, совершающими корыстные и насильственные преступления, остаётся малоизученным. Актуальность темы обусловлена увеличением числа женщин, вовлечённых в преступную деятельность, и необходимостью понимания специфики их личностных черт для построения эффективной программы коррекции и ресоциализации (Алексеева Е.А., 2020).

Опираясь на теоретический анализ факторов, детерминирующих криминальное поведение, мы предположили, что женщины, осужденные за корыстные преступления, будут иметь более высокие показатели по шкале макиавеллизма, а осужденные за насильственные - по шкалам психопатии и нарциссизма. Также ожидалось, что уровень социальной фрустрированности будет выше у насильственных преступниц в сфере межличностных отношений, а у корыстных - в сфере материального благополучия. Кроме того, предполагалось, что корыстные преступницы чаще используют рациональные стратегии преодоления стресса, а насильственные - асоциальные и импульсивные.

В исследовании приняли участие 50 осужденных женщин в возрасте от 21 до 61 года, содержащихся в женском следственном изоляторе и работавших в хозяйственной обслуге. Тестирование включало в себя следующие методики: Короткий опросник Тёмной триады (Егорова М.С. и др., 2015); Методика диагностики уровня социальной фрустрированности (модификация В.В. Бойко); Методика исследования стратегий преодоления стрессовых ситуаций (Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., 2003).

Статистический анализ с помощью t-критерия Стьюдента показал значимые различия по шкале макиавеллизма ($p = 0.040$). Вопреки гипотезе, показатели оказались выше у женщин, осужденных за насильственные преступления. Это может свидетельствовать о том, что манипулятивность и стратегическое поведение более характерны для насильственных преступниц, например, как средство контроля и доминирования. Значимых различий по шкалам нарциссизма и психопатии не обнаружено, что указывает на универсальность этих черт для обеих групп.

В ходе исследования социальной фрустрированности у насильственных преступниц выявлен более высокий уровень неудовлетворённости по двум аспектам: межличностные отношения и сфера услуг и бытового обслуживания. При этом

гипотеза о более высокой материальной фрустрации у корыстных преступниц не подтвердилась.

Анализ стратегий преодоления стресса не выявил значимых различий по всем девяти шкалам. Однако обнаружены тенденции к различиям ($p < 0.1$) в стратегиях избегания ($p = 0.087$) и непрямых действий ($p = 0.092$), более выраженные у насильственных преступниц.

Женщины, осуждённые за насильственные преступления, демонстрируют более высокий уровень макиавеллизма, что указывает на склонность к манипулятивному и циничному поведению и позволяет рассматривать их преступления не только как следствие аффективной реакции, но и как инструмент реализации продуманной стратегии, направленной на контроль ситуации и достижение собственных целей. Выявленные зоны социальной фрустрации (межличностные отношения и бытовая сфера) и тенденция к избегающему поведению у осуждённых за насильственные преступления должны учитываться при разработке психокоррекционных программ.

Литература

1. Алексеева Е. А. Современные тенденции развития женской преступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 1 (80). С. 15–20.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2003. С. 311–321.
3. Егорова М. С., Ситникова М. А., Паршикова О. В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. С. 5.

От вины к ответственности: восстановительный подход в ресоциализации воспитанников СУВУ

Богатина А.А.
Государственное казенное специальное учебно-воспитательное общеобразовательное учреждение закрытого типа «Республиканская специальная общеобразовательная школа имени Н.А. Галлямова» (г. Казань, Россия)

Ресоциализация воспитанников СУВУ и признание ими вины упираются в парадокс: внешняя дисциплина действует, пока работает режим, но после возвращения в прежнюю среду многое разрушается. Формальное признание вины не тождественно внутреннему принятию ответственности. Сотрудники закрытых учреждений нередко избегают обсуждения самого правонарушения, а непроработанная вина или обида на потерпевшего становятся скрытым фактором повторных нарушений (Дебольский М.Г., 2016). Вина либо редуцируется до юридического признания, либо переживается как

тяжёлое состояние, которое возникает, как следствие наказания. Совесть при этом либо игнорируется, либо подменяется внешними регуляторами (режимом).

Теоретическую основу научной работы составили концепция «воссоединяющего стыда» (Брэйтуэйт Дж., 2002), различия формального признания вины и внутреннего принятия ответственности (КарнозоваЛ.М., 2014), представления о нормальной и патологической вине (Миронова М.Р., Шишалова К.А., 2023), положения о раскаянии как духовно-нравственной ценности (Литвишков В.М., Вилкова А.В., 2015), а также исследования эффективности восстановительных программ в институциональных условиях (Чиркина Р.В., Бригадиренко Н.В. и др., 2024). Использованы методы теоретического анализа и синтеза, сравнительного анализа подходов, систематизации и обобщения, теоретического моделирования.

Сопоставление этих подходов приводит к выводу: работа с виной и совестью, как в уголовно-исполнительной системе, так и в СУВУ должна быть не морализаторством и не попыткой «обнулить» переживание, а переводом его из разрушительной формы в ресурсную. Условно этот путь можно описать так: стигматизирующий стыд («я плохой») → воссоединяющий стыд («я поступил плохо, но мне есть куда вернуться») → осознанная вина («я причинил вред конкретному человеку») → принятие ответственности («я могу и должен это исправить») → реальные действия по заглаживанию вреда. На каждом этапе меняется фокус личностных изменений и поведения: с личности на поступок, с прошлого на будущее, с самобичевания на действие.

Отсюда вытекает структура восстановительной работы, включающая три взаимосвязанных направления. «Круг сообщества» создаёт безопасное пространство, где подросток может говорить о случившемся без страха окончательного осуждения и учится слышать других. «Семейная конференция» возвращает в работу близких, поскольку без восстановления семейных связей ресоциализация часто оказывается хрупкой. «Программа принятия ответственности» — центральное звено — строится на челночной медиации с использованием восстановительных писем (Маловичко И.С., 2016). Подросток не просто извиняется, а описывает, какой вред он причинил, что чувствует пострадавший, и что он готов сделать для заглаживания вреда. В условиях изоляции и территориальной удалённости такая форма часто оказывается единственно реалистичной, позволяя совершить конкретное действие, а не ограничиться разговорами.

Принципиально, что восстановительный подход не отменяет ответственности, а делает её внутренней. Подросток не ждёт наказания как расплаты, а сам начинает понимать, что за причинённый вред нужно отвечать. Совесть в этом процессе перестаёт быть карающим голосом («я безнадёжен») и становится ориентиром («я могу исправить ситуацию»). Именно такой переход мы считаем ключевой мишенью работы психолога и педагога в СУВУ.

Предложенная модель пока остаётся теоретической. В дальнейшем она требует эмпирической проверки в условиях конкретного учреждения, но уже сейчас позволяет по-новому взглянуть на привычные практики и отказаться от двух крайностей: от

морализаторства, которое лишь усиливает вину, и от редукции вины к травме, при которой ответственность подменяется сочувствием к себе.

Литература

1. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 311 с.
2. Бригадиренко Н. В. и др. Анализ эффективности программ психологической профилактики девиантного поведения в институциональных условиях воспитания несовершеннолетних //Вестник практической психологии образования, 2024. – Т. 21. – №. 4. – С. 219-240.
3. Дебольский М.Г. Внедрение новых технологий социально-психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных в Можайской воспитательной колонии // Обзор опыта работы с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях. М.: НИИ ФСИН России, 2016. С. 5–27.
4. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М.: Проспект, 2014. 320 с.
5. Литвишков В.М., Вилкова А.В. Побуждение воспитанников к раскаянию в совершенном преступлении // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3 (90). С. 181–184.
6. Маловичко И.С., Голустянц О.А., Шефатова Л.П. Программа челночной восстановительной медиации между несовершеннолетними правонарушителями и пострадавшими «Письмо обидчика пострадавшему о заглаживании вреда». Волгоград, 2016. 17 с.
7. Миронова М.Р., Шишалова К.А. Психология обиды и вины. СПб.: АНО ДПО «ЭГО», 2023. Т. 2: Вина как допуск к человечности. 490 с.

Травма-информированный подход в уголовно-исполнительной системе

Вартанян Г.А.[1,2], Великодворская Е.В.[3]

[1]ФКУ ИК-7 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (г. Санкт-Петербург, Россия)

[2]ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Санкт-Петербург, Россия)

[3]ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

В последние годы наблюдается рост востребованности и интеграции травма-информированного подхода (ТИП) (Guo et.al., 2025). ТИП представляет собой комплексную систему предоставления помощи людям, столкнувшимися с последствиями психотравмирующих событий. Одной из наиболее перспективных, но недостаточно освоенных областей его применения, выступает пенитенциарная система, в которой ТИП должен рассматриваться не как локальный метод

психологической помощи, а как сквозная системная парадигма, необходимая для успешной реализации целей уголовного наказания.

Подозреваемые, обвиняемые и осужденные, как правило, имеют тяжелый анамнез психической травматизации, детерминирующей криминогенность (неблагоприятный детский опыт, опыт насилия и т.д.; Mazher, Arai, 2025). Факт их двойной роли – нарушителей социальных норм и одновременно пострадавших от психотравмирующего опыта – требует радикального пересмотра методов работы в уголовно-исполнительной системе (УИС).

Интеграция ТИП, на наш взгляд, выступает необходимым условием для достижения целей уголовного наказания – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений (Уголовный кодекс РФ). Игнорирование психотравмирующего опыта делает исправительный процесс неэффективным, а совершение рецидива – закономерным. Без единой концептуальной травма-информированной парадигмы психологическая и психиатрическая работа в УИС неизбежно становится фрагментарной и сводится к набору разрозненных интервенций, лишенных прикладной ценности для реальной ресоциализации.

В отечественном научном дискурсе ТИП только начинает рассматриваться применительно к УИС (Елагина А.С., Слабкая Д.Н., 2025; Новиков А.В., 2026). Однако публикации ограничиваются теоретическим обоснованием. Зарубежный опыт доказывает, что внедрения ТИП требует преобразования всей институциональной среды (пересмотр процедур оказания помощи для предотвращения ретравматизации, поддержка сотрудников, работающих с травматическим опытом и др.; Sweeney, Taggart, 2019; Goldstein, 2024).

Таким образом, внедрение ТИП в УИС представляется необходимым, поскольку он выступает ключевым условием ресоциализации. ТИП применим как на индивидуальном, так и на макроорганизационном уровнях, охватывая травма-информированную юридическую и психотерапевтическую практику.

Литература

1. Елагина А.С., Слабкая Д.Н. Систематизация психологических предикторов рецидива преступности у женщин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 165-173. DOI:10.34670/AR.2026.66.63.012
2. Новиков А.В. Социальные измерения адаптации женщин к условиям пенитенциарных учреждений // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 1А. С. 130-137. DOI: 10.34670/AR.2026.75.84.016
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ: [ред. от 08.08.2026]. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: consultant.ru (дата обращения: 02.09.2026).

4. Goldstein N. E., et al. (2024). Sustaining organizational change: Evaluation of trauma-informed care in juvenile justice facilities. Law and Human Behavior, 48(2), 134–148.
5. Guo S., Chen Q., Chan K. L. (2025) Effectiveness of Trauma-Informed Care Programs: A Meta-Analysis. *Trauma, Violence & Abuse*, https://doi.org/10.1177/15248380251366271
6. Sania Mazher, Takashi Arai. Behind bars: A trauma-informed examination of mental health through importation and deprivation models in prisons. (2025). Journal of Criminal Justice, 96, 102–115. DOI:10.1016/j.ejtd.2025.100516
7. Sweeney A., Taggart H. (2019). Misunderstandings and challenges around trauma-informed care. BMC Health Services Research, 19(1), 221.

Психологическая адаптация заключённых как прогностический фактор успешной ресоциализации

Жукова А.А.
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Многие учёные связывают большой процент рецидивной преступности, с невозможностью бывших осуждённых к ресоциализации в обществе. В России от 45% до 60% лиц, освободившихся из мест лишения свободы, совершают новое преступление в течение трех лет. Одной из основных целей уголовного наказания выступает исправление осуждённого и его дальнейшая ресоциализация в обществе в роли порядочного гражданина. Система уголовного правосудия прошла путь от карательного аппарата, ориентированного исключительно на наказание до создания научно обоснованого реабилитационного механизма.

Для дальнейшего рассмотрения вопроса следует разобраться с самим понятием ресоциализация. Так в соответствии с положениям Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» «ресоциализация» – комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера(Хусаинов, Т. А., 2025)

Но эффективность данного подхода до сих пор вызывает сомнения и порождает вопросы о факторах и причинах препятствующих положительному исходу. Путем множественных исследованиях было выявлено, что люди, вышедшие из мест лишения свободы сталкиваются с целым комплексом проблем, начиная от сложностей с воссоединением с семьёй и до образования невидимых барьеров, которые могут ограничивать возможность в трудоустройстве или в получении жилья(Душкин А.

С.,2023). Но главной проблемой является неготовность лиц к резкому социальному переходу, который для многих сопровождается сильным стрессом и тревогой. Первостепенная проблема в период после освобождения это привыкание к укладу повседневной жизни за пределами исправительных учреждений. Но в данном случае следует говорить не просто о «привыкании», а о сложном внутреннем, психологическом процессе перестройки личности.

Одним из основных факторов, который мешает бывшим осуждённым вернуться в общество является вырабатывающийся продолжительное время институциональный синдром. Институциональный синдром возникает в результате длительного пребывания в среде, ограничивающей личную свободу, ответственность и значимое социальное взаимодействие(Душкин А. С.,2026). Осуждённые становятся бесчувственными и апатичными. Некоторые теряют способность самостоятельно инициировать действия или принимать решения. В крайних случаях сочетание апатии и потери инициативы становится похоже на клиническую депрессию. Люди, которые возводят эмоциональные барьеры, чтобы выжить в местах лишения свободы, рискуют создать постоянную дистанцию между собой и другими, которая сохранится еще долгое время после освобождения (Баламут А. Н., 2012). Лечение институционального синдрома требует междисциплинарного и личностно-ориентированного подхода, направленного на восстановление самостоятельности, уверенности в себе и жизненных навыков. Именно в связи с этим важно психологическое вмешательство, так как на практике основными способами исправительного воздействия являются психосоциальная реабилитация, которая помогает людям развивать навыки, необходимые для самостоятельной жизни и разного рода терапии и консультации, как например когнитивно-поведенческая терапия направленная на выявление и реструктуризацию искаженных моделей мышления, способствующих преступному поведению, таких как слабый самоконтроль, неспособность учитывать последствия, эгоцентризм и склонность решать проблемы с помощью агрессии и поддерживающие психотерапии, направленные на борьбу с тревожностью (Янина, Н. П.,2025).

Подводя итог, можно утверждать, что на этапе реинтеграции осужденного в социальную среду важна психологическая реабилитация как форма поддержки и продолжения эффективной работы в рамках программы пробации. Только комплексный подход, объединяющий в себе социальное и психологическое сопровождение позволит добиться желаемых результатов.

Литература

1. Баламут А. Н. Психологическая помощь осужденным к пожизненному лишению свободы: современное состояние, проблемы и перспективы // Пенитенциарная наука. 2012. №20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-pomosch-osuzhdennym-k-pozhiznennomu-lisheniyu-svobody-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy (дата обращения 23.09.2026)
2. Душкин, А. С. Постпенитенциарная помощь освобожденным из мест лишения свободы: психолого-правовой аспект / А. С. Душкин // Актуальные проблемы

психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2023): материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20-21 апреля 2023 года / под редакцией Ю. А. Шаранова, В. Л. Ситникова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 267-271.

3. Душкин А. С. Психологические последствия отбывания наказания осужденными к лишению свободы, препятствующие их успешной реинтеграции в общество // Теория и практика социогуманитарных наук. 2024. №4 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-posledstviya-otbyvaniya-nakazaniya-osuzhdennymi-k-lisheniyu-svobody-prepyatstvuyuschie-ih-uspeshnoy-reintegratsii (дата обращения: 24.09.2026).
4. Хусаинов, Т. А. Программа социально-психологической адаптации бывших заключенных к условиям пребывания на свободе / Т. А. Хусаинов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 414-416. — URL: https://moluch.ru/archive/308/69438 (дата обращения: 22.09.2026).
5. Янина, Н. П. Воспитательный аспект ресоциализации лиц, в отношении которых применяется пробация // Человек: преступление и наказание. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnyy-aspekt-resotsializatsii-lits-v-otnoshenii-kotoryh-primenyaetsya-probatsiya (дата обращения: 20.09.2026).

Мотивационная структура повторных преступлений: психологические механизмы устойчивости криминального поведения у рецидивистов

Изюмов А.С.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Уголовно-исполнительная система постоянно развивается, профилактические программы усовершенствуются, однако, уровень рецидивной преступности в России остаётся высоким. Существенная часть лиц, отбывавших наказание, снова совершает преступления, что указывает на наличие устойчивых, социальных и поведенческих факторов риска (Кудрявцев В.Н., 1988). При этом нельзя рецидив сводить только к внешним причинам, таким как стигматизация, сложности с трудоустройством, разрыв социальных связей. За повторным преступным поведением стоят более глубокие психологические механизмы, которые закрепляют, поддерживают его.

Главная идея статьи заключается в том, что устойчивость криминального поведения у рецидивистов определяется особой мотивационной структурой. Для неё характерны искажение потребностно-мотивационной сферы, преобладание материально-ориентированных, эгоистических и сиюминутных мотивов, низкая саморегуляция, действие примитивных психологических защит, формирование криминальной идентичности. Эти механизмы, взаимодействуя с особенностями

пенитенциарной среды и нехваткой социального капитала, образуют замкнутый круг повторной преступности (Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е., 2018).

Мотивация рецидивного преступления – это устойчивая система внутренних побуждений, сформированная на основе деформированных потребностей, ценностей и установок. Как показывают исследования, у рецидивистов круг мотивов уже и беднее, чем у впервые совершивших преступление и у законопослушных граждан. Ведущими становятся эгоистические, потребительские, импульсивные мотивы, стремление самоутвердиться в криминальной среде, а также потребность в психоактивных веществах. При этом потребность в регулярном труде, духовном развитии и конструктивном общении либо отсутствует, либо выражена очень слабо. Удовлетворение потребностей носит кратковременный характер, из-за чего они снова и снова актуализируются. В таких условиях преступление нередко воспринимается как «быстрый способ» получить желаемое. У рецидивистов поведение часто строится на импульсивно-установочном уровне регуляции, а сама мотивационно-потребностная сфера оказывается упрощённой и огрублённой (Михайлов А.Н., 1998).

Устойчивость криминального поведения поддерживается целым рядом взаимосвязанных механизмов. Прежде всего, это нарушение саморегуляции: её уровень у лиц, совершивших преступление повторно, заметно ниже, чем у впервые осуждённых. В связи с этим потребуется системный междисциплинарный подход, направленный на изменение мотивационной структуры личности. Комплексное воздействие на мотивационные механизмы и саморегуляцию способно снизить риск повторных преступлений за счёт формирования антикриминальной устойчивости личности – отрицательного отношения к преступному способу действий и способности противостоять криминогенным влияниям.

Литература

1. Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Психология преступного поведения, 2018. С. 251 – 252.
2. Кудрявцев В. Н. Механизм преступного поведения. М., 1988. 126 с.
3. Михайлов А. Н. Личность и деятельность рецидивиста в условиях исправительного учреждения: дис. канд. психол. наук. Тверь, 1998. 84 с.

К вопросу о профилактике рецидивной преступности и изучению особенностей экономического сознания осужденных за корыстные преступления

Кадочникова И.В., Новоселова Е.С.
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Ключевой задачей государства и пенитенциарной системы является ресоциализация осужденных и снижение уровня рецидивизма, в том числе для осужденных за корыстные преступления (кражи, мошенничество, торговля наркотиками и пр.). Под экономическим сознанием понимается интегративное

психологическое образование, регулирующее когнитивные, оценочные и поведенческие реакции личности по отношению к объектам экономической реальности (Гагарина, 2021, Дейнека О.С., 2000). Сегодня практически отсутствуют работы, раскрывающие связь экономического сознания

с психологическим временем личности в условиях пенитенциарной изоляции (Журавлев А.Л., Позняков В.П., 2004).

Проведенное исследование осужденных с использованием «Шкального многофакторного экспресс-опросника экономических аттитюдов» (О.С. Дейнека, Е.В. Забелина), «Экспресс-опросника долгового поведения» (М.А. Гагарина, М.А. Падун), «Новой шкалы монетарного поведения» (А. Фернем и С. Гровер, в адаптации Т.А. Нестика, М.А. Гагариной) за корыстные преступления

на базе ГУФСИН России по Челябинской области (Новосёлова, Забелина, 2025) показало, что специфические особенности структуры экономическое сознание осужденных могут выступать предиктором совершенных преступлений. В исследовании приняли участие 264 осужденных за корыстные преступления.

В результате были очерчены основные факторы экономического сознания у осужденных: финансовая одержимость на фоне непринятия долга, сберегательная стратегия на основе финансовой грамотности, экономические амбиции при расчете только на собственные силы, легкое отношение к кредиту с одновременным делегированием ответственности внешним акторам.

Интересны некоторые особенности экономических аттитюдов осужденных за корыстные преступления: высокая ценность денег при желании самостоятельного обогащения при отсутствии долговых обязательств. Данное сочетание указанных черт во многом выступать предиктором преступлений, направленных на обогащение.

Результаты исследования вносят положительный вклад в вопросы профилактики рецидивной преступности экономического характера:

1. Сформирован диагностический комплекс валидных и надежных методик оценки экономического сознания;

2. Раскрыта структура экономического сознания осужденных за корыстные преступления и создана методологическая основа для разработки специальных тренинговых и консультационных программ целевой ресоциализации осужденных, которые будут направлены на развитие навыков целеполагания и формирование продуктивных экономических установок в долгосрочной перспективе, что может также внести вклад в снижение уровня рецидивизма и повышению общественной безопасности.

Литература

1. Гагарина М.А. Долговой менталитет личности: экономико-психологическое исследование : монография. – М. : Институт психологии РАН, 2021. – 274 с.
2. Дейнека О.С. Экономическая психология: Учеб. С.-Петерб. ун-та, 2000— 160 с.

3. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1.№. № 3. С. 46-64
4. Нестик, Т., & Гагарина, М. (2022). Валидизация русскоязычной версии «Новой шкалы монетарного поведения» А. Фернема, С. Гровера (ШМП). Психологические исследования, 15(85-86), 2.
5. Новосёлова Е. С., Забелина Е. В. Гендерные особенности отношения ко времени у осуждённых за корыстные преступления// Психологические науки. 2025. No 4. С. 49-59. https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-49-59
6. Шарипова А.Р. Общеуголовная корыстная преступность: понятие, тенденции развития // Современная наука. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obscheugolovnaya-korystnaya-prestupnost-ponyatie-tendentsii-razvitiya (дата обращения: 24.08.2026).

Потенциал когнитивно-поведенческого консультирования сотрудников уголовно-исполнительной системы

Кадочникова И.В., Мазур Е.А.
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

В число предпосылок, необходимых для успешного функционирования психологической службы (далее – ПС) уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) должны входить организация системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации психологов, научного и методологического обеспечения, в целом (М.Г. Дебольский, 2024). В настоящей статье внимание сфокусировано на разрешении представленных выше проблем путем когнитивно-поведенческого консультирования (далее – КПК), которое представляет собой форму психологического взаимодействия с клиентом (сотрудником), основанную на принципах и методологии когнитивно-поведенческой терапии (далее – КПТ). КПК выступает привлекательным

и целесообразным методом для организации работы ПС УИС, а именно: большая доказательная база, относительная краткосрочность и эффективность, структурированность, гибкость применения, опора на медицинскую модель нормы и патологии, универсальность в вопросах оказания психологической помощи «здесь и сейчас». Перспективы развития КПК в УИС можно проследить из опыта зарубежных коллег. Если ранние обзоры эффективности применения КПТ в работе с сотрудниками пенитенциарной системы не давали значимых результатов (T.J. Evers et al., 2020), то более свежие научные данные, включавшие более строгий дизайн исследования, позволяют говорить об эффективности метода КПТ в пенитенциарной системе при работе с симптомами стресса, тревоги, депрессии и ПТСР (Stelnicki et al., 2021; Evers et al., 2025).

Проведенное пилотажное исследование позволило оценить готовность сотрудников ПС к введению КПК. Результаты основаны на анкетировании

руководящего состава ПС учреждений ГУФСИН по Челябинской области. Респондентами было отмечено, что среди наиболее доступных и часто используемых методов работы с сотрудниками они используют КПТ, арт-терапию и метафорические ассоциативные карты. Среди основных запросов со стороны сотрудников психологами УИС были отмечены: нервно-психическое напряжение, профессиональное выгорание, профессиональные конфликты и проблемы психосоматического характера. При этом подавляющее большинство психологов отметили готовность к обучению методу КПК с целью повышения собственных профессиональных возможностей. Подчеркнем, что полученные данные являются актуальными для Челябинской области, и представляют определенный научно-практический интерес в расширении области экспертного анкетирования.

Также важно учитывать, что адаптация предлагаемого метода к условиям УИС будет иметь свою специфику: характерные запросы и проблемы со стороны сотрудников, требующие психологической интервенции и необходимость организации системы обучения психологов). Уверены, что перспективы использования КПК в УИС найдут широкий отклик у исследователей и позволят обучить специалистов принципиально новому методу, основанному на научной доказательной базе.

Литература

1. Дебольский М.Г. О состоянии функционирования психологической службы уголовно-исполнительной системы и возможностях её дальнейшего развития. / М.Г. Дебольский // Психология и право в современной России. Коченовские чтения. – М. 2024. – С. 167-168.
2. Evers T.J. Effectiveness of well-being interventions among correctional officers: a systematic review and meta-analysis / T. J. Evers, J. R. P. Ogloff, J. S. Trounson, J. E. Pfeifer // Journal of police and criminal psychology. – 2025. – vol. 40(3). – pp. 669-684. - DOI:10.1007/s11896-025-09757-3.
3. Evers T.J. Well-being intervention for conventional officers in a prison setting: a review and meta-analysis / T.J. Evers, J.R. Olgoff, J.S. Trounson et al. // Criminal justice and behavior. – 2019. – vol. 47 (1). – pp. 3-21. - DOI:10.1177/0093854819869975.
4. Stelnicki A.M. Evaluation of before operational stress: a program to support mental health and proactive psychological protection in public safety personnel / A.M. Stelnicki, L. Jamshidi, A.J. Fletcher et al. // Frontiers in psychology. – 2021. – vol. 12. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.511755.

Применение полиграфа в качестве средства выявления профессионального выгорания у сотрудников пенитенциарной системы Республики Кыргызстан

Казанбаев Б.А.[1], Морозов А.В.[2]
[1]ГСИН при Кабинете министров Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызстан)
[2]ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (г. Москва, Россия)

На сегодняшний день полиграф (или «детектор лжи»), используют как классическое специальное психофизиологическое исследование, направленное на выявление скрываемой информации, а не на клиническую диагностику состояний (Звездочкина Н.В., 2015). В рамках оценки профессиональной надёжности персонала уголовно-исполнительной системы Кыргызской Республики полиграф, на наш взгляд, в качестве нестандартного метода, может применяться как инструмент мониторинга текущего психофизиологического состояния для выявления профессионального выгорания сотрудников, что на сегодняшний день является одной из приоритетных задач в психологическом сопровождении служебной деятельности персонала пенитенциарной системы.

Профессиональное выгорание сотрудника УИС может произойти в случае его склонности к эмоциональной жёсткости в поведении. В целом ряде исследований отмечается, что человек, склонный к сдерживанию своих эмоций, выгорает гораздо быстрее. С возрастом у людей, не умеющих выстраивать психологическую защиту, антистрессовые ресурсы организма истощаются, что также способствует процессу выгорания. Профессиональное выгорание возникает в результате накапливания отрицательных эмоций без соответствующей «разрядки», или «освобождения» от них. Склонность более молодых сотрудников к выгоранию объясняется эмоциональным шоком, который они испытывают при столкновении с реальной действительностью, часто несоответствующей их ожиданиям. Специфика влияния возраста на эффект выгорания неоднозначна. Наиболее тесная связь обнаруживается с эмоциональным истощением и деперсонализацией, в меньшей степени – с редукцией профессиональных достижений (Казанбаев Б.А., Морозов А.В., 2024).

Применение полиграфа для выявления профессионального выгорания основывается на анализе непроизвольных реакций (частота дыхания, сердечно-сосудистая активность, потоотделение, мышечное напряжение) в ответ на стимулы, связанные с симптомами выгорания (истощение, цинизм, снижение самооценки). Процедура проведения исследования включает в себя предтестовую беседу (Садеков Р.Р. и др., 2022), тестирование (методика контрольных вопросов или выявления скрываемой информации) и анализ результатов для оценки уровня стресса и профессионального выгорания.

Практика проведения полиграфологического исследования показала, что уже на первом этапе, при проведении предтестовой беседы, больше половины сотрудников демонстрировали признаки профессионального выгорания. В первую очередь это выражалось:

– в равнодушном или негативном отношении к коллегам и осуждённым;

– в раздражительности при обсуждении служебных вопросов;

– в ощущении бессмысленности работы и нежелании развиваться в профессиональном плане;

– в частом нарушении сна и аппетита.

Обследуемые говорили о проблемах, связанных как с межличностными отношениями, так и наличием внутриличностных конфликтных ситуаций, о разной степени отрицательной мотивации продолжения работы в системе ГСИН. Многое они хранили в секрете даже от близких, не имея возможности поделиться переживаниями. После предтестовой беседы они говорили: «Спасибо, что дали возможность высказаться! Мне даже стало легче на душе!»

Литература

1. Звездочкина Н.В. Исследование психофизиологического состояния человека с помощью полиграфа. Казань: КФУ, 2015. 65 с.
2. Казанбаев Б.А., Морозов А.В. Профессиональное выгорание сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях цифровой трансформации служебной деятельности // Человеческий капитал. 2024. № 12 (192). С. 141-148.
3. Садеков Р.Р. и др. Особенности обучения специалистов-полиграфологов эффективному использованию психологических технологий в процессе предтестовой беседы в процессе инструментальной детекции лжи // Полицейская деятельность. 2022. № 5. С. 40-53.

Об эмоциональных нарушениях осужденных с позиций патопсихологии

Калашникова Т.В.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

При наличии у осужденных эмоциональных нарушений пенитенциарным психологам необходимо опираться на обобщенную характеристику аффективно-эндогенного патопсихологического синдрома (разделяется на эндогенный депрессивный и эндогенный маниакальный синдромы). Нарушения познавательной деятельности при этом проявляются в основном в виде динамических нарушений (снижении скорости протекания и интенсивности) психических процессов – низкая продуктивность и быстрая истощаемость; замедление темпа ассоциаций; негрубое снижение уровня обобщения; относительная сохранность критичности; сужение объема и устойчивости внимания; нарушения запоминания; аффективная подавленность.

Эмоциональная сфера осужденных, отбывающих наказание в условиях изоляции, претерпевает существенные изменения, причиной которых, в частности, является снижение возможности удовлетворения разнообразных потребностей. Для

осужденных характерны: аморальные, низменные чувства; повышенная эмоциональная возбудимость; неумение, а часто и нежелание сдерживать себя; повышенная экспрессивность в проявлении эмоций; отсутствие чувства сопереживания и безразличие к чужим страданиям; чувство неполноценности и бесперспективности; зависимость эмоций от влияния группы; маскировка наигранностью истинных переживаний. В условиях исправительного учреждения разнообразные изменения эмоциональной сферы у осужденных, их динамика нередко связана с этапами отбывания наказания (Алигаева Н. Н., 2022; Ковальчук И. А., 2023 и др.). Так могут наблюдаться колебания настроения в норме (отсутствие депрессивного или приподнятого настроения) – «эутимное настроение» – в связи с возникающими жизненными обстоятельствами, событиями, изменениями в течении физиологических процессов, циркадными ритмами.

Болезненные изменения настроения могут возникать у осужденных без понятных, видимых причин, быть интенсивными и длительными, с потерей способности контролировать свое поведение и внутреннее состояние. К отклонениям настроения от нормы относят гипотимию (снижение фона настроения), гипертимию (повышение фона настроения) и паратимию (извращенная эмоциональность). Кроме расстройств настроения у осужденных могут возникать расстройства эмоциональных реакций, которые проявляются неадекватными по знаку, силе продолжительности, вызывающим им стимулам. К ним относятся: эксплозивность (взрывчатость), эмоциональная вязкость, эмоциональная монотонность, эмоциональное огрубление, эмоциональная тупость, утрата эмоционального резонанса, эмоциональная парадоксальность, эмоциональная двойственность (амбивалентность). Психологи обращают внимание на повышенную эмоциональную возбудимостью, неуравновешенностью, крайне неадекватные и непредсказуемые эмоциональные реакции осужденных (Ушатиков А. И., Казак Б. Б., 2003), эмоциональную тупость, импульсивность, в частности, насильственных преступников.

Для эмоциональной сферы осужденных характерны различные проявления ее дисгармоничности (В. А. Гвоздев, 2013):

– излишня подвижность, интенсивность эмоций. Для осужденных характерны повышенная вспыльчивость, раздражительность, неуправляемость, высокая импульсивность и реактивность в поведении;

– застойность эмоциональных реакций. У осужденных преобладает сниженный фон настроения (вплоть до реактивной депрессии), повышенная тревожность;

– неустойчивость эмоциональной сферы. Для осужденных характерна частая смена гипертимных и дистимных состояний, повышенная аффективная лабильность.

Сотрудники исправительных учреждений должны отличать эпизодические эмоциональные реакции, которые могут возникнуть у осужденного под влиянием тех или иных обстоятельств, от длительных эмоциональных состояний. Так депрессии, тревожность, неадекватно повышенное настроение могут быть симптомами аффективно-эндогенного патопсихологического синдрома.

Литература

1. Алигаева Н. Н. Эмоциональные состояния осужденных: модель программы психологической коррекции // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 310-319.
2. Гвоздев В. А. Исследование структуры психологической адаптации людей, находящихся в условиях лишения свободы // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-6. С. 1245-1249.
3. Ковальчук И. А. Особенности коррекции эмоциональной сферы осужденных на различных этапах отбывания наказания // Векторы психолого-педагогических исследований. 2023. № 1(01). С. 108-117.

Психологические особенности превенции аддиктивного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России в контексте сохранения и укрепления их психологического здоровья

Кольцов М.Е., Черемисова И.В.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Курсанты образовательных организаций ФСИН – это будущий кадровый резерв уголовно-исполнительной системы. От их психологической устойчивости напрямую зависит качество профессиональной подготовки и безопасность как самих сотрудников, так и окружающих. Таким образом, изучение этой проблемы напрямую связано с задачей формирования надёжного кадрового потенциала для УИС.

Вопросы, связанные с психологическими особенностями превенции аддиктивного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России, в настоящее время остаются недостаточно изученными.

Теоретический анализ имеющейся научной литературы и психологической практики в УИС, позволил выявить ряд противоречий, касающихся всей системы деятельности, направленной на превенцию аддиктивного поведения в условиях образовательной среды образовательной организации и требующих разрешения.

Первое противоречие заключается в том, что отсутствуют целостные исследования аддиктивного поведения именно у курсантов образовательных организаций ФСИН.

Второе противоречие можно обозначить следующим образом: Недостаточная дифференциация в научных работах химических и нехимических форм аддикций.

Третье противоречие состоит в отсутствии данных о динамике аддиктивных тенденций для разных курсов обучения в образовательных организациях ФСИН России.

Выявленные в ходе исследования противоречия, позволили сформулировать проблему, которая заключается в определении особенностей аддиктивного поведения курсантов в условиях среды образовательной организации ФСИН России.

Таким образом, при значительной теоретической разработанности феномена аддиктивного поведения в целом и при наличии эмпирических данных по аналогичным исследованиям (курсанты военных вузов), проблема аддиктивного поведения среди курсантов образовательных организаций ФСИН России как самостоятельный предмет психологического исследования остаётся недостаточно разработанной, что и обосновывает актуальность и научную новизну данного исследования.

Предполагаемая **научная новизна будет заключаться в следующем:**

– будут введено и содержательно раскрыто понятия «аддиктивное поведение курсанта образовательных организаций ФСИН России», «особенности аддиктивного поведения курсанта образовательных организаций ФСИН России» применительно к цели и задачам исследования;

– будет разработана, обоснована и верифицирована структурно-функциональная модель программы превенции аддиктивного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Теоретическая значимость исследования :

– будут доказаны положения, вносящие вклад в расширение представлений об особенностях аддиктивного поведения курсанта образовательной организации ФСИН России;

– будут выявлены и систематизированы основные психолого-педагогические условия, способствующие превенции аддиктивного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России;

– будет разработан и результативно использован комплекс экспериментальных методик для исследования склонности к аддиктивному поведению курсантов;

– будет обоснована необходимость внедрения в образовательную деятельность ФСИН России программы превенции аддиктивного поведения курсантов.

Практическая значимость исследования:

– будет разработан и внедрен психодиагностический комплекс для исследования склонности к аддиктивному поведению курсантов образовательных организаций ФСИН России;

– будет разработана и внедрена психологическая программа превенции аддиктивного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России;

– будут разработаны практические рекомендации по внедрению специальной психологической программы, способствующей превенции аддиктивного поведения курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Психологические особенности осужденных за экстремистскую деятельность

Корышева С.Е., Ильин И.Е.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Число преступлений экстремистской направленности в России увеличивается. Так, по данным Забродина А.В., в 2019 г. зарегистрировано 585 таких преступлений, в 2020 г. — 833, в 2021 г. — 1 057, в 2022 г. — 1 566. Небольшой спад пришелся на 2023 г. — 1 340. Однако в 2024-м количество вновь выросло — до 1 719. Причинами являются: радикализация общества, миграция из стран Средней Азии и деятельность иностранных спецслужб (Забродин А.В., 2026).

В работах Э. И. Мещеряковой, А. В. Ларионовой, Д. В. Карелина и Н. В. Козловой экстремизм рассматривается через деформацию правосознания молодежи (Мещерякова Э.И., 2018). Они выделяют личностные предрасположенности, которые становятся мотивами вступления на этот путь: «сверхососредоточенность на защите своего Я; дефекты личной и социальной идентичности; низкая самооценка; выраженная потребность в присоединении к референтной группе; отсутствие четких целей и жизненной перспективы».

П. Н. Казберов, И. А. Алехин, С. В. Кулакова изучали осужденных за экстремистскую деятельность. Диагностический инструментарий включал дополнительные шкалы СМИЛ. В подгруппе экстремистов показатель Cn шкалы «Контроль» составил 59 Т-баллов. Это указывает на сверхконтроль и невротическую зажатость. Показатели Ec (…) — 57 Т-баллов, St-r (…) — 58 Т-баллов. Их сочетание характеризует эскапизм и социальную отчужденность. Шкала «Враждебность» (Ho) — 57 Т-баллов. Данный показатель выше среднего; что даёт основание рассматривать данную подгруппу с враждебной направленностью. Шкала «Аморальность» (Ma1) — 57 Т-баллов. Это может говорить о выраженной аморальности в системе ценностей (Казберов П.Н., 2021).

А. В. Бочаров, Э. И. Мещерякова и А. В. Ларионова провели многомерный анализ психодиагностических результатов осужденных за экстремизм. Выборку составили 52 мужчины, осужденные за терроризм и экстремизм. Комплексная типологизация позволила описать групповой психологический портрет. Выделены типы самоидентификации: «жертвы», «ищущие», «борцы», «защитники» (Бочаров А.В., 2015). Роль «исполнитель» чаще связана с типами «жертвы» и «ищущие». Роли «соучастник» и «организатор» сильнее связаны с типами «борцы» и «защитники». Личностные смыслы экстремизма у осужденных исполнителей отличаются низким уровнем осмысленности, большей подчиненностью группе, ориентированностью на групповые ценности, которые перенимаются без должного осмысления. У соучастников и организаторов, напротив, наблюдается устойчивость картины мира и осмысленность экстремистской деятельности.

Эмпирические исследования подтверждают теоретические положения. Типология осужденных за экстремизм, разработанная А. В. Бочаровым, Э. И. Мещеряковой и А. В. Ларионовой, показывает неоднородность данной категории (Бочаров А.В., 2015). Исполнители преступлений, идентифицирующие себя как «жертвы» и «ищущие», характеризуются пониженной самодетерминацией, пониженной мотивацией, повышенными шкалами MMPI и «антисоциальной» культурно-ценностной ориентацией. Организаторы и соучастники, идентифицирующие себя как «борцы» и «защитники», имеют противоположный психологический профиль.

Исследование категории осужденных, характеризующихся как экстремисты, в работах П. Н. Казберова, И. А. Алехина, С. В. Кулаковой позволяет утверждать: для осужденных за экстремистскую деятельность характерны амбивалентные состояния и устремления, сверхконтроль, социальная отчужденность, враждебность, аморальность в ценностной системе. Это определяет необходимость адресного коррекционного и профилактического воздействия на когнитивную, поведенческую и эмоциональную сферы личности данной категории осуждённых.

Литература

1. Бочаров, А. В., Мещерякова Э. И., Ларионова А. В. Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики // Сибирский психологический журнал. — 2015. — № 55. — С. 107–122.
2. Забродин А.В. Предупреждение распространения экстремистской идеологии в местах лишения свободы (в контексте дифференцированного подхода к исполнению наказания) // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 2. — С. 224–232.
3. Казберов П.Н., Алехин И.А., Кулакова С.В. Особенности нравственно-психологической характеристики личности осужденных за преступления террористического характера и экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 5. С. 522–532.
4. Мещерякова, Э. И, А. В. Ларионова, Д. В. Карелин, Н. В. Козлова Экстремистская направленность личности в юридическом и психологическом знании // Психология и право. — 2018. — Т. 8, № 3. — С. 123–134.

Психокоррекционная работа с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными за преступления против государственной власти в условиях изоляции

Кузнецова Е.С.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

В последние годы отмечается рост преступлений террористического и диверсионного характера, совершаемых несовершеннолетними, значительная часть которых вовлекается в противоправную деятельность дистанционно, через мессенджеры и социальные сети (Дозорцева Е.Г. и др., 2026). Основной прирост статистики формируют деяния, предусмотренные статьями 281 (диверсия), 281.1 (содействие диверсионной деятельности) Уголовно кодекса Российской Федерации. Статистика фиксирует вовлечение несовершеннолетних в поджоги объектов критической инфраструктуры (релейных шкафов, трансформаторных подстанций, зданий военкоматов) за денежное вознаграждение, полученное через мессенджеры. В ответ на это возраст уголовной ответственности за диверсию был снижен, и в следственные изоляторы и воспитательные колонии поступает все больше несовершеннолетних, обвиняемых в преступлениях против государственной власти, среди которых преобладает диверсия и смежные террористические преступления. Это требует от пенитенциарных психологов специализированной психокоррекционной работы, учитывающей возрастные и личностные особенности данной категории.

Анализ материалов личных дел и эмпирических данных территориальных органов ФСИН России показывает (далее – анализ), что такие несовершеннолетние, как правило, впервые привлекаются к уголовной ответственности, нередко действуют в группе, воспитываются в неполных или конфликтных семьях, испытывают трудности во взаимоотношениях с учителями и сверстниками, активно включены в интернет-сообщества. Ведущими мотивами выступают корысть, самоутверждение и поиск острых ощущений при слабом прогнозировании последствий. В психологическом профиле преобладают гипертимные черты, импульсивность, склонность к риску, низкий самоконтроль, вытеснение тревоги, демонстративность, сопряженная со скрытыми агрессивными тенденциями (Кузнецова Е.С., Ганишина И.С., 2026). Установлено, что для данной категории характерно сочетание личностных, семейных и социальных факторов риска.

Специфика работы психолога с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными за преступления против государственной власти в условиях изоляции заключается в том, чтобы выявить потребности, которые закрываются деструктивным поведением, основные факторы риска, которые способствовали вовлечению в преступную деятельность, определить в этой связи основные «мишени психологического воздействия» (далее – мишени) и организовать

психокоррекционную работу, которая обеспечит в дальнейшем успешную ресоциализацию несовершеннолетних.

Анализ позволил выделить основные психологические нарушения (мишени) у несовершеннолетних данной категории: психотравматизация в детско-родительских отношениях; искаженный образ «Я»; «слабость» рефлексии; нарушения коммуникативной сферы и межличностных отношений, подверженность манипуляциям; нарушения эмоционально-волевой, ценностной и когнитивной сфер, а также низкий уровень правосознания.

Обязательным компонентом оказания психологической помощи данной категории несовершеннолетних является работа с родителями: проблемы в семейной сфере существенно повышают риск вовлечения несовершеннолетних в деструктивное поведение диверсионного характера.

В уголовно-исполнительной системе для психокоррекции данной категории несовершеннолетних разработаны и апробированы психологическая игра «Вершина» и трансформационная игра «Мой путь домой». Игротерапия позволяет обойти психологические защиты несовершеннолетних, сменить вектор ценностных ориентаций, в безопасной форме отработать новые модели поведения и развивать правосознание.

Кроме этого, учет психического состояния, мотивации и механизма вовлечения несовершеннолетних повышает результативность психокоррекции и снижает риск повторных преступлений после освобождения.

Литература

1. Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Кастальская-Бороздина А.А., Федонкина А.А., Чибисова И.А. Клинико-психологические характеристики подростков, совершивших диверсионные действия // Психология и право. 2026. Т. 16. № 1. С. 83–101.
2. Кузнецова Е.С., Ганишина И.С. Некоторые психологические особенности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных мужского пола, совершивших преступления против государственной власти // Векторы психолого-педагогических исследований. 2025. No 4(09). С. 97–104.

Феномен «сострадания» в практике пенитенциарного психолога

Мейер Ю.А., Александров Б.В.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Работа пенитенциарного психолога представляет собой особый вид психологической деятельности, которая подразумевает оказание помощи лицам,

находящимся в местах лишения свободы. Стоит отметить, что условия работы оказывают непосредственное влияние на личность психолога, тем самым отражаясь на качестве работы (Мейер Ю.А., 2023). К организационным условиям трудовой деятельности пенитенциарного психолога следует отнести работу со строгой регламентацией действий (имеются нормативно-правовые акты, которые регламентируют деятельность психолога), контроль со стороны вышестоящих органов, а также особенность взаимодействия с лицами, совершившими уголовные преступления (обвиняемыми и осужденными). Все это осложняется еще тем фактом, что психолог совмещает не только профессиональную деятельность как психолога, но и служебную – как сотрудника уголовно-исполнительной системы, что по факту лишает его свободы действий и выбора клиентов, тем самым оказывая воздействия на столкновение с возможными внутренними противоречиями. Актуальным является следующая проблема: как психологу проявить сострадание к человеку, который переступил закон и тем самым это повлекло социально-опасные последствия? Стоит отметить, что деятельность психолога не реализуема без сострадания. Под состраданием понимается внутреннее чувство человека, которое выражается в желании почувствовать чужую боль, а также выразить сочувствие другому человеку (Старостин В.П., 2008). Пенитенциарный психолог в процессе практики может сталкиваться с наличием внутриличностного конфликта, когда необходимо оказывать психологическую помощь клиенту, который вызывает неодобрительные оценочные суждения поступка. При этом психолог не может отказаться от сострадания в консультативной практике, ведь сострадание оказывает влияние на установление доверительного контакта с осужденными, что иногда достигается достаточно сложно ввиду наличия властных полномочий у психолога (например, постановка на профилактический учет). Сострадание заставляет осужденного расслабляться и тем самым снижает необходимость проявления механизмов психологической защиты и иных деструктивных действий по отношению к психологу. Поэтому мы говорим о том, что сострадание является неотъемлемой частью деятельности пенитенциарного психолога. Однако, стоит учитывать психоэмоциональное состояние психолога, когда применение сострадания идет в противовес внутренним убеждением (например, сострадать осужденному, который отбывает наказание за убийство ребенка, а психолог является родителем). Так, сотрудник понимает, что с одной стороны сострадание – является частью психологической консультации, но в тоже время сострадание – это непосредственное желание, а не нужда. Исходя из чего, может формироваться негативная тенденция, которая характеризуется таким состоянием пенитенциарного психолога как «усталость от сострадания». Состояние усталости от сострадания характеризуется эмоциональным истощением и возбужденности в следствии повторяющихся переживаний травматического опыта клиента (Паширова Е.С., 2023). Психологу приходится сталкиваться с проживанием негативного опыта осужденных вновь и вновь, погружаясь и проживая события (за счет образных представлений), что при длительном воздействии будет отрицательно сказываться на личности служащего. Стоит учитывать тот факт, что сотрудник психологического подразделения

исправительного учреждения не может регулировать нагрузку или отказать клиенту в помощи, тем самым постоянное напряжение на фоне ожидания сострадания в практической деятельности может приводить к развитию профессионального выгорания, когда психолог теряет личностные ресурсы. В целом, сострадание составляет содержание просоциальных поступков человека, направленного на благо другого (Рягузова Е.В., 2024). Однако важно помочь пенитенциарному психологу оптимизировать свои ресурсы таким образом, чтобы он не столкнулся с эмоциональным выгоранием и профессиональной деформацией, которая может выражаться в циничном отношении к проблемам клиентов.

Литература

1. Мейер, Ю. А. Формирование качеств личности, способствующих антивыгоранию, у сотрудников уголовно-исполнительной системы / Ю. А. Мейер // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 213-217.
2. Паширова, Е. С. Опыт усталости от сострадания у специалистов помогающих профессий / Е. С. Паширова // Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения. Здоровье и образ жизни учащихся в современных условиях: взгляд врача и педагога: Сборник материалов: XV Всероссийского форума и XV Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29–30 сентября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское региональное отделение общественной организации «Союз педиатров России», 2023. – С. 114-118.
3. Рягузова, Е. В. Сострадание и доброта как разные сценарии просоциального поведения личности / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 90-96.
4. Старостин, В. П. Сострадание как социально-философский феномен: дис. ... канд. филос. наук / В. П. Старостин. – Якутск, 2008. – 180 с.

Особенности эмпатии и жизнестойкости у осуждённых, отбывающих наказание пожизненно

Мельникова Д.В., Дебольский М.Г., Питерова М.С.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Одной из наиболее сложных категорий осуждённых являются лица, отбывающие уголовное наказание пожизненно. Данные осуждённые совершили особо

тяжкие преступления, их психология весьма противоречива, они испытывают, как отмечала В.С. Мухина «бесчувственность ко всему миру и восприимчивость (сензитивность) к малому» (В.С. Мухина, 2009, с. 184, 200), для них характерна «отчужденность, как свойство личности» (там же, с.34, 77), они находятся «в застывшем стрессе» (там же, с. 169, с. 171). Для работы с такими осуждёнными, как психологам, так и другим сотрудникам, важно понимать особенности их эмпатии и жизнестойкости.

Целью исследования является выявление особенностей эмпатии, жизнестойкости у осужденных пожизненно и характера связи между обозначенными психологическими феноменами.

Теоретические основы исследования: концепция эмпатии о рационально-эмоционально-интуитивном отражении другого человека (Бойко В.В., 1996); многофакторная модель эмпатии М. Дэвиса – когнитивные и аффективные компоненты: децентрация, фантазия, эмпатическая забота, личный дистресс (Девис М., 1983); концепция жизнестойкости Мадди С. (hardiness: вовлеченность, контроль, принятие риска) в адаптации Леонтьева Д.А.; исследования пенитенциарных психологов о личностных особенностях осуждённых к пожизненному лишению свободы (Баламут А.Н., 20210; Бовин Б.Г., 2011; (Корнилова Т.В., 2021). Методические основа исследования: авторская анкета, методика диагностики уровня эмпатических способностей В. В. Бойко; Межличностный индекс реактивности (IRI) М. Дэвиса в адаптации Н. В. Кухтовой; тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева. Выборка исследования: две группы осужденных к пожизненному лишению свободы: 1) 17 мужчин, находящиеся в колонии, относительно непродолжительный период – не более 3 лет; 2) 18 осуждённых, отбывших наказание более 20 лет. При анализе результатов психодиагностики использовались методы математической статистики.

В результате исследования было выявлено, что в обеих группах осужденных отсутствуют лица с высоким и средним уровнем эмпатических способностей (по методике В.В. Бойко). В группе «менее 3 лет» у большинства респондентов выявлен заниженный уровень эмпатии, а в группе «более 20 лет» преобладает очень низкий уровень эмпатии. По методике IRI статистически значимых различий между группами не обнаружено: эмоционально-когнитивный фон эмпатии в обеих группах примерно одинаковый, в обеих группах отмечаются трудности с установлением эмоционального контакта и слабая восприимчивость к чужим переживаниям.

Общий уровень жизнестойкости в обеих группах осуждённых является преимущественно высоким. Однако почти половина осужденных демонстрируют низкие результаты, что говорит о трудностях совладания со стрессом, повышенной тревожности, а также ощущении беспомощности. В группе «менее 3 лет» выше показатель принятия риска, то есть эти заключенные в большей степени склонны воспринимать происходящее с ними как жизненный урок, тогда как у осужденных в группе «более 20 лет» этот компонент выражен слабее. В результате исследования было обнаружено, что связи между эмоционально-когнитивными компонентами

эмпатии и личностно-регуляторными показателями жизнестойкости различаются в зависимости от срока отбывания наказания. В группе осужденных «менее 3 лет» обнаружена прямая связь между децентрацией и вовлеченностью, а также между децентрацией и общей жизнестойкостью. Это означает, что на начальном этапе адаптации способность понимать другого помогает осуждённому оставаться включённым в жизнь колонии и чувствовать себя более устойчиво. В группе осужденных «более 20 лет» обнаружена обратная связь между личным дистрессом и контролем, а также между личным дистрессом и общей жизнестойкостью. Это указывает на то, что у этой группы сохранение устойчивости связано с подавлением эмпатии: чем меньше человек позволяет себе эмоционально включаться в страдания других, тем выше его контроль над ситуацией и психологическая устойчивость.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов при психологической диагностике, консультировании и сопровождении осужденных к пожизненному лишению свободы, а также при разработке программ психологической поддержки и профилактики дезадаптивных состояний.

Литература

1. Баламут А. Н. Психологические особенности трансформации личности осужденных к пожизненному лишению свободы, находящихся в условиях социальной изоляции свыше 25 лет / А. Н. Баламут // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): Сборник тезисов выступлений и докладов участников: в 9 томах, Рязань, 17–19 ноября 2021 года. Том 5 Часть 1. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 39-46.
2. Бовин Б. Г. Криминологические и психологические характеристики лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы / Б. Г. 97 Бовин, Ю. В. Славинская // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 1. – С. 98-107.
3. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинъ, 1996. - 472 с.
4. Корнилова Т. В. Исследование жизнестойкости осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима / Т. В. Корнилова, В. М. Поздняков, А. Н. Баламут // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 107–116.
5. Мухина В. С. Отчужденные: абсолют отчуждения / В. С. Мухина. – М: Прометей, 2009. – 702 с

Жизнестойкость как ресурс профилактики деструктивного поведения лиц, содержащихся под стражей в следственных изоляторах

Романова Л.В.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)
Научный руководитель – Гаврина Е.Е.

Условия содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы по своей природе относятся к числу стрессогенных и во многом имеют экстремальный характер. Подозреваемые, обвиняемые, осужденные (далее – ПОО) приобретают особый правовой статус, сопровождающийся существенными ограничениями прав и свобод, а также оказываются

под воздействием комплекса психогенных факторов, обусловленных изоляцией от общества, изменением привычного образа жизни, высокой степенью неопределенности будущего и необходимостью адаптации к специфическим условиям пенитенциарной среды.

Наиболее опасными деструктивными проявлениями в условиях изоляции являются аутоагрессивное, в том числе суицидальное, поведение, совершение противоправных деяний в период содержания под стражей или отбывания наказания. Особую значимость рассматриваемой проблеме придает тот факт, что случаи суицида в учреждениях уголовно-исполнительной системы

не только осложняют оперативную обстановку, но и вызывают широкий общественный резонанс.

Анализ пенитенциарной практики позволяет говорить о том, что

за последние 10 лет количество совершенных суицидов сократилось на 58,6%

(с 394 в 2015 г. до 163 в 2025 г.), однако если учитывать уровень суицидов

в расчете на одну тысячу человек, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, то не представляется возможным говорить о стабильном снижении уровня суицидов, поскольку и численность лиц, содержащихся

в учреждениях УИС также сокращается.

В связи с чем, данный вопрос остается проблемным и позволяет говорить о том, что многие лица, содержащиеся в учреждениях УИС, не обладают жизненным потенциалом и ресурсными возможностями для разрешения трудных жизненных ситуаций.

Согласно данным отчета психологических служб УИС за 2025 год, наиболее выявляемыми категориями среди ПОО в территориальных органах ФСИН России являются лица с нарушением эмоционально-волевой сферы

и с аддиктивным поведением. Согласно прогнозам, основанным на результатах обследования ПОО, наиболее выражена склонность к нарушениям правил внутреннего распорядка, конфликтному поведению и демонстративно-шантажному поведению.

Представленные данные указывают на сохранение значительного числа ПОО, характеризующихся эмоционально-волевой неустойчивостью

и различными формами деструктивного поведения, несмотря на осуществление в учреждениях УИС комплекса профилактических и психологических мероприятий. Таким образом, проблема деструктивного поведения лиц, содержащихся под стражей в СИЗО, сохраняет высокую актуальность для уголовно-исполнительной системы и требует поиска дополнительных психологических средств его предупреждения. Представленные статистические данные свидетельствуют о сохранении суицидальных и иных деструктивных проявлений в условиях пенитенциарной изоляции, что актуализирует необходимость изучения не только факторов риска, но и внутренних ресурсов личности, способствующих конструктивному преодолению стрессовых

и кризисных ситуаций. В данном контексте особое значение приобретает исследование жизнестойкости, ее структурно-содержательных характеристик

и взаимосвязи с различными формами деструктивного поведения. Изучение профилактического потенциала жизнестойкости может способствовать расширению научно обоснованных подходов к психологическому сопровождению лиц, содержащихся под стражей, и совершенствованию системы профилактической работы в УИС.

Литература

1. Анализ деятельности психологических служб ФСИН России по психологическому сопровождению подозреваемых, обвиняемых и осужденных за 2025 год : указание ГУФСИН России по Приморскому краю от 17.02.2026 № исх-25/ТО/26-2966 10 с.
2. Об организации работы по профилактике суицидов ПОО, совершенных в 2025 году : указание ФСИН России от 13.02.2026№ исх-07-10965. 17 с.

Жизненные перспективы мужчин и женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы

Степанова П.Е., Ральникова И.А.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул, Россия)

Актуальность изучения жизненных перспектив осужденных обусловлена задачами ресоциализации, закрепленными в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года. Установлено, что социальная изоляция в виде отбывания наказания в местах лишения свободы трансформирует представления личности о прошлом, настоящем и будущем, систему ценностей и смыслов, лежащих в основе жизненного планирования (Штефан Е.Ф., 2018 г.; Русаков С.В., 2024 г.). Особую значимость приобретает учет межполовых особенностей, поскольку универсальные программы сопровождения часто оказываются недостаточно эффективными. Нами было проведено исследование, целью которого являлось выявление содержательных особенностей жизненных перспектив осужденных мужчин и женщин, характер взаимосвязи их компонентов. Выборку

составили 266 осужденных и 290 законопослушных мужчин и женщин, не имеющих уголовной судимости в настоящий момент. Применялись психодиагностические методики: «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» различных жизненных сфер» Е.Б. Фанталова, «Семантический дифференциал времени» Л.И. Вассерман, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьев, каузометрический опрос А.А. Кроника, Е.И. Головахи (оценивание пятилетних интервалов и составление списка событий); методы математико-статистической обработки данных: U-критерий Манна-Уитни, Н-критерий Краскела-Уоллиса, корреляционный анализ Спирмена.

Обнаружены значимые различия между осужденными и законопослушными по уровню осмысленности жизни, событийной наполненности и эмоциональному отношению к будущему.

Выявлено, что ценностно-смысловые основания проектирования жизненных перспектив осужденных характеризуются внутренним конфликтом, проявляющимся в высокой значимости базовых жизненных ценностей и низкой их субъективной доступностью. Ценностная структура осужденных мужчин более сбалансирована, однако слабо выражен интерес к образовательной и профессиональной самореализации. Осужденные женщины в большей степени ориентированы на семейные ценности, любовь и здоровье, что одновременно является труднодоступным. Временная структура дискретна и дисгармонична: при выраженной ориентации на будущее наблюдается сниженная активность настоящего. Осужденные мужчины будущее оценивают с меньшим оптимизмом, чем женщины, для которых оно представляется ярким, активным. Настоящее, так же, как у мужчин, обесценено, но общая временная интеграция выше. Событийная наполненность будущего осужденных ограничена обобщенными, текущими бытовыми целями и задачами, при дефиците ближних планов (до 1 года).

Корреляционный анализ показал, что у осужденных женщин ценностно-смысловые основания построения перспектив сопровождаются внутренними противоречиями и эмоциональной напряженностью; у мужчин осмысленность жизни теснее связана с ощущением контроля и позитивным отношением к будущему. В группе законопослушных ценности любви, семьи, активности и познания интегрированы в структуру осмысленности жизни и позитивного восприятия будущего.

Таким образом, жизненные перспективы осужденных амбивалентны: система ценностных ориентиров сочетается с дефицитом их реализации, смысловой и временной дезинтеграцией.

Литература

1. Сорокоумова, С. Н. О трансформации жизненных планов осуждённых в местах лишения свободы / С. Н. Сорокоумова, С. В. Русаков, И. С. Ганишина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3(99). С. 258-266.
2. Степанова П. Е., Ральникова И. А. Образ будущего осужденных с разным уровнем принятия криминальной субкультуры // Вестник психологии и

педагогики Алтайского государственного университета, 2026. Т. 8. № 2. С. 91-105.

3. Штефан, Е. Ф. Смысложизненные ориентации осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы / Е. Ф. Штефан // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4(44). С. 127-133.

Особенности психолого-педагогического сопровождения осужденных, состоящих на профилактическом учете

Улендеева Н.И., Кузнецов М.И.

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Самара, Россия)

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Психолого-педагогическая работа с осужденными, склонными к совершению правонарушений, заключается в первую очередь в проведении анализа поведения конкретных лиц и выявлении признаков, свидетельствующих об их склонности или намерении совершить какое-либо противоправное деяние. На основании полученных данных разрабатывается комплекс мер, обеспечивающих недопущение совершения ими указанных противоправных действий (Зауторова Э. В., Кевля Ф. И., 2020).

С указанной категорией осужденных проводятся дополнительные психолого-педагогические и оперативно-режимные мероприятия, создается среда, в рамках которой они чувствуют себя под постоянным контролем и вниманием администрации учреждения, чем минимизируется возможность совершения ими противоправных действий.

Анализ дисциплинарной практики, характера совершаемых осужденными правонарушений и личности нарушителей, информация, содержащаяся в личных делах, обобщение указанных сведений позволяет сделать выводы о степени криминальной зараженности отбывающих наказание и эффективности психолого-педагогической работы, проводимой с ними.

По результатам анализа организуется работа по планированию и проведению конкретных мероприятий по устранению условий, которые могут способствовать совершению лицами, состоящими на профилактическом учете, правонарушений и преступлений. Следует отметить, что данная работа организуется на основе тесного взаимодействия всех отделов и служб исправительного учреждения. В условиях, когда человек отчетливо осознает, что за любой проступок или противоправное действие ему необходимо будет нести ответственность, даже если это будет выражаться в проведении индивидуальной беседы, он начинает задумываться над тем, совершать ли ему соответствующие действия. Под воздействием указанных факторов у осужденных формируется установка на сдерживание или отказ от совершения им правонарушений (Кириллова Т. В., Кузнецов М.И., Лузгин С.А., 2018).

Профилактический учет, при грамотном и профессиональном его применении, является очень эффективным способом воздействия на отбывающих наказание. Он выполняет функцию средства по организации дополнительного контроля за их поведением, касающихся их размещения в спальном помещении, организации труда (вывод на работу в первую смену, исключение одиночного трудоустройства) и организации надзора за ними. Кроме того, в отношении лиц, не состоящих на профилактическом учете, он играет роль фактора сдерживания от совершения ими действий, которые могут стать основанием для постановки на учёт (Шлаев В. А., Кузнецов М.И., 2025).

Выполнение персоналом исправительных учреждений в полном объеме требований нормативно-правовых актов в части обеспечения регламента по постановке осужденных на профилактический учет и проведение с ними необходимых психолого–педагогических мероприятий позволяет эффективно обеспечить предупреждение правонарушений и преступлений.

Литература

1. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Формирование правопослушного поведения осужденных в исправительном учреждении // Социально-политические исследования. 2020. № 2. С. 102–113.
2. Кириллова Т. В., Кузнецов М.И., Лузгин С.А. Воспитательная работа с различными категориями осужденных на начальном и основном этапах отбывания наказания в местах лишения свободы // Воспитательная работа: новые направления, методы, пути развития : коллективная монография. Ульяновск : Зебра, 2018. С. 96-124.
3. Шлаев В. А., Кузнецов М.И. Организация профилактической работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // "Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде" : мат. XXV Всерос. науч. – практ. конф., посвященной памяти И.П. Башкатова. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2025. С. 193-197.

Изменение представления об уголовном наказании у неоднократно судимых лиц как показатель искажения правосознания

Шалик И.А.
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Минск, Республика Беларусь)
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Формирование правосознания осужденных актуально для профилактики рецидива. Воспитательное воздействие предполагает переосмысление отношения к

закону. Ключевое значение в этом процессе имеет правосознание, однако не ясно, как оно трансформируется в зависимости от числа судимостей. Осужденный балансирует между криминогенностью и антикриминальной устойчивостью, базирующейся на «антиценности» наказания

(Пастушеня А.Н., 2013). При этом Антонян Е.А. (Антонян Е.А., 2014) отмечает у рецидивиста деформацию, возникающую из-за адаптации к жизни в исправительных учреждениях. Криминализация опирается на эгоцентризм, цинизм и обесценивание наказания (Злоказов К.В., 2023). При этом предпосылки рецидива изучаются на уровне личности без оценки правосознания.

Целью нашего исследования стало изучение характеристик правосознания рецидивистов в зависимости от количества судимостей. Выборку составили 185 осужденных (78,9 % мужчин, 21,1 % женщин, ср. возраст = 38,8, SD = 11,2), отбывающих наказание в УИИ ОВД Республики Беларусь (мотивы последнего преступления: корыстные (35), корыстно-насильственные (16), неосторожные и транспортные (32), против общественного порядка (47), иные (55)). В качестве методического инструмента применялись общая шкала МОкМНК Е.В. Распопина (Распопин Е. В., Ермош В. О., 2017), а также опросник риска криминализации (Злоказов К.В., 2023). После оценки характера распределения (Шапиро-Уилк), применялся непараметрический метод оценки различий между группами осужденных - Н-критерий Краскела-Уоллиса с оценкой мощности различий (^{2}) и post-hoc сравнением групп рангово-биссериальным критерием Дунна.

В ходе исследования установлены статистически значимые различия правосознания в подгруппах с разным количеством судимостей. Во-первых, выявлен рост циничного отношения к праву, пропорциональный количеству судимостей (Н-крит.=10,3, df=2, p<0,006, ^{2}=0,056). Критерий Дунна определил различия между впервые судимыми (W_i=100) и судимыми ≥5раз (W_j=54,5) (rb=0,521, p=0,03). Во-вторых, установлено, что рост судимостей приводит к субъективному обесцениванию наказания (Н-крит.=9,778, df=2, p<0,008, ^{2}=0,053). Критерий Дунна установил различия (rb=0,462, p=0,06) между отбывающими впервые (Wi=85,4) и имеющими ≥5 судимостей (Wj=128,1).

Полученные данные позволяют утверждать, что ключевым фактором правосознания выступает субъективная оценка наказания. Её зависимость от числа судимостей неоднородна: различия выявлены между лицами, осужденными впервые и судимыми ≥5раз. Фактически личность рецидивиста сохраняет криминогенную направленность, несмотря на воспитательное воздействие (Антонян Е.А., 2014). Выявленный цинизм к наказанию отражает деформацию установок, оправдывающих жизнь вне социальных норм ради преступлений. Таким образом, результаты исследования показали различия в обесценивании наказания, что свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения правосознания неоднократно судимых лиц для повышения эффективности воспитательного воздействия.

Литература

1. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 41 с.
2. Злоказов К. В. Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности // Российский девиантологический журнал. – 2023. – Т. 3, № 4. – С. 413–428.
3. Пастушеня А. Н. Антикриминальная устойчивость личности: структурно-содержательный аспект // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 2. – С. 31–40.
4. Распопин, Е. В. Методика изучения отношения к морально-нравственным категориям и нормам поведения / Е. В. Распопин, В. О. Ермош // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4 (76). – С. 222–229.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫМИ СИТУАЦИЯМИ: РАЗНООБРАЗИЕ ПРАКТИК И ИССЛЕДОВАНИЯ

Конфликтогенное поведение подростков в лагере как проявление стрессовых субсиндромов: возможности восстановительных программ и медиативных техник

Андреева А.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Конфликты во временных детских коллективах представляют не только организационную проблему для педагогов и вожатых, но и важный индикатор стрессового состояния подростков. Возрастная группа 14–16 лет находится в зоне повышенного риска: сепарация от семьи, смена привычного режима, высокая интенсивность общения и гормональная перестройка создают условия для деструктивных форм поведения. Традиционные дисциплинарные меры зачастую устраняют лишь внешние проявления конфликта, тогда как медиативные технологии ориентированы на работу с его первопричиной, что делает их применение в летнем лагере особенно перспективным и педагогически обоснованным.

Теоретической рамкой исследования выступает модель стресса А.Л. Китаева-Смыка (Китаев-Смык, 2009), в которой выделяются субсиндромы первого кризисного ранга. Данный подход позволяет объяснить конфликтное поведение подростка не личностными дефицитами, а реакцией на стресс адаптации к временному коллективу. Эмоционально-поведенческий субсиндром проявляется раздражительностью, вспышками агрессии, тревожностью и демонстративным неповиновением; в условиях лагеря это ведёт к буллингу, саботажу мероприятий и конфликтам из-за распределения ролей в отряде. Вегетативный субсиндром (учащённое сердцебиение, потливость, головные боли, нарушения сна и аппетита) снижает стрессоустойчивость подростка, провоцируя срывы из-за бытовых трудностей и перегрузки от интенсивной программы. Когнитивный субсиндром характеризуется «застреванием» на конфликтах, когнитивными искажениями и неспособностью конструктивно разрешать споры. Социально-психологический субсиндром выражается в изоляции отдельных подростков, формировании враждебных группировок, распространении слухов и борьбе за лидерство, что подрывает сплочённость отряда и снижает эффективность воспитательной работы в целом.

Восстановительные технологии во временном детском коллективе имеют свою специфику: они краткосрочны и направлены на восстановление коммуникации, а не на формальное соглашение сторон. Ключевыми технологиями выступают: «круг сообщества» (restorative circle) как профилактическая практика, снижающая социально-психологический субсиндром через регулярное проговаривание эмоций и

ожиданий; экспресс-медиация с диагностикой доминирующего субсиндрома и выбором соответствующей техники (для эмоционального — вентиляция эмоций и тайм-аут, для когнитивного — переформулирование искажений и рефрейминг, для социально-психологического — восстановление групповых связей через кооперативные упражнения); медиация «на ходу», адаптированная к динамике лагерной смены и не требующая длительных сессий; важно использование таких техник как «я-сообщения» и активное слушание, осваиваемых самими подростками.

Практические рекомендации по итогам проведенного исследования включают: обучение вожатых диагностике субсиндромов стресса, восстановительным технологиям и базовым медиативным техникам, что снижает количество «пожарных» ситуаций; включение «кругов сообщества» в ежедневный распорядок смены (10–15 минут после обеда или перед отбоем) как меры профилактики социально-психологического напряжения; дифференцированный подход в зависимости от доминирующего субсиндрома; создание безопасного пространства, в котором подросток может признаться в усталости, тревоге или обиде без риска осуждения или насмешек со стороны сверстников.

Таким образом, восстановительные технологии и медиативные техники в контексте временных детских коллективов работают как инструменты управления стрессом группы. Понимание субсиндромов первого кризисного ранга (по Китаеву-Смыку, 2009) позволяет педагогу видеть за внешним конфликтом психологическую реальность подростка и выбирать адекватную стратегию, превращая профилактику конфликтов из интуитивной практики в научно обоснованную систему воспитательного воздействия во временных детских коллективах и повышая качество психолого-педагогического сопровождения смены.

Литература

1. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. – М.: Наука, 2009. – 368 с.

Восстановительные практики как инструмент формирования конструктивных стратегий поведения и коммуникации в подростковой среде

Артюхова А.С.
ГКУ СО КК «Апшеронский СРЦН» (г. Апшеронск, Россия)

Восстановительные технологии в работе с подростками рассматриваются как доказательный инструмент преобразования конфликтного поведения и формирования навыков конструктивной коммуникации. Актуальность темы обусловлена ростом конфликтов в образовательных организациях и высокой потребностью в гуманистических подходах, ориентированных не на наказание, а на восстановление отношений и принятие ответственности (Коновалов, 2012). При интенсивном становлении идентичности и высокой чувствительности к социальной справедливости в подростковом возрасте восстановительные технологии объединяют нормативные

требования среды с потребностями подростка и формируют его субъектную позицию в разрешении возникающих противоречий.

Ключевым механизмом действия восстановительных технологий выступает смещение фокуса с установления вины на анализ последствий конфликта для всех его сторон и совместная разработка способов заглаживания вреда. В восстановительной медиации и кругах сообщества подростки осваивают рефлексию, эмпатическое слушание и технику “Я-сообщений”, что снижает импульсивность и усиливает просоциальные установки (Зер, 2017). Данные свидетельствуют о снижении количества конфликтов в классах тех школ, где внедрены школьные службы примирения, а также о росте групповой сплоченности и повышении доверия к взрослым (Садовникова, 2019).

Специфика восстановительных практик в среде подростков опирается на возрастные особенности и ресурсы: стремление к автономии, потребность в признании, значимость референтной группы. Программы медиации ровесников используют авторитет сверстников как фактор влияния, повышая готовность участников конфликта к диалогу. Эффективность практик зависит от институциональной поддержки: наличия регламентов, уровня подготовки ведущих, интеграции с воспитательной системой школы и межведомственного взаимодействия (Пучкина, Тимофеева, 2019).

Устойчивость результатов обеспечивается сочетанием восстановительных технологий с психолого-педагогическим сопровождением. Комплексные программы с тренингами коммуникации и рефлексивными сессиями демонстрируют выраженные и долговременные эффекты (Путинцева, 2023). Следует учитывать риски формализации восстановительных практик, подмены восстановительного подхода дисциплинарными мерами и недостаточной квалификации специалистов.

Практическая значимость состоит в возможности интеграции доказательных моделей восстановительных практик в систему профилактики конфликтного и девиантного поведения несовершеннолетних. Перспективны разработка критериев эффективности восстановительных программ, стандартизация подготовки ведущих и медиаторов, встраивание восстановительных технологий в программы воспитания. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочных эффектов восстановительных практик, их влияние на статус подростков и климат школьного коллектива.

Литература

1. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2017.
2. Коновалов А. Ю. Школьные службы примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство / Под ред. Л. М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.

3. Путинцева Н.В. Система работы в восстановительном подходе по профилактике и в ситуации травли в образовательной среде // Антология остракизма / Учебное пособие под ред. Бойкиной Е.Э. М.: ИД «Городец», 2023. С. 247–254.
4. Пучкина, Ю.А., Тимофеева, А.И. (2019). Объединение ресурсов системы образования и гражданского общества при выстраивании модели профилактической работы с детьми «группы риска». Вестник практической психологии образования, 16(3), 112–122.
5. Садовникова М. Школа и медиация. Давайте конструктивно общаться! М.: Издательские решения, 2019. 60 с.

Восстановительная работа по сложным семейным ситуациям: от практики к исследованию

Белоногова Е.В.
Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности» (г. Кемерово, Россия)

Специфика сложных семейных ситуаций (ССС): сложная структура конфликта, длительная история отношений, несколько участников разной степени родства, высокий накал эмоций, участие детей, зависимое положение члена семьи. Тем самым ССС выходят за рамки только судебного спора. Восстановительный подход (ВП) рассматривает их как «сложные ситуации человеческих отношений». Для их урегулирования нужна комплексная восстановительная работа с разными видами ВП-программ (медиация, круги сообщества, семейные конференции), которая помимо компетентности ВП-практика подразумевает организационные, нормативные и правовые условия.

ССС — вызов ВП-практику. Выработка адекватной технологии включает шаги: освоение исходной концепции и методологии ВП-работы; формирование нового опыта ВП-работы в нестандартной ситуации; интервизии внутри команды и супервизии в сообществе; рефлексия и анализ специфики ситуации и новой практики; эмпирическая апробация как основа доказательной практики; коррекция способов ВП-работы с учётом результатов апробации; разработка алгоритма ВП-работы по этому типу ситуаций; концептуализация и поиск понятий, релевантных новому опыту.

Территориальная служба примирения (ТСП) Кузбасса выработала алгоритм комплексной ВП-работы по ССС с участием детей, он включает: соглашение о взаимодействии ТСП с ОПДН (КДНиЗП/опекой/соцслужбами); получение и анализ заявки на ВП-работу; рабочий альянс с куратором кейса; предварительные ВП-встречи с участниками ситуации; выбор модели и проведение ВП-программ; интервизии и супервизии; документальное оформление; обратная связь от семьи и куратора кейса.

Модель ВП-работы включает: восстановительную семейную медиацию, результат – восстановление мира внутри семьи, отношений ребёнка с родителем/родными, решение вопросов коммуникации и быта, заглаживание вреда;

Межведомственный круг сообщества, результат – слаженные действия специалистов системы профилактики и сопровождения (дорожная карта поддержки семьи); Семейную конференцию, результат – план по выходу ребёнка из ситуации социального неблагополучия и семьи из кризиса.

ТСП провели более 250 ВП-программ по ССС. Социальные эффекты: прекращение вражды; сохранение/восстановление благоприятного статуса семьи (снятие с учёта в ПДН); сохранение целостности семьи, ребёнка в семье; превенция безнадзорности ребёнка; ответственность семьи и близкого окружения ребёнка за его социализацию; восстановление родительского контроля и авторитета родителя в глазах ребёнка; прекращение/снижение числа противоправных действий. Изменения в отношениях: участники открыто высказывают друг другу важные вещи и слышат близкого человека; рождается более ответственное отношение подростка к своему поведению и будущему, большее доверие между ним и его близкими; усваиваются уважительные способы общения; возникает осознание последствий своих поступков и сочувствие к близким за причинённую боль.

Какие психологические механизмы обеспечивают эффекты от ВП-работы с ССС? Какие психологические аспекты значимы для реализации этой работы? Какие научные концепты и теории объясняют данные эффекты? Какова специфика инструментария ВП-практика на различных этапах процесса восстановительной работы по ССС? Какова модель профессионально-личностной компетентности ВП-практика для работы с ССС?

Сейчас можно выделить основные направления программы исследований, ориентированных на понимание психологического содержания восстановительной работы в этой области. Их материалом могут стать описания собственной ВП-работы по ССС и кейсов коллег; фильмы по ВП; интервизии и супервизии; семинары по анализу кейсов и проектированию работы со случаем; литература по концепции и технологиям ВП; методические материалы и исследования по ВП; нормативные документы и правовые акты по обеспечению ВП-практики.

Топография психологических областей ВП: «сложные ситуации человеческих отношений» как объект социально-психологической реальности; реляционная трансформация отношений в процессе ВП-работы (интерпсихологическая); внутренние процессы и состояния участников ситуации и их динамика (интрапсихологическая); проектирование работы со случаем и управление процессом коммуникации (социотехническая); средства / инструментарий ВП-практика (психотехническая); профессионально-личностная компетентность и развитие ВП-практика для работы с ССС, а также организационно-правовые условия реализации ВП-работы с ССС.

Психологическое сопровождение несовершеннолетних правонарушителей в процессе реализации восстановительных программ

Галкина Н.В.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь, Россия)

В Российской Федерации особое внимание уделяется профилактике правонарушений несовершеннолетних, одной из технологий которой стали восстановительные технологии предупреждения и разрешения конфликтов с участием несовершеннолетних.

Л.М. Карнозова определяет восстановительный подход как системный подход к решению конфликтных ситуаций, который предусматривает восстановление нарушенных связей и отношений в жизни его участников и их социального окружения (Карнозова Л.М., 2009). В связи с этим указанный подход может быть рассмотрен в рамке ресоциализации.

По мнению И.Н. Поповой, *ресоциализация* представляет собой процесс преобразования индивида или социальной группы с целью восстановления и/или приобретения способностей и/или возможностей, необходимых для жизни в динамичном социуме, базирующийся на личностной активности индивида и реализующийся на основе взаимодействия субъектов в условиях управляемого регулирования педагогического, коррекционно-психологического, правового характера (Попова И.Н., 2022). Таким образом, восстановительные программы могут быть представлены в качестве одной из технологий ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей.

Действия несовершеннолетнего по заглаживанию причиненного вреда потерпевшему связаны с нравственно-психологической готовностью признания вины, однако специфика переживания несовершеннолетними правонарушителями вины не всегда принимается во внимание при проведении традиционных восстановительных программ.

Исследование вины несовершеннолетнего правонарушителя как субъекта восстановительного правосудия показало, что основными психологическими особенностями осознания и переживания ими вины являются деструктивные механизмы психологической защиты. Совместно с проявлениями дезадаптивной вины они препятствуют встрече «Я - идеального» с «Я – виновным» и тем самым мешают не только адекватному самовосприятию, но и принятию себя в качестве виновного, «защищают» субъекта от переживания (принятия) вины за совершенный им проступок и от «жертвы» правонарушения (Шаранов Ю.А., Галкина Н.В., 2023).

Согласно Л.С. Выготскому, зона ближайшего развития ребенка: «…это расстояние между уровнем его актуального развития, определенным с помощью задач, решенных самостоятельно, и уровнем возможного развития, определяемым с помощью задач, решаемых под руководством взрослых» (Выготский Л.С., 1984).

Для несовершеннолетнего таким взрослым становится ведущий восстановительных программ, однако необходимо признать, что переживаемые несовершеннолетним правонарушителем деструктивные чувства требуют специальной психологической проработки. В качестве такого направления было предложено психологическое сопровождение несовершеннолетних правонарушителей на этапе обсуждения возможности их участия в восстановительной программе.

Восстановительный подход задает ситуацию личностной свободы для несовершеннолетнего правонарушителя, которой он должен правильно распорядиться. Несовершеннолетний правонарушитель дважды встречается с необходимостью сделать выбор. Первый выбор происходит в ситуации, когда ведущий восстановительной программы предлагает подростку принять в ней участие. В рамках субъект-субъектного взаимодействия взрослый должен уважать любой выбор подростка, отказ последнего от участия в программе должен быть принят без осуждения. Второй выбор происходит, когда несовершеннолетний принимает решение об участии в восстановительной программе. Здесь можно констатировать факт появления субъекта, ответственного за ситуацию правонарушения. Вместе с тем, вопрос трансформации чувства вины в ответственность пока не получил должной представленности в методологии восстановительного подхода.

Диагностика и оценка специфики переживания несовершеннолетним вины имеет значение для разработки индивидуально-ориентированных восстановительных программ. *Спецификой работы с несовершеннолетними, имеющими разные уровни переживания вины, является степень включения взрослого в процесс принятия ответственности.* На наш взгляд, несовершеннолетние, имеющие тип переживания вины «Осознание вины и принятие ответственности» могут участвовать в восстановительной программе без предварительной психологической работы. Несовершеннолетние с другими типами переживания вины нуждаются в дополнительной работе с целью преодоления психологических барьеров.

Литература

1. Выготский Л. С. Детская психология // Собр. соч. в 6 томах. Т. 4. М.: 1984. С. 244-268.
2. Карнозова Л.М. Включение программ восстановительной ювенальной юстиции в работу суда: Методическое пособие. М.: 2009.108 с.
3. Попова И. Н. Проблематика ресоциализации несовершеннолетних в российских научных исследованиях // Перспективы науки и образования. 2022. № 5 (59). С. 66-88.
4. Шаранов Ю.А., Галкина Н.В. Опыт реализации индивидуально ориентированных восстановительных программ с несовершеннолетними правонарушителями с учётом специфики переживания ими вины//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2023 год. № 2. С. 275-282.

Социально-психологическая адаптация обучающихся СУВУ ЗТ с использованием восстановительных практик

Глазкова Д.А., Гурина О.Д.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Актуальность темы обусловлена социальной значимостью проблемы адаптации обучающихся специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (СУВУ ЗТ) и сложностями их интеграции в коллектив и общество. Учитывая специфику закрытых учреждений, низкий уровень социальной компетентности обучающихся, традиционные методы коррекции часто оказываются недостаточно эффективными. Восстановительные практики могут способствовать укреплению социальных связей, развитию коммуникативных компетенций, формированию личной ответственности и навыков конструктивного разрешения конфликтов, обеспечивая активное вовлечение подростков в процесс реабилитации (Путинцева Н.В., Власова Н. В., 2021).

Теоретические основы исследования опираются на межкультурную модель социально-психологической адаптации У. Серле и К. Уорда, дифференцирующую психологическую и социокультурную адаптацию. В концепциях отечественных психологов (Л.С. Выготского, Д.И. Фельдштейна, С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова) адаптация рассматривается как целостное единство субъекта и социальной среды. Н.Н. Мельникова описывает динамику социально-психологической адаптации этапами: первичная реакция на изменения, поиск стратегий, стабилизация или системная адаптация как спиралеобразное развитие с приобретением новых ресурсов.

Специфика адаптации обучающихся СУВУ ЗТ характеризуется высоким уровнем субъективной остракизации, эмоциональной изоляцией, отсутствием доверительных отношений со взрослыми и сверстниками, кризисом идентичности и социального положения при поступлении. В этот период критически важным становится принятие группой (Бойкина Е.Э., Радчиков А.С., Романова Н.М., Пятых Г.А., Киселев К.А., 2023).

Особенностями восстановительного подхода является ориентация на реконструкцию разорванных связей и отношений как между непосредственными сторонами, так и в пределах их референтного окружения. Важнейшими составляющими данного процесса выступают восстановление субъектности индивидов, организация диалогического взаимодействия, возрождение утраченной способности сторон к эмпатическому взаимопониманию и конструктивному разрешению сложных жизненных коллизий (Карнозова Л.М., 2014).

В рамках планируемого эмпирического исследования разработана методология изучения воздействия восстановительных практик в процессе социально-психологической адаптации обучающихся СУВУ ЗТ. Диагностический инструментарий включает стандартизированные опросники (методика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика

«Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла); качественные методы (полуструктурированное интервью, рефлексивные дневники, наблюдение). Экспериментальная база исследования – Рефтинское СУВУ ЗТ. Выборка исследования сформирована из 20 обучающихся мужского пола в возрасте 15-18 лет. Программа исследования предусматривает диагностический этап, формирующий этап (программа «Круг сообщества»), контрольный этап.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов для совершенствования программ социально-психологического сопровождения обучающихся специальных учебно-воспитательных учреждений.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Радчиков А.С., Романова Н.М., Пятых Г.А., Киселев К.А. (2023). Подросток в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России: субъективная остракизация, одиночество, мотивы аффилиации и смысложизненные ориентации. Вестник практической психологии образования, 20(4), 106–118. https://doi.org/10.17759/bppe.2023200410 (дата обращения: 20.03.2026).
2. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография. — Москва : Проспект, 2014. — 264 с.
3. Путинцева Н. В. Восстановительная программа «Круг сообщества» в профилактике девиантного поведения подростков в условиях ЦССВ / Н. В. Путинцева, Н. В. Власова // Вестник практической психологии образования. — 2021. — Т. 18, № 3. — С. 10–17. — DOI: 10.17759/bppe.2021180301 (дата обращения: 20.03.2026).

Формирование метапредметных и личностных компетенций подростков средствами восстановительных технологий: актуальность подготовки юных медиаторов-волонтёров

Ильина М.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Буслаева Е.Л.

Современная образовательная ситуация характеризуется разрывом между требованиями ФГОС к метапредметным и личностным результатам и реальной ориентацией школы на передачу знаний. Подростковый возраст остаётся сензитивным для становления коммуникативных навыков, рефлексии и ценностных ориентаций (Выготский Л.С., 2009).

Под метапредметными компетенциями понимаются надпредметные способы деятельности: коммуникация, рефлексия, саморегуляция, анализ ситуаций, принятие

решений. Их особенность — универсальность: навык конструктивного диалога не привязан к дисциплине. Личностные компетенции — ценностно-смысловые образования (эмпатия, ответственность, готовность к самоопределению, потребность в социально значимой деятельности); они не формируются через информирование, а требуют проживания опыта конструктивного взаимодействия (Маслоу А., 2007; Роджерс К., 1994).

Восстановительные технологии — совокупность методов, направленных на восстановление нарушенных отношений и принятие ответственности, а не на формальное «разрешение спора» или наказание. Их отличие от карательного подхода — смещение фокуса с вопроса «кто виноват?» на вопросы «что произошло?», «кто пострадал?», «что нужно сделать для исправления ситуации?». Основные технологии: восстановительная медиация, круги сообщества, семейные конференции (Стандарты восстановительной медиации, 2009; Коновалов А.Ю., 2014). Школьная служба примирения обеспечивает их реализацию (Коновалов А.Ю., 2014; Максудов Р.Р., 2012).

Методологическую основу составляют: концепция восстановительного правосудия и медиации (Стандарты восстановительной медиации, 2009); гуманистическая психология (Маслоу А., 2007; Роджерс К., 1994); возрастная психология (Выготский Л.С., 2009); теории стратегий поведения в конфликте (Томас К., 1972); метод школьной медиации в трудах Ц.А. Шамликашвили (2017), А.Ю. Коновалова (2014), Р.Р. Максудова (2012).

Ключевой механизм формирования компетенций — проживание опыта конструктивного диалога: подросток сам ищет решение, опираясь на ценности уважения, ответственности и взаимопонимания. Восстановительная программа создаёт безопасное пространство для разговора о чувствах и потребностях без риска санкций (Коновалов А.Ю., 2014; Максудов Р.Р., 2012). В нём формируются: рефлексивные способности; коммуникативные навыки (активное слушание, «Я-высказывания», открытые вопросы, перефразирование); эмоциональный интеллект (Кочетова Ю.А., 2021; Стандарты восстановительной медиации, 2009); личностные качества — эмпатия, ответственность, готовность к диалогу.

Актуальность подготовки юных медиаторов-волонтёров обусловлена: высоким уровнем конфликтности подростковой среды, включая травлю и кибербуллинг (Максудов Р.Р., 2012); снижением навыков «живой» коммуникации в условиях цифровизации; государственной поддержкой восстановительных технологий (Письмо Минпросвещения России, 2025); социальным заказом на социально ответственную личность. Пространство применения подхода расширяется за пределы юридически значимых ситуаций: школьные конфликты, травля, разрывы отношений, отчуждение. Эти ситуации не всегда подлежат правовой квалификации, но их последствия для социализации могут быть не менее серьёзными (Вестник восстановительной юстиции, 2026; Максудов Р.Р., 2012).

Юные медиаторы-волонтёры — особая категория участников образовательного процесса: они не просто осваивают теорию, но получают реальный опыт проведения

восстановительных программ, транслируют идеи подхода в школьное сообщество. Волонтёр-медиатор — не «помощник взрослого», а самостоятельный субъект восстановительной деятельности, носитель особой культуры общения (Коновалов А.Ю., 2014). Важно включение в профессиональное сообщество: знакомство с территориальными службами примирения, участие в супервизиях и интервизиях формирует ощущение причастности к профессиональному движению и укрепляет мотивацию (Вестник восстановительной юстиции, 2026). Конференции и конкурсы выполняют образовательную, мотивационную, коммуникативную и профориентационную функции (Вестник восстановительной юстиции, 2026). Профессиональное самоопределение — значимый результат: подростки знакомятся с профессиями, где навыки медиации ключевые (HR, психолог, дипломат, менеджер, юрист, медиатор), а практическая проба даёт опыт для портфолио. Медиация рассматривается как надпрофессиональный навык (Коновалов А.Ю., 2014).

Таким образом, подготовка юных медиаторов-волонтёров — научно обоснованный способ формирования метапредметных и личностных компетенций подростков. Восстановительные технологии создают условия для проживания опыта конструктивного диалога, рефлексии и принятия ответственности. Участие в профессиональном сообществе, конференциях и конкурсах укрепляет мотивацию и способствует профессиональному самоопределению. Формирование восстановительной культуры общения становится характеристикой образовательной среды. Развитие сети юных медиаторов-волонтёров — вклад в формирование поколения, способного к конструктивному взаимодействию и социально ответственному лидерству, а также расширение пространства восстановительного подхода за пределы юридически значимых ситуаций и новое поле для исследований (Вестник восстановительной юстиции, 2026; Максудов Р.Р., 2012).

Литература

1. Вестник восстановительной юстиции. Вып. 18. М.: Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, 2026.
2. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Смысл; Эксмо, 2009.
3. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014.
4. Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект старших подростков. М.: МГППУ, 2021.
5. Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2007.
7. Письмо Минпросвещения России от 11.04.2025 № 07-1660 «О методических рекомендациях».
8. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
9. Стандарты восстановительной медиации. М., 2009.
10. Томас К. Стратегии поведения в конфликте. М.: Прогресс, 1972.

11. Шамликашвили Ц.А. Медиация в вопросах и ответах. М.: МЦУПК, 2017.

Проектирование медиативной среды школы: коммуникативные практики советника директора по воспитанию

Куликова Н.С., Рябова Е.В.
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия)

Современная школа функционирует в условиях глубокой трансформации коммуникативных привычек учащихся под воздействием цифровой среды. Директивные и репродуктивные методы педагогического воздействия во многом теряют эффективность, уступая место диалоговым и восстановительным форматам. В связи с этим ключевое значение приобретает проектирование гибкой медиативной среды, способной оперативно реагировать на деструктивные проявления, социальный остракизм и конфликты. Под медиативной средой понимается целенаправленно созданное безопасное пространство, где приоритетным способом разрешения противоречий выступает восстановительный подход, базирующийся на принципах уважения, ответственности и совместного поиска решений. Основным координатором и драйвером интеграции таких практик в образовательный процесс становится советник директора по воспитанию.

Основу профессиональной деятельности советника в данном контексте составляют специализированные коммуникативные практики. Восстановительный подход требует от специалиста владения инструментами фасилитации и организации группового взаимодействия. Ключевой формой работы выступает проведение «кругов сообщества» и «кругов примирения» — технологий, направленных на осознание участниками конфликта последствий своих действий, восстановление нарушенных связей и формирование договоренностей. Роль советника заключается не в вынесении дисциплинарных наказаний, а в создании условий для открытого, конструктивного и безопасного диалога. Использование данных практик позволяет развивать у школьников универсальные коммуникативные компетенции: навыки спонтанной аргументации, критическое восприятие информации, эмпатию и эмоциональный самоконтроль. Интеграция интерактивных форматов, разбора кейсов и дебатов способствует формированию у учащихся устойчивых моделей бесконфликтного поведения, актуальных как для реальной жизни, так и для цифрового пространства.

Практическая реализация модели сталкивается со значительными организационными барьерами. Первым является профессиональное сопротивление части педагогического коллектива. Традиционные стереотипы авторитарного реагирования на нарушения дисциплины препятствуют принятию восстановительной парадигмы. Учителя могут воспринимать медиативные процедуры как избыточные. Для преодоления данного барьера советнику необходимо проводить системную просветительскую работу, организовывать обучающие семинары и транслировать

ценности восстановительного правосудия. Вторым условием выступает институционализация школьной службы примирения. Медиативная среда требует чётких алгоритмов взаимодействия между советником, администрацией, классными руководителями, педагогом-психологом и родителями. Только при создании согласованной нормативно-методической базы возможно успешное внедрение восстановительного подхода в качестве постоянного элемента школьной экосистемы.

Проектирование медиативной среды школы выступает неотъемлемым условием гармоничной социализации подростков и профилактики социальных рисков. Деятельность советника директора по воспитанию как ключевого медиатора позволяет сместить фокус с наказания на восстановление и осознанность, что способствует созданию поддерживающей атмосферы и снижению уровня подростковой агрессии.

Литература

1. Хеннер Е.К. Формирование ИКТ-компетентности учащихся и преподавателей в системе непрерывного образования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2008. 188 с.
2. Шаменкова Д.М. Управление конфликтами в современной школе: восстановительные и медиативные практики. СПб.: Образование, 2024. 215 с.

Медиация и переговорные стили в управлении конфликтами

Малютин И.П.
ГАОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан» (г. Уфа, Россия)

Современная корпоративная среда меняет оптику восприятия конфликта. Если классическая конфликтология середины XX века трактовала конфликт преимущественно как «борьбу за ценности и притязания на определённый статус, власть и ограниченные ресурсы» (Coser L., 1956), то сегодня исследовательский фокус смещается к тому, как медиативные протоколы запускают процедуры примирения и трансформируют когнитивные искажения. Выбор стратегии ведения спора зависит от того, как стороны интерпретируют конфликт: как поле битвы или пространство для совместного поиска решений.

Медиация строится как диалог, когда нужно перейти от противостояния к поиску решения. Она часть архитектуры менеджмента, способствующая развитию нематериальных активов компании: бренда, репутации, ценностей, этического кодекса, коммуникаций. Достижимым результатом становится решение, сохраняющее возможность продолжения взаимодействия, уменьшающее потери сторон и создающее основу для устойчивых деловых договорённостей. Медиативный формат снижает риск эскалации и переводит конфликт из разрушительной плоскости в управляемое русло диалога.

В. Кернтке подчёркивает: «Необходимость стороннего вмешательства значительно увеличивается, если стороны способны рассуждать об исходе конфликта лишь в понятиях победы и поражения» (Кернтке В., 2012). Представляет интерес отечественная методика оценки переговорного стиля (МОПС), исходящая из полярных стратегий – дистрибутивной и интегративной (Солдатова Г.У., Гасимов А.Ф.), подтверждая возможность перехода от зарубежных моделей к созданию национальных стандартов оценки.

Медиация трансформирует деструктивные повторяющиеся паттерны в стратегии разрешения существующих проблем. Как считает М.В. Ветлицкая, «самое главное для посредника как архитектора отношений – с помощью культурных средств переводить конфликтное взаимодействие в кооперативное, деструктивность – в полифонию интересов» (Ветлицкая, 2026).

Переговорный стиль представляет устойчивые повторяющиеся когнитивно-коммуникативные паттерны поведения. В корпоративной среде они формируются в результате совершения сделок, циклично воспроизводимых переговорных ролей, практик взаимодействия.

Медиативный подход снижает вероятность бескомпромиссной конкуренции за обладание ресурсами или иными ценностями, что создаёт предпосылки для обсуждения интересов. Медиатор осуществляет рефрейминг – смену фреймов восприятия ситуации (с метафоры «бизнес – это жестокая война на выживание сильнейшего» на «бизнес – это целостная экосистема, где могут мирно – в конкуренции и партнёрстве развиваться разные компании»). По утверждению Д. Лакоффа, «метафора становится когнитивным мостом между нашим конкретным, знакомым миром и более абстрактными, завуалированными концепциями, с которыми нам приходится иметь дело» (Лакофф, Дж., 2023). Так метафоры способны значимо влиять на когнитивную матрицу.

В целом переговорные стили являются динамическими институционально закреплёнными паттернами поведения участников переговоров, а медиативный формат конвертирует силы противостояния в капитал партнёрства, обеспечивая устойчивость достигнутых договорённостей после завершения переговоров.

Литература

1. Ветлинская М.В. Личностные предпосылки готовности к посреднической деятельности в ситуации урегулирования споров: дис. … канд. психол. наук. – М., 2026. – 237 с.
2. Кернтке, В. Медиация как метод организационного развития: работа с конфликтами – руководство к действию для руководителей / Пер. С нем. И. Тарасовой. 2-е изд. – СПб.: Изд-во Вернера Регена, 2012. – 238 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер с англ. / Под ред. И с предисл. А.Н. Баранова. Изд. стереотип. – М.: Изд-во ЛКИ, 2023. – 256 с.
4. Coser L. The Functions of Social Conflict / L. Coser. – Glencoe : Free Press, 1956. – 368 p.

Модель работы с педагогическим коллективом по освоению восстановительного подхода к профилактике и разрешению конфликтных ситуаций в образовательной организации

Путинцева Н.В., Винокурова Г.А., Миттеран Ю.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
ГБОУ «Школа № 2070» (г. Москва, Россия)

В конфликтных ситуациях между участниками образовательных отношений важна роль педагога, особенно классного руководителя, когда необходимо вовремя заметить разгорающийся конфликт и грамотно отреагировать на ситуацию. Зачастую сам педагог, не осознавая этого, провоцирует конфликт своими высказываниями в адрес ученика/родителя/коллеги. Вместо того, чтобы конструктивно разрешить конфликтную ситуацию, педагог начинает её эскалировать (через эмоции, подключение родителей класса) и обращаться к психологу, социальному педагогу, старшему методисту, перекладывая на них ответственность за сложившуюся ситуацию и её решение.

В последнее время в московских школах восстановительный подход к профилактике и разрешению конфликтных ситуаций реализуется через деятельность школьных служб примирения (ШСП) посредством примирительных встреч и кругов сообщества между участниками образовательных отношений (Коновалов А.Ю., 2014). На наш взгляд, важно в самом педагогическом коллективе взращивать ценности восстановительной культуры, где человек не объект манипуляций, а субъект своей жизни. В ГБОУ «Школа № 2070» на сегодня выстраивается следующая модель:

1. Обучение администрации и педагогов образовательной организации, в том числе сотрудников дошкольных образовательных площадок, направленное на понимание ценностей, принципов и практик восстановительного подхода.

2. В начале учебного года для профилактики конфликтных ситуаций проведение классными руководителями совместно со специалистами ШСП кругов сообщества с родителями и с учениками. После круга сообщества с учениками специалист ШСП совместно с классным руководителем проводит цикл тренинговых занятий «Учусь общаться» для развития коммуникативных, рефлексивных способностей и позитивной Я-концепции у учащихся.

3. Участие педагогов в качестве ведущих восстановительных программ («Программа примирения», «Круг сообщества») с возможностью получения консультации и супервизии у специалистов ШСП.

4. Проведение по сложным ситуациям комплексного анализа ситуации с привлечением председателя методического объединения, методистов по качеству, содержанию (в зависимости от ситуации). После сбора всей достоверной информации проведение со всеми сотрудниками школы, включёнными в ситуацию, рабочей

педагогической встречи в формате круга сообщества с целью прояснения актуальной ситуации и поиска конструктивных выходов из неё: как каждый видит сложившуюся ситуацию и что готов делать для её изменения в лучшую сторону. Помимо принятых решений в конце встречи участники договариваются о механизме отслеживания выполнения решений и повторной встрече по реализации принятых решений. Организатор встречи – старший методист образовательной площадки, вести встречу в формате круга сообщества может куратор ШСП. По согласованию со старшим методистом куратор ШСП оформляет протокол, который рассылается всем участникам встречи.

Литература

1. Коновалов, А. Ю. Круг сообщества / А. Ю. Коновалов, Н. В. Путинцева. — Текст : электронный // Каталог психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде. — Москва : Общественная организация «Федерация психологов образования России», 2018. — С. 191–195. — URL: https://rospsy.ru/sites/default/files/FPOdocuments/Каталог%20психолого-педагогических%20программ%20и%20технологий.pdf (дата обращения: 17.10.2026).
2. Коновалов, А. Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений : практическое руководство / под общ. ред. Л. М. Карнозовой. — 2-е изд., дораб. — Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2014. — 306 с.
3. Путинцева, Н. В. Система работы в восстановительном подходе по профилактике и в ситуации травли в образовательной среде / Н. В. Путинцева // Антология остракизма : учебное пособие / под ред. Е. Э. Бойкиной. — Москва : ИД «Городец», 2023. — С. 247–253.

«Восстановительный кинокруг» в Клубе выпускников ВП МГППУ

Соболева Н.А., Елсукова О.М.
Клуб выпускников ВП МГППУ (г. Москва, Россия)

В России набирает темп развитие восстановительного правосудия и восстановительного подхода, в том числе путем создания новых форм самоорганизации участников восстановительного движения: уточняется понятийный аппарат, формируется общий профессиональный язык, расширяется сообщество специалистов, работающих с конфликтами и ситуациями причинения вреда. С 2022 года в МГППУ действует магистерская программа по восстановительному подходу в сфере детства.

Летом 2025 года магистры создали Клуб выпускников ВП МГППУ. Его задача — поддерживать профессиональные связи и пространство взаимной поддержки, в котором специалисты могут делиться опытом и обсуждать сложные вопросы практики, сохраняя общность профессиональных ориентиров.

Одним из направлений работы Клуба стала организация коллективных просмотров и обсуждений художественных фильмов, затрагивающих темы конфликта, причинённого вреда, ответственности, диалога и восстановления отношений. Так Клуб продолжает одну из традиций восстановительного движения — профессиональную рефлексию и совместное осмысление сложных человеческих ситуаций.

В этом формате фильм рассматривается как материал для исследования собственного профессионального взгляда: на что обращает внимание специалист, чьи переживания замечает, как понимает вред и ответственность в данном контексте, каких результатов ожидает от диалога, что считает восстановлением и другие возникающие вопросы. Сопоставление индивидуальных взглядов помогает обнаружить общие профессиональные ориентиры, различия в интерпретациях и вопросы, требующие дальнейшего осмысления и соотнесения с практикой.

Первым профессиональным материалом стал фильм Жанны Эрри «Я всегда буду помнить ваши лица», в котором показаны встречи людей, пострадавших от преступлений, с совершившими их в рамках программ восстановительного правосудия.

Совместный просмотр стал особым опытом взаимодействия. Участники отметили, что подобный формат воспринимается иначе, чем при индивидуальном просмотре. Ощущение присутствия другого вызывает более яркие эмоциональные переживания и открывает возможности сразу поделиться впечатлениями, мыслями и наблюдениями. Фильм словно становится объёмнее, открывая новые смыслы через различия и совпадения в восприятии участников.

Обсуждение строилось вокруг вопросов: что этот фильм может открыть нам как ведущим восстановительных программ? Что мы увидели? О чём задумались? Разбор вышел за рамки обмена впечатлениями: отдельные эпизоды стали поводом обратиться к собственному профессиональному опыту, осмыслить свои реакции и сомнения, задуматься о привычных способах действовать в практике.

В центре обсуждения оказались нейтральность ведущего и его ответственность за безопасность участников, возможность говорить о причинённом вреде и ответственности без давления, а также действия специалиста в ситуациях, когда ожидания сторон не совпадают. Размышляли о роли ведущего восстановительных программ, о том, как создать условия, в которых человек может говорить о сложном и быть услышанным, не подталкивая участников к заранее заданным выводам.

Эти темы позволили обратиться и к собственным профессиональным реакциям: стремлению объяснять свои действия, опасению затрагивать болезненные темы, сомнениям в собственной компетентности. Сопоставление этих реакций с поведением героев фильма помогло точнее сформулировать вопросы, возникающие в собственной практике. Профессиональная компетентность ведущего проявляется не только в знании вопросов и приёмов, но и в способности выдерживать сложные переживания и неопределённость, оставляя участникам пространство для самостоятельного осмысления происходящего.

Отдельное внимание было уделено тому, как разговор о последствиях поступка может помочь человеку перейти от признания факта причинения вреда к осмыслению собственной ответственности. Обсуждалось и то, почему восстановительный процесс не предполагает обязательного прощения и не всегда приводит к примирению. При этом мы обращались к опыту обеих сторон: к потребности людей, которым причинён вред, быть услышанными, осмыслить произошедшее и найти возможность жить дальше, а также к переживаниям тех, кто причинил вред, — чувству вины, трудностям принятия последствий своих действий и возможности выйти из сосредоточенности на прошлом. Это позволило рассмотреть восстановительную программу не как путь к заранее определённому результату, а как процесс, в котором участники могут по-разному осмысливать произошедшее и определять дальнейшие шаги.

Значимым результатом встречи стали не только новые наблюдения и неожиданные открытия, но и вопросы, оставшиеся для дальнейшего осмысления. В этом мы видим одну из возможностей восстановительного кинокруга: создавать пространство, в котором специалисты могут вместе смотреть, думать и разговаривать, сопоставлять профессиональные взгляды и поддерживать друг друга в исследовании сложных вопросов практики.

Договороспособность молодых пар на этапе создания семьи: возможности медиативного и восстановительного подходов

Сырейщикова Я.С.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

На этапе создания семьи партнерам приходится договариваться о том, что во время знакомства нередко остается за рамками разговора: семейном бюджете, домашних обязанностях, отношениях с родственниками, личных границах, планах на детей. Даже если общие взгляды на жизнь совпадают, ожидания в повседневных вопросах могут различаться. Важно не только то, какие разногласия возникают, но и способны ли партнеры обсуждать их и искать решения, которые учитывают интересы обоих.

Предмет исследовательского интереса — договороспособность молодых пар. Под ней предварительно понимается способность партнеров обсуждать несовпадающие позиции, слышать друг друга и приходить к добровольным, реалистичным договоренностям. Это не отсутствие конфликтов и не готовность уступать во всем, а способность сохранять диалог при наличии разногласий. Такое понимание является рабочим и нуждается в дальнейшем уточнении.

В семейной медиации внимание уделяется интересам участников, а поиск решения остается за самими сторонами (Паркинсон Л., 2016; Дубинина И.А., 2020). Однако применительно к молодым парам интерес представляет не только разрешение уже возникшего спора. Возникает вопрос: можно ли использовать принципы и

отдельные приемы медиации для формирования умения договариваться еще до появления серьезного конфликта?

Восстановительный подход обращает внимание на диалог, взаимное понимание, ответственность участников и сохранение значимых отношений. При этом классическая и восстановительная медиация различаются по своим ценностным основаниям и задачам (Грудников Н.С., Пастухова Е.Г., 2026). Поэтому нельзя механически переносить восстановительную процедуру, связанную с причинением вреда, на подготовку людей к браку. Требуется отдельно рассмотреть, какие идеи восстановительного подхода уместны для профилактической работы с парами и при каких условиях они могут быть полезны.

В дальнейшем планируется изучить, о чем молодые партнеры считают необходимым договариваться при создании семьи, что помогает им достигать соглашений и какие темы вызывают наибольшие затруднения. Предполагается сравнить представления мужчин и женщин, а также пары, состоящие в зарегистрированном браке, и пары, живущие совместно без регистрации. Эти данные могут помочь уточнить признаки договороспособности и определить способы ее исследования.

Практической перспективой работы видится программа подготовки молодых пар к семейной жизни. Ее задача — не предлагать готовые правила, а создавать условия для обсуждения ожиданий, разногласий и поиска совместных решений. Пока это направление исследования и проектная идея: возможность применения медиативного и восстановительного подходов, как и результативность будущей программы, еще предстоит проверить.

Литература

1. Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. Ценностные основания классической и восстановительной медиации: сравнительный анализ двух моделей посредничества // Психология и право. 2026. Т. 16. № 2. С. 198–214.
2. Дубинина И.А. Семейная медиация как эффективный способ разрешения семейных споров // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 249–251.
3. Паркинсон Л. Семейная медиация. 2-е изд. М.: МЦУПК, 2016. 316 с.

Интегративная структура психологического благополучия родителей детей с ОВЗ и возможности восстановительных практик

Трубина К.В.
Частнопрактикующий психолог (г. Чебаркуль, Россия)

Воспитание ребёнка с ОВЗ сопряжено с высокой нагрузкой и требует адаптации семьи. Психологическое благополучие родителей при этом – ресурс, значимый для развития ребёнка. В психологии сложились две традиции понимания благополучия: гедонистическая (баланс аффекта и удовлетворённость жизнью) и эвдемонистическая

(личностный рост и смысложизненные ориентации). В отечественной науке эти идеи развиваются в интегративных и ресурсных концепциях (Бочарова Е.Е., 2005). Для родителей детей с ОВЗ оправдан интегративный подход, различающий субъективное и психологическое благополучие в узком смысле: это позволяет отделить сиюминутное состояние родителя от устойчивых ресурсов.

На основе данного различения предлагается структура из четырёх компонентов: эмоционально-оценочного, когнитивно-смыслового, личностно-развивающего и конативного. Эмоционально-оценочный компонент связан с балансом аффекта и оказывается уязвимым при хроническом стрессе и социальной изоляции. Когнитивно-смысловой включает осмысленность жизни, наличие целей и ценностный конфликт; его уязвимость проявляется при рассогласовании ценностей и кризисе ролевой идентичности. Личностно-развивающий охватывает самопринятие, автономию, управление средой, позитивные отношения и личностный рост, на нём сказываются деформация семейной системы и утрата субъектной позиции. Конативный компонент связан с поведенческими стратегиями в трудных ситуациях и страдает при нарушении отношений внутри семьи.

В связи с этим возникает вопрос: какие практики обладают ресурсом для работы с разными компонентами благополучия? Представляется, что таким ресурсом обладает восстановительный подход. Восстановительные практики создают условия для диалога, в котором участники могут выразить свои переживания, услышать друг друга и совместно найти решение, а также актуализируют у участников ценности человечности и субъектности (Коновалов А.Ю., 2026). Опора на эти ценности позволяет работать с несколькими компонентами благополучия одновременно.

Обратимся к конкретным механизмам. Круг сообщества предполагает пересмотр участниками значимых ориентиров и соотнесение их с реальной ситуацией. Для родителя, переживающего ценностный конфликт, это открывает путь к восстановлению осмысленности жизни, что связано с когнитивно-смысловым компонентом благополучия. Участие в круге предполагает совместное обсуждение значимой для всех участников проблемы, что снижает риск изоляции и поддерживает эмоционально-оценочный компонент. Восстановительная медиация и семейная конференция предполагают активное участие сторон в обсуждении и принятии решений. Для родителя ребёнка с ОВЗ это значимо потому, что в ситуациях, связанных с лечением, обучением и социализацией ребёнка, решения часто принимаются внешними инстанциями. Возможность участвовать в обсуждении и нести ответственность за принятые решения меняет эту позицию, возвращая родителю субъектность и делегируя ему разрешение конфликтной ситуации (Карнозова Л.М., 2026). Это соотносится с личностно-развивающим компонентом благополучия, а именно с автономией и управлением средой: родитель перестаёт быть объектом внешних решений и занимает субъектную позицию. Семейная конференция предполагает самостоятельную разработку плана действий, что поддерживает конативный компонент, поскольку речь идёт о конкретных шагах в условиях неопределённости.

Проведённый анализ показывает, что предложенная структура благополучия позволяет не только описать риски, с которыми сталкиваются родители детей с ОВЗ, но и определить, на какие из них могут быть направлены восстановительные практики. При этом предложенная интегративная структура и её соотнесение с возможностями восстановительных практик носят теоретический характер. Дальнейшая работа предполагает эмпирическую проверку выделенных компонентов и исследование того, как именно участие в восстановительных практиках влияет на каждый из них.

Литература

1. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь ценностных ориентаций, стратегий поведения и субъективного благополучия личности: дис. … канд. психол. наук. Саратов, 2005. 192 с.
2. Карнозова Л.М. Мониторинг деятельности территориальных служб примирения (Всероссийская ассоциация восстановительной медиации) // Вестник восстановительной юстиции. 2026. № 18. С. 166-189.
3. Коновалов А.Ю. Актуализация ценностей человечности и субъектности в восстановительном подходе // Вестник восстановительной юстиции. 2026. № 18. С. 5-9.

Восстановительный семейный диалог как инструмент преодоления коммуникативных дефицитов в супружеских и партнёрских диадах

Шевень А.А.
Общероссийская общественная организация по поддержке семьи «Союз семей России» (г. Сочи, Россия)

Современные исследования в области юридической психологии всё чаще фиксируют ситуации, когда формально семья сохраняется, но фактически коммуникация в паре нарушена. Бракоразводные процессы и споры о воспитании детей выступают лишь внешним проявлением более глубоких семейных дисфункций. В их основе лежит дефицит диалога, при котором партнёры утрачивают способность к эффективному взаимному восприятию задолго до обращения в судебные или психологические инстанции.

Традиционные форматы психологического консультирования не всегда демонстрируют достаточную эффективность в работе с такими случаями. Они преимущественно направлены на формирование коммуникативных навыков, тогда как ключевая детерминанта проблемы лежит глубже — в утрате доверия и снижении способности к эмпатическому восприятию. В этом контексте значительным потенциалом обладает восстановительный подход, изначально разработанный для работы с криминальными конфликтами (Карнозова, 2024).

На основе анализа теоретических и практических разработок можно утверждать, что технологии восстановительного диалога (круги сообщества, медиация) являются

не просто инструментом разрешения споров, а эффективным механизмом трансформации общения в паре. В отличие от традиционного консультирования, восстановительный диалог не только формирует новые навыки, но и создаёт особое пространство, в котором становится возможным восстановление утраченного доверия и эмпатии.

Опираясь на структурную модель общения В.Н. Куницыной, деструктивные отношения рассматриваются как разрыв между тремя компонентами: коммуникативным (обмен информацией), интерактивным (организация взаимодействия) и перцептивным (восприятие и понимание) (Куницына, 2001). Восстановительные практики воздействуют на каждый из этих компонентов. «Круг сообщества» создаёт безопасную среду, в которой партнёры осваивают правила «Я-сообщений» и переходят от взаимных обвинений к обмену переживаниями (Коновалов, Путинцева, 2018). Процедура медиации трансформирует интерактивный уровень, переводя супругов из позиции «противников» в позицию «соавторов» совместного решения. В процессе диалога происходит восстановление перцептивной функции — партнёры возвращают способность к безоценочному восприятию друг друга.

Таким образом, восстановительный семейный диалог выступает превентивным механизмом, позволяющим укрепить отношения до того, как они станут предметом юридического разбирательства. Понимание психологических механизмов данного процесса открывает перспективы для разработки доказательных программ, направленных на укрепление конструктивного общения и психологического благополучия семейных пар.

Литература

1. Карнозова Л.М. Дискурсы примирения и проблемы институционализации примирительных процедур по уголовным делам // Психология и право. 2024. Том 14. № 2. С. 239–253.
2. Коновалов А.Ю., Путинцева Н.В. Круг сообщества / Каталог психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде. — М.: Общественная организация «Федерация психологов образования России», 2018. С. 191–195.
3. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение: учебник для вузов. — СПб.: Питер, 2001. — 544 с.

Альтернативные методы урегулирования конфликтов в трудовых коллективах: роль конфликтологической культуры руководителя

Ярмонова Е.Н.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Тема досудебного разрешения конфликтов в трудовых коллективах сохраняет высокую актуальность для современного российского общества.

На государственном уровне создана административная система досудебного разрешения споров, включающая Комиссии по трудовым спорам, Государственную инспекцию труда и органы прокуратуры. Однако, исключить спорные ситуации только правовыми методами невозможно. Конфликты в коллективах обладают высоким уровнем латентности: часть из них разрешается на уровне руководства, часть перерастает в хроническую форму, а часть приводит к увольнению сотрудников. Государство не вмешивается в психологическую и коммуникативную сферу отношений, поэтому возникает острая необходимость в поиске иных, альтернативных методов урегулирования конфликтов.

Особенность конфликтов в трудовых коллективах определяется тем, что их участники могут находиться на разных ступенях служебной лестницы. Выделяют горизонтальные конфликты (между сотрудниками) и вертикальные (между руководителем и подчиненным). В горизонтальных конфликтах руководитель может выступать в роли посредника, тогда как в вертикальных он является непосредственной стороной спора, что требует от него повышенного самоконтроля и умения не переходить на личные обиды.

Важно различать «разрешение спора» и «урегулирование конфликта». Разрешение спора часто происходит через правоприменительный орган и может не устроить одну из сторон, сохраняя при этом конфликтные отношения. Урегулирование же основано на достижении компромисса путем конструктивного переговорного процесса своими сторонами.

К альтернативным методам досудебного урегулирования относятся:

1. Переговоры – это наиболее распространённый способ, не требующий участия третьей стороны. Они эффективны при взаимозависимости сторон и отсутствии значительного неравенства возможностей.

2. Медиация. Процедура с участием независимого профессионального посредника (медиатора). Медиация обеспечивает конфиденциальность (сохраняя деловую репутацию), добровольность, минимальные сроки принятия решений и позволяет сохранить рабочие отношения.

3. Восстановительные программы (например, «Круг сообщества»), основанные на принципах взаимоуважения нейтральности ведущего и заглаживании вреда.

Применение указанных методов требует создания соответствующих условий в организации. В малом и среднем бизнесе, где в штате редко присутствуют психологи или медиаторы, ключевой фигурой становится руководитель. Именно от его

конфликтологической культуры зависит выбор стратегии поведения и методов урегулирования.

Под конфликтологической культурой руководителя понимается единство мировоззренческих установок (ценностей, принципов, отношений к людям) и конфликтологической компетентности. В ее структуре выделяют три составляющие: конфликтологическую компетенцию (теоретические знания о конфликте), готовность (установки на управление конфликтом, выбор стратегий) и компетентность (практические умения и навыки).

Развитие этой культуры предполагает формирование культуры мышления (рациональный анализ ситуации), культуры чувств (управление эмоциями, эмпатия), коммуникативной культуры (активное слушание, Я-сообщения) и поведенческой культуры. Руководитель должен обладать стрессоустойчивостью, нейтралитетом и желанием помочь, а не просто наказать виновных.

Таким образом, административных и правовых методов для урегулирования споров в трудовых коллективах недостаточно. Внедрение и использование альтернативных методов (переговоров, медиации, восстановительных программ) позволяет экономить ресурсы, сохранять репутацию компании, снижать кадровый отток и напрямую зависит от уровня конфликтологической культуры руководителя.

Психометрическая адаптация опросника «Шкала базовых психологических потребностей в использовании технологий» L. Moradbakhti, B. Leichtmann, M. Mara: анализ пунктов теста для выборки сотрудников силовых структур

Васильева И.В., Тихонова С.С.
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень, Россия)
ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России» (г. Тюмень, Россия)
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Развитие искусственного интеллекта и его распространение на все сферы отношений человека с социальной средой закономерно приводит к проникновению ИИ-технологий в деятельность различных институтов, включая правоохранительные структуры. Вопрос взаимодействия сотрудников силовых структур с агентами искусственного интеллекта всё ещё остается недостаточно изученным вопросом хотя бы потому, что технологии ИИ возникли относительно недавно. Оценка такого взаимодействия предполагает наличие валидного и надёжного инструментария. Раннее нами был проведен item-анализ пунктов теста BPN-TU (Basic Psychological Needs Scale for Technology Use) на выборке студентов университета. В данной работе описывается адаптация Шкалы базовых психологических потребностей в использовании технологий L. Moradbakhti, B. Leichtmann и M. Mara на выборке сотрудников силовых структур (Moradbakhti L., 2024). Методика включает в себя 12 пунктов, которые образуют 4 фактора: удовлетворенность потребностей в автономии, компетентности, социальной связанности и технологической связанности. Шкала оценивает уровень удовлетворенности базовых потребностей при использовании различных технологий.

В исследовании участвовало 86 сотрудников МВД РФ и Росгвардии в возрасте от 18 до 45 лет (M=24; SD=5,92): 30 из которых женского пола (34%), 56 – мужского. Стаж респондентов варьировался от 1 месяца до 5 лет (M=11,3 мес.; SD=10.8). Основную часть выборки составили сотрудники Росгвардии (48%), далее идут сотрудники подразделений МВД, выполняющих функции охраны общественного порядка и оперативно-розыскной деятельности (28%), подразделений по вопросам миграции и кадровых служб (16%), экономического блока (8%).

В ходе проведения анализа пунктов теста было выяснено, что уровень дискриминативности (от 0.65 до 0.9) и трудности (от 0.07 до 0.49) для некоторых вопросов оказались неудовлетворительными. Для проверки совпадения факторной структуры адаптированного опросника с оригинальной шкалой, был проведен конфирматорный факторный анализ в программе AMOS SPSS v.23. В процессе

построения факторной модели было установлено, что пункты шкалы №2 (Когда я использую ChatGPT, я чувствую себя главным) и №11 (Я дружелюбно отношусь к чату GPT) демонстрируют показатели, не соответствующие нормативным критериям согласия с оригинальной версией методики. Было принято решение удалить их из итоговой версии опросника, все остальные пункты шкалы демонстрировали адекватные показатели соответствия оригинальной модели.

Полученные результаты позволяют заключить, что адаптируемая версия опросника «Basic Psychological Needs Scale for Technology Use» может быть подвергнута дальнейшим психометрическим процедурам. Итоговая версия адаптируемой методики для русскоязычной выборки включает 10 пунктов.

На текущем этапе реализована первичная адаптация опросника. Перспективы дальнейших исследований связаны с оценкой ретестовой надёжности и надёжности по внутренней согласованности, а также с анализом конвергентной и дискриминантной валидности на выборке сотрудников силовых структур. Итоговый вариант методики может найти применение в качестве инструмента для диагностики особенностей взаимодействия сотрудников силовых структур с ИИ-технологиями.

Литература

1. Moradbakhti L., Leichtmann B., Mara M. Development and Validation of a Basic Psychological Needs Scale for Technology Use // Psychological Test Adaptation and Development. 2024. Vol. 5. No. 1. P. 26–45. DOI: 10.1027/2698-1866/a000062.

Особенности психологического обеспечения органов прокуратуры на современном этапе

Вахнина В.В.
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Психологическое обеспечение деятельности органов прокуратуры Российской Федерации представляет собой вид деятельности, направленный на формирование и поддержание морально-психологического состояния на уровне, позволяющем эффективно выполнять профессиональные задачи в повседневных и особых условиях. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности работников органов прокуратуры Российской Федерации позволяет повышать эффективность служебной деятельности и успешно решать профессионально значимые задачи с использованием специальных психологических знаний. Используемая в современной психологической практике технология психологического обеспечения, позволила:

определить основные направления психологической работы;

проанализировать комплекс профессионально важных качеств личности, с учетом требований профессиональной деятельности работников органов прокуратуры, используемый при проведении профессионального психологического отбора;

выявить особенности морально-психологического климата в служебных коллективах;

выделить комплекс специальных психологических знаний, использующихся прокурорскими работниками в процессе решения профессионально значимых задач.

В период 2025-2026 гг. проведенное сотрудниками отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации эмпирическое исследование с участием психологов органов прокуратуры и прокурорских работников по различным направлениям прокурорского надзора позволило выявить специфику психологического обеспечения прокурорской деятельности в современных условиях, определить пути и перспективы совершенствования психологической работы в органах прокуратуры.

Выборка из 747 опрошенных прокурорских работников репрезентативна. В современных условиях большинство прокурорских работников вполне удовлетворены существующим психологическим обеспечением прокурорской деятельности, однако они высказывают желание совершенствовать психологические компетенции и применять психологические знания в повседневной работе, при реализации профессиональных задач.

Выявлены факторы, влияющие на эффективность деятельности прокурорских работников, т.к. 63% опрошенных считают, что для повышения эффективности психологического обеспечения прокурорской деятельности необходимо осуществлять непосредственное взаимодействие со специалистом-психологом. Определено, что молодые специалисты высоко оценивают престижность работы в органах прокуратуры, она нравится и выполняется с желанием (70,6%).

Выявлено, что специалисты-психологи, перечисляя основные мероприятия психологической работы, осуществляемые ими, считают, что уделяют данным направлениям достаточно времени: психологическая помощь молодым специалистам (97%); изучение психологического климата (98% респондентов); консультирование прокурорских работников, членов их семей, пенсионеров органов прокуратуры (74%); психологическое сопровождение служебной деятельности (52%).

Таким образом, чтобы оптимизировать взаимодействие специалистов-психологов и прокурорских работников, целесообразно:

– учитывать запрос прокурорских работников на психологическое сопровождение профессиональной деятельности с использованием актуальных психотехнологий;

– применять современные психотехнологии, которые позволят эффективно преодолевать эмоциональные и профессиональные трудности, негативные чувства и состояния, оптимизировать морально-психологический климат, успешно осуществлять индивидуально-психологическое консультирование.

В качестве основных перспектив психологической работы можно выделить:

– оказание помощи молодым специалистам;

– изучение социально-психологического статуса руководителя в коллективе, умение мотивировать работников к эффективному осуществлению деятельности;

– оказание психологической помощи прокурорским работникам по вопросам служебной деятельности, консультирование руководителей по вопросам управления служебным коллективом;

– обеспечение прокурорских работников психологическими знаниями для использования в профессиональной деятельности, направленными на профилактику негативного информационно-психологического влияния, формирование морально-психологической устойчивости.

Особенную приобретают актуальность уголовные дела, связанные с преступлениями ВСУ, в первую очередь на территории России, а также при судебном расследовании преступлений экстремистской направленности и деятельности мошенников, организованных кураторами с Украины.

Деятельность прокурора при рассмотрении обращений включает выраженную психологическую составляющую. Таким образом, психологические знания играют решающую роль в процессе прокурорского надзора.

Психологические ресурсы и дефициты устойчивости жён участников специальной военной операции как мишени адресной психологической помощи в условиях пролонгированного стресса

Веричева Я.И.

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (г. Кострома, Россия)

Актуальность исследования обусловлена тем, что жёны участников боевых действий длительное время живут в ситуации неопределённости, угрозы потери близкого и ролевой перегрузки, тогда как стратегии психологической помощи могут не четко учитывать специфику распределения ресурсов и дефицитов психологической устойчивости для более эффективного оказания им практической психологической помощи.

В зарубежных работах смысл жизни и социальная поддержка рассматриваются как буфер против стресса, а женщины чаще находят смысл через отношения (Russo-Netzer P., 2025). Сильная поддержка и благосостояние выступают защитными факторами, низкий социально-экономический статус и одиночество повышают риск депрессии, тревоги и ПТСР (Deyessa N., 2025). Устойчивость связывается с заботой и взаимозависимостью (Berry M.E., 2022).

Цель – выявить структуру ресурсов и дефицитов устойчивости жён участников боевых действий и обосновать мишени помощи. Развёрнутые ответы 83 респонденток подвергнуты категориальному контент-анализу; неравномерность распределений оценивалась по критерию χ^2 со стандартизованными остатками (поправка Бонферрони), доли сопоставлялись по φ-критерию Фишера. Частоты считались по упоминаниям.

Зафиксировано 136 упоминаний ресурсов и 119 рисков (рис. 1). Ресурсы распределены неравномерно (χ^2=44,97; df=6; p<0,001): внутренние ресурсы (29,4%),

социальная поддержка (19,9%) и активные стратегии (19,1%) дают 68,4% упоминаний, отсутствие ресурсов отмечено в 3,7%. Риски распределены ровнее (χ^2=21,88; df=6; p<0,01): социально-ролевое давление (23,5%), интерперсональные риски (20,2%) и дефицит поддержки (18,5%) составляют 62,2%.

Выше равномерного уровня оказались внутренние ресурсы (z=5,04; критическое z (по модулю) =2,69) и социально-ролевое давление (z=2,88), ниже: отсутствие ресурсов (z=–3,54) и соматическое здоровье (z=–2,88). Поддержка является одновременно ресурсом (19,9%) и дефицитом (18,5%), доли не различаются (φ=0,28; p>0,05).

Качественный анализ показывает, что внутренние ресурсы описывают устойчивость как свойство личности: «сила характера», «внутреннее спокойствие», уверенность в себе. Активные стратегии, направленные на восстановление и развитие: телесные практики («йога, зарядка, танцы»), хобби, творчество, смена деятельности, трудоустройство, рефлексия. Социально-ролевое давление раскрывается как ожидание соответствовать всем ролям сразу, «вторая смена» и невидимый труд, оглядка на «чужое мнение». Интерперсональные риски связаны с партнёрскими отношениями (абьюзивные отношения, насилие, предательство близких). Дефицит поддержки включает одиночество, отсутствие информированности о мерах и формах специализированной и неспециализированной социальной поддержки. Редкое фиксируемое отсутствие ресурсов (3,7%) может говорить о том, что большинство женщин даже в условиях пролонгированного стресса находят опоры, однако это не исключает скрытого дефицита, который не вербализуется.

Полученные данные позволяют наметить мишени адресной помощи. Во-первых, это укрепление внутренних ресурсов и активных стратегий, поскольку они составляют ядро субъективной устойчивости. Во-вторых, работа с социально-ролевым давлением и «второй сменой», которые выступают ведущим риском. В-третьих, восполнение дефицита поддержки, как эмоциональной, так и информационной. Неопределенное положение поддержки в структуре ресурсов указывает на необходимость повышения её доступности и качества. Для жён участников боевых действий значимы также инструментальные и рекреационные ресурсы, что согласуется с данными о ролевой перегрузке.

Таким образом, структура ресурсов и дефицитов устойчивости жён участников боевых действий характеризуется доминированием внутренних ресурсов, социальной поддержки и активных стратегий при ведущей роли социально-ролевого давления среди рисков. Мишенями адресной психологической помощи могут стать: развитие внутренних ресурсов и стратегий эмоциональной саморегуляции; снижение ролевой перегрузки и работа с гендерными ожиданиями; повышение доступности социальной поддержки и информирования о формах помощи.

Литература

1. Berry M.E. Radicalising resilience: mothering, solidarity, and interdependence among women survivors of war // J. Int. Relat. Dev. 2022. Vol. 25. P. 946–966.

2. Deyessa N. et al. The impact of wartime conflict on the mental health problems of women in the conflict-hit population in Woldia, Ethiopia // PLoS One. 2025. Vol. 20. No. 6. Art. e0322047.
3. Russo-Netzer P. et al. Meaning and resilience in war-affected populations during crisis // Frontiers in Psychiatry. 2025. Vol. 16. Art. 1678205.

Психологическая компетентность юриста как элемент профессиональной квалификации

Волошин И.С.
АНО ДПО «КУПНО» (г. Нижний Новгород, Россия)

Юридическая деятельность относится к сфере взаимодействия людей, поэтому профессионализм юриста во многой степени зависит не только от знания правовых норм и умением их правильно использовать (Щербакова М.П., Серебровская Н.Е., 2024). В рамках юридического образования небольшое внимание уделяется подготовке психологических аспектов юриста, однако их роль в профессиональной компетенции юриста имеет особое значение (Савельева И.В., 2007).

Особое внимание тут стоит уделить профессиональным качествам юриста, к которым, в частности, относятся: компетентность, ответственность, профессиональная культура и иные качества. Эти и иные профессиональные качества юриста образуют систему профессиональных умений и уровня подготовка (Соколов Н.Я., Леванский В.А., 2008).

Кроме того, профессиональная культура юриста включает в себя психологическую культуру, поскольку деятельность юриста без взаимодействия с другими людьми невозможна (Мосейко К.В., Савельева И.В., 2012). Психологическая культура связана с пониманием себя и других людей и построением эффективных отношений между людьми (Поздняков В.М., 2010).

В структуру психологической компетентности относят следующие элементы: рефлексивно-перцептивный, когнитивный, эмоциональный, коммуникативный и целостно-смысловой (Мосейко К.В., Савельева И.В., 2012; Поздняков В.М., 2010). Эти элементы в свою очередь связаны с пониманием другого человека, способность анализировать собственные действия, управление эмоциями, построение общения, а также сохранение профессиональных ценностей. Таким образом, психологическая компетентность имеет интеграционную природу, и ее нельзя сводить к отдельному навыку (Поздняков В.М., 2010).

Тем не менее, именно психологические качества помогают юристу во взаимодействии с людьми. Так, юристу важно понимать, что чувствует и как реагирует другой человек, быть способным контролировать свои эмоции, особенно в условиях конфликтной ситуации (Мосейко К.В., Савельева И.В., 2012). Таким образом, компетентность юриста связана не только со знанием правовых норм и умением их применять на практике (Басак О.В., 2016).

Особое внимание стоит уделить профессиональной деформации юриста. В данном контексте психологическая компетентность не остается в рамках исключительно эффективности работы юриста. Роль психологической компетентность также важна для профессиональной устойчивости, поскольку ее недостаточная сформированность может способствовать усилению профессиональной деформации, в то время как ее развитие способно повысить эффективность юриста в профессиональной деятельности (Мосейко К.В., Савельева И.В., 2012).

Таким образом, психологическую компетентность юриста следует рассматривать как элемент его профессиональной квалификации (Щербакова М.П., Серебровская Н.Е., 2024). Успешность юриста во многом зависит от эффективности применения им юридических знаний, а также эффективности его взаимодействия с иными участниками правоотношений (Щербакова М.П., Серебровская Н.Е., 2024). Кроме того, психологическая компетентность способно служить профилактикой профессиональной деформации (Мосейко К.В., Савельева И.В., 2012). Там самым, имеется необходимость развивать психологическую подготовку не только в рамках вузовского образования, но и в процессе его профессиональной деятельности (Савельева И.В., 2007). Такой подход способствует улучшению качеств юриста как человека, а также способствует его более эффективному профессиональному росту.

Литература

1. Басак О.В. Навык консультирования в профессии юриста: психологический и правовой аспекты // Право и государство: теория и практика. 2016. № 1 (133). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/navyk-konsultirovaniya-v-professii-yurista-psihologicheskiy-i-pravovoy-aspekty (дата обращения: 25.09.2026).
2. Мосейко К.В., Савельева И.В. К вопросу о факторах профессиональной деформации и роли психологической культуры в ее предупреждении // Достижения вузовской науки. 2012. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-faktorah-professionalnoy-deformatsii-i-roli-psihologicheskoy-kultury-v-ee-preduprezhdenii (дата обращения: 25.09.2026).
3. Поздняков В.М. О профессионально-психологической компетентности и психологической культуре личности юристов // Юридическая психология. 2010. № 3. С. 14–18.
4. Савельева И.В. Развитие психологической культуры юристов в процессе обучения в вузе: дис. … канд. психол. наук. Белгород, 2007. 167 с.
5. Соколов Н.Я., Леванский В.А. Профессиональные качества юристов: желаемые и действительные (структурно-таксономическое моделирование) // Журнал российского права. 2008. № 5 (137). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-kachestva-yuristov-zhelaemye-i-deystvitelnye-strukturno-taksonomicheskoe-modelirovanie (дата обращения: 25.09.2026).
6. Щербакова М.П., Серебровская Н.Е. Психологическая компетентность юриста как средство совершенствования взаимодействия участников правоотношений //

На страже экономики. 2024. № 3. С. 109–119. DOI: 10.36511/2588-0071-2024-3-109-119.

Формирование профессионально-психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к информационному противоборству

Горемыкина А.А.
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

В условиях современной геополитической напряженности и интенсивного развития цифровых технологий информационное пространство превратилось в среду активного информационного противоборства. Сотрудники органов внутренних дел (ОВД), являясь представителями государственной власти, выступают одной из приоритетных мишеней для деструктивного информационно-психологического воздействия. В этой связи формирование профессионально-психологической готовности личного состава к информационному противоборству становится ключевой задачей морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена расширением спектра угроз информационной безопасности. Как отмечается в работах, посвященных данной проблематике, деструктивные силы активно используют методы психологического манипулирования, воздействуя на эмоциональную сферу личности, минуя рациональный контроль (Астахова А.А., Кошкарова Ю.А., 2019). Фейковая информация, распространяемая через социальные сети и мессенджеры, способна провоцировать панику, дезориентировать сотрудников и подрывать их доверие к руководству и государственным институтам.

В научной литературе выделяются различные аспекты данной работы. Виноградов М.В. и Ульянина О.А. акцентируют внимание на сущности информационной войны, ведущейся против правоохранительных органов, и конкретизируют сферы информационного влияния (Виноградов М.В., Ульянина О.А., 2020). Это подразумевает необходимость обучения сотрудников основам информационной гигиены, распознаванию техник пропаганды и вербовки. Важным компонентом является развитие критического мышления и навыков фактчекинга. Исследования показывают, что значительная часть молодых сотрудников проводит много времени в интернете, не всегда обладая достаточным уровнем медиаграмотности для фильтрации контента (Кравцун И.А., 2025).

Ключевым аспектом формирования готовности является не только передача знаний, но и изменение мотивационно-ценностной сферы. Государственно-патриотическое мировоззрение служит тем фундаментом, который делает деструктивные манипуляции малоэффективными. Чем выше уровень профессионального самосознания и приверженности служебному долгу, тем сложнее

внешним силам поколебать убеждения сотрудника. Поэтому информационно-пропагандистская работа должна быть неотделима от общей системы воспитания.

Таким образом, формирование готовности к информационному противодействию представляет собой комплексный процесс, объединяющий когнитивный (знание угроз и техник противодействия), эмоционально-волевой (стрессоустойчивость, самоконтроль) и ценностный (патриотизм, профессиональная этика) компоненты. Перспективным направлением является разработка и внедрение специализированных методик оценки информационно-психологической устойчивости сотрудников, а также интеграция данных модулей в программы профессиональной служебной подготовки. Только обладая устойчивым кадровым ядром, способным эффективно действовать в агрессивной информационной среде, сотрудники ОВД смогут в полной мере выполнять задачи по обеспечению правопорядка и национальной безопасности.

Литература

1. Астахова А.А., Кошкарова Ю.А. Формирование психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к деструктивным информационным воздействиям как составляющая профессионального мастерства // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 25–27.
2. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел // Психология и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 18–29.
3. Кравцун И.А. Информационно-пропагандистская работа в органах внутренних дел: способы противодействия фейкам, манипуляциям, деструкции // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2025. № 1 (65). С. 141–149.

Саморегуляция и предъявление недостоверной информации в условиях психофизиологического исследования с применением полиграфа

Дворянчикова К.Н.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Купцова Д.М.

Полиграф, или «детектор лжи», остаётся инструментом, вызывающим множество споров (А. В. Учаев, Ю. И. Александров, 2022). Несмотря на широкое применение — от правоохранительных органов до кадрового отбора, — его результаты не всегда признаются в суде, а научная обоснованность подвергается критике (Д. М. Купцова, Н. В. Дворянчиков, 2023). В этой связи сохраняет значимость вопрос о том, возможно ли намеренное предъявление недостоверной информации в условиях

полиграфологического исследования и какие индивидуально-психологические характеристики опосредуют эту возможность.

Цель исследования — изучение влияния уровня самоуправления на способность к предъявлению недостоверной информации при тестировании на полиграфе.

Теоретические основания. В ходе полиграфологического обследования регистрируются различные физиологические проявления — частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, дыхание и другие. Предполагается, что намеренное искажение информации сопровождается стрессом, проявляющимся в изменении этих показателей (А. В. Учаев, Ю. И. Александров, 2022). Ключевую роль при этом играет эмоциональная саморегуляция — способность контролировать физиологические реакции и управлять эмоциональным состоянием (Д. М. Купцова, М. Ю. Каменсков, 2020).

Методы и выборка. Исследование проходило с использованием полиграфа «Диана 7». В эксперименте приняли участие 20 студентов психологических факультетов: 12 девушек и 8 юношей в возрасте 19–23 лет. Перед полиграфологическим обследованием все участники проходили тест «Способность самоуправления» (ССУ Н. М. Пейсахова), позволяющий оценить уровень саморегуляции, а также анкетирование, направленное на оценку субъективного восприятия стресса и уровня контроля над эмоциями.

Процедура исследования. В ходе эксперимента моделировалась ситуация намеренного искажения информации. Всем испытуемым предлагалось осуществить попытку предъявления недостоверной информации, отрицая факт «кражи кошелька» после специально организованной игровой инсценировки. Участникам задавались вопросы, на которые они должны были давать заведомо недостоверные ответы. Ответы регистрировались с помощью полиграфа; одновременно фиксировались показатели кожно-гальванической реакции, артериального давления, дыхания и сердечно-сосудистой деятельности.

Результаты. По итогам тестирования по методике ССУ 3 испытуемых продемонстрировали уровень самоуправления ниже среднего, 5 — средний, 10 — выше среднего, 2 — высокий. Как показали данные, ни одному из участников не удалось успешно предъявить недостоверную информацию — полиграф зафиксировал соответствующие физиологические реакции. Испытуемые с высокими и выше среднего показателями по шкале ССУ демонстрировали меньшие физиологические реакции, характерные для стресса при предъявлении недостоверной информации. Тем не менее и у них полиграфологическое обследование позволило выявить признаки недостоверных ответов. Среди участников со средним и низким уровнем саморегуляции также не оказалось тех, кому удалось бы предъявить недостоверную информацию. Корреляция между уровнем саморегуляции (по тесту ССУ) и успешностью попыток предъявления недостоверной информации оказалась незначительной: хотя участники с высоким уровнем саморегуляции лучше

контролировали свои реакции, этого было недостаточно для достоверного искажения информации.

Отдельно были зафиксированы трудности, с которыми столкнулись испытуемые при прохождении тестирования: повышенное возбуждение, сложности сосредоточения, затруднения в понимании вопросов, ощущение дискомфорта, связанное с восприятием датчиков и самой процедурой. Наиболее выраженно это проявлялось у лиц со средним и ниже среднего уровнем самоуправления. Указанные трудности нередко затрудняли качество тестирования, приводили к увеличению времени и количества попыток.

Дополнительно был проведён опрос 30 студентов старших курсов — будущих специалистов по юридической психологии, освоивших дисциплину «Практикум работы на полиграфе». Результаты показали: 83 % респондентов сталкивались с трудностями прохождения обследования на полиграфе в качестве испытуемого, 17 % — не сталкивались; 87 % сталкивались с трудностями проведения обследования в качестве экспериментатора, 13 % — не сталкивались; 83 % оценивают «психологическую тренировку» как потенциально полезную в дальнейшей профессиональной деятельности, 17 % — нет. Полученные данные согласуются с результатами экспериментальной части и указывают на целесообразность предварительной психологической подготовки испытуемых.

Выводы. Уровень саморегуляции незначительно влияет на результаты полиграфологического обследования, позволяя несколько снизить выраженность физиологических реакций, но не обеспечивая возможности достоверного искажения информации. Ни один из испытуемых не смог полностью подавить физиологические проявления, сопутствующие предъявлению недостоверной информации. Результаты подтверждают сложность и неоднозначность интерпретации данных полиграфа. Представляется целесообразным перед прохождением тестирования предлагать испытуемым комплекс психологических упражнений, направленных на снижение ситуационного напряжения и стресса, повышение концентрации внимания и, как следствие, на более качественное прохождение процедуры.

Перспективы. Дальнейшие исследования могут быть сфокусированы на разработке более совершенных методов оценки саморегуляции и на изучении влияния других факторов: типа вопросов, опыта прохождения полиграфологического тестирования, индивидуальных особенностей личности (Д. М. Купцова, Н. В. Дворянчиков, 2023). Также целесообразно исследовать эффективность различных техник релаксации и самоконтроля в контексте полиграфологического тестирования.

Литература

1. Купцова Д.М., Дворянчиков Н.В. Оценка вклада физиологических параметров в определение значимости фактора риска в ситуации скринингового тестирования на полиграфе // Психология и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 82–93.

2. Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы и перспективы их разрешения // Психология и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 126–138.
3. Учаев А.В., Александров Ю.И. Обусловленные стрессом особенности актуализации субъективного опыта в процессе сокрытия информации // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19. № 1. С. 158–172.

Постпенитенциарный комбатант: понятие и проблема реинтеграции в общество

Душкин А.С.
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Современные процессы реинтеграции в общество лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений, характеризуются высокой степенью неоднородности. В этой связи единая модель постпенитенциарной ресоциализации не может учитывать в полной мере индивидуальные особенности и потребности освобожденных лиц.

Особую группу составляют осужденные, имеющие опыт участия в вооруженных конфликтах, деятельности в составе военизированных формирований, прохождения службы в условиях боевых действий. При этом успешная реинтеграция постпенитенциарного комбатанта зависит не только от устранения криминогенных факторов, но и от формирования просоциальной (правопослушной) идентичности. Предлагается рассматривать постпенитенциарного комбатанта не как исключительно криминологическую или военно-психологическую категорию, а как комплексный правовой и социально-психологический феномен.

Для обозначения данной категории в настоящем исследовании предлагается использовать понятие «постпенитенциарный комбатант».

Под постпенитенциарным комбатантом понимается лицо, имеющее опыт отбывания наказания в виде лишения свободы, а также непосредственного участия в боевых действиях, которое после освобождения проходит этап восстановления социальных связей, правового статуса, профессиональной занятости и нормативных моделей поведения.

При этом данное понятие не следует понимать, как указание на обязательное наличие у лица преступного поведения, обусловленного боевым опытом (Петров В.Е., Притуляк Ю.В., 2026). Комбатантский опыт сам по себе не является криминогенным признаком у освобожденных. Риск социальной дезадаптации возникает вследствие сочетания нескольких факторов: институциональные (изоляция в местах лишения свободы); психологические (саморегуляция, травматический опыт или рост и др.); социально-средовые (разрушение социальных связей, стигматизация, дефицит жизненных перспектив), а также неконструктивного взаимодействия с социальным

окружением и отсутствия эффективной системы постпенитенциарной поддержки (Душкин А.С., 2026).

Таким образом, проблема реинтеграции в общество постпенитенциарного комбатанта определяется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, лица данной категории могут обладать повышенной потребностью в специализированной психологической и социальной помощи. При проектировании индивидуальных программ ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации необходимо учитывать психологические последствия участия в боевых действиях.

Во-вторых, сочетание пенитенциарного (тюремного) и боевого опыта создают барьеры взаимодействия между человеком и обществом. Постпенитенциарный комбатант часто видит мир враждебным или несправедливым. Общество же, со своей стороны, зачастую видит в нем лишь потенциальную угрозу.

В-третьих, успешная реинтеграция невозможна без трансформации надзора в систему реальной постпенитенциарной помощи. Она предполагает переориентацию работы субъектов постпенитенциарной пробации с контроля на сотрудничество.

Литература

1. Душкин А.С. Ресоциализационный потенциал модели «хорошая жизнь» в декриминализации постпенитенциарной личности // Юридическая психология. 2026. № 1. С. 26–30. DOI: 10.18572/2071-1204-2026-1-26-30.
2. Петров В.Е., Притуляк Ю.В. Особенности мотивации участия осужденных в специальной военной операции // Прикладная психология и педагогика. 2026. Т. 11. № 2. С. 130–142. DOI: 10.12737/2500-0543-2026-11-2-130-142.

Особенности информационно-психологической устойчивости курсантов военных учебных центров разных направлений подготовки

Жердева А.А., Шипитько О.Ю.
Академия психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Современная информационная среда создает условия для распространения деструктивного контента и осуществления различных форм информационно-психологического воздействия. Для лиц, проходящих военно-профессиональную подготовку, способность сохранять критичность мышления, самостоятельность суждений и устойчивость к манипулятивному воздействию приобретает особое значение. Особого внимания требуют курсанты военных учебных центров различных направлений подготовки в связи с двойственностью среды обучения, а также различиями в интенсивности военно-профессиональной социализации. Изучение особенностей переработки

информации и устойчивости к информационным угрозам курсантов различных направлений подготовки являлось целью нашего исследования.

В исследовании приняли участие 100 курсантов военного учебного центра: 55 человек, обучающихся по программе подготовки офицеров кадра, и 45 – по программе подготовки офицеров запаса. Были использованы следующие методики: (1) Устойчивость личности к социокультурным угрозам П.А. Кислякова; (2) ТСОВ-4 В.В. Селиванов, К.А. Осокиной; (3) Стремление к когнитивной закрытости Kruglanski, D. Webster в адаптации М.И. Ясина, О.Е. Хухлаева; (4) Имп-15 В.П. Шейнова, А.С. Девицына.

Наиболее выраженные межгрупповые различия относятся к когнитивной сфере. Сравнительный анализ показал наличие статистически значимых значений по показателю «Информационное поведение» ($U = 4104$, $p = 0{,}008$). Высокие показатели выявлены у будущих офицеров кадра. По другим компонентам устойчивости к социокультурным угрозам шкалам значимых различий между группами не обнаружено. Значимые различия установлены по показателям «Поленезависимость. Новшество» ($U = 6109$, $p = 0{,}036$). Выраженные значения у курсантов запаса интерпретируются как склонность к ориентации на внешний контекст при восприятии нового и сниженная автономность при формировании суждений относительно изменений. Анализ стремления к когнитивной закрытости показал, что «Избегание двусмысленности» свойственно курсантам запаса. Они в большей степени склонны испытывать дискомфорт в условиях неопределенности. Интересно, что характеристика «Импульсивность» имеет тенденцию к различию в сторону более высоких значений у курсантов запаса. Специфика различий объясняется большей продолжительностью и интенсивностью военно-профессиональной социализации курсантов кадра и выраженной ориентацией на военную службу.

Результаты исследования свидетельствуют о неоднородности информационно-психологической устойчивости курсантов. Наиболее существенные различия между курсантами кадра и запаса проявляются в информационном поведении, отдельных характеристиках когнитивного стиля и отношении к ситуациям неопределенности. При этом отсутствие различий по социокультурной идентичности, уважению к власти указывает на необходимость рассматривать информационно-психологическую устойчивость как комплексную характеристику, формирующуюся за счет взаимодействия нескольких психологических компонентов. Для психологического обеспечения подготовки будущих специалистов служебной деятельности полученные данные обосновывают целесообразность дифференцированного подхода: наряду с общими мерами профилактики информационно-психологической уязвимости целесообразно учитывать направление подготовки и особенности способов когнитивной переработки информации конкретного контингента.

Правильное определение уголовно-процессуального статуса лиц, обладающих психологическими знаниями

Зайцева Е.А.
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Волгоград, Россия)

При использовании в ходе уголовного судопроизводства специальных психологических знаний ключевым аспектом в обеспечении допустимости получаемых результатов выступает правильное определение формы применения этих знаний, что обусловливает адекватное закрепление уголовно-процессуального статуса соответствующего компетентного лица. Необходимо учитывать, что психологические знания вовлекаются в уголовно-процессуальное доказывание (1) **в непроцессуальной форме** (собственные знания в области юридической психологии, получаемые властными субъектами доказывания в ходе профессионального образования; неформальные консультации следователей с психологами при подготовке к производству следственных и процессуальных действий, при составлении процессуальных документов) и (2) **в процессуальной форме** – путем участия в доказывании сведущих лиц в статусе судебных экспертов или специалистов. Иных вариантов приобретения уголовно-процессуального статуса для лиц, обладающих специальными психологическими знаниями УПК РФ не предусматривает.

Тем не менее в современной уголовно-процессуальной литературе нередко можно встретить работы, в которых авторы обосновывают тезис о самостоятельном процессуальном статусе психолога в производстве по уголовным делам (Тетюев С.В., 2009; Варенникова С.П., 2015; Багмет А.М., 2018).

Например, С.В. Тетюев считает, что безусловным свидетельством самостоятельности статуса психолога выступает наличие многократного упоминания этого лица в УПК РФ. Однако это обстоятельство не может претендовать на роль весомого аргумента в пользу его тезиса, т.к. подобное явление можно обнаружить в УПК РФ применительно к врачу (ч. 6 ст. 113, ч. 1 ст. 178, ч. ч. 3 и 4 ст. 179, ч. 4 ст. 187, ч. 2 ст. 290 УПК РФ). В качестве второго аргумента он приводит нетипичность направлений деятельности психолога (например, помощь в определении последовательности и формы постановки вопросов допрашиваемому, в выборе правильного стиля допроса, в установлении психологического контакта), которые никак не вписываются в формат обычных функций специалиста, полагая, что эти направления как раз и придают специфичность деятельности психолога как самостоятельного участника процесса. Однако автор явно упускает из виду совпадение этих направлений с консультационной деятельностью специалиста, которая получила «легальную прописку» в УПК РФ благодаря федеральному закону № 92-ФЗ от 04.07.2003 г., регламентировавшему заключения и показания специалиста как доказательства. Также можно оспорить и третий тезис С.В. Тетюева в части **факультативного** характера участия специалиста и **обязательного** вовлечения в доказывание психолога, т.к. законодатель выделяет наряду со случаями участия

специалиста по усмотрению следователя и ситуации обязательного его участия, которое выступает компонентом процессуальной формы ряда следственных действий вербального характера, проводимых в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, можно заключить, что психолог (как, впрочем, и педагог) являются «частными» случаями участия специалиста в уголовном судопроизводстве, что на них в полной мере распространяется статусная статья – 58 УПК РФ, наполнение которой в силу ее универсальности вполне достаточно для относительно беспроблемного бытия в уголовно-процессуальных отношениях этих сведущих лиц.

Выделение же новых участников уголовного процесса по профессиональному признаку способно привести к такому нежелательному явлению, как «наводнение» УПК РФ многочисленными статусами (врачей, автотехников, психологов, педагогов, компьютерщиков), правовая природа которых будет оставаться все равно единой – содействие правосудию путем применения своих специальных профессиональных знаний.

Литература

1. Багмет А.М. Педагог и психолог как участники уголовного процесса // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1 (19). С. 14–17.
2. Варенникова С.П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 133–140.
3. Тетюев С.В. Использование педагогических и психологических знаний в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Москва: Юрлитинформ, 2009. 336 с.

Стратегии поведения курсантов ведомственных вузов в конфликтных ситуациях

Калашникова М.М.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

В современном обществе актуальность изучения конфликтного поведения и способов реагирования на них не вызывает сомнений. Интерес к причинам их возникновения и динамике развития проявляют специалисты различных областей: психологии, социологии и педагогики и многих других наук.

Для ведомственных образовательных организаций эта проблематика имеет прикладное значение. Специфика службы и обучения повышает вероятность нарастания напряжённости и обострения различного рода противоречий. Поэтому исследование межличностных конфликтов у курсантов важно не только с научной

точки зрения, но и для разработки практических мер профилактики, которые в дальнейшем могут быть интегрированы в воспитательную и учебную работу.

В отечественной психологии М.М. Кашапов и Т.Г. Киселёва изучая типы реагирования в конфликтной ситуации, определили, что человек может демонстрировать один из трёх типов: агрессию, уход от конфликта либо разрешение противоречий. В зарубежной психологии К. Томасом предложена классификация основных стратегий разрешения конфликтов: соперничество, уклонение, приспособление, компромисс и сотрудничество (Анцупов А. Я., Шипилов А.И., 1992).

Осипов С.А. изучая межличностные конфликты в курсантской среде ведомственного вуза МВД России, определил, что конфликты чаще всего возникают на первом году обучения, в период адаптации курсантов к новым условиям. Основными причинами конфликтов выступают: недостатки в управленческой деятельности командиров и преподавателей; несоблюдение правил коммуникации (ненормативная лексика как оскорбление); характерологические особенности отдельных курсантов (агрессивно-негативный тип дезадаптации); ценностные ориентации, в том числе национальные и религиозные; случайные конфликты (неосторожное действие одного влекут неадекватную реакцию другого). В стратегиях поведения преобладает компромисс, однако значительная часть ситуаций лишь регулируется, а не разрешается конструктивно, что оставляет риск накопления напряжённости (Осипов С.А., 2006).

С целью изучения стратегий конфликтного поведения, способов их преодоления в курсантской среде ведомственного вуза ФСИН России было проведено пилотажное эмпирическое исследование с участием 40 курсантов третьего курса юридического и психологического факультетов (возраст респондентов - от 19 до 21 лет). В качестве диагностического инструментария использовались методики «Доминирующие стратегии конфликтного поведения» (А. Казанцева, В. Подлесных, Л. Серова) и «Диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселёва).

Результаты методики «Доминирующие стратегии конфликтного поведения» показали различия в выборе стратегий у курсантов разных факультетов. У курсантов юридического факультета выявлено сочетание двух стратегий: соперничества и ухода (75 %), у курсантов психологического факультета стратегия компромисса (65 %). Таким образом, можно предположить, что будущие психологи склонны к поиску промежуточных решений, тогда как курсанты юридического факультета склонны проявлять настойчивость, давление в сочетании с избегающими моделями поведения.

Данные второй методики «Диагностика ведущего типа реагирования» также выявили существенные различия. У курсантов психологического факультета доминирующим типом реагирования является рациональное «разрешение» конфликтной ситуации. Такой подход предполагает способность брать на себя ответственность, аргументировать свою позицию с учётом доводов оппонента, самостоятельно или с привлечением других лиц находить выход из проблемной ситуации, а при необходимости - признавать собственные ошибки. У курсантов юридического факультета ведущими оказались типы «агрессия» и «уход». Такие типы реагирования нередко сопряжены с недоверием к окружающим, негативными

установками, раздражительностью и нежеланием признавать свою вину, чаще всего склонны прибегать к непродуктивным способам решения проблем и избегать ответственности. Преобладание этих типов у будущих юристов может объясняться ориентацией на достижение цели, а не на поддержание и развитие межличностных отношений. В свою очередь, курсанты психологического факультета демонстрируют направленность на выстраивание и сохранение отношений.

Таким образом, результаты методик демонстрируют различия в конфликтном поведении и типах реагирования у курсантов разных специальностей. В связи с тем, что исследование является пилотажным, требуется дополнительное подтверждение полученных результатов на большей выборке исследования. Проведённое пилотажное исследование позволяет сделать предварительные вывод о возможности влияния профессиональной направленности и профильной подготовки на формирование стратегий поведения в конфликтных ситуациях среди обучающихся ведомственных вузов ФСИН России.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Проблемы конфликта: аналитический обзор, междисциплинарный библиографический указатель. Москва, 1992. 232 с.
2. Осипов С.А. Педагогическая профилактика межличностных конфликтов в курсантских подразделениях первого года обучения в вузах внутренних войск МВД России: автореф. дис. … канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2006. 24 с.

Личностная тревожность как предиктор утомления от сочувствия у кризисных психологов в условиях военного конфликта

Косарева В.Д., Ушков Ф.И.
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Профессиональная деятельность кризисных психологов предполагает регулярное взаимодействие с травматическим опытом клиентов. В условиях военного конфликта дополнительными стрессорами становятся экстремальные обстоятельства работы. Викарная травматизация связана с изменением представлений специалиста о себе и мире (McCann & Pearlman., 1990). Риски вторичного травматического стресса и выгорания описаны у специалистов психического здоровья, в том числе судебных психологов (Leung et al., 2022; Pirelli et al., 2020).

Исследование было направлено на выявление взаимосвязи тревожности и напряженности психологических защит с выраженностью утомления от сочувствия у кризисных психологов в условиях военного конфликта.

В исследовании участвовали 90 кризисных психологов (86 женщин, 4 мужчины) 25–70 лет (M = 45,4; SD = 9,83), работающих в Луганской, Донецкой, Запорожской, Херсонской, Курской и Ростовской областях. Использованы опросник профессионального качества жизни ProQOL (Панкратова А.А., Николаева М.Е., 2023), шкала тревожности Спилбергера–Ханина (STAI), индекс жизненного стиля (LSI) и авторские вопросы об условиях труда и самоподдержке. Утомление от сочувствия операционализировано суммой баллов по шкалам «Вторичная травма» и «Выгорание» ProQOL. Применены корреляционный анализ Спирмена, множественная линейная регрессия и контент-анализ.

Установлены положительные корреляции утомления от сочувствия с личностной ($r = 0,46$; $p < 0,001$) и ситуативной тревожностью ($r = 0,37$; $p < 0,001$), а также общей напряженностью психологических защит ($r = 0,38$; $p < 0,001$). В модели с личностной тревожностью и напряженностью защит статистически значимым предиктором выступила только личностная тревожность ($B = 0,23$; $p = 0,002$); вклад защит не достиг значимости ($p = 0,112$). Объяснено 23,5% дисперсии (скорректированный $R^2 = 0,217$). Значимых связей с профессиональным стажем ($p = 0,436$) и возрастом ($p = 0,899$) не выявлено.

Среди способов сохранения профессиональной эффективности чаще упоминались саморегуляция (67,35%), супервизия (53,06%) и личная терапия (51,02%). Частота упоминания не свидетельствует об эффективности этих практик.

Таким образом, личностная тревожность выступает статистически значимым предиктором утомления от сочувствия в изученной выборке. Результаты могут учитываться при разработке программ психологического сопровождения, включая обучение эмоциональной регуляции и обеспечение профессиональной поддержки. Одномоментный дизайн исключает причинную интерпретацию связей.

Литература

1. Панкратова А.А., Николаева М.Е. Русскоязычная адаптация опросника ProQOL (Professional Quality of Life) Б. Стамм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 2. С. 183–198.
2. Leung T., Schmidt F., Mushquash C. A personal history of trauma and experience of secondary traumatic stress, vicarious trauma, and burnout in mental health workers: A systematic literature review // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2022. DOI: 10.1037/tra0001277.
3. McCann I.L., Pearlman L.A. Vicarious traumatization: A framework for understanding the psychological effects of working with victims // Journal of Traumatic Stress. 1990. Vol. 3. No. 1. P. 131–149.
4. Pirelli G., Formon D.L., Maloney K. Preventing vicarious trauma (VT), compassion fatigue (CF), and burnout (BO) in forensic mental health: Forensic psychology as exemplar // Professional Psychology: Research and Practice. 2020. Vol. 51. No. 5. P. 454. DOI: 10.1037/pro0000293.

Использование VR-технологий в психологическом обеспечении профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов

Куликов А.В., Федорова Е.М.
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Москва, Россия)

Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов связана с постоянным воздействием стрессогенных факторов: угрозой жизни и здоровью, участием в чрезвычайных ситуациях и др., что определяет высокую опасность профессионального стресса и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) (Ялтонский В.М., 1999). В психологическом обеспечении служебной деятельности перспективным направлением является использование технологий виртуальной реальности (VR), позволяющих в безопасной иммерсивной среде моделировать стрессогенные ситуации, приближенные к реальным служебным задачам (Косоногов В.В., 2022).

Анализ научной литературы позволил выделить четыре основных направления применения VR-технологий. Первое – это формирование навыков психофизической саморегуляции и стрессоустойчивости: в виртуальной среде сотрудники осваивают дыхательные и мышечные техники релаксации, учатся сохранять самообладание, когда времени на принятие решения почти нет. Именно эффект глубокого погружения закрепляет такие навыки на автоматическом уровне. Второе – формирование готовности к деятельности в экстремальных условиях с применением симуляторов (стимулирующих, имитирующих, ориентирующих), направленных на побуждение профессиональных мотивов, освоение алгоритмов поведения, отработку действий в реалистичных условиях (Цуканов И.А., 2025).

Третье направление касается тактической подготовки, когда VR-сценарии развивают навыки деэскалации конфликтов, принятия решений и оценки угрозы. Регулярная работа в таких сценариях ускоряет формирование практических навыков у сотрудников (Старенко Т.А., 2025). Четвёртое направление использования VR-технологий, связанное с профилактикой и психотерапией ПТСР, глубоко научно разработано и применяется в мировой практике –экспозиционная терапия в виртуальной среде в ряде исследований даёт результаты, сопоставимые с очной психотерапией (Косоногов В.В., 2022).

К преимуществам VR-тренингов относятся: безопасность обучаемых, многократное воспроизведение редких опасных ситуаций, объективная обратная связь на основе автоматической фиксации действий, командная отработка взаимодействия, экономия ресурсов. Вместе с тем выделяются ограничения, например: высокая стоимость VR-оборудования, сложности в технической эксплуатации, риск киберболезни, недостаточная адаптация зарубежных программ к российским реалиям и др. (Старенко Т.А., 2025). Отметим, что VR-подготовка может стать важным компонентом психологического обеспечения служебной деятельности сотрудников

правоохранительных органов, однако, она не заменяет психологическую работу иными, традиционными методами, а выступает лишь её дополнением.

Литература

1. Косоногов В.В., Ефимов К.В., Рахманкулова З.К., Зябрева И.А. Обзор психофизиологических и психотерапевтических исследований стресса с помощью технологий виртуальной реальности // Журнал высшей нервной деятельности. 2022. Т. 72. № 4. С. 487–503.
2. Старенко Т.А., Комнатная Ю.А. VR-технологии как инструмент совершенствования тактической подготовки правоохранительных органов // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 3 (84). С. 164–175.
3. Цуканов И.А. Психологическая готовность к деятельности в экстремальных условиях с использованием VR-технологий (на примере военнослужащих и сотрудников Росгвардии): автореф. дис. … канд. психол. наук. Москва: Военная академия Росгвардии, 2025. 25 с.
4. Ялтонский В.М., Сирота Н.А. Когнитивно-поведенческая психотерапия посттравматических стрессовых расстройств у сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1999. № 1 (9). С. 59–61.

Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов, совершивших преступления насильственной и коррупционной направленности

Лисютина М.С., Коноплева И.Н.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В криминологических исследованиях специалистами неоднократно подчеркивается особая значимость и деструктивность такого вида криминальной активности, как преступность сотрудников правоохранительных органов. Данные преступления отличаются не только значительной распространенностью, но и повышенной общественной опасностью, которая проявляется в подрыве авторитета государственного аппарата и правоохранительной системы, утрате общественного доверия к институтам власти. Высокий уровень латентности (по оценкам И. М. Мацкевича, до 70-95% коррупционных преступлений остаются невыявленными) и масштаб наносимого ущерба обусловливают необходимость глубокого изучения личности преступника (Мацкевич И.М., 2017). Особое значение при этом приобретает анализ индивидуально-психологических особенностей, определяющих выбор насильственного или корыстного способа совершения преступления. Как отмечает Антонян Ю. М., личность преступника имеет важное значение для выяснения причин преступности, т. к. без знаний личностных свойств и криминогенно значимых

характеристик субъекта преступления невозможно вести речь о результативном воздействии на него (Антонян Ю.М., 2004).

Предметом отечественных и зарубежных исследований правоохранительных органов прошлых лет были вопросы профессионального выгорания и деформации сотрудников, их профессиональной инертности, эмоциональной устойчивости, коммуникативных барьеров и стрессоустойчивости. Характеристикой преступлений в сфере правоохранительной деятельности и криминологическим изучением личности сотрудника правоохранительных органов, совершившего преступление, занимались такие исследователи, как Долгова А. И., Варыгин А. Н., Фесунов В. А., Медведицкова Л. В., Лютых В. А., Коноплева И. Н., Уразаева Г. И., Игнатов А. Н., Антонян Ю. М., Эминов В. Е., Берегова З. Р., Караваева Ю. С., Бадертдинова И. Я. и др.

Служебная деятельность сотрудников характеризуется экстремальными условиями, повышенным нервно-психическим напряжением, постоянным контактом с криминальной средой, рисками переутомления и эмоционального выгорания (Бовин Б.Г., 2025). В качестве ключевых психологических механизмов криминализации личности сотрудников традиционно выделяют профессиональную деформацию, феномен безнаказанности, развитую систему самооправданий и формирование «псевдонормы» (Уразаева Г.И., 2015).

Обобщенный теоретический анализ литературы позволяет очертить специфику двух основных категорий правонарушителей:

1. Сотрудник, совершивший коррупционное преступление: как правило, мужчина 30-40 лет с высшим юридическим образованием, состоящий в браке и имеющий детей, со стажем службы от 1 до 5 лет или от 5 до 15 лет, относящийся к среднему начальствующему составу, положительно характеризующийся по службе. В ценностно-мотивационной сфере доминируют: корыстный мотив (стремление к материальному обогащению), «нормализация» взяточничества как компенсации за нелегкий труд, а также развитая система самооправданий (объяснение своих действий внешними обстоятельствами – низкой зарплатой и несовершенством законов). Психологический профиль включает эгоцентризм, цинизм, завышенную самооценку, стремление к независимости, предприимчивость, поведенческую гибкость и сниженную социальную ответственность.

2. Сотрудник, совершивший насильственное преступление: в рамках данной категории теоретически выделяются два существенно различающихся подвида. Общеуголовные насильственные преступления совершают преимущественно сотрудники 20-30 лет со стажем службы до 3 лет, имеющие среднее или высшее образование, состоящие в браке, относящиеся к младшему начальствующему составу, имеющие взыскания, связанные со злоупотреблением спиртными напитками и нарушением общественных норм. Должностные насильственные преступления характерны для сотрудников 30-45 лет со стажем 4-7 лет, имеющие среднее или высшее образование, состоящие в браке, относящиеся к среднему или старшему начальствующему составу и, как правило, положительно характеризующиеся по службе. При этом ценностно-мотивационная сфера представителей обоих подвидов

отличается широким спектром побуждений: от собственно агрессивных (месть, ревность, самоутверждение) до «псевдослужебных» (искажённое понимание долга, «интересы дела», карьеризм). Общими индивидуально-психологическими особенностями выступают: высокий уровень агрессии, эмоциональная нестабильность, импульсивность, сниженный волевой контроль, а также низкие показатели доброжелательности и добросовестности.

Несмотря на имеющуюся теоретическую базу, в настоящее время в науке недостаточно изучены индивидуально-психологические различия между сотрудниками правоохранительных органов, совершившими преступления насильственной направленности, и сотрудниками, совершившими преступления коррупционной направленности. Практически отсутствуют целостные теоретические и эмпирические модели, сопоставляющие психологические профили данных категорий «преступников в погонах». В этой связи работа, нацеленная на выявление и сравнительный анализ индивидуально-психологических особенностей двух указанных групп, призвана восполнить обозначенные пробелы и сформировать основу для прогнозирования рисков профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 366 с.
2. Бовин Б.Г. Психодиагностические модели пригодности к службе в правоохранительных органах // Организационная психология и психология труда. 2025. Т. 10. № 1. С. 59–93.
3. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017. 272 с.
4. Уразаева Г.И. Преступность сотрудников органов внутренних дел: формы ее проявления и психологические особенности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). С. 6–12.

Статус психолога, привлеченного к следственным действиям с участием несовершеннолетних

Пимонов В.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

Ежегодно десятки тысячи подростков вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства в роли обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Однако подростки, учитывая связанные с возрастом особенности их психического развития, нуждаются в особой защите. Именно поэтому в УПК РФ включены нормы, предусматривающие привлечение к следственным действиям психологов (педагогов) (ст.ст. 191, 280, 425

УПК РФ). Многолетняя практика применения данных норм выявила недостатки, в числе которых неопределенность того, какую функцию выполняют в ходе следственных действий психологи.

Еще во времена действия УПК РСФСР высказывалось мнение о том, что участие психолога в допросе несовершеннолетнего является излишней мерой в виду того, что присутствие при допросе посторонних лиц может оказать неблагоприятное воздействие на подростка (Гуковская Н.И., 1974).

Нередко высказывается мнение об отнесении психологов, привлеченных к следственным действиям с участием несовершеннолетних, к специалистам на том основании, что психолог – это лицо, обладающие специальными знаниями, что обусловлено полученным образованием и опытом работы с несовершеннолетними (Сурмененва С.В., 2009).

В противоположность данному мнению существует позиция, согласно которой психолог, приглашенный к участию в следственных действиях и специалист - это разные процессуальные фигуры, которые выполняют разные функции и выступают в разных процессуальных формах (Строгович М.С., 1970). Думается, что эта точка зрения, является более логичной, поскольку:

- психолог при производстве следственных действий не оказывает содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, не содействует в постановке вопросов эксперту, не готовит заключение, тогда как согласно ст. 58 УПК РФ специалист привлекается к участию в процессуальных действиях «… для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

Основываясь на анализе норм УПК РФ, предусматривающих участие психолога в следственных действиях, и на характеристике его специальных знаний, можно утверждать, что смысл деятельности психолога состоит в предотвращении или уменьшении психотравмирующего воздействия процедуры следственного действия на несовершеннолетнего. Данную функцию психолога можно обозначить как психологическое сопровождение несовершеннолетнего. К тому же в Определении Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 N 3296-О указано: «...педагог или психолог участвуют в уголовном … в целях предотвращения возможного избыточного неблагоприятного воздействия на психику несовершеннолетнего».

С учетом изложенного, представляется правильным на законодательном уровне продумать вопрос о дополнении главы 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» статьей 58.1 «Психолог» следующего содержания:

«1. В следственных и иных процессуальных действиях участвует психолог, имеющий высшее образование, опыт работы психологической деятельности с участием несовершеннолетних не менее трех лет.

2. Психолог привлекается к участию в следственных и иных процессуальных действиях в целях предупреждения возможного психотравмирующего воздействия

процедуры процессуального действия на несовершеннолетнего, создания спокойной доброжелательной обстановки, коррекции применяемых следователем тактических приемов».

Также необходимо в предлагаемой норме определить права и обязанности психолога.

Литература

1. Гуковская Н.И. Участие третьих лиц в допросе обвиняемого // Вопросы борьбы с преступностью. 1974. Вып. 6. С. 110–112.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 2. Москва, 1970. С. 477–478.
3. Сурменева С.В. Участие педагога в стадии предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.

Психологическая безопасность операторов беспилотных воздушных судов как условие эффективности выполнения служебных задач в ОВД

Протасова А.И.
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, Россия)

Использование беспилотных воздушных судов (БВС) в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел (ОВД) требует пересмотра подходов к психологическому обеспечению.

Профессиональная деятельность операторов БВС реализуется в условиях высокой ответственности, неопределенности и дефицита времени, что актуализирует проблему обеспечения их психологической безопасности, как фактора эффективности правоохранительной деятельности (Протасова А.И., 2025).

Профессиональная деятельность операторов БВС сопровождается воздействием комплекса специфических стрессоров. К операциональным факторам следует отнести: длительное пребывание в статичной позе, высокий уровень когнитивной нагрузки, необходимость непрерывного удержания внимания на аудиовизуальной информации, монотонию обусловленные сменным графиком (Шукшин и др., 2026). По словам отдельных авторов, профессионально важные психофизиологические качества операторов включают высокую скорость сенсомоторных реакций, устойчивость и концентрацию внимания, эмоциональную стабильность (Звоников и др., 2020).

Когда указанные качества недостаточно развиты, это оборачивается снижением надежности работы оператора и ростом ошибок. Кроме того, для эффективного выполнения задач нужны и соответствующие психологические компетенции, включая оперативное мышление и способность предвосхищать, предугадывать будущие события до их реального наступления (Михалев, 2019).

Значимую роль также играют и морально-психологические факторы, которые связаны с дистанционным характером управления. «Экранная травма» и моральная травма возникают тогда, когда оператор наблюдает за реальными последствиями своих решений, оставаясь физически в стороне (Сафонова и др., 2018). Отдельным стрессором можно считать «психологический хлыст» - резкий переход от напряжённой работы к обычной жизни. К этому добавляется повышенная моральная ответственность за безопасность коллег, которые находятся непосредственно на месте событий. Эмпирические данные показывают, что у военных операторов БВС показатели выгорания и симптомы посттравматического стрессового расстройства могут быть такими же, как у лётчиков традиционной авиации (Chappelle et al., 2014).

Уровень психологической - то есть защищённости психики от деструктивных воздействий - напрямую влияет на то, насколько эффективно решаются служебные задачи. Обеспечить такую защищённость можно только комплексно. Один из шагов - совершенствование профессионального психологического отбора с опорой на современные технологии: виртуальную реальность и мультимодальный биомониторинг, которые позволяют оценить стрессоустойчивость (Райков и др., 2026).

Другое направление - целенаправленная психологическая подготовка: моделирование трудных ситуаций, ролевые игры, формирование навыков саморегуляции (Протасова, 2025).

Подводя итог вышесказанному, психологическая безопасность операторов БВС ОВД - это не только условие сохранения кадрового потенциала и профилактики профессиональной деформации в ОВД, но и ключевой фактор успешного выполнения оперативно-служебных задач в современных условиях. Совершенствование системы психологического сопровождения предполагает интеграцию передового зарубежного опыта и отечественных достижений в области юридической психологии.

Литература

1. Звоников В.М. Профессионально значимые психофизиологические качества операторов беспилотных летательных аппаратов // Человеческий фактор в сложных технических системах и средах: труды Второй Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06–09 июля 2016 года. Санкт-Петербург: Межрегиональная эргономическая ассоциация, 2016. С. 188–191. EDN: WLMWVB. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26664334 (дата обращения: 20.10.2026).
2. Михалев А.В. Формирование психологической компетенции специалистов в области управления беспилотными авиационными комплексами // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2019. № 19-3. С. 220–229. EDN: QFOYLV. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=39267842 (дата обращения: 20.10.2026).
3. Протасова А.И. Актуальные тенденции современных аспектов тактической и специальной подготовки педагогических работников образовательных организаций, входящих в систему МВД России (Нижний Новгород, 28 октября

2025 г.). Т. 2. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 169–174. EDN: CADDIT. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=89086451 (дата обращения: 20.10.2026).
4. Райков С.Л. Анализ современных подходов к профессиональному отбору операторов беспилотных летательных аппаратов // XX Научно-практическая конференция операторов научных рот: сборник статей научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 июля 2025 года. Санкт-Петербург: Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова, 2025. С. 40–44. EDN: LQEDZN. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82597879 (дата обращения: 20.10.2026).
5. Сафонова А.В. Учет психологических аспектов деятельности операторов беспилотных летательных аппаратов в подготовке будущих офицеров в военных вузах // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 1. С. 100–106. EDN: YUYUCS. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32747551 (дата обращения: 20.10.2026).
6. Физическая и психологическая подготовленность операторов БПЛА (по материалам зарубежных источников) / И.В. Шукшин, А.М. Фофанов, Д.В. Бибяев, Ю.Ю. Першин // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2023. № 3. С. 290–294. EDN: LDWABZ. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54409972 (дата обращения: 20.10.2026).
7. Chappelle W., McDonald K., Prince L., Goodman T., Ray-Sannerud B.N., Thompson W. Assessment of Occupational Burnout in United States Air Force Predator/Reaper “Drone” Operators // Military Psychology. 2014. Vol. 26. No. 5–6. P. 376–385. URL: https://www.researchgate.net/publication/284365615_Assessment_of_Occupational_Burnout_in_United_States_Air_Force_PredatorReaper_Drone_Operators (дата обращения: 20.10.2026).

Психология профессионального отбора в правоохранительных органах

Реутова В.И.
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Психология профессионального отбора в правоохранительных органах – это система оценки кандидатов на службу, задачей которой является понимание того, насколько кандидат по своим личностным и деловым качествам подходит для такой работы, а также выявление факторов, которые могут повысить риск отклоняющегося (девиантного) поведения.

Необходимо выявить качества, требуемые в профессиональной деятельности: интеллектуальные и волевые способности, эмоциональную устойчивость, развитое правосознание. Важно изучение мотивов, ценностей и смысловых ориентиров, которые направляют человека в профессиональной сфере и побуждают его двигаться по карьерной лестнице: стремление к стабильности, желание служить обществу, ориентация на власть или, например, на баланс работы и личной жизни. Понимание

этих ориентаций помогает выстраивать индивидуальное сопровождение: например, формировать устойчивую мотивацию, предотвращать выгорание, помогать в планировании профессионального роста. По итогам определяется категория профессиональной психологической пригодности: от «рекомендуется в первую очередь» до «не рекомендуется».

Эффективная деятельность правоохранительных органов в современных условиях невозможна без системного подхода к формированию кадрового потенциала: тщательного отбора кандидатов с учетом не только морально-психологических и профессиональных качеств, но и грамотной расстановки уже принятых сотрудников и продуманной адаптации молодых специалистов (Маслова Ю.А., Реутова В.И., 2025). Речь идет о комплексном изучении. Для этого используют не только тесты, но и глубинные интервью, а в ряде ведомств (например, в прокуратуре) проводят специальный профессиональный психологический отбор, где изучается способность действовать независимо и принципиально в сложных ситуациях, руководствуясь законом.

Так, при изучении в текущем году вопросов, значимых и имеющих ценность для молодых специалистов среди работников прокуратуры, выявлено, что основная их часть мотивирована возможностью помогать людям, защищать их права (72,3%), защищать интересы общества и государства (69,2%), заниматься любимым делом, реализовывать свое профессиональное призвание (64,6%), быть на страже законности (69,2%).

Таким образом, прогноз успешности кандидата в правоохранительные органы требует анализа не только личностных особенностей, но и совокупности характеристик, определяющих профессиональный потенциал (Вахнина В.В., Реутова В.И., 2024): способности к обучению, гибкости, нацеленности на результат и навыков системного решения задач. Такой подход позволяет оценить не просто текущий уровень компетенций, но и динамику развития человека, наметить индивидуальный путь профессионального роста и создать среду, способствующую раскрытию его сильных сторон (Бородина Т.И., 2019).

Литература

1. Бородина Т.И. Диагностика личностно-профессиональной предрасположенности сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 2 (77). С. 186–194.
2. Вахнина В.В., Реутова В.И. Роль психодиагностики в прогнозировании профессиональной успешности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 158–171.
3. Маслова Ю.А., Реутова В.И. Социально-психологическая адаптация сотрудников, впервые поступивших на службу в органы и организации прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 5. С. 143–151.

Этические аспекты и границы компетенции пенитенциарного психолога при оказании первой психологической помощи осужденным в острых кризисных состояниях

Рожкова Т.А.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Деятельность психолога уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) проходит в условиях изоляции и жесткой формализации, что требует совмещать интересы личности с требованиями безопасности учреждения. В этом контексте первостепенное значение приобретает помощь осужденным, переживающим острый кризис.

Специфика работы пенитенциарного психолога заключается в том, что кризисное состояние осужденного необходимо рассматривать не только с позиции выраженности эмоциональных переживаний, но и с точки зрения возможных рисков для его жизни, здоровья и безопасности окружающих.

Исследования суицидального поведения в УИС подтверждают важность своевременного выявления рисков и помощи лицам в кризисе (Дебольский М.Г., Матвеева И.А., 2013). Следовательно, первая психологическая помощь в пенитенциарной системе носит не только поддерживающий, но и выраженный профилактический характер.

Помощь осужденному сопряжена с этическими противоречиями. Психолог должен обеспечить доверие и конфиденциальность, однако специфика пенитенциарной системы требует информировать администрацию при угрозе жизни и здоровью осужденного или других лиц. Следовательно, принцип конфиденциальности в работе пенитенциарного психолога не может рассматриваться вне контекста обеспечения безопасности.

Отдельной проблемой является принцип добровольности психологической помощи. Законодательство закрепляет ее добровольный характер, однако на практике психолог нередко сталкивается с осужденными в кризисном состоянии, отказывающимися от обращения за помощью. Вопросы добровольности и нормативного регулирования рассматривались в работах по совершенствованию правового обеспечения деятельности пенитенциарных психологов (Дебольский М.Г., 2010).

Деятельность психолога направлена на установление безопасного контакта, снижение эмоционального напряжения, выявление потребностей и ресурсов осужденного, оценку рисков и организацию дальнейшего сопровождения. При этом особое значение имеют профессиональные границы: психолог не должен подменять медицинскую или психиатрическую помощь психологическими методами, что обеспечивает качество и безопасность оказываемой помощи.

Эффективность психологической службы зависит от ее тесного взаимодействия с медицинскими, оперативными и воспитательными подразделениями при соблюдении этических норм обмена информацией. Как отмечает М.Г. Дебольский (2010), ключевые направления этой работы включают выявление рисков суицида и членовредительства, индивидуальную психокоррекцию и участие в разрешении конфликтов.

Таким образом, первая психологическая помощь в острых кризисных состояниях – самостоятельное направление работы пенитенциарного психолога, требующее баланса прав личности, конфиденциальности и безопасности. Совершенствование нормативно-методического обеспечения повысит качество этой помощи и снизит риски деструктивного поведения в учреждениях УИС.

Литература

1. Ажимов В.В., Ганишина И.С., Марьин М.И. Психологическая коррекция личностных особенностей наркозависимых осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы // Психология и право. 2023. Т. 13. № 4.
2. Дебольский М.Г. Психологическая служба федеральной службы исполнения наказаний как организационная система // Психология и право в современной России: Коченовские чтения. 2010.
3. Дебольский М.Г., Матвеева И.А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы // Психология и право. 2013. Т. 3. № 3.
4. Казберов П.Н. Содержательные аспекты психологической подготовки оперативных сотрудников ФСИН России к работе с осужденными за террористическую деятельность // Психология и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 70–82.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ. Ст. 12. Ч. 6.1.

Личностные предпосылки успешности профессиональной деятельности специалистов опасных профессий

Ростовцев Д.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)
Научный руководитель – Марьин М.И.

Профессии особого риска связаны с постоянным стрессом и угрозой для жизни и здоровья, требуют высокой ответственности, психологической устойчивости и сформированных профессиональных навыков, поскольку цена ошибки может быть непредсказуемой, а иногда и фатальной. Поэтому при профессиональном психологическом отборе специалистов на должности в профессиях особого риска учитывают их состояние здоровья, соответствия индивидуально-личностных качеств

требованиям профессиональной деятельности, ценностно-мотивационной направленности личности, различного рода компетенций, и, как показывают результаты многочисленных исследований, устанавливают, прежде всего, личностные предпосылки профессиональной успешности кандидатов на должности (Карпова Г.С., Черемисова И.В., Ковальчук И.А., 2021; Дворцова Е.В., Жданова М.Д., 2024). Несмотря на то, что эта тема является одной из ведущих в психологической науке, интерес к ней все еще растет, и особенно важно углубленное изучение индивидуально-психологических предикторов, обусловливающих профессиональную успешность специалистов в профессиях особого риска.

Данная работа затрагивает узкую сферу специалистов экстремальных профессий – монтажников-высотников, где зачастую на уровень развития необходимых профессионально-важных качеств и психоэмоциональное состояние в условиях выполнения профессиональных задач должного внимания не обращается.

Цель исследования: выявить личностные предпосылки успешности профессиональной деятельности специалистов особого риска (на примере монтажников-высотников).

Выборку исследования составили 15 специалистов опасной профессии (монтажники-высотники) мужского пола в возрасте от 22 до 55 лет (средний возраст – 35 лет).

Использовались следующие методики: авторская анкета оценки успешности профессиональной деятельности, опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) (Реан А.А., 1999), методика «Коммуникативные и организаторские склонности» В. В. Синявского, Б. А. Федоришина (КОС) (Федоришин Б.А., 1980), Многофакторный личностный опросник FPI (Крылов А.А, 1990).

В результате сравнительного анализа между группами монтажников-высотников с высоким и средним уровнем успешности профессиональной деятельности обнаружены статистически значимые различия по параметрам: «Организаторские способности», «Общительность», «Экстраверсия-интроверсия». Также было обнаружено различие на уровне статистической тенденции по параметру «Коммуникативные способности».

По результатам линейного регрессионного анализа было выявлено, что параметры «Организаторские способности» и «Общительность» являются положительными предикторами успешности профессиональной деятельности монтажников.

Таким образом, успешность профессиональной деятельности монтажников-высотников в значительной степени обусловлена такими личностными предпосылками как: коммуникативные и организаторские способности, общительность и экстраверсия.

Литература

1. Дворцова Е.В., Жданова М.Д. Профессионально важные качества как фактор профессиональной успешности сотрудников подразделения охраны труда // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 9 (147).
2. Карпова Г.С., Черемисова И.В., Ковальчук И.А. Особенности профессионально важных качеств руководителей исправительных учреждений // Психология и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 40–54.
3. Крылов А.А. Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. Ленинград: ЛГУ, 1990. 272 с.
4. Реан А.А. Психология изучения личности. Санкт-Петербург: Михайлов, 1999. 288 с.
5. Федоришин Б.А. Профконсультационная работа со старшеклассниками. Киев: Радянська школа, 1980. 160 с.

Профессиональная идентичность в контексте формирования правосознания курсантов образовательных организаций ФСИН России

Сазонова А.С., Черемисова И.В.

ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Современная профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) предполагает становление личности специалиста, способного осмысленно реализовывать профессиональную роль в системе нормативно регулируемых отношений. Специфика деятельности сотрудников обусловливает согласованность профессиональных решений с принципами законности, правами и законными интересами человека. В связи с этим особую значимость приобретает исследование психологических процессов, посредством которых содержание профессиональной подготовки преобразуется в личностно значимые ориентиры будущей профессиональной деятельности.

Одним из таких процессов выступает становление профессиональной идентичности. Л.Б. Шнейдер связывает профессиональную идентичность с осознанием человеком своей принадлежности к определенной профессиональной среде, формированием представлений о себе как о профессионале и принятием соответствующей позиции. (Шнейдер Л.Б., 2004).

Особенности формирования профессиональной идентичности сотрудников УИС связана с процессом профессионального становления личности, развитием профессиональной компетентности и профессиональной Я-концепции (Дежурова Е.В., 2017).

Не менее сложным психологическим образованием является правосознание. В концепции А.Р. Ратинова правосознание рассматривается как сфера психического отражения правовой действительности, включающая представления о праве,

оценочные отношения к правовым явлениям и связанные с ними регулятивные образования (Ратинов АВ., 1977). Такой подход позволяет рассматривать правосознание не как совокупность правовых знаний, а как систему психологического отношения личности к правовой действительности, определяющую характер восприятия и осмысления правовых требований.

Наиболее значимым этапом для организации психологического сопровождения, направленного на развитие правосознания личности, выступает образовательный процесс вуза (Черемисова И.В., 2022).

Сопоставление содержания профессиональной идентичности и правосознания позволяет обнаружить их взаимосвязь. Оба феномена связаны с процессами самоопределения, принятия нормативных ориентиров и регуляции поведения, но профессиональная идентичность характеризует отношение субъекта к себе как к професисоналу, а правосознание отражает отношение к праву и правовой действительности.

Особую значимость данное положение приобретает применительно к курсантам образовательных организаций ФСИН России. Период обучения является этапом освоения профессиональной роли и формирования личностного отношения к нормативным основаниям будущей деятельности. Поэтому важным становится вопрос, каким образом усвоенные курсантом правовые нормы соотносятся с формирующимся представлением о себе как о сотруднике УИС.

Изучение взаимосвязи особенностей профессиональной идентичности и структурных компонентов правосознания курсантов. позволит уточнить психологическое содержание процесса формирования правосознания и определить, каким образом профессиональное становление связано с развитием отношения личности к праву как основанию будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. Дежурова Е.В. К вопросу об особенностях формирования профессиональной идентичности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 151–155.
2. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы ее исследования // Методология и методы социальной психологии. Москва: Наука, 1977. С. 201–214.
3. Черемисова И.В. Личностные характеристики как составляющие правового сознания студента вуза // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 4. С. 641–647.
4. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учебное пособие. Москва: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 599 с.

Безопасность сотрудников органов внутренних дел в информационно-телекоммуникационном пространстве: психологические аспекты выявления преступных намерений

Сударик А.Н.[1], Томашевская Н.П.[2]

[1]АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского» (г. Москва, Россия)

[2]Тверской филиал ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Тверь, Россия)

В условиях тотальной цифровизации общества, когда различные сферы человеческой жизни переведены в цифровую плоскость, активизировались и вполне вольготно существуют в цифровой среде всевозможные мошенники. Проблема доверия и распознания преступных намерений в информационно-телекоммуникационном пространстве является как никогда очень важной и актуальной.

Действия, которые происходят в интернет-пространстве и направлены на обман граждан, можно квалифицировать как агрессивные. По меткому выражению С.Н. Ениколопова агрессия может быть и без насилия. В этом разница этих понятий, в особенностях их применения. При бездействии (отсутствие насилия) субъекта или неявном действии четкой направленности, но при внутреннем его желании нанести ущерб другой стороне – это не что иное, как агрессия (Ениколопов С.Н., 2022).

Мошеннические действия, направленные против граждан, затрагивают одну из базовых потребностей граждан – потребность в безопасности (защите), которую А. Маслоу относит к первичным потребностям человека (Сударик А. Н., Федотов С. Н., 2019). Чувствовать себя защищенным, избавиться от страха и неудач, от агрессивности – вот что движет человеком в повседневной жизни (Сударик А. Н., Здорова С. В., 2018).

Рассматривая проблему доверия, можно сказать, что страх, который возникает у человека, как реакция на агрессию, посягающую на базовую потребность в безопасности, у жертв мошенников вызывает блокировку элементов интеллектуально-познавательной и волевой сферы, что приводит к непоправимым последствиям, когда жертва начинает доверять агрессору, предложившему сценарий «спасения» ситуации и способ «достижения» желаемой безопасности (Сударик А. Н., Здорова С. В., 2018).

Способность человека противостоять манипуляциям мошенников затрагивает волевую сферу личности и относится к системе саморегуляции, т.е. к выработке таких механизмов, которые позволяют человеку распознавать обман, манипуляцию и осуществлять свою жизнедеятельность в условиях преступных намерений (Дерешко Б.Ю., Кубышко В.Л., Федотов А.Ю. и др., 2022).

Для сотрудников органов внутренних дел необходимо проводить регулярные консультационные и профилактические мероприятия с участием штатных психологов

для повышения их психо-эмоциональной устойчивости к мошенническим уловкам, всевозможным схемам обмана, манипуляциям (Петров В. Е. , Мальцева Т. В. , 2013).

Литература

1. Ениколопов С.Н. Психология зла: корни агрессии и пути её преодоления: лекция в университетском храме мученицы Татианы, 22 ноября 2022 г. URL: https://vk.com/video-1928540_456239221 (дата обращения: 28.09.2026).
2. Петров В.Е. Психологическое консультирование сотрудников органов внутренних дел: монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 168 с.
3. Развитие профессионального стиля саморегуляции у сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие / Б.Ю. Дерешко, В.Л. Кубышко, А.Ю. Федотов [и др.]. Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. 345 с. ISBN 978-5-9694-1157-9. EDN: WUNOXX.
4. Сударик А.Н. Психологическая защищенность личности в сфере высоких технологий // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: сборник научных трудов II Международной конференции, Москва, 06–07 июня 2018 года. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2018. С. 602–606. EDN: YKXXBR.
5. Сударик А.Н. Психологические предпосылки социальной незащищенности граждан в коммуникативной сфере при применении высоких технологий // Актуальные проблемы обеспечения кибербезопасности: Материалы Всероссийского Круглого стола, Москва, 15 февраля 2018 года. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2018. С. 316–320. EDN: YLOXMT.
6. Сударик А.Н. Психология мотивации и внимания: учебное пособие. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. 90 с. ISBN 978-5-9694-0767-1. EDN: QMQZTI.

Связь особенностей локуса контроля со стилем принятия решений у активных пользователей генеративного искусственного интеллекта

Теняев М.С., Дегтярёв А.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В условиях цифровизации всё большее значение приобретает изучение психологических особенностей принятия решений при взаимодействии с генеративным искусственным интеллектом (ИИ). Особый интерес представляет соотношение использования ИИ с локусом контроля и стилями принятия решений,

поскольку обращение к внешнему информационному ресурсу может быть связано с особенностями субъективного контроля и выбора стратегии принятия решений.

Цель исследования — изучить взаимосвязь особенностей локуса контроля и стилей принятия решений у активных пользователей генеративного ИИ. В исследовании приняли участие 49 человек в возрасте от 20 до 30 лет. Использовались методики диагностики локуса контроля и стилей принятия решений, а также авторская анкета, оценивающая особенности взаимодействия с генеративным ИИ. Для анализа применялись корреляционный и кластерный анализ.

В результате кластерного анализа на основе стандартизированных показателей и метода главных компонент были выделены два кластера: 29 человек (59,2%) и 20 человек (40,8%). Пять выделенных компонент объясняли около 85% общей дисперсии. Кластеры различались, в том числе, по уровню вовлечённости в использование генеративного ИИ.

При сравнении кластеров у группы с более высокой вовлечённостью в использование ИИ выявлены более высокие показатели экстернальности (13,17 против 8,75; t=-4,73; p=0,000021) и более низкие показатели интернальности (9,83 против 14,25; t=4,73; p=0,000021). Также у данной группы выше показатели зависимого (19,24 против 15,95; t=-3,34; p=0,001678) и избегающего (15,69 против 12,20; t=-2,83; p=0,006872) стилей принятия решений и ниже показатель спонтанного стиля (12,79 против 16,10; t=3,83; p=0,000378). Различия по рациональному (20,48 против 19,00; p=0,080) и интуитивному (17,45 против 19,00; p=0,152) стилям статистически значимыми не являлись. Уровень вовлечённости в использование ИИ также значимо различался между группами (33,79 против 23,00; t=-5,99; p <0,001).

Корреляционный анализ показал, что в группе с высокой вовлечённостью в использование ИИ рациональный стиль положительно связан с интернальностью (r_s=0,450) и отрицательно — с экстернальностью (r_s=-0,450). Вовлечённость в использование ИИ положительно связана с зависимым стилем принятия решений (r_s=0,423) и избегающим стилем (r_s=0,325). В группе с низкой вовлечённостью выявлена положительная связь спонтанного стиля с экстернальностью (r_s=0,590) и отрицательная — с интернальностью (r_s=-0,590).

Таким образом, основная гипотеза о наличии статистически значимой связи между особенностями локуса контроля и стилями принятия решений у пользователей генеративного ИИ получила частичное подтверждение. Полученные результаты указывают на связь характера использования ИИ с субъективным контролем и отдельными стратегиями принятия решений. Выявленные закономерности представляют интерес для юридической психологии в контексте изучения психологических факторов принятия решений при использовании цифровых информационных ресурсов, в том числе в профессиональной деятельности, связанной с высокой ответственностью за принимаемые решения.

Литература

1. Корнилова Т.В. Общие стили принятия решений: апробация русскоязычной модификации опросника GDMS // Психологический журнал.
2. AI-assisted decision making and cognition // Frontiers in Psychology. 2024.
3. Generative AI and cognitive decision-making processes // Frontiers in Psychology. 2024.
4. Gerlich M. AI tools in society: impacts on cognitive offloading and critical thinking // Societies. 2025. DOI: 10.3390/soc15010006.
5. Scott S.G., Bruce R.A. Decision-Making Style // Educational and Psychological Measurement. 1995.

Проблемы профилактики ПТСР у судей военных судов

Федорова Е.М.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Москва, Россия)

Профессиональная деятельность судьей относится к той сфере деятельности, которая связана с неблагоприятными и даже экстремальными условиями труда, большим объемом выполняемых функций, повышенным уровнем психологической напряженности, а в связи с этим – высоким риском профессионального выгорания, деструктивных психических состояний, психосоматических заболеваний. Особенно остро звучит эта тема в настоящее время, когда сотрудники судебных органов испытывают на себе негативное влияние не только факторов профессиональной деятельности, но и вызовов, кризисов, создаваемых современными социально-политическими реалиями. В данных условиях требуется особое внимание к психологическому обеспечению профессиональной деятельности судей военных судов, в том числе осуществляющих свою деятельность в близости или непосредственно в зонах ведения специальной военной операции (СВО).

Целью данной статьи является акцентирование внимания на необходимости глубокого научного изучения данной проблематики. К сожалению, исследования, основанные на сборе актуального эмпирического материала, статистики, беседах и тестировании военных судей, существенно ограничены закрытостью судейского профессионального сообщества, а также самой спецификой проблемы, связанной с условиями ведения специальной военной операции. Хотя нужно отметить, что в ряде правоохранительных структур эта проблематика активно исследуется и освещается в рамках психологических научных мероприятий (Каменев И.И., 2024).

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) является сложным психическим состоянием, возникающим в результате одного или неоднократно повторяющихся событий, оказывающих сильное негативное воздействие на психику индивида, часто, связанных с угрозой жизни или здоровью, «угрожающих физической целостности субъекта или других людей» (Бонкало Т.И., 2023). Такая психологическая

травма может быть вызвана, например, военными действиями, природными и техногенными катастрофами, террористическими актами и др.

Судьи военных судов осуществляют свою деятельность по отправлению правосудия касательно военнослужащих в тех аспектах, которые затрагивает военная служба. Они обязаны рассматривать материалы дела, нередко изучая фото- и видеокадры, имеющие психотравмирующий характер. И таких дел у каждого судьи военного суда, осуществляющего деятельность в рамках проведения СВО, может быть в производстве огромное количество. Кроме того, стоит отметить наличие непосредственной угрозы жизни и здоровью судей, а также членов их семей, при ударах БПЛА и иных ситуациях в условиях СВО.

Приходиться констатировать тот факт, что психологическое обеспечение профессиональной деятельности судей сконцентрировано, в основном, в направлении психодиагностики при отборе кандидатов на должность судьи, а психологической профилактике и коррекции психологами деструктивных психических состояний, обусловленных профессиональной деятельностью судей, в том числе военных судов, уделено недостаточное внимание (Федорова Е.М., 2023). В связи с этим проблемы научного исследования формирования и развития ПТСР у судей военных судов, оперативной психологической помощи, профилактики и коррекции ПТСР у судей требуют пристального внимания и научно-методической разработки.

Литература

1. Бонкало Т.И. Посттравматическое стрессовое расстройство: дайджест. Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. 28 с.
2. Каменев И.И. Психологическое сопровождение следствия в условиях проведения специальной военной операции: тезисы доклада // Психология и право в современной России. Коченовские чтения: программа Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием / под ред. А.А. Марголиса и др. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 60 с.
3. Федорова Е.М. Профилактика профессиональных деструкций работников судебной системы // Модели правосудия XXI века: теоретические и практические аспекты: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. за выпуск Е.В. Бурдина, Н.В. Головушкина. Москва: РГУП, 2023. С. 139–143.

Развитие социальной креативности как компонента социального интеллекта курсантов ФСИН России

Фещук Ю.И., Черемисова И.В.
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Современная профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы предполагает постоянное взаимодействие с различными категориями людей, необходимость учитывать особенности их поведения, быстро ориентироваться в изменяющихся социальных ситуациях и выбирать адекватные способы коммуникации. В связи с этим особую значимость приобретает развитие социального интеллекта курсантов образовательных организаций ФСИН России. Одним из перспективных направлений его развития выступает формирование социальной креативности.

В психологической науке социальный интеллект рассматривается как способность понимать социальные ситуации, прогнозировать поведение людей и эффективно действовать в системе межличностных отношений [1]. В исследованиях социального интеллекта подчеркивается его связь с процессами социального познания, адаптации и эффективного взаимодействия [1; 3].

Социальная креативность представляет собой способность личности находить нестандартные и конструктивные способы решения социальных задач, выстраивания взаимодействия и преодоления возникающих коммуникативных трудностей. Исследователи отмечают, что она включает когнитивные, мотивационные, коммуникативно-поведенческие и ценностно-смысловые характеристики [5]. При этом социальная креативность рассматривается как один из значимых компонентов социального интеллекта [2; 5].

Для курсантов ФСИН развитие социальной креативности имеет особое значение, поскольку профессиональные ситуации нередко характеризуются неопределенностью, необходимостью оперативного принятия решений и наличием различных форм межличностного напряжения. В таких условиях недостаточно только правильно распознавать социальную ситуацию: важно уметь генерировать несколько вариантов поведения, учитывать позицию другого человека, прогнозировать последствия собственных действий и выбирать конструктивную стратегию взаимодействия [4].

Образовательный процесс создает возможности для целенаправленного развития социальной креативности курсантов. Наиболее продуктивными представляются проблемные и ситуационные задания, анализ профессиональных кейсов, деловые и ролевые игры, групповые проекты, дискуссии и моделирование конфликтных ситуаций. Их применение позволяет сочетать развитие социального познания с практической отработкой способов взаимодействия.

Таким образом, социальную креативность целесообразно рассматривать как значимый компонент социального интеллекта курсантов ФСИН России,

обеспечивающий переход от понимания социальной ситуации к конструктивному преобразованию взаимодействия. Ее развитие в образовательном процессе может способствовать формированию способности курсантов гибко реагировать на сложные социальные ситуации, находить нестандартные решения и выбирать эффективные способы профессионального общения.

Литература

1. Люсин Д.В., Ушаков Д.В. Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. Москва: Институт психологии РАН, 2004. 174 с.
2. Мешкова Н.В. Социальная креативность и социальный контекст: перспективы исследования // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 1. С. 100–108. DOI: 10.17759/jmfp.2023120111.
3. Савенков А.И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 94–101.
4. Цуркан Н.В. Социальная креативность как фактор профессионального развития будущих психологов уголовно-исполнительной системы // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов V Всероссийского симпозиума. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 363–367.
5. Щепкина Н.К., Андрейченко А.О. Изучение структурных и содержательных особенностей социальной креативности студента // Вестник Амурского государственного университета. 2016. Вып. 72. С. 69–76.

Специфика организационной психологии в рамках государственной службы

Цуканова В.С., Помозова А.В.
Управление кадров прокуратуры города Москвы (г. Москва, Россия)

Психологическое обеспечение государственной службы обладает значимой составляющей, поскольку такая деятельность характеризуется существенной психоэмоциональной нагрузкой, высокой степенью личной ответственности, а также ненормированным рабочим графиком. Все это вызывает повышенные требования к физическим и психологическим возможностям государственного служащего, создавая необходимость своевременной психологической поддержки.

Также существенное влияние на функционирование органов власти оказывает кадровый потенциал, включая представителей молодого поколения, поступающих на государственную службу. Вместе с тем в настоящее время у них наблюдается преобладание мировоззрения, сформированного в контексте рыночных и потребительских отношений, при этом значимость духовно-нравственных ценностей зачастую игнорируется или вовсе утрачивается.

Данная тенденция порождает необходимость изменения управленческих компетенций руководителей для поиска способов выстраивания служебного процесса, который будет привносить вместе с эффективностью смысл выполняемой деятельности, взращивая таким образом значимость своей профессии не только в обществе, но и в глазах молодого госслужащего.

Отметим, что психологическое обеспечение служебной деятельности реализуется за счет мероприятий, направленных на профессиональный психологический отбор, сопровождение адаптации молодых специалистов, исследование морально-психологического климата, проведение индивидуального и группового консультирования, поддержание руководителей и проектирование управленческих стратегий с психологической точки зрения, а кроме этого – при помощи специализированных знаний, оказание содействия в решении производственных вопросов.

Однако воплощение таких мероприятий в государственных структурах сопряжено с определенными трудностями. Так, негативные стереотипы восприятия роли психолога обуславливают низкий уровень доверия, что снижает вовлеченность в психологические программы. А нормативно-правовая неопределенность ограничивает интеграцию психологической работы в управленческие процессы. Высокая служебная нагрузка препятствует системному сопровождению. Помимо этого, сами особенности служебной культуры характеризуются жесткой иерархичностью и формализацией коммуникации. А усугубляет разрешение подобных проблем разрыв между академическими подходами и практическими управленческими задачами, что в совокупности снижает общую результативность проводимых мероприятий.

С учетом изложенных моментов представляется целесообразным многофакторное развитие научно-методической базы организационной психологии применительно к специфике государственной службы.

Так, необходимо уделять особое внимание совершенствованию психологического инструментария, предназначенного для профессиональной оценки кандидатов на замещение должностей, учитывающего служебные требования, этические и правовые ограничения, а также критерии устойчивости к стрессу и склонности к профессиональной деформации. Разрабатывать типовые программы сопровождения, направленные на профилактику и преодоление карьерных кризисов с учетом особенностей государственной службы. Создавать научную базу материалов с практической ценностью по использованию психологических знаний в управленческих стратегиях.

Реализация перечисленных направлений будет способствовать трансформации восприятия роли психолога в государственных структурах и как следствие формировать ценный кадровый потенциал, способный эффективно справляться с трудностями, вкладывая смысл в реализуемую профессию.

На границе профессиональной нормы: следователь и преступник в сериале «Метод»

Щукина А.В.
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (г. Ярославль, Россия)

Профессиональная деятельность следователя предполагает не только владение правовыми и процессуальными инструментами ведения расследования, но и психологическим анализом личности преступника, позволяющим реконструировать мотивы и прогнозировать его поведение [Еникеев М.И., 2020]. Такая модель персонажа-борца с преступностью популярна в своем жанровом сегменте: «Метод Лавровой» (2011–2013), «Мосгаз» (2012-наст. вр.), «Трасса» (2024), где работа следователя измеряется не только способностью читать протоколы, а исследованием влечений и внутренних конфликтов преступника. В «Методе» (2015–2020, реж. Ю. Быков) эта модель достигает апогея: Родион Меглин (Константин Хабенский) строит расследование на предельном психологическом сближении с преступником, выводя свой метод за привычные границы правовой и процессуальной процедуры. Именно это противоречие между эффективностью и нормативностью определяет амбивалентность героя [Kjeldgaard-Christiansen J., 2017].

Профессиональный метод Меглина раскрывается уже в первом сезоне в расследовании «Липецкого душителя»: вместо последовательного анализа следов он моделирует поведение убийцы, восстанавливает круг его прежних обид и предполагает, какие девушки могли стать объектами мести. В четвертой серии этот принцип распространяется на работу с его стажером Есенией Стекловой (Паулина Андреева): Меглин намеренно предоставляет ей возможность самостоятельно выйти на убийцу и фактически подвергает стажера риску, превращая расследование в проверку профессиональной реакции. В шестой серии он представляет перед студентами в университете обнаженную девушку, чтобы проследить реакцию потенциального преступника и таким образом сузить круг подозреваемых [Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е., 1996]. В психиатрической клинике Бергича (Сергей Сосновский) Меглин рассчитывает обнаружить преступника через наблюдение за пациентами и понимание их психического состояния, а история его становления показывает, что такой способ работы сформировался под влиянием собственного опыта героя [Kjeldgaard-Christiansen J., 2017]. Поэтому психологическое моделирование преступника оказывается не отдельным профессиональным приемом, а частью личности самого следователя [Фуко М., 1999; Эриашвили Н.Д. и др., 2018]. В финале сезона после массовых убийств «Стрелка» Ануфриева (Алексей Серебряков) Меглин похищает его и, предвидя невозможность безопасного задержания в рамках обычной процедуры, самостоятельно решает судьбу преступника.

Так метод, первоначально служащий раскрытию преступлений, постепенно превращается в самостоятельную систему действий, существующую на границе профессиональной компетентности и институциональной нормы. Перспективным

направлением дальнейшего исследования является сопоставление Меглина с другими экранными образами правоохранителей для выявления трансформаций представлений о профессиональной норме, ответственности и допустимых границах следственной деятельности.

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. Москва: Юристъ, 1996. 336 с.
2. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 256 с.
3. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. Москва: Ad Marginem, 1999. 478 с.
4. Эриашвили Н.Д., Аминов И.И., Дедюхин К.Г. Психология профессиональной деятельности следователя: учебник. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 303 с.
5. Kjeldgaard-Christiansen J. The Bad Breaks of Walter White: An Evolutionary Approach to the Fictional Antihero // Evolutionary Studies in Imaginative Culture. 2017. Vol. 1. No. 1. P. 103–120.

Фильмография

1. Метод. Сезон 1 [телесериал]. Россия, 2015. 16 серий. Реж. Ю. Быков.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Профессиональные стандарты в сфере психологической деятельности: перспективы применения для юридических психологов

Богданович Н.В.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В современном обществе проблема девиантного поведения сохраняет высокую актуальность, однако создание профессионального стандарта специалиста-девиантолога или юридического психолога до настоящего времени не предпринималась. В связи с этим возникает вопрос: в какой мере данный пробел восполняется уже существующими профессиональными стандартами? Нами были проанализированы 15 стандартов, предусматривающих трудоустройство специалистов с образованием по направлениям «Психология» или «Психолого-педагогическое образование».

Анализ соотношения образовательных и профессиональных стандартов показывает, что оба специалитета — «Педагогика и психология девиантного поведения» и «Психология служебной деятельности» — содержательно ориентированы на проблематику отклоняющегося поведения.

Во всех профессиональных стандартах предусмотрено знание правовых норм, при этом объем и состав правовых знаний варьируется в зависимости от специализации.

В большинстве стандартов прослеживается тенденция к максимально широкому охвату контингента клиентов (за исключением стандартов, ориентированных на работу с персоналом организации). Ряд стандартов предполагает работу как с трудными жизненными ситуациями (ТЖС), так и юридически значимыми (ЮЗС) — в частности, «Педагог-психолог», «Специалист по реабилитационной работе», «Психолог в социальной сфере». Отдельные стандарты ориентированы преимущественно на ТЖС (например, «Психолог-консультант») или исключительно на ЮЗС (например, «Психолог в служебной деятельности»).

Как показал предшествующий анализ (Богданович, 2026), среди основных видов деятельности в профессиональных стандартах наибольшую частоту упоминания имеют психодиагностика, психологическое консультирование и развивающая работа (тренинги). С позиции юридической психологии существенно, что четвертое место по частоте делят психологическое просвещение и психокоррекция: именно последняя активно применяется в работе с девиантным поведением (Богданович, Делибалт 2024).

Показательно, что профилактика и реабилитация ни в одном из анализируемых стандартов не выделяются в качестве самостоятельного направления деятельности — в

отличие от психологического сопровождения. Это свидетельствует о том, что специалисты преимущественно выполняют прикладную роль.

Сочетание междисциплинарного и межведомственного взаимодействия — значимое для такого комплексного феномена, как преступность, — в наибольшей мере характерно для стандартов социальной сферы. Для стандартов сферы образования более типично междисциплинарное взаимодействие, тогда как стандарты в сфере обеспечения безопасности акцентируют межведомственное.

Таким образом, юридический психолог может осуществлять профессиональную деятельность в рамках большинства анализируемых стандартов. Наиболее профильными для данного специалиста представляются стандарты «Психолог в социальной сфере», «Специалист по реабилитационной работе…» (в части соответствующих трудовых функций), «Педагог-психолог» и «Психолог в служебной деятельности». Вместе с тем вопрос о разработке самостоятельного профессионального стандарта специалиста-девиантолога, ориентированного на работу как с клиентами, так и с персоналом, остается, на наш взгляд, актуальным. Также представляется необходимым усиление компетенций психологов в области работы с отклоняющимся поведением в программах подготовки специалистов, так как это заложено в требованиях к знаниям ряда действующих профессиональных стандартов.

Литература

1. Богданович Н.В. Анализ профессиональных стандартов: нормативная модель профессиональной деятельности психолога (часть 1) // Психология и право. 2026. Т. 16. № 3. С. 43–59. DOI: 10.17759/psylaw.2026160303.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярёв А.В. Тренинги офлайн или онлайн: тенденции в подготовке юридических психологов // Психология и право. 2022. Т. 12. № 2. С. 224–238. DOI: 10.17759/psylaw.2022120216.

Концептуальная модель практикума как средство формирования компетенций в области юридической психологии и психологии безопасности

Борисова С.Е.
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

В условиях развития высшего образования и стремления к использованию психологических закономерностей в общественной сфере особую роль играет подготовка научных и научно-педагогических кадров в адъюнктуре. Отдельной значимостью обладает выработка системного видения современного состояния и траекторий развития научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Несмотря на наличие ряда изданий (Еникеев М.И., 2001; Донцов А.И., Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю., Перелыгина Е.Б., 2019), констатируется недостаток

учебно-методических материалов, представляющих интерес в рамках реализации образовательного компонента программы адъюнктуры.

В связи с этим в Академии управления МВД России разработан практикум по учебной дисциплине «Юридическая психология и психология безопасности». Замысел практикума представлен как целостная пятиуровневая модель, через призму которой сконструированы задания, распределенные согласно матрице «темы – компетенции». Первый (методологический) уровень базируется на системном, деятельностном, компетентностном, проблемном и личностно-ориентированном подходах, конкретизируемых в цели, задачах и ожидаемых результатах. Второй (методический) уровень вбирает определенные принципы построения заданий. Так, в соответствии с принципом интегративности предполагается реализация разных типов научно-исследовательской деятельности, включая теоретическую проработку понятий, их эмпирическую операционализацию и выработку прикладных решений. Интегративность состоит в комплексном формировании составляющих компетенций: способности к научно-исследовательской деятельности, умения позиционировать ее результаты в научной коммуникации, готовности к разбору практико-ориентированных задач. Третий (инструментальный) уровень задает вектор использования новых и нешаблонных средств обучения, предусматривая вкрапление элементов медиадидактики; использование цифровых продуктов при выстраивании стендовых докладов; осмысление оригинального стимульного материала как одного из звеньев кейса; критическую оценку возможностей искусственного интеллекта при создании блок-схем и ментальных карт. Четвертый (содержательный) уровень детерминирован спецификой юридической психологии и психологии безопасности как динамично функционирующей отрасли научного знания. Например, в одном случае предписывается сопоставление ключевых понятий правовой психологии, в другом – соотнесение поведения сторон с принципами гражданского процесса, в следующем – описание психологических механизмов чрезвычайных ситуаций. Здесь выдерживается мультипрофессиональный взгляд на широкий спектр актуальных вопросов, сравнивается их смысловое наполнение с положениями нормативных правовых актов, учитываются управленческие аспекты в деятельности органов внутренних дел (в пределах феноменологии научной специальности). Пятый (структурный) уровень проявляется в сбалансированности и разнотипности учебных заданий, а, кроме того, наличии продуманных критериев оценивания, среди которых фигурирует методологическая обоснованность, научно-понятийная корректность и глубина психологического анализа, осуществленного обучающимися.

В заключение отметим, что, представленная концептуальная модель практикума относится к истокам подобных разработок и требует дальнейшей перспективной апробации.

Литература

1. Еникеев М.И. Практикум по юридической психологии: учебное пособие для юридических вузов и факультетов. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. 585 с.

2. Психологическая безопасность личности: учебник и практикум для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А.И. Донцов, Ю.П. Зинченко, О.Ю. Зотова, Е.Б. Перелыгина. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Психолингвистические особенности инструкций в электронном тестировании как фактор когнитивной нагрузки обучающихся

Матвеев М.О.[1], Матвеева Е.А.[2]

[1]ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (г. Москва, Россия)

[2]ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (г. Москва, Россия)

Электронное тестирование обычно рассматривается как нейтральный способ предъявления заданий, однако результат выполнения зависит не только от уровня проверяемой компетенции. До начала решения обучающийся должен интерпретировать инструкцию, соотнести ее с элементами интерфейса, построить план действий и удерживать ограничения задания в рабочей памяти. Поэтому лингвистически сложная или прагматически неопределенная инструкция способна создавать дополнительную нагрузку, не связанную с содержанием измеряемого конструкта. При подготовке специалистов-психологов для юридической сферы это повышает риск неверной интерпретации ошибок и снижает валидность оценивания.

В теории когнитивной нагрузки ограниченность рабочей памяти рассматривается как один из ключевых факторов эффективности обучения и выполнения задач (Sweller J., Ayres P., Kalyuga S., 2011). При работе с процедурной инструкцией чтение чередуется с планированием, выполнением и контролем действий; качество документа влияет на координацию этих процессов (Ganier F., 2004). Следовательно, инструкция электронного теста должна анализироваться не как внешний комментарий к заданию, а как функциональная часть диагностической процедуры.

Для психолингвистической оценки предлагается учитывать пять взаимосвязанных параметров. Лексическая доступность предполагает употребление знакомых терминов и стабильных обозначений элементов интерфейса. Синтаксическая прозрачность определяется длиной и структурой предложения, количеством вложенных конструкций, отрицаний и разнесенных компонентов условия. Прагматическая определенность отражает однозначность требуемого действия и критериев ответа. Последовательная организованность характеризует совпадение порядка языковых предписаний с порядком операций пользователя. Интерфейсная согласованность означает соответствие формулировок видимым кнопкам, полям, пиктограммам и состояниям системы. Нарушение любого параметра вынуждает тестируемого выполнять дополнительные операции поиска, удержания и переинтерпретации информации.

Особенно рискованны инструкции, объединяющие несколько действий; содержащие двойное отрицание; использующие разные названия одного объекта; отсылающие к неочевидному элементу словами «здесь», «ниже», «соответствующий»; либо сообщающие ограничение после описания действия. В таких случаях ошибка может быть следствием не дефицита предметного знания, а конкуренции между пониманием текста, навигацией по интерфейсу и выполнением задания.

Практическая проверка качества инструкции должна включать экспертный лингвистический анализ, когнитивное интервью с представителями целевой группы и пилотное сопоставление эквивалентных вариантов формулировки. Показателями могут выступать время перехода к действию, число возвратов к инструкции, запросы разъяснения, ошибки формата ответа и субъективная оценка умственного усилия. Целесообразно отдельно фиксировать предметные ошибки и ошибки, обусловленные пониманием процедуры.

Таким образом, психолингвистическое проектирование инструкций является условием справедливого электронного оценивания. Стандартизация терминологии, сегментация действий, прямой порядок предписаний и согласование текста с интерфейсом позволяют уменьшить постороннюю когнитивную нагрузку и точнее интерпретировать результат теста. Перспективой исследования является экспериментальная проверка предложенных параметров на материале профессионально ориентированных электронных тестов.

Литература

1. Ganier F. Factors Affecting the Processing of Procedural Instructions: Implications for Document Design // IEEE Transactions on Professional Communication. 2004. Vol. 47. No. 1. P. 15–26.
2. Sweller J., Ayres P., Kalyuga S. Cognitive Load Theory. New York: Springer, 2011.

Толерантность к неопределенности у студентов: краткий обзор исследований

Молгачева В.С., Щёткина Е.И.
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(г. Москва, Россия)

В условиях социальной нестабильности современного мира существенно повышается роль личностных ресурсов человека, позволяющих успешно справляться с вызовами неопределенности и решением разнообразных жизненных и профессиональных проблем. В свою очередь, юноши и девушки, являющиеся студентами, помимо задач, связанных с изучением норм и содержанием будущей профессиональной деятельности, также сталкиваются с необходимостью решения разнообразных повседневных социальных проблем, сохраняя при этом свою работоспособность, поддерживая психологическое благополучие и позитивные

смыслы своего труда (Сачкова М.Е., Семенова Л.Э., 2024). Толерантность к неопределенности позволяет регулировать собственное психоэмоциональное состояние, переживать и выносить тревогу и неопределенность относительно будущего, оставаться способным «продуктивно действовать в незнакомой обстановке», несмотря на ее сложность и новизну (Солдатова Г.У., 2008). Под толерантностью к неопределенности понимается устойчивость к действию неясных обстоятельств, сочетание когнитивных способностей, позволяющих компенсировать неопределенность, способность снять тревожность по отношению к неопределенным ситуациям и воспринимать их хоть и как трудные, но не психотравмирующие (Карпов А.В., 2006).

Ряд исследований показал, что толерантность к неопределенности имеет положительную связь с психологической адаптацией человека в разных ситуациях (Мухина С.Е., Князева Ю.С., 2021; Ковалева М.Е., Булыгина В.Г., Носс И.Н., Кабанова Т.Н., 2019) и личностной зрелостью (Горских А.Г., Дмитриева Ю.А., 2024). Это позволяет предположить возможность более успешной психологической адаптации к жизненным, учебным и профессиональным изменениям и задачам, активно встающим в период позднего юношества и ранней взрослости, у студентов с более высоким уровнем толерантности к неопределенности. Сумишина И.В. также подтверждает в своем исследовании положительную связь толерантности к неопределенности и готовности к возрастно-временным изменениям у студентов (Сумишина И.В., 2026). Отрицательная связь была установлена с высоким уровнем личностной тревожности (Меньшикова Л.В., Лазюк И.В., 2020; Иванова А.О., Завязкина К.В. 2025). С этими результатами согласуется интересная взаимосвязь интолерантности к неопределенности и суеверности у студентов: чем выше нетерпимость к неопределенности в какой-то ситуации, чем выше тревожность, тем чаще человек прибегает к суеверным ритуалам (Сачкова М.Е., Семенова Л.Э., 2024). Также стоит упомянуть, что значительное число научных исследований посвящено связи толерантности к неопределенности и жизнестойкости у студентов разных специальностей. В большинстве работ была подтверждена положительная связь данных характеристик (Персиянцева С.В., Артеменков С.Л., 2023).

Толерантность к неопределенности является значимым фактором готовности студентов к изменениям в их учебно-профессиональной деятельности, к новым формам обучения (например, цифровизации). Вместе с тем при традиционном обучении студенты с высокой толерантностью к неопределенности могут относиться к нему как к не отвечающему их потребностям (Павлова Е.В., Чупряева Н.П., 2020).

Одно из исследований, проведенных с участием представителей творческих профессий, показало, что существует связь толерантности к неопределенности и креативности, опосредованная интуитивным стилем, и самооценкой креативности (Павлова Е.М., Корнилова Т.В., 2019). Интересны выводы об устойчивости толерантности к неопределенности и возможностям ее развития у студентов. В исследовании Меньшиковой Л.В. и Лазюк И.В. отмечается, что толерантность к неопределенности устойчива, но может поддаваться развитию через тренинг: прежде

всего у тех, кто обладает низким уровнем толерантности. Таким образом, отмечалось, что уровень толерантности к неопределенности связан с креативностью (чем выше креативность, тем выше толерантность к неопределенности), а после проведения тренинга интеграция между ними возрастает, связь становится более тесной (Меньшикова Л.В., Лазюк И.В., 2020).

Таким образом, на основе краткого обзора можно прийти к выводу, что толерантность к неопределенности является одним из адаптивных ресурсов личности, помогающих в период студенчества адаптироваться к изменениям, справляться с трудностями и задачами, встающими перед человеком в период ранней взрослости, сохраняя при этом психологическое благополучие. В будущем исследовании планируем раскрыть вопросы связи толерантности к неопределенности, готовности к изменениям и специфики профессионального саморазвития у студентов – будущих психологов.

Литература

1. Горских А.Г., Дмитриева Ю.А. Личностный выбор, толерантность к неопределенности и отношение к глобальным рискам как предикторы личностной зрелости студентов // Психология. Психофизиология. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnyy-vybor-tolerantnost-k-neopredelennosti-i-otnoshenie-k-globalnym-riskam-kak-prediktory-lichnostnoy-zrelosti-studentov (дата обращения: 17.09.2026).
2. Иванова А.О., Завязкина К.В. Коррекция тревожности и страхов студентов колледжа и вуза при помощи технологий виртуальной реальности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 2. С. 138–153. DOI: 10.17759/epps.2025020208.
3. Карпов А.В. Психология менеджмента: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Гардарики, 2006. 582 с.
4. Ковалева М.Е., Булыгина В.Г., Носс И.Н., Кабанова Т.Н. Влияние толерантности к неопределенности на психическую адаптацию военнослужащих // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 145–161. DOI: 10.17759/exppsy.2019120211.
5. Меньшикова Л.В., Лазюк И.В. Толерантность к неопределенности у студентов вуза и ее развитие в современной информационной среде // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: материалы ежегодной международной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2020 г.). Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 452–458.
6. Мухина С.Е., Князева Ю.С. Толерантность к ситуации неопределенности как условие социально-психологической адаптации взрослых // Развитие человека в современном мире. 2021. № 1. С. 55–68.
7. Павлова Е.В., Чупряева Н.П. Толерантность к неопределенности как предиктор готовности студентов к цифровизации образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-k-

neopredelennosti-kak-prediktor-gotovnosti-studentov-k-tsifrovizatsii-obrazovaniya (дата обращения: 24.09.2026).

8. Павлова Е.М., Корнилова Т.В. Триада «толерантность к неопределенности – эмоциональный интеллект – интуитивный стиль» и самооценка креативности у лиц творческих профессий // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11. № 1. С. 107–117. DOI: 10.17759/psyedu.2019110109.
9. Персиянцева С.В., Артеменков С.Л. Исследование связи личностного ресурса и психологического благополучия студентов на начальном этапе обучения в вузе // Моделирование и анализ данных. 2023. Т. 13. № 4. С. 23–44. DOI: 10.17759/mda.2023130402.
10. Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Толерантность к неопределенности и суеверность как личностные ресурсы решения социальных проблем учащейся молодежью // Психолого-педагогические исследования. 2024. Т. 16. № 1. С. 3–20. DOI: 10.17759/psyedu.2024160101.
11. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Психодиагностика толерантности личности. Москва: Смысл, 2008. 172 с.
12. Сумишина И.В. Исследование готовности к возрастным изменениям в связи с личностными особенностями студентов: магистерская диссертация. Екатеринбург, 2026. 90 с.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

А

Александров Б.В. 219
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Алексеева А.А. 110
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Алексеева А.Е. 70
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Алексеева Н.В. 72
ГБКУЗ ЯО «Ярославская областная психиатрическая больница» (г. Ярославль, Россия)

Алигаева Н.Н. 14
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Андреева А.В. 231
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Андрианов М.С. 74
НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Артамонова Е.Э. 111
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Артюхова А.С. 232
ГКУ СО КК «Апшеронский СРЦН» (г. Апшеронск, Россия)

Афонин Д.Н. 75
Санкт-Петербургский филиал ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Б

Бадмаева В.Д. 56
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Баринова О.А. 199
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Белоногова Е.В. 234
Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности» (г. Кемерово, Россия)

Богатина А.А. **200**
Государственное казенное специальное учебно-воспитательное общеобразовательное учреждение закрытого типа «Республиканская специальная общеобразовательная школа имени Н.А. Галлямова» (г. Казань, Россия)

Богданович Н.В. **119**, **298**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бойкина Е.Э. **191**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бойко О.М. **22**, **23**
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Борисова С.Е. **299**
ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Бородина Л.Г. **15**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Бусарова О.Р. **155**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

В

Вартанян Г.А. **202**
ФКУ ИК-7 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (г. Санкт-Петербург, Россия)
ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Васильева И.В. **255**
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень, Россия)
ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России» (г. Тюмень, Россия)

Вахитов И.Г. **113**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Вахнина В.В. **256**
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Великодворская Е.В. **202**
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Веричева Я.И. **258**
ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (г. Кострома, Россия)

Ветров В.В. **170**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Винокурова Г.А. 245
ГБОУ «Школа № 2070» (г. Москва, Россия)

Власова Н.В. 33, 44
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Волошин И.С. 260
АНО ДПО «КУПНО» (г. Нижний Новгород, Россия)

Воробьёва К.А. 17
Институт психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (г. Москва, Россия)

Воронцова О.Ю. 22, 23
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Г

Галеева Д.Р. 114
Институт психологии и образования ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия)

Галкина Н.В. 236
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (г. Пермь, Россия)

Гарифуллина А.М. 114
Институт психологии и образования ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия)

Глазкова Д.А. 238
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Горемыкина А.А. 262
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Грачева В.В. 116
АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (г. Москва, Россия)

Гребень Н.Ф. 118
ГУ «Республиканский научно-практический центр психического здоровья» (г. Минск, Республика Беларусь)

Гурина О.Д. 103, 238
ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Д

Данилова Д.В. 72
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (г. Ярославль, Россия)

Дасевич С.Г. **77**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дворянчиков Н.В. **81**, **102**, **119**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дворянчикова К.Н. **263**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дебольский М.Г. **221**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дегтярёв А.В. **289**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Делибалт В.В. **119**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Демина А.В. **171**
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Денисов Е.В. **18**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Деулин Д.В. **78**, **80**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дозорцева Е.Г. **119**, **122**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Дорджиева У.Е. **26**
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Дуденкова Е.А. **70**, **81**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Душкин А.С. **266**
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Е

Евдакова Е.С. **20**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Елсукова О.М. **246**
Клуб выпускников ВП МГППУ (г. Москва, Россия)

Ениколопов С.Н. **22**, **23**
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Ефимова И.В. **124**
НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Ж

Желонкина Н.А. **24**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Жердева А.А. **267**
Академия психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Жильцова Ю.В. **179**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Жукова А.А. **204**
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Жукова-Валиковская С.В. **83**
ГБУ ЦРИ «Царицыно» (г. Москва, Россия)

З

Зайцева Е.А. **269**
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Волгоград, Россия)

Зайцева К.О. **26**
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Замышевская Е.А. **125**
ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования» (г. Нижний Новгород, Россия)

Занина Л.Н. **127**
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Зейгер М.В. **28**
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Зинатуллина А.М. **154**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Злоказов К.В. **85**
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

И

Иванова О.И. **129**
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)

Измайлова Е.В. **173**
ФГБПОУ «Орловское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» (г. Киров, Россия)

Изюмов А.С. **206**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Ильин И.Е. **216**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Ильина М.В. **239**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Исаева А.И. **86**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

К

Кадочникова И.В. **207**, **209**
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Казанбаев Б.А. **211**
ГСИН при Кабинете министров Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызстан)

Калашникова А.С. **30**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Калашникова М.М. **270**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Калашникова Т.В. **212**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Камалов М.С. **130**
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ» (г. Казань, Россия)

Каменев И.И. **108**
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)
Следственный комитет Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Кастальская-Бороздина А.А. **132**
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Кириченко А.П. **175**
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Климова О.А. **133**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ковалева С.В. **88**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Ковалевская Е.В. **176**
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Козлова О.М. **90**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Козырева И.Е. **92**
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (г. Уфа, Россия)

Козырева П.А. **135**
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет» (г. Москва, Россия)

Колобова П.Н. **32**
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет» Минздрава России (г. Барнаул, Россия)

Кольцов М.Е. **214**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Кондюрина М.Р. **33**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Коноплева И.Н. **35**, **275**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Корнилова И.Г. **93**
ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Корышева С.Е. **216**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Косарева В.Д. **272**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Кочеткова Т.Н. **95**
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Крицкая Э.И. **35**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кудренко Н.Н. **178**
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Кузнецов М.И. **227**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Кузнецова Е.О. **96**
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кузнецова Е.С. **218**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Кузнецова С.О. **23**
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Кулагина О.А. **17**
Институт психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (г. Москва, Россия)

Кулакова К.И. **179**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Куликов А.В. **274**
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Москва, Россия)

Куликова Н.С. **242**
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия)

Кулькова Ж.Г. **37**, **181**
МАУ ДПО «Челябинский институт просвещения» (г. Челябинск, Россия)
Центр психологической диагностики и консультирования (г. Челябинск, Россия)

Куприянова Е.А. **194**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Купцова Д.М. **64**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Кыштымова И.М. **166**
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск, Россия)

Л

Лазарев А.И. **37**
Уральский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Челябинск, Россия)

Ларичева Е.А. **137**
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (г. Тула, Россия)

Липова В.А. **138**, **140**
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Лисютина М.С. 275
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

М

Мазур Е.А. 209
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Макаров Д.А. 18
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Максимова А.А. 142
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Малютин И.П. 243
ГАОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан» (г. Уфа, Россия)

Матвеев М.О. 301
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (г. Москва, Россия)

Матвеева Е.А. 301
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (г. Москва, Россия)

Медведева Т.И. 22, 23
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

Мейер Ю.А. 219
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Мельникова Д.В. 221
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Мешкова Н.В. 99
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Миловзоров С.Ю. 143
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Миттеран Ю.В. 245
ГБОУ «Школа № 2070» (г. Москва, Россия)

Мокшев Д.П. 39
ГБОУ «Курганская областная школа дистанционного обучения» (г. Курган, Россия)

Молгачева В.С. 302
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Молотова В.В. **32**, **41**
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный медицинский университет» Минздрава России (г. Барнаул, Россия)

Морозов А.В. **145**, **211**
ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России» (г. Москва, Россия)

Морозова М.В. **53**
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Н

Налетова Д.А. **147**
АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» (г. Москва, Россия)

Насонова Д.В. **149**
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Небытов К.В. **100**
НП «Центр правовой помощи и независимых экспертиз «Надежда» (г. Ставрополь, Россия)

Никишина Ю.М. **150**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Николаева Н.В. **42**
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (г. Москва, Россия)

Новикова Е.Р. **183**
Московская коллегия адвокатов «Швырёва и партнёры» (г. Москва, Россия)

Новоселова Е.С. **207**
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Ноздрачев Д.И. **18**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

О

Олейчик М.И. **22**
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (г. Москва, Россия)

П

Пахмутова У.А. **102**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Пашаева Т.Ф. **44**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Паянова А.С. **46**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Переправина Ю.О. **24**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Першин Я.А. **48**
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)

Петров В.Е. **185**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Петрова С.О. **152**
МБОУ «Бердигестяхская средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов имени А. Осипова» (с. Бердигестях, Россия)

Печенина Е.Л. **37**
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (г. Челябинск, Россия)

Пешкова Н.В. **49**, **164**
Центр психологического развития «ПРОактивность» (г. Реутов, Россия)

Пимонов В.А. **133**, **277**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Питерова М.С. **221**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Погодина А.Ю. **130**
ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ» (г. Казань, Россия)

Политова Е.С. **154**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Полянский А.И. **26**
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Помозова А.В. **294**
Управление кадров прокуратуры города Москвы (г. Москва, Россия)

Попова Е.А. **155**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Премудрова И.В. **157**
Экспертная организация «Воронежский центр медицинских экспертиз» (г. Воронеж, Россия)

Прозоров А.П. **92**
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (г. Уфа, Россия)

Протасова А.И. **279**
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Нижний Новгород, Россия)

Путинцева Н.В. **245**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Пшеницына М.Б. **186**
АНО ДПО «Центр антикризисной психологической подготовки и психологической помощи «Гагара» (г. Москва, Россия)

Р

Ральникова И.А. **225**
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул, Россия)

Рахимова И.И. **159**
Национальный исследовательский университет «Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства» (г. Ташкент, Узбекистан)

Ремеева А.Ф. **142**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Реутова В.И. **281**
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (г. Москва, Россия)

Рожкова Т.А. **283**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Романов А.И. **188**
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (г. Москва, Россия)

Романова Л.В. **224**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Ростовцев Д.А. **284**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Рудалева М.А. **161**
ГБУ ВО «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей» (г. Воронеж, Россия)

Русаковская О.А. **20**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Рябова Е.В. **242**
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева» (г. Саранск, Россия)

С

Савина К.Д. **103**
ГБУ г. Москвы «Московский исследовательский центр» (г. Москва, Россия)

Савченко Д.В. **51**
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (г. Москва, Россия)

Сазонова А.С. **286**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Сафуанов Ф.С. **53**, **54**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Свешникова А.А. **56**
ОГБУЗ «Костромская областная психиатрическая больница» (г. Кострома, Россия)

Свободный Б.Ф. **58**
Западное межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Свободный Ф.К. **58**
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева» (г. Москва, Россия)

Семенова-Полях Г.Г. **105**
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия)

Сечко А.В. **59**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Скоморовская Е.Е. **61**
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Соболева Н.А. **246**
Клуб выпускников ВП МГППУ (г. Москва, Россия)

Солдатова К.М. **63**
ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (г. Москва, Россия)

Сорокина К.И. **59**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Степанова П.Е. **225**
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул, Россия)

Сударик А.Н. **288**
АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского» (г. Москва, Россия)

Сырейщикова Я.С. **248**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Т

Талашкевич В.Д. **105**
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, Россия)

Теняев М.С. **289**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Тихонова С.С. **255**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Токарева М.И. **107**
Школа права и управления ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень, Россия)

Томашевская Н.П. **288**
Тверской филиал ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Тверь, Россия)

Трубина К.В. **249**
Частнопрактикующий психолог (г. Чебаркуль, Россия)

Трубицына И.Н. **162**
ГОБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «СемьЯ» (г. Липецк, Россия)

Туркин А.И. **189**
Региональное потребительское общество «Крым» (г. Севастополь, Россия)
АНО ДПО «Центр антикризисной психологической подготовки и психологической помощи «Гагара» (г. Москва, Россия)

У

Ударцева В.К. **108**
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)

Улендеева Н.И. **227**
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Самара, Россия)

Усова О.В. **49**, **164**
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Россия)

Усолкина Е.С. **166**
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск, Россия)

Ушакова П.Э. **64**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Ушков Ф.И. **61**, **140**, **199**, **272**
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва, Россия)
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Ф

Федорова Е.М. **274**, **291**
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» (г. Москва, Россия)

Федун И.Д. **88**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Фещук Ю.И. **293**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Фомина Т.В. **191**
ФГБПОУ «Ишимбайское специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа» (г. Ишимбай, Россия)

Ц

Цуканова В.С. **294**
Управление кадров прокуратуры города Москвы (г. Москва, Россия)

Ч

Чевер С.С. **193**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Черемисова И.В. **214**, **286**, **293**
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Рязань, Россия)

Чернушевич В.А. **194**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Чуманова Д.С. **66**
ООО «Научно-исследовательский центр психологии развития «КРЫЛЬЯ»;
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (г. Тюмень, Россия)

Ш

Шалик И.А. **228**
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Минск, Республика Беларусь)
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шало В. **113**
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия)

Швырёва Н.В. **196**
Московская коллегия адвокатов «Швырёва и партнёры» (г. Москва, Россия)

Шевень А.А. **251**
Общероссийская общественная организация по поддержке семьи «Союз семей России» (г. Сочи, Россия)

Шипитько О.Ю. **96**, **267**
Академия психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Шипшин С.С. **68**
ФБУ «Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Шпагина Е.М. **167**
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет» (г. Москва, Россия)
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Шульга Т.И. **129**, **188**
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (г. Москва, Россия)

Шустиков И.А. **78**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Щ

Щапова Т.А. **48**
ФБУ «Уральский региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации» (г. Екатеринбург, Россия)

Щёткина Е.И. **302**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Щукина А.В. **296**
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (г. Ярославль, Россия)

Я

Ярмонова Е.Н. **253**
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (г. Москва, Россия)

Психология и право в современной России. Коченовские чтения
Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием

Дизайнер – *В.В. Делибалт*
Компьютерная верстка – *Е.Э. Бойкина, О.Д. Гурина*

Подписано в печать: 10.11.26. Формат: 60x84/16.
Гарнитура «Times». Усл. печ.п. 18,8. Усл.-изд. л. 19,2.
Электронное издание. Печать по требованию.

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29

САЙТ КОНФЕРЕНЦИИ

https://thekochenovconf.mgppu.ru/

КАНАЛ КОНФЕРЕНЦИИ В МАКС

https://max.ru/thekochenovconf

ГРУППА КОНФЕРЕНЦИИ ВКОНТАКТЕ

https://vk.com/the_kochenov_conference

E-MAIL ОРГКОМИТЕТА

confjp@yandex.ru

САЙТ ФАКУЛЬТЕТА «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

http://www.jp.mgppu.ru/

СТРАНИЦА ФАКУЛЬТЕТА НА САЙТЕ МГППУ

https://mgppu.ru/project/83

ГРУППА «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ» ВКОНТАКТЕ

https://vk.com/up_mgppu

САЙТ МГППУ

https://mgppu.ru/

КАНАЛ МГППУ ВКОНТАКТЕ

https://vk.com/mgppu_official

12-14 ноября 2026

Сохраняем традиции. Развиваем науку
Создаем технологии. Совершенствуем практику